

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО МИРА

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СТРАН
АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

27–28 сентября 2010 года

УДК 640.53/54
ББК 63.3(0)62-37

Рецензенты:

Горбачкий А.А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории славянских народов УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»;

Шевчук И.И., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории славянских народов УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».

В 76 Вторая мировая война и послевоенное устройство мира: материалы Международной научной конференции, посвящённой 65-летию победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне; Брест, 27–28 сентября 2010 г. / Ред. Мощук А.В., Стрелец М.В., Баюра А.Н., Ковалёва Н.Н., Малькина Л.Ю., Лисовская Т.В. – Брест: БрГТУ, 2010.

ISBN 978-985-493-176-0

В сборник вошли материалы Международной научной конференции, посвящённой 65-летию победы стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне (27-28 сентября 2010 года), организованной на базе кафедры социально-политических и исторических наук Учреждения образования «Брестский государственный технический университет».

Опубликованные материалы могут представлять интерес для преподавателей, студентов и всех, кто изучает и интересуется историей Второй мировой войны и послевоенного мироустройства. Они могут быть использованы при разработке проблем истории Беларуси новейшего времени, при организации учебного процесса, воспитательных мероприятий и информационно-пропагандистской работе.

УДК 640.53/54
ББК 63.3(0)62-37

ISBN 978-985-493-176-0

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СССР НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Азаров В.С.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Со времени распада общественной системы так называемого «реального социализма» прошло уже два десятилетия. Тем не менее, до сих пор экономическая теория не дала четкого ответа на вопросы о том, что представляла советская модель экономики, каковы причины возникновения деформаций в системе общественных отношений, сложившихся в СССР в 30-е годы и наложивших свой отпечаток на всё последующее развитие. Без научной оценки и понимания того, что же представляла собой общественная система в экономическом отношении, не только невозможно преодоление ее «родимых пятен», но и крайне затруднено успешное осуществление реформ современного переходного периода в странах бывшего СССР.

Понятие «административная система», на наш взгляд, наиболее полно выражает характерные особенности советской модели экономики накануне Второй мировой войны.

Одним из наиболее распространенных в публикациях предстает мнение, согласно которому административно-приказные методы хозяйственного управления были совершенно необходимым инструментом решения задач ускоренной индустриализации, строжайшей централизации ресурсов и мобилизации для этого экстенсивных источников экономического роста.

Однако то, что какие-либо методы хозяйственного руководства оказались пригодными для достижения определенной цели, ещё не объясняет закономерности их появления. Цель данной статьи в исследовании связи между экономической моделью советского общества 1930-х годов и социально-классовой базой «административной системы».

Экономика СССР в конце 20-х годов была многоукладной при абсолютном преобладании мелкотоварного и полупатриархального земледелия. В реальной действительности насчитывалось несколько миллионов наполовину деклассированных в результате мировой и гражданской войн работников государственных предприятий и более ста миллионов крестьян, вовсе не собиравшихся строить социализм. Исходя из этого, Ленин сделал вывод, что «экономической базы для социализма у нас еще нет» [1, с. 213, 385].

В ленинской концепции строительства социализма в России ставка делалась на то, что необходимые социально-экономические предпосылки, даваемые капиталистическим развитием, можно было достичь не только до, но и в результате социалистической революции. Именно это приводило к выводу о том, что государственный капитализм является шагом вперед по сравнению со сложившимся тогда экономическим строем [2, с. 93–94].

Однако реализация такого подхода оказалась делом не только непростым, но и весьма проблематичным. Ленин считал главной опасностью ориентацию на капиталистическое перерождение Советской власти, которая заключалась в нэпе, хотя по всей видимости, ошибался, поскольку главная опасность возникла с другой стороны. Бюрократическая деформация Советской власти стала благодатной почвой для бюрократического произвола, создавала возможность отрыва политической власти от рабочего класса. Ускороенно миновать переход от мелкого производства через госкапитализм к социализму оказалось не осуществимым.

Трагедия социалистического строительства в СССР заключалась в том, что целостная система социалистических общественных отношений не могла быть создана без реализации концепции движения к социализму через государственный капитализм.

Внутренний кризис нэпа, связанный с необходимостью резкого повышения удельного веса промышленности, а вместе с этим и роста хлебозаготовок при сокращении численности сельского населения, вылился в «административную систему». Реакция на экономические противоречия нэпа, связанные с расширением частного капитала и его попытками влиять на государственную власть, оказалась основанной не столько на борьбе за экономическое укрепление и совершенствование соцсектора, сколько на «административном» зажиме капитала. Успехи социалистического сектора оценивались не по более эффективной его работе по сравнению с предприятиями госкапитализма, а по вытеснению капиталистического уклада. Победила установка «доконать» капитализм – если не национализацией, то другими рычагами, которыми располагало пролетарское государство. В ход пошли сверхвысокие налоги, разорительные тарифы и т.д.

К этому следует добавить и то, что сам социалистический сектор сохранил в своей структуре определенные элементы госкапитализма. В этом секторе находились, прежде всего, крупнейшие предприятия, составлявшие ранее фундамент монополистического капитализма. Они объективно могли быть использованы для монополистических приемов борьбы со своими капиталистическими конкурентами. Сохранились также в общественном разделении труда и в организационно-экономической структуре производства черты монополизма крупнейших производственных звеньев. Всё это также определило прочность экономической базы бюрократии, обособления хозяйственников, замыкания их на своих узкогрупповых интересах.

«Административная система» законсервировала явления бюрократизма и монополизма, свойственные государственно-капиталистическому хозяйствованию, оттеснив трудящихся от участия в управлении производством и закрепив монополизм административными привилегиями, т.е. она оказалась обременённой многими элементами, от которых нельзя было освободиться без прохождения через государственный капитализм, без экономического изживания этого уклада. Для формирования и усиления «административной системы» оказалась и более широкой социальной база. За время первых пятилеток первоначальное ядро рабочего класса было существенно разбавлено массовым притоком в города выходцев из крестьян. Такой «рабочий класс» вполне соответствовал командно-приказным методам в управлении промышленностью.

«Административная система» использовала мощнейшие рычаги в стремлении обойти экономические законы. Определяющее значение имеет ликвидация частной собственности и предпринимательства, создание на их месте всеохватывающей государственной собственности, потребовавшей огромного бюрократического аппарата управления и планирования. Огосударствление сопровождалось обезличиванием собственности и созданием атмосферы всеобщей объективной незаинтересованности.

В результате утверждения централизованного планирования как важнейшего инструмента «административной системы», в СССР, впервые в мировой практике государство стало непосредственным организатором и руководителем производства. Рынок стал ненужным и был заменен планом. Однако возможности всеобщего планирования и учета объективно не были безграничны. Это становилось всё более очевидным по мере расширения масштабов производства и номенклатуры выпускаемой продукции.

Органической частью планирования являлась фетишизация экономического роста. С тем чтобы обеспечить его высокие темпы, приоритет отдаётся не потреблению населения, а накоплению, повышению доли накопления в национальном доходе, развитию средств производства тяжелой промышленности.

С 1934 года бюджетные ассигнования в тяжелую индустрию и в первую очередь в оборонные предприятия росли год от года. За вторую пятилетку военная промышленность почти утроила объем выпускаемой продукции, т.е. росла быстрее любой другой отрасли [5, с. 609–610]. В 1936 году была введена новая система оптовых цен, более высоких для тяжелой индустрии, с тем чтобы сделать ее целиком рентабельной и, таким образом, более активно участвующей в процессе накопления. Но в 1938 году эта группа отраслей в целом снова попала в число убыточных и смогла добиться бездефицитного баланса на протяжении последующих двух лет лишь по увеличению цен на свою продукцию. Несравненно более важным источником накопления оставался «налог с оборота», начислявшийся в основном на цены сельскохозяйственных продуктов и изделий легкой промышленности.

Именно по такой модели действовала советская экономика в предвоенный период. Количественные показатели промышленного производства в этой модели обладали безусловным приоритетом. Понятие планирования расширилось до того, что стало включать в себя не только составление перспективных программ, но и элементы текущего управления. Планом, иначе говоря, стала не только пятилетка, но и та совокупность заданий, которые получало на протяжении года каждое предприятие. Сам пятилетний план изменялся на протяжении его осуществления с тем, чтобы обеспечить выполнение «ударных задач», т.е. экстренных или непредусмотренных заданий, внезапно приобретающих первоочередной характер. Самостоятельность предприятий была минимальной: сверху им устанавливались не только те или иные производственные задания с заранее указанными поставщиками и клиентами, но также показатели по отдельным аспектам их деятельности (штаты, зарплата, себестоимость и т.д.), нередко охватывавшие самые мелкие детали.

Искусственное стимулирование темпов экономического роста, всемерное наращивание капиталовложений в тяжелой промышленности повлек за собой важный в те годы нарастания международной напряженности результат: были созданы условия для значительного роста военной мощи СССР.

Но какова была цена такого «достижения»? При ответе на этот вопрос невозможно абстрагироваться от массовых репрессий, от системы ГУЛАГ, массового применения в экономике фактически рабского, бесплатного труда, а также фальсификации статистической отчетности. Насилие со стороны государства носило всеобъемлющий характер, являлось основой руководства как в политической, так и в экономической областях. Одним только страхом трудно было бы объяснить массовый энтузиазм строителей социализма, нещадно эксплуатировавшийся правящими кругами. Тем не менее, именно насилие играло главную роль в обществе. Показательно, что формирование советской административной модели экономики происходило одновременно с насаждением обстановки нетерпимости к инакомыслию, забвением общечеловеческих моральных принципов. Именно в обстановке небывалых репрессий формируются индустриализация и «сплошная коллективизация».

Коллективизация была завершена во второй половине 1930-х годов. Для СССР это было не менее важным фактором, чем создание крупной тяжелой промышленности. Однако результаты его, в силу средств и методов, примененных для их достижения, были отнюдь не положительными. Отставание сельского хозяйства от промышленности, которое уже в 1928–1929 годах признавалось чрезмерным, за это время лишь усилилось. Запланированный на вторую и третью пятилетки прирост производства сельскохозяйственной продукции остался полностью неосуществимым.

Но по одному пункту коллективизация всё же изменила экономическую ситуацию в СССР. В производстве сельскохозяйственной продукции, даже не обнаружившей роста, принимало участие теперь меньше работников, а объем продукции, предназначенной для потребления за пределами деревни, увеличился. Рост этот был настолько значительным, как считают историки, что если в 1920-е годы каждый сельский труженик кормил, помимо самого себя, только одного человека, то накануне войны он кормил уже четырех своих сограждан [4, с. 334].

Колхозная продукция не продавалась по эквивалентным ценам, а силою власти поступала в государственные закрома по различным каналам, наиболее важными среди которых были обязательные поставки и натурплата МТС. Низкие заготовительные цены были той данью, которую село платило политике индустриализации. Цены служили инструментом перераспределения национального дохода в пользу промышленности. Размеры поставок устанавливались на базе так называемого биологического урожая, т.е. по оценке урожая до начала жатвы. У колхозов не было никакой заинтересованности в увеличении производства продукции. Районные власти указывали им, сколько гектаров и какими культурами они должны засеять, и колхозы обязаны были исполнять это.

Если в первую пятилетку сельское хозяйство представляло собой относительно скромный источник для накопления, то начиная со второй пятилетки его вклад приобрёл решающее значение. Налог с оборота становится главной статьёй доходов государства – той, которая впитала большую часть капиталовложений. В значительной мере поступления от этого налога обеспечивались сельхозпродуктами. Центнер пшеничной муки продавался населению по цене 216 руб., а колхозу оплачивался по цене 10 руб. 10 коп.; 195 руб. 50 коп. изымались в форме налога. Килограмм говядины, за который производителю выплачивалось от 21 до 55 коп., поступал в розничную продажу по цене 7 руб. 60 коп.; за литр молока соответственно 9-14 коп. и 1-1,5 руб. [3, с. 20].

Подобные жертвы диктовались, по-видимому, потребностями индустриализации. Расчёт, однако, был иллюзорным, ибо низкие заготовительные цены тормозили сельскохозяйственное производство и, тем самым, препятствовали расширенному накоплению.

Советская модель хозяйствования обладала высокой политической эффективностью и позволяла правящим кругам решать задачи сохранения режима тоталитарной власти. Она была примером экстенсивного экономического роста и необычайно высокого уровня потребления ресурсов. И только огромные природные богатства спасали до поры до времени «административную систему» от краха.

Модель могла обеспечивать высокие темпы экстенсивного экономического роста лишь в обстановке тоталитарной власти и жестокого централизованного принуждения. Изменение такой обстановки во многом способствовало падению темпов экономического роста. Именно административная модель хозяйствования и централизованное планирование адекватно соответствовали характеру тоталитарного режима.

Следует отметить, что созданная в СССР «административная модель» экономики не была абсолютной. Трудящиеся в предвоенные годы проявляли свою способность к массовому социально-экономическому энтузиазму, творческой энергии. Именно этот потенциал определил в конечном счёте победу советского народа в Великой Отечественной войне, непрочность системы, которая позднее «умерла естественной смертью».

Список цитированных источников и литературы

1. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин, т. 43.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин, т. 45.
3. История СССР. – 1964, № 5.
4. Советское крестьянство / Краткий очерк истории 1917-1970 гг. ; под ред. В.П. Данилова. – М., 1973.
5. Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. – М., 1963.

BRZESKA TWIERDZA NA POCZĄTKU DRUGIEJ WOJNY ŚWIATOWEJ

Akinczic I.

Akademia Podlaska

W roku 1960 Wł. Pobóg-Malinowski w swojej "Najnowszej historii politycznej Polski" napisał: "Ścisłejsze współdziałanie wojsk niemieckich i sowieckich stwierdzono w kilku wypadkach – w Brześciu już zdobytym przez Niemców, jeden z fortów z niekapitulującą załogą ostrzeliwany był przez artylerię niemiecką i sowiecką" [5, s.6]. Tę nieścisłą informację pominął nie tylko w swej znakomitej pracy Karol Liszewski [13], ale również inni autorzy tacy jak: Rajmund Szubański [25], Leszek Gondek [6], Wiktor Cygan [4], piszący o wojnie polsko-sowieckiej 1939 r. Legendę tę podjął także Jerzy Sroka w książce "Obrońcy brzeskiej twierdzy we wrześniu 1939 r.". To jest jeden z mitów drugiej wojny światowej. Ten mit stworzył na pewno Jan Samosiuk, dowódca drużyny z 2 kompanii ppor. rez. W. Skwierczyńskiego z batalionu marszowego 82 pułku piechoty. On mówi w swej relacji: „Na drodze naszego marszu (17 września w nocy – przyp. I. A.) nie spotkaliśmy Niemców. Przeszliśmy przez tory kolejowe i weszliśmy do fortu Sikorskiego... Pod wieczór 22 września zaczęła nas ostrzeliwać dużo dział, a po godzinie pod brame fortu podeszli Sowietci... Tego wieczoru trzy razy Sowietci szli do głupiego natarcia... Największy ostrzał a potem atak nastąpił po południu 26 września... Rannych naszych żołnierzy, którzy zostali w forcie, Roskie zakuli sztykami i tam, w forcie ich zostawili” [cit za 22, s.213-214]. W rzeczywistości nie mógł to być fort Sikorskiego, znajdujący się w niedalekiej odległości na północ od Cytadeli. Tam przebiegała silnie obsadzona przez Niemców linia ataku na twierdzę z czołgami i artylerią. Nocny marsz kpt. W. Radziszewskiego z twierdzy do fortu Sikorskiego wymagał przebiccia się przez te pozycje niemieckie. Ale tego nie było. Tylko niektórym żołnierzom i oficerom udało się ukryć w zaroślach nad Bugiem [5, s.50].

Przed wojną miasto było ważnym ośrodkiem administracyjnym – stolicą województwa poleskiego, centrum gospodarczym i węzłem komunikacyjnym oraz jednym z najważniejszych garnizonów Wojska Polskiego we wschodniej części Rzeczypospolitej [22, s.224-226; 30, s.152-153; 33, s.754]. Co więcej, 23 marca w Polsce rozpoczęła się tajna mobilizacja alarmowa (kartkowa) jednostek "czerwonych", "zółtych" i częściowe "zielonych" OK nr IX oraz "czerwonych" OK nr IV Łódź. Umożliwiło to przejście na organizację wojenną związków taktycznych, stacjonujących na Polessiu: 30 DP, 9 DP, 20 DP i Nowogródzkiej BK oraz 26 DP ze Skierniewic z OK nr IV [31, s.16-17; 33, s.749]. Mobilizacja jednostek garnizonu brzeskiego została przeprowadzona sprawnie i terminowo, problem sprawiła jedynie jakoś części otrzymanych wozów i koni. Stawiennictwo żołnierzy rezerwy 30 DP było bez zarzutu, mobilizowane oddziały osiągnęły gotowość zgodnie z planem [1, k.1; 16, s.108-111]. 29.VIII.1939r. komendant brzeskiego województwa wysłał do każdego posterunku ramowe dyrektywy: "Terrorysty niemieccy zaczęli już działać... Przejawów akcji terrorystów niemieckich można się spodziewać w każdym czasie i miejscu. Czuwając nad całością, należy przede wszystkim zwrócić pod uwagę osoby dostojników państwowych, urzędy, urządzenia komunikacyjne i użyteczności publicznej. Potem uprzedzić personel kierowniczy kolejowy, pocztowy, żeglugi rzecznej i autobusowy o konieczności zachowania ostrożności, nasilić służbę na dworcach kolejowych, stacjach autobusowych i rzecznych, zorganizować należyty wywiad w stacyjnych przechowalniach bagażu i t.d." [3, f P-67, op.1, d.2323, l.5].

W pierwszych dniach wojny Brześć znajdował się na dalekim zapleczu frontu. Ale z chwilą wybuchu wojny brzeski węzeł kolejowy znalazł się pod gradem bomb Luftwaffe. Od 1-12 września naloty, w których brało udział od 9-30 samolotów były ponawiane kilka razy

dziennie [8, s. 15]. 1.IX. grupa niemieckich samolotów zaatakowała mosty na Bugu. 1 samolot został strącony [27, s. 7]. Nalot 10 bombowców na twierdzę trwał 30 minut. 2.IX. przyleciało 9 maszyn na Brześć. Bombardowały miasto, dworzec i twierdzę. Jedna bomba uderzyła w kasyno oficerskie i kwaterę zmobilizowanych oficerów na piętrze. Ona zbурzyła całe piętro. Zginęło 2 oficerów [14, s. 1]. O godzinie 17.00 było kolejne bombardowanie niemiecko. Tak o tym zakomunikował Starosta Powiatowy E.Heil: „7 samolotów niemieckich dokonało nalotu na twierdzę w Brześciu n/Bugiem, rzucając około 10-ciu bomb przy czym uszkodzono: tor kolejijowy na szlaku warszawskim, magazyn odzieżowy, Biały Pałac, dwie bomby spadły na konie w czasie odbywającej się komisji poboru koni. Są zabici i ranni. Bliższych szczegółów brak” [3, f.93, op.1, d.3011, l.23]. 6.IX. ma miejsce kolejne bombardowanie miasta. Po tych bombardowaniach Tadeusz Rożniatowski zanotował: „Tym czasem w Brześciu można było obserwować coraz bardziej niepokojące objawy. Ulice miasta w przerwach między częstymi nalotami bombowymi zalane były potokami uciekinierów. W większości była to ludność cywilna w opanowanym stanie, ale dostrzegało się wśród niej jakieś mundury: strażaków, pocztowców, policjantów [15, s. 468]. Dla tego Starosta Powiatowy Brzeski mgr. E.Heil wydał następujące „Ostrzeżenie”: „Podstępni nasi wrogowie – Niemcy – rozpoczęli prowadzić z nami walkę wszelkimi sposobami. Nie ograniczając się do mordowania bezbronnej ludności i małych dzieci zrzucającymi z samolotów bombami, chwycili się nowych, zdradzieckich metod wyniszczenia ludności cywilnej. Stwierdzono już, że z samolotów niemieckich wyskakują ze spadochronami ludzie, którzy mają za zadanie zatruwać wszystkie studnie i szerzyć zarazę ludzką i bydłą. Stwierdzono również, że nieprzyjaciel zrzuca z samolotów lub podrzuca przez dywersantów ampułki z płynami, próbówki z proszkami, cukierki i czekoladki, wyroby cukiernicze, artykuły żywnościowe (kiełbase, ciastka) i zabawki dla dzieci – wszystko to jest zatrute lub zawiera gazy pażące. Przestrzegam przed tym i polecam wszystkie przedmioty składać do najbliższych władz wojskowych lub administracyjnych, bądź też do Policji Państwowej, podając dokładnie miejsce znalezienia, dzień i godzinę, ewentualnie miejsce odrazu zaznaczyć” [3, f.5, op.1, d.6412, l.134].

W nocy z 6 na 7 września i wczesnym rankiem 7 września szosą Warszawa – Minsk Mazowiecki – Siedlce – Międzyrzec Podlaski – Biała Podlaska – Brześć nad Bugiem przejechała autokolumna licząca 70 samochodów osobowych i ciężarowych. W nich znajdowało się około 300 oficerów i żołnierzy oraz dokumenty sztabowe. Była to część personelu kwatery Sztabu Głównego Armii Polskiej. Wczesnym rankiem przez Podlasie przejechał marszałek Edward Śmigły-Rydz. W godzinach porannych on był już w brzeskiej twierdzy. Dawna twierdza nie była wcześniej przewidywana do nowej roli, brakowało odpowiednich warunków lokalowych i sprawnej łączności [19, s. 186]. W tak nienormalnych warunkach dowodzenia było bardzo utrudniono, gdyż nie tylko brakowało łączności z armiami, ale Naczelny Wódz musiał się liczyć z tym, że wkrótce może zostać odcięty od własnych wojsk. Jak pisze generał Stanisław Kopański: „Przymitywność warunków pracy oddziału urągała najelementarniejszym wymaganiom. Warunki pracy utrudniały dziesiątki żołnierzy wszystkich stopni zgłaszających się do Sztabu w poszukiwaniu swoich oddziałów i map dla swoich jednostek. Nie sądzę by jakikolwiek Oddział Operacyjny Naczelnego Dowództwa w czasie współczesnej wojny znajdował się w równie ciężkich warunkach” [11, s. 50]. Razem z Naczelnym Wódcem do Brześcia przybył z częścią współpracowników Minister Spraw Zagranicznych Józef Beck. Nawiązano łączność z ambasadami w Londynie i w Paryżu. O tym tak wspominał Minister Beck: „W Brześciu akcję dyplomatyczną skoncentrowałem na następujących zagadnieniach:

a) nacisk na mocarstwa sprzymierzone w kierunku rozpoczęcia akcji lotniczej i przyspieszenia akcji lądowej wobec faktu, że prawie całość sił zbrojnych Niemiec działa w Polsce, co grozi katastrofą.

b) na szukaniu dróg dowozu amunicji i materiałów pędnych dla armii przez aktywowanie rozmów z sowietami.

c) na domoganiu się akcji dyplomatycznych aliantów w Kownie wobec meldunków posta Charwata, że Niemcy rozwijają gwałtowną działalność mającą na celu sprokowanie Litwy do zajęcia wileńszczyzny" [32, s. 113].

Wieczorem 8 września generał brygady Franciszek Kleeberg wezwany do Sztabu Naczelnego Wodza w twierdzy otrzymał bezpośrednio od marszałka Edwarda Śmigłego-Rydza rozkaz sformowania dywizji piechoty z podległych mu oddziałów wojskowych przebywających i mobilizowanych w garnizonach Okręgu Korpusu IX oraz w ośrodkach zapasowych. Do Brześcia przybył batalion marzowy 33 Pułku Piechoty. Wtedy dwa plutony artylerii ruszyły z twierdzy w rejon pozycji obronnych nad rzeką Leśną z zadaniem osłony Brześcia od północy w razie ataki wroga.

9 września zameldował się w Naczelnym Dowództwie w Brześciu ofiarując swe usługi emerytowany generał kawalerii Konstanty Plisowski. 10 września obrona przeciwlotnicza Brześcia powiększyła się o trzy baterie 75 mm "Star", przybyłe z Warszawy [27, s. 7]. Tego dnia Szef Sztabu nakazuje zorganizowanie obrony Brześcia. Marszałek Śmigły-Rydz zatwierdza dowódcą generała K. Plisowskiego. W 1908 r. K. Plisowski rozpoczął służbę w armii rosyjskiej, w WP służył na różnych stanowiskach, m.in. dowódcy 4 BK, 8 BK, 11 BK i 5 Samodzielnej Brygady Kawalerii. W 1930 r. został przeniesiony w stan spoczynku. Po zakończeniu obrony Brześcia dołączył do Grupy Operacyjnej Kawalerii gen. W. Andersa i 24.09. został dowódcą Nowogródzkiej Brygady Kawalerii, dostał się do radzieckiej niewoli, w 1940 r. zamordowany przez NKWD [24, s. 253-254]. Jego szefem sztabu został ppłk. Alojz Horak, który I wojnie światowej służył w armii Austro-Węgier, od 1919 r. w WP na różnych stanowiskach, m.in. jako szef sztabu DOK nr V i szef Wydziału Studiów Wojskowego Biura Badań Historycznych. W latach II wojny światowej pełnił służbę w Związku Walki Zbrojnej i Batalionach Chłopskich, m.in., jako szef wyszkolenia Batalionów Chłopskich. Dowódcą oddziałów piechoty został ppłk. Julian Andrzej Sosabowski. Rozpaczęło się formowanie załogi obrony brzeskiej twierdzy z oddziałów przydzielonych do dyspozycji generała K. Plisowskiego.

Tym czasem do Brześcia nadeszły wiadomości, że do Małkini wkroczyły niemieckie oddziały pancerne. Były to oddziały Korpusu Pancernego pod dowództwem generała Heinza Guderiana. On dysponował m.in. 526 czołgami i 72 samochodami pancernymi [26, s. 79-87]. Do kwatery Naczelnego Wodza nadszedł meldunek o pojawieniu się w Śmietajczach niemieckich czołgów. Pod wieczór tego samego dnia kwatera Naczelnego Wodza marszałka E. Śmigłego-Rydza w kazamatach twierdzy została zlikwidowana. Przed odjazdem marszałek wydał "Wytyczne do koncentracji sił własnych na południu", gdzie było powiedziane: "Zabespieczenie całości przed głębokim obejściem od wschodu zapewnione będzie przez stworzenie zapory na linii Brześć – Pińsk, który organizację powierzyłem d-cy OK IX (gen. Kleebergowi – przyp. I. A.). Celem osłabienia wysiłku n-pla pozostawiona zostanie na przedpolu obrona zamkniętych ośrodków: Warszawa, Modlin, i Brześć" [17, s. 615].

Walory terenu, miejska zabudowa i fortyfikacje stwarzały szanse na zorganizowanie trwałej obrony pod dwoma warunkami: dysponowania odpowiednimi siłami i czasem, jednak generał K. Plisowski nie miał ani jednego, ani drugiego. Obronę przygotowywały: trzy bataliony marszowe: 34, 35 i 82 pułku piechoty, 81 i 82 bataliony wartownicze, kompania z batalionu marszowego 33 pułku piechoty, 112 i 113 kompanie przestarzałych, wolnobieżnych czołgów Renault 17 produkcji francuskiej – 30 wozów, 53 i 55 pociągi pancerne, pluton czołgów rozpoznawczych, 49 dywizjon artylerii lekkiej, 3 bateria artylerii przeciwlotniczej kalibru 40 mm i 56 batalion saperów [10, s. 714-716; 12, s. 435; 26, s. 228-229; 30, s. 694; 31, s. 35].

Szef wydziału operacyjnego sztabu SGO "Polesie" mjr dypl. Tadeusz Grzeszkiewicz następująco wspominał przygotowania do obrony: "(...) Sam stan obronny twierdzy nie był nigdy brany pod uwagę, nie ma rozpracowanych planów obrony, ani powiązania fortów w jedną całość obronną. Obrona będzie całkowitą improwizacją, a raczej tylko demonstracja obrony, której nie można brać poważnie. (...) Dowódca OK IX [gen. Kleeberg – przyp I.A.], z którym często chodziliśmy po fortach, wysoko oceniał warunki obronne każdego z nich. Forty były tylko częściowo poniszczzone, łatwe stosunkowo do odbudowy, zdolne jeszcze do obrony. Należało je tylko nasycić ludźmi [załoga] i sprzętem, powiązać ogniem, wyposażając je w amunicję, dać jednolite dowództwo. Ale tego oprócz ludzi nie było. Mogła być tylko zaimprovizowana demonstracja obrony (...)" [34, k. 30].

W dniu 12 września generał F.Kleeberg podjął decyzję o przeniesieniu swego stanowiska dowodzenia z V Fortu brzeskiej twierdzy do Pińska. W nocy z 12 na 13 września poszczególne oddziały sztabu gotowe były do wyjazdu do Albrechtowo (teraz przedmieście Pińska) i przed południem 13 września już były tam. Niemcy kierujący od północnego-zachodu swe główne natarcie na brzeską twierdzę musieli najpierw złamać opór w rejonie Żabinki i Kobrynia względnie osłonić swe siły uderzeniowe przed polskim przeciwdziałaniem od wschodu. Kobryn był bowiem drugim po Brześciu ważnym węzłem komunikacyjnym. Tutaj krzyżowały się drogi prowadzące do Pińska, Kowla i Baranowicz oraz przez Żabinę do Brześcia. Płk. A.Epler natychmiast wyznaczył podległym mu dowódcóm pułków i samodzielnych oddziałów swej dywizji zadanie bojowe. On zdążył pobrać z Głównej Składnicy Uzbrojenia nr 2 w Stawach k/Dębłina przydział broni i amunicji, a mianowicie: 5350 szt.kb, 550 kbk, 121 rkm wzór 28 oraz 36 ckm wzór 30 [22, s.172].

Jeszcze do 13 września 56 batalion dokonał zniszczeń na przedpolu i w twierdzy, wykonał pola minowe, zawały i przeszkody przeciwpancerne oraz przygotował do wysadzenia mosty prowadzące do twierdzy. Zadanie załogi twierdzy brzeskiej polegało na obronie linii wewnętrznych fortów, w razie utraty przedpola zamierzano wysadzić wszystkie mosty i kontynuować obronę w Cytadeli. Nieliczna piechota obsadziła trzy odcinki: północny brama Brzeska – batalion marszowy 33 pp i batalion wartowniczy, zachodni brama Terespolska, batalion marszowy 34 pp i kompania wartownicza, zaś odcinek południowy brama Szpitalna bronił batalion marszowy 35 pułku piechoty. 113 kompania czołgów otrzymała rozkaz dozoru przedpola, jeden pluton czołgów użyto do zabarykadowania bram Cytadeli. Artyleria wspierała głównie najbardziej zagrożony odcinek północny [26, s. 228-229; 31, s. 38].

14 września już o godzinie 6.00 rano kompania ciężkich czołgów niemieckich z kilkoma rozpoznawczymi i oddziałem ponierów posunęła się od Żabinki. Zamiarem ich było zdobycie twierdzy przez zaskoczenie od wschodu, czyli od strony, z której Polacy najmniej się tego spodziewali. Ale prawie każdy z fortów myślał być brany szturmem. Po południu Niemcy zajęli niebronione miasto Brześć. Polacy wycofali patrole piechoty i czołgi do Cytadeli. Wobec opanowania przez Niemców większej części miasta, w tym także dworca głównego, pociągi pancerne nr 53 i 55 otrzymali rozkaz wycofania się. Załogi uzupełniały zapasy paliwa i w ostatniej chwili oba pociągi odjechały jedyną wolną drogą w kierunku Kowla. Tym czasem czołowe oddziały XIX Korpusu Pancernego gen. H. Guderiana zaatakowały twierdzę: 8 pułk czołgów i batalion rozpoznawczy 10 DPanc. O 11.45 dowódca 10 DPanc. zameldował gen. Guderianowi: "Ósmy pułk czołgów bez oporu zajął fort II. Most wysadzony. Po za tym – żadnej walki" [29, s. 220]. Te czołgi niemieckie wraz z towarzyszącymi im motocyklistami i piechotą na samochodach podjechały pod bramy na północnym skraju Cytadeli. Bezpośredni szturm na bramy zakończył się jednak niepowodzeniem. Jak zapisał generał H.Guderian, próba sforsowania zapory ogniowej okazała się nie do pokonania, gdyż w jednej z bram Polacy ustawili w poprzek stary czołg Renault 17, tak że czołgi niemieckie nie mogły się przedostać. [7, s.70].

Drugie bezpośrednie natarcie niemieckie tego dnia też zakończyło się fiaskiem. O godzinie 19.00 Niemcy rozpoczęli intensywne bombardowanie twierdzy z artylerii. Po nim piechota niemiecka wsparta czołgami próbowała jeszcze raz sforsować wejście do Cytadeli od strony miasta w rejonie bramy Brzeskiej, ale natarcie to zostało odparte. Uczestnik tej walki Filip Bogatek, który bronił jednej ze wschodnich bram Cytadeli, wspomina: „Noc była koszmarna. Stanowiska naszych oddziałów oświetlał pałac się skład desek na placu obok twierdzy. Grzmiała obustronna kanonada. Trafiona pociskiem lufa armatnia kręciła się jak zabawka na odpuście. Grzechot karabinów maszynowych, blask rakiet, huk spędzał nam sen z oczu. Strach przepędzała odwaga tej potwornej nocy” [20, s.3]. W nocy nadal walczyła polska piechota, działa wycofano z przedpoła, a bramy zablokowano czołgami Renault 17. Niemiecka artyleria prowadziła ostrzał twierdzy, a piechota z czołgami nacierała w kierunku bramy Brzeskiej. Niemieckie natarcie zostało odparte [10, s. 717; 31, s. 44-45].

O świcie 15 września ogień artylerii przeciwnika nasilił się. Strzelało kilka dywizjonów. W ciągu kilkunastu godzin dnia padło ok. 6 tys. granatów 15 cm, na przestrzeń zaledwie 4-krotnie większą od Cytadeli warszawskiej [9, s.30]. Po ogniu artylerii niemiecka piechota dwukrotnie atakowała polskie stanowiska pomiędzy bramą Brzeską a Muchawcem. Był moment, że położenie obrońców Cytadeli było poważne. Ale przeciwnatarciem piechoty Polacy utracone pozycje odzyskali. Komunikat niemiecki o położeniu na froncie w dniu 15 września donosił: „Na wschodnim skrzydle oddziały armii wdarły się do Brześcia od północy i ze wschodu. Cytadelę utrzymuje jeszcze nieprzyjaciel” [30, s.871]. Załoga „Brześć” utrzymywała Cytadelę, dlatego że "Atak piechoty napotkał twardy opór ze strony karabinów maszynowych na wałach i dobrze zamaskowanych strzelców na drzewach. (...) Dawały się we znaki pojedyncze polskie działa i działa przeciwlotnicze, zameldowano nawet o kilku kopułach pancernych. (...) Dywizja odniosła wrażenie, że przy uporczywej i sprawnej obronie – sukces może zapewnić tylko natarcie na dużą skalę (...)" [29, s. 221]. 10 DPanc. i 20 DZmot. otoczyły twierdzę, a 3 DPanc. i 2 DZmot. obszły miasto. XIX KPanc. przygotowywał też przeprawy przez Muchawiec, wyprowadzające w kierunku Włodawy i Kowla. Załoga twierdzy odparła wszystkie natarcia, jednak położenie stawało się coraz cięższe: Cytadela w wielu miejscach płonęła, obrońcy ponieśli znaczne straty, m.in. stracili 4 działa, a tak potrzebne wzmocnienie przez 33 DP rez. nie przybyło [10, s. 717-718; 18, s. 214].

Trzeci dzień zmagania z przeważającymi siłami nieprzyjaciela był ostatnim. Od świtu trwał ostrzał niemieckiej artylerii, Cytadela płonęła, również Luftwaffe kilka razy bombardowała twierdzę. O 10.00 dwa wzmocnione bataliony niemieckiej piechoty znowy natarcie. Niemcy atakowali odcinek przy bramie Brzeskiej i wzdłuż bocznic kolejowej. Ale natarcie załamało się. Tak pisze o tym H.Guderian: „16 września 20 zmot. DP i 10 DPanc. rozpoczęły wspólne natarcie na twierdzę. Szturm, który osiągnął już grzbiet wału fortecznego, załamał się jednak wskutek tego, że pułk piechoty 10 dywizji pancerniej, który miał ruszyć do ataku bezpośrednio za wałem ogniowym artylerii nie wukonał tego rozkazu” [7, s.69]. Około godziny 14.00 na punkt dowodzenia tej dywizji H.Guderian przybył osobiście. Niemcy znow rozpoczęli ostrzał artylerijski. Sytuacja obrońców stawała się coraz trudniejsza. Obrońcy utracili część wałów, a polski kontratak zakończył się niepowodzeniem. Wrosły straty załogi. Powstała realna groźba zniszczenia Zgrupowania „Brześć” jeżeli będzie ono nadal broniło Cytadeli. Ranny został gen. Plisowski, a ppłk Horak kontuzjowany. W tym położeniu gen. Plisowski postanowił zakończyć obronę: od 18.00 wydano rozkazy wycofania się obrońców po zmroku przez most nadal wolną drogą w kierunku Terespoła. Wycofanie miało nastąpić kolejno odcinkami. W twierdzy miały chwilowo pozostać nieliczne oddziały opóźniające [21, s.9]. Jednak w zamieszaniu nie

wszędzie dotarły rozkazy i część obrońców pozostała na zajmowanych pozycjach. W nocy załoga przeszła na zachodni brzeg Bugu i pomaszzerowała w kierunku Kodnia i Chełma. Przeciwnik nie zorientował się w sytuacji, nocą prowadził ostrzał Cytadeli ogniem artylerii, a manewr 75 pp zmot. zamknięcia twierdzy od zachodu nastąpił zbyt późno. Mieszkańcy Brześcia też twierdzili, że przez całą noc z 16 na 17 września w dalszym ciągu spadały na twierdzę ciężkie pociski, od których drżała ziemia i wypadały szyby w mieście. W tym dniu Naczelny Wódz, nie znając realiów obrony twierdzy, poinformował dowódcę SGO "Polesie" o zamiarze skoncentrowania jak największych sił Wojska Polskiego na południe od Dniestru i rozkazał: "Brześć n/B. broni się w każdej sytuacji na miejscu" [2].

Obrona twierdzy trwała od 14 do 16 września. Zgrupowanie "Brześć" odparło 7 natarć piechoty i czołgów, wspartych ogniem artylerii i uderzeniami lotniczymi. W walkach zgrupowanie straciło 40% żołnierzy zabitych i rannych. Szpital był przepełniony rannymi, od 16 września brak było energii elektrycznej i łączności z przełożonymi. Dłuższa walka nie była możliwa z uwagi na dysproporcję sił i środków obu stron: obrońcy dysponowali oddziałem, odpowiadającym pułkowi piechoty, wspartym dywizjonem artylerii lekkiej, 35 czołgami oraz przeszło dwoma pociągami pancernymi. Przeciwnik dysponował XIX Korpusem Pancernym i silnym wsparciem lotniczym, co stwarzało wielokrotną przewagę przeciwnika nad siłami obrony. Straty niemieckie także były duże, m.in. 69 ppzmot. 20 DPZmot. stracił 127 zabitych, 226 rannych (10 z nich zmarło) i 7 utopionych w fosach [35, s.47]. Po obronie Cytadeli zgrupowanie "Brześć" weszło w skład większego zgrupowania pod dowództwem płk. Zieleniewskiego i 3.10. 1939 zostało całkowicie okrążono przez Armię Czerwoną nad Sanem i pododdziały zostały rozwiązane.

17 września ok. 8.30 pododdziały 76 pp zmot. 20 DP zmot. weszły do Cytadeli od zachodu. Niemcy nie wiedzieli, że w twierdzy jest tylko batalion (mocno wykrwawiony) kpt. W.Radziszewskiego i inne luźne grupy obrońców oraz ranni w szpitalach. Niektórym żołnierzom tego batalionu udało się opuścić Cytadelę. Reszta dostała się do niewoli [18, s. 221, 225]. Generał H.Guderian o tym pisał: „17 września rano olbrzymia Cytadela została zdobyta przez 76 pp, który w nocy przeprowił się na zachodni brzeg Bugu. Pułk ten dowodzony przez płk. Gollnika zdobył ją w momencie gdy polska załoga zamierzała przez nieuszkodzony most wycofować się na zachód” [7, s.70]. To twierdzenie gen. Guderiana nie jest prawdopodobne. Większość oddziałów Zgrupowania „Brześć” po opuszczeniu twierdzy przybyła do rejonu koncentracji w okolicach Kodnia nad Bugiem. Oficjalny komunikat niemiecki jednak brzmiał w tym dniu następująco: „Zdobyto Cytadelę w Brześciu Litewskim. Tym samym twierdza Brześć Litewski znajduje się w rękach niemieckich. Przy zdobyciu Cytadeli wzięto 600 jeńców” [cyt za 5, s.51]. Dalej w swych wspomnieniach H.Guderian napisał: „Pierwszym zwiastunem zbliżania się Rosjan był młody oficer rosyjski (kpt. Gubanow – przyp. I. A.), który przybywszy do Brześcia samochodem pancernym zawiadomił nas o nadszyciu rosyjskiej brygady pancernej. Potem otrzymaliśmy wiadomość o uzgodnionej przez ministerstwo spraw zagranicznych linii demarkacyjnej. Ustalając granicę na Bugu pozostawiono twierdzę Brześć – Rosjanom” [7, s.64]. Zostało uzgodnione, że obszar na wschód od linii demarkacyjnej Niemcy opuszczają za 2 dni. Defilada oddziałów „przyjacielskich armii” – niemieckiej i sowieckiej odbyła się przed południem 22 września 1939 roku. Defiladę na ulicy Unii Lubelskiej przyjmowali: gen. niemiecki H.Guderian i gen. sowiecki S.Kriwoszejn.

Obrona Brześcia nad Bugiem stała się fenomenem, a przecież obrońcy w istocie bronili wysepki, której długość wynosiła ok. 680m, a szerokość nie przekraczała nawet w najszerszym miejscu 250m. Ale był w tym głęboki sens. Załoga Brześcia nie tylko zatrzymała impet wroga, ale odeszła niezwyciężona do końca, sama się rozwiązując po dwóch tygodniach.

Список цитированных источников и литературы

1. Archiwum Instytutu Polskiego im. Gen. Sikorskiego (Londyn), dalej: AIPiMGS, sygn. B.142/A, Gen. Leopold Cehak, Działania 30 Poleskiej Dywizji Piechoty od chwili mobilizacji 23.III.1939 do 29.IX.1939, tj.do chwili kapitulacji Modlina, Nicea 13.03.1946.
2. AIPiMGS, sygn. A.1124/1, Sztab Naczelnego Wodza, L.16/14/III Op., m.p. 16.09.1939, [Rozkaz dla] Generał Kleeborg.
3. Государственный архив Брестской области.
4. Cygan, W. Kresy w ogniu. Wojna polsko-sowiecka 1939. – Warszawa, 1990.
5. Geresz, J. Twierdza niepokonana 1939. – Biała Podlaska –Międzyrzec, 1994.
6. Gondek, L. 17 września 1939r. Agresja Stalina na Polskę . Dokumenty, relacja, opinie z komentarzem. – Gdańsk, 1990.
7. Guderian, H. Wspomnienia żołnierza. – Warszawa, 1991.
8. Hołub, Cz. Okręg Poleski ZWZ-AK w l. 1939-44. Zarys Dziełów. – Warszawa, 1991.
9. Horak, A., Kompania wrześniowa w oświeleńniu niemieckim, cz. 1-3. – Warszawa, 1941-1942.
10. Jurga, T. Obrona Polski 1939. – Warszawa, 1990.
11. Kopański, S. Wspomnienia wojenne 1939-46. – Warszawa, 1990. – Wyd.3.
12. Księga pamiątkowa artylerii polskiej 1914-1939 / Oprac.K.Galster. – Londyn, 1975.
13. Liszewski, K. Wojna polska-sowiecka 1939r. – Londyn 1988. – Wyd.II.
14. Notatki S.Bakuły. Spuścizna z Katynia. Koperta nr. 01881.
15. Pawlak, J. Polskie eskadry w wojnie obronnej. Wrzesień 1939. – Warszawa, 1991.
16. Piwowarski, E. Przebieg i wyniki częściowej mobilizacji alarmowej z 23 marca 1939r. // Wojskowy Przegląd Historyczny – 1995. – № 1-2.
17. Polskie Sity Zbrojne w drugiej wojnie światowej. –Londyn 1954-1986. – T.1, cz.III.
18. Polskie Sity Zbrojne w II wojnie światowej. T.1, cz.4: Kompania wrześniowa1939r. Przebieg działań od 15 do 18.IX. – Londyn 1986.
19. Przygotowania komunikacji wojskowej do wojny w 1939 roku. Relacja gen.bryg. Aleksandra Szychowskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy. – 2005. –№ 4.
20. Robotowski, S. W obronie Brześcia. Z wojennego pamiętnika // Dziennik Ludowy. – 1974. – № 227.
21. Sosabowski, J. Obrona Brześcia nad Bugiem // Polska Walcząca – Żołnierz Polski na Obczyźnie. – 1944. – № 35.
22. Sroka, J. Brześć. Dzieje miasta i twierdzy. – Biała Podlaska, 1997.
23. Sroka, J. obrońcy brzeskiej twierdzy we wrześniu 1939. – Biała Podlaska, 1992.
24. Stawiecki, P. Słownik biograficzny generałów Wojska Polskiego 1918-1939. – Warszawa, 1994.
25. Szubański, R. Krótki zarys działań wojskowych na wschodnich terenach II Rzeczypospolitej we wrześniu 1939r. // Wojskowy Przegląd Historyczny. – 1989. – № 3.
26. Szubański, R. Polska broń pancerna w 1939 rokuo. – Warszawa, 2004.
27. Truskowski, S. Na straży powietrznych rubieży // WTK. – 1978. – № 5.
28. Waszczukówna-Kamieniecka. Brześć niezapomniane miasto. – Londyn, 1997.
29. Weselowski, A. Kunszt wojenny i postawa polskich żołnierzy we wrześniu 1939 roku – w opinii Niemców // Zeszyty Naukowe Akademii Obrony Narodowej. – 1999. – № 2 (35) A.
30. Wojna obronna Polski 1939 / Wybór źródeł, kier.E.Kozłowski. – Warszawa, 1968.
31. Wróblewski, J. Samodzielna Grupa Operacyjna „Polesie” 1939. – Warszawa, 1989.
32. Wrzesień 1939r. w relacjach dyplomatów. – Warszawa, 1989.
33. Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864-1939 / Red. P.Stawiecki. – Warszawa, 1990.
34. Zbiory Specjalne Wojskowego Biura Badań Historycznych / T. Grzeszkiewicz., Działania Samodzielnej Grupy Operacyjnej „Polesie”. – Warszawa, sygn. 11/2/22.
35. Суворов, А.М. Брестская крепость на ветрах истории. – Брест, 2004.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ ИЗ СОВЕТСКОГО ТЫЛА В 1941–1943 гг.

Батура В.Г.

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», г. Витебск

В начале войны партизаны испытывали огромные трудности в деле обеспечения медикаментами и медицинскими инструментами. По мере активизации боевых действий и расширения партизанского движения быстро возрастала потребность в медицинском обслуживании, однако по-настоящему организовать его вначале часто не позволяли условия. Приходилось принимать самые срочные меры, полагаясь главным образом на местные возможности. Медицинское имущество нужно было доставать в сохранившихся гражданских аптеках, больницах, иногда через связных в лечебных учреждениях врага, а то и покупать у немцев через партизанских связных.

Таким образом, снабжение партизан медикаментами шло разными путями. Основную роль в этом в начальный период войны играли связные. Так, медицинские работники Минского партийного подполья профессор Е.В. Клумов, врачи М.Г. Пилипушко, М.М. Владысик, фармацевты Г.Г. Фалевич, Л.Ф. Густарник-Ларина и многие другие систематически передавали для партизанских отрядов лекарства, инструменты, перевязочные материалы и т.д. Иногда удавалось получать ценные медикаменты в довольно большом количестве с аптечных немецких складов. Иосиф Ковалевский из деревни Гайбуты Городищенского района и электромонтер из Баранович Петр Ануфриев доставали необходимые медикаменты через советских патриотов, работавших в больницах Баранович, Новоельни, Новогрудка, и снабжали ими партизан Первомайской бригады [8, с.39–40].

К концу 1942 г. в некоторых бригадах и отрядах появилось достаточное количество медикаментов и хирургического инструментария, захваченных при разгроме вражеских гарнизонов. Таким образом, первый год борьбы партизан в тылу врага был периодом, когда у них не было стройно организованной медико-санитарной службы, так же как не было и прочной материальной базы.

С созданием Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) и особенно Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) в медобслуживании партизан Беларуси наступил перелом. Началась более или менее систематическая доставка в отряды медикаментов, перевязочного материала, а также хирургического инструментария. Это оказало огромное положительное влияние на моральный дух народных мстителей и повышение их боевой активности. Усилия советского тыла в налаживании медобслуживания партизан, максимальная помощь, оказываемая больным и раненым, свидетельствовали об огромной заботе государства о тех, кто сражался за линией фронта.

В 1942 г. большое внимание было уделено обеспечению партизан Беларуси медицинскими кадрами и медимуществом. При формировании в советском тылу отдельных групп и отрядов было предусмотрено, чтобы в группу входила медсестра, а в отряд - фельдшер. Как правило, они обеспечивались необходимыми медикаментами и даже медицинским инструментарием. Всего в партизанских формированиях на территории Беларуси было 580 врачей и 2133 средних медицинских работника. Однако в целом обеспеченность медицинским персоналом партизанских формирований нельзя признать достаточной, поскольку на одну партизанскую бригаду приходилось 2,7 врача и 10 средних медицинских работников, а на один партизанский отряд – 0,5 врача и 1,7 среднего медицинского работника, что составляет соответственно 17,6 и 64,8 на 10 000 партизан [5, с.356].

Во второй половине 1942 г. медикаменты часто пересылались согласно требованиям, приносимым связными партизанами из тыла врага или отдельно посланными группами, отрядами, пробиравшимися через имевшиеся бреши в линии фронта. Так оказывалась помощь Северо-Западной группой ЦК КП(б)Б, оперативной группой

БШПД при Военном совете Калининского фронта и т.д. Полностью обеспечить медимуществом в 1942 г. партизан Беларуси еще не представлялось возможным. Но все, что можно было в этом отношении сделать, ЦШПД делал. Так, в сентябре 1942 г. по требованию командиров партизанских бригад, находившихся в Москве (А.Я. Марченко, С. М. Короткина, Я. Х. Сташкевича и др.), для них было выдано следующее имущество: 800 индивидуальных пакетов, 450 индивидуальных аптечек, 80 аптечек № 1 (саннструкторских), 14 аптечек № 2 (фельдшерских), 12 аптечек №3 (врачебных), 2 аппарата переливания крови [8, с. 60].

Успех дальнейшего развития партизанского движения во многом зависел от постоянной связи подпольных партийных органов и партизанских отрядов с советским тылом. Одной наземной связи для этого было явно недостаточно. Поэтому была привлечена авиация, которая сыграла исключительно важную роль. В 1941 г. советская авиация применялась для оказания помощи партизанам Беларуси эпизодически. Посадок в тылу врага авиация вообще не практиковала. Только изредка она использовалась для доставки партизанам и населению с воздуха листовок, газет и другой литературы. С наступлением весны 1942 г. положение стало изменяться. Для обслуживания партизан Беларуси начинает привлекаться транспортная авиация [9, с. 28].

Воздушным путем в тыл врага доставлялись вооружение, боеприпасы, медикаменты, средства радиосвязи, газеты, листовки и различная литература, иногда продовольствие и обмундирование и другие материально технические средства. С помощью авиации забрасывались связные, уполномоченные ЦК, которые обеспечивали координацию боевых действий партизанских отрядов и диверсионных групп, производилась эвакуация тяжелораненых и больных. Лаконичные, но полные тревоги и надежды на помощь, часто летели от партизан радиogramмы в советский тыл: «...необходимы боеприпасы!», «Присылайте взрывчатку, из-за отсутствия тола вынуждены прекратить диверсии на железной дороге!», «Нет медикаментов, просим оказать помощь!». Особую тревогу вызывали сообщения о тяжелораненых партизанах, которых становилось все больше. Если из зоны, примыкающей к «Суражским воротам», удавалось доставлять раненых на большую землю, то партизаны, действовавшие в более глубоком тылу, были лишены такой возможности. «Обозы с ранеными угнетающе действовали на бойцов, в какой-то мере даже снижали их боевой дух. Кроме того, они сковывали действия отрядов и бригад», — писал в своей книге «Партизанская республика» бывший начальник БШПД П. З. Калинин [3, с. 234].

Из советского тыла за линию фронта также посылались квалифицированные медицинские работники. Однако следует отметить, что в крупных партизанских соединениях сами готовили таких специалистов, как медсестры, саннструкторы, для чего привлекались имевшиеся в бригадах и отрядах медицинские кадры. Набор курсантов проводился из числа партизан и жителей деревень партизанских зон. Продолжительность курсов была различной: от одного года до трех месяцев. Теоретические занятия проводили врачи, а практическое обучение — фельдшера и медицинские сестры [7, с. 53–54].

С начала 1943 г. советский тыл становится основным источником медицинского снабжения партизанских соединений. Советский тыл оказал помощь населению и партизанам оккупированной Беларуси в организации лечебно-профилактической работы, приема и эвакуации в госпитали раненых и больных, в обеспечении соединений медимуществом и т.д. В этом отношении много сделали Главное военно-медицинское управление Красной Армии, а также медико-санитарный отдел БШПД. В 1943 г. медико-санитарным отделом БШПД всем группам выдавались индивидуальные аптечки для оказания самопомощи и взаимопомощи. Небольшие группы (до 7 человек) обеспечивались аптечкой №1. Более крупные группы (отряды), в составе которых были медработники, обеспечивались аптечками №2 и №3, содержащими все необходимые медикаменты и хирургический инструмент для работы квалифицированного фельдшера или врача [8, с. 128].

Кроме аптек направлялся так называемый «специальный медгруз», готовившийся в советском тылу по требованию партизанских бригад. Это имущество, предназначенное для выполнения сложной хирургической работы, состояло из хирургических и зубных наборов, средств для общего наркоза и местного обезболивания, хирургического шелка, кетгута, противостолбнячной и противогангренозной сывороток, антисептических средств, сульфамидных препаратов, перевязочного материала и других медикаментов. Так, например, в бригаду «Железняк» (северная зона Минского соединения) было направлено 757 кг медимущества, в Пинское соединение – 750,5 кг, в Брестское – 806 кг, в бригаду В. В. Мельникова Витебской области – 728 кг и т.д. Всего за 1943 г. из советского тыла для партизанских соединений Белоруссии было отправлено медимущества 25 т 874 кг. Благодаря широкой помощи медимуществом партизанские соединения Брестской, Пинской, Полесской, Гомельской, Минской, а также Витебской и Вилейской областей остро нуждались в медикаментах с лета 1943 г. не испытывали [1, с. 9–10].

Каждое крупное партизанское соединение имело хирургические наборы, средства для наркоза и другие медикаменты. Конечно, отправленного медимущества все же не хватало, потому что численность партизанских отрядов в 1943 г. значительно возросла. Нужно учитывать также, что медработники обслуживали и гражданское население.

В партизанские соединения засылалась и медицинская литература: указания по военно-полевой хирургии, терапевтические справочники, газета «Медицинский работник», наставления по лечебным вопросам, инструкции по лечению огнестрельных ранений, которые бесспорно дали многое медработникам [1, с. 11].

В результате успешной организации систематических полетов в тыл врага в 1943 г. появилась возможность доставлять тяжелораненых и больных партизан в советский тыл. Все подлежащие эвакуации раненые и больные направлялись из бригад с провожатыми на посадочные площадки. Начальниками санслужб соединений и бригад, в зоне которых находились эти площадки, организовывались для ухода за ранеными эвакуационные пункты. Они обслуживались врачом, медсестрами, санитарками. Раненые получали необходимую медицинскую помощь. Эвакуационные пункты сыграли большую роль в правильном их отборе для направления на дальнейшее лечение в советский тыл. Всего, по данным санотдела БШПД, было вывезено на лечение в советский тыл раненых и больных партизан 1943 г. 1907 человек [9, с. 130].

В партизанских госпиталях обычно оставляли раненых и больных, которые могли вылечиться в течение 1 – 2 месяцев, остальных отправляли в тыл. Для их лечения были выделены 1-я клиническая больница и эвакогоспиталь, развернутый в Момино. После завершения госпитального лечения партизаны направлялись в дома отдыха или санатории «Архангельское» и «Цхалтубо» [6, с. 76].

Лечебно-профилактическая работа в партизанских соединениях состояла из оказания медицинской помощи раненым и больным партизанам, а также гражданскому населению, поставленному оккупантами в невероятные тяжелые условия жизни и фактически лишенному всякой медицинской помощи.

Особенные трудности в медицинском обслуживании партизан были во время рейдов в глубокий тыл противника. И. А. Инсаров в своей работе «Медицинская служба в партизанских соединениях Белоруссии» приводит такой пример: «Отряд партизан, сформировавшийся в Копыльском районе Минской области, в составе 744 человек 3 сентября 1943 г. начал рейд. В пути пришлось переходить железные дороги и преодолевать водные преграды. За период с 3 сентября по 19 ноября 1943 г. партизаны совершили рейд из Копыльского района в район гродненских лесов и возвратились в Липичанскую пуцу, пройдя 967 километров. К тому времени отряд вырос до 4 тысяч человек. В первые же дни рейда появились раненые. Раненых несли на носилках, везли на повозках... В районе Русской пуцы был организован госпиталь – сначала в шалашах, а потом – в зем-

лянках. Оставлено 18 человек тяжелораненых с медицинским персоналом, взводом охраны и продуктами питания. 19 ноября форсировали реку Неман и к концу дня вступили в Липичанскую пушу. Здесь был организован госпиталь соединения. 18 человек, оставленные в госпитале в Русской пуше, через 4–6 недель выздоровели и были отправлены в соединение. Несмотря на преимущество сил противника, партизаны за время рейда нанесли врагу большие потери: уничтожено в боях и при крушении воинских эшелонов свыше 2 тысяч человек, ранено более 300, взято в плен 13 солдат и офицеров. Потери партизан составили: безвозвратные – 47 человек, санитарные – 162 человека, из них 11 человек умерли» [2, с. 10–11].

Оценка годности партизан после их выздоровления к дальнейшей службе была иной, чем в действующей армии. В партизанском движении считался годным каждый, кто мог держать в руках оружие или выполнять работу. Из более 15 тысяч раненых возвращено к партизанской деятельности – 78,4 %, эвакуировано в советский тыл – 15,8 %, признано инвалидами – 2,4 %, умерло – 3,4 % [2, с. 11].

Высокая плата за лечение, скученность населения в жилых помещениях вследствие разрушения городов и деревень, экономическое обнищание, сознательное распространение фашистами инфекционных заболеваний – все это способствовало распространению эпидемий.

Медперсоналу партизан с помощью советского тыла удалось сделать многое по предупреждению заболеваний сыпным тифом среди народных мстителей и гражданского населения. Широко проводились прививки сыпнотифозной вакциной. Были проведены 35881 прививка против сыпного тифа и 45441 против инфекционных желудочно-кишечных заболеваний [4, с. 10–11].

Большую помощь в ликвидации вспышки сыпного тифа оказал санотдел БШПД. При обнаружении заболевания в партизанских бригадах Лепельско-Ушачской зоны в декабре 1943 г. санотделом было немедленно направлено достаточное количество медикаментов, дезинфицирующих средств, хозяйственного мыла и сыпнотифозной вакцины. Всего в течение двух дней самолетами из советского тыла было отправлено 600 кг медицинского имущества, включая достаточное количество сердечных средств (масло камфары, раствор кофеина в ампулах, адонилен и др.) [8, с. 131].

Было дано указание о проведении прививок всему личному составу, сообщена инструкция о применении вакцины. Благодаря принятым срочным мерам вспышка сыпного тифа в этой зоне была быстро ликвидирована. Всего в партизанские соединения за декабрь 1943 г. и до начала февраля 1944 г. было отправлено с Большой земли 181 000 куб. см сыпнотифозной вакцины. Для проведения профилактических прививок против кишечных инфекционных заболеваний санотделом было направлено 195 литров тривакцины и поливакцины. Такая помощь оказывалась на всем протяжении партизанской войны [6, с. 131].

Медицинская помощь советского тыла партизанскому движению способствовала быстрому возвращению в строй раненых и больных, предотвращению распространения инфекционных заболеваний, поднятию морально-политической стойкости людей и авторитета партизан в глазах местного населения. Все это позволяло поддерживать постоянную боеспособность партизан, освобождало их от траты времени и усилий на поиски необходимых средств, значительно повышало маневренные возможности и обеспечивало непрерывность активной боевой деятельности.

Список цитированных источников и литературы

1. Инсаров, И.А. Медицинское обеспечение рейдов партизанских отрядов Белоруссии в годы Великой Отечественной войны // Здравоохранение Белоруссии. – 1974. – № 7. – С. 9–14.
2. Инсаров, И.А. Медицинская служба в партизанских соединениях Белоруссии // Здравоохранение Белоруссии. – 1964. – № 7. – С. 6–14.

3. Калинин, П.З. Партизанская республика. – Минск: Беларусь, 1968. – 382 с.
4. Кардаш, И.Б. Санитарно-противоэпидемическое обеспечение партизанской бригады // Здравоохранение Белоруссии. – 1985. – №7. – С. 9 - 11.
5. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / [Мананков А. Л., Горелик Е. П., Маркова А. Ф. и др.]. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.
6. Тищенко, Е.М. Медицинское обеспечение партизанских формирований Белоруссии // Здравоохранение Беларуси. – 1993. – № 9. С. 74–78.
7. Хоров, Г.В. Подготовка средних медицинских кадров в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Медицинская сестра. – 1969. – № 6. – С.53–54.
8. Якубовский, Н.А. Помощь советского тыла партизанам (материально-техническое обеспечение). – Минск: Беларусь, 1973. – 208 с.
9. Якубовский, Н.А., Якубовский В. Н. Крылатые помощники партизан. – Минск: Беларуская навука, 1998. – 191 с.

ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Баюра А.Н.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

Сложившаяся в Советском Союзе к началу Великой Отечественной войны наградная система не отличалась многообразием. Существовавшие в то время ордена и медали можно разделить на три группы:

I. Высшая награда СССР – орден Ленина (учрежден 6 апреля 1930 г.), вручался как за воинские, так и за трудовые заслуги.

II. За воинские заслуги: 1) звание «Герой Советского Союза» (утверждено 16 апреля 1934 г.) с вручением медали «Золотая Звезда», учрежденной 1 августа 1939 г., и ордена Ленина; 2) орден «Красное Знамя» (первый из советских орденов, учрежден 16 сентября 1918 г.); 3) орден «Красная Звезда» (учрежден 6 апреля 1930 г.); 4) медаль «За отвагу» (учреждена 17 октября 1938 г.); 5) медаль «За боевые заслуги» (учреждена 17 октября 1938 г.).

III. За трудовые заслуги: 1) звание «Герой Социалистического труда» (учреждено 27 декабря 1938 г.) с вручением золотой медали «Серп и Молот», учрежденной 22 мая 1940 г., и ордена Ленина; 2) орден «Трудовое Красное Знамя» (учрежден 7 сентября 1928 г.); 3) орден «Знак Почета» (учрежден 25 ноября 1935 г.); 4) медаль «За трудовую доблесть» (учреждена 27 декабря 1938 г.); 5) медаль «За трудовое отличие» (учреждена 27 декабря 1938 г.).

Начальный период Великой Отечественной войны, несмотря на тяжелые военные поражения Красной Армии, выявил подлинное мужество и героизм бойцов и командиров РККА, особенно ярко проявившихся во время Московского сражения (30 сентября 1941–20 апреля 1942 гг.).

В новых военно-политических условиях, сложившихся после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, возникла необходимость расширить круг наград, вручаемых за воинские заслуги. Первой из таких наград стал орден Отечественной войны, учрежденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 г. Этой наградой была положена новая традиция для советской наградной системы – деление орденов на степени. Орден Отечественной войны делился на две степени – первую (высшую) и вторую.

Впервые в истории советской наградной системы Статут ордена подробно определял, за какие подвиги и отличия бойцы и командиры могли быть им награждены. Согласно Статуту орденом Отечественной войны I степени награждался: кто метко поразил и разрушил особо важный объект в тылу противника; кто мужественно выполнил свои обязанности в экипаже самолета при выполнении боевого задания, за которое штурман или летчик награждены орденом Ленина. Кто сбил в воздушном бою, входя в состав экипажа: тяжелобомбардировочной авиации 4 самолета; дальнебомбардировочной авиации 5 самолетов; ближнебомбардировочной авиации 7 самолетов; штурмовой авиации 3 самолета; истребительной авиации 3 самолета. Кто совершил, входя в состав экипажа: тяжелобомбардировочной авиации 20-й успешно-боевой вылет; дальнебомбардировочной авиации 25-й; ближнебомбардировочной авиации 30-й; штурмовой авиации 25-й; истребительной авиации 60-й; дальнеразведывательной авиации 25-й; ближнеразведывательной авиации 30-й; корректировочной авиации 15-й; авиации связи 60-й; транспортной авиации 60-й успешно-боевые вылеты.

Кто организовал четкое и непрерывное управление авиационными частями.

Кто организовал четкую и планомерную работу штаба.

Кто сумел восстановить поврежденный самолет, совершивший вынужденную посадку на территории противника, и выпустить его в воздух.

Кто сумел восстановить не менее 10 самолетов на передовом аэродроме под огнем противника.

Кто под огнем противника сумел вывести все запасы с аэродрома и, заминировав его, не дал возможности противнику произвести на нём посадку самолетов.

Кто лично уничтожил 2 тяжелых или средних или 3 легких танка (бронемашин) противника или в составе оружейного расчета – 3 тяжелых или средних или 5 легких танков (бронемашин) противника.

Кто подавил огнем артиллерии не менее 5 батарей противника.

Кто уничтожил огнем артиллерии не менее 3 самолетов противника.

Кто, состоя в экипаже танка, успешно выполнил 3 боевых задания по уничтожению огневых средств и живой силы противника или уничтожил в боях не менее 4 танков противника или 4 орудий.

Кто под огнем противника эвакуировал с поля боя не менее 3 танков, подбитых противником.

Кто, презирая опасность, первым ворвался в дзот (дот, окоп или блиндаж) противника, решительными действиями уничтожил его гарнизон и дал нашим войскам возможность быстрого захвата этого рубежа.

Кто под огнем противника навел мост, исправил переправу, разрушенные противником; кто под огнем противника, по поручению командования, лично взорвал мост или переправу, чтобы задержать движение противника.

Кто под огнем противника установил техническую или личную связь, исправил технические средства связи, разрушенные противником, и тем самым обеспечил непрерывность управления боевыми действиями наших войск.

Кто под огнем противника личным почином выбросил орудие (батарею) на открытую позицию и расстрелял в упор наступающего противника и его технику.

Кто, командуя частью или подразделением, уничтожил противника превосходящей силой.

Кто, участвуя в кавалерийском налете, врубился в группу противника и уничтожил её.

Кто с боем захватил артиллерийскую батарею противника.

Кто в результате личной разведки установил слабые места обороны противника и вывел наши войска в тыл противника.

Кто, входя в состав экипажа корабля, самолета или боевого расчета береговой батареи, утопил боевой корабль или 2 транспорта противника.

Кто организовал и успешно высадил морской десант на территории противника.

Кто под огнем противника вывел из боя свой поврежденный корабль.

Кто захватил и привел в свою базу боевой корабль противника.

Кто успешно осуществил постановку минного заграждения на подступах к базам противника.

Кто неоднократно тралением успешно обеспечил боевую деятельность флота.

Кто успешным устранением повреждения в бою обеспечил восстановление боеспособности корабля или возвращение поврежденного корабля в базу.

Кто отлично организовал материально-техническое обеспечение операции наших войск, способствовавшее разгрому противника.

Орденом Отечественной войны II степени награждались:

Кто мужественно выполнял свои обязанности в экипаже самолета во время боевого задания, за которое штурман или летчик награждены орденом Красного Знамени.

Кто сбил в воздушном бою, входя в состав экипажа: тяжелобомбардировочной авиации 3 самолета; дальнебомбардировочной авиации 4 самолета; ближнебомбардировочной авиации 6 самолетов; штурмовой авиации 2 самолета; истребительной авиации 2 самолета.

Кто совершил, входя в состав экипажа: тяжелобомбардировочной авиации 15-й успешно-боевой вылет; дальнебомбардировочной авиации 20-й; ближнебомбардировочной авиации 25-й; штурмовой авиации 20-й; истребительной авиации 50-й; дальнеразведывательной авиации 20-й; ближнеразведывательной авиации 35-й; корректировочной авиации 10-й; авиации связи 50-й; транспортной авиации 50-й успешно-боевые вылеты.

Кто сумел восстановить, освоить и использовать захваченный трофейный самолет в боевых условиях.

Кто сумел восстановить не менее 5 самолетов на передовом аэродроме под огнем противника.

Кто артиллерийским огнем лично уничтожил 1 тяжелый или средний или 2 легких танка (бронемшины) противника или в составе орудийного расчета – 2 тяжелых или средних или 3 легких танков (бронемашин) противника.

Кто уничтожил огневые средства противника огнем артиллерии или минометов, обеспечив успешные действия наших войск.

Кто подавил огнем артиллерии или минометов не менее 3 батарей противника.

Кто своим танком уничтожил не менее 3 огневых точек противника и тем содействовал продвижению нашей наступающей пехоты.

Кто уничтожил огнем артиллерии не менее 2 самолетов противника.

Кто, состоя в экипаже танка, уничтожил в боях не менее 3 танков или 3 орудий противника.

Кто под огнем противника эвакуировал с поля боя 2 танка, подбитых противником.

Кто гранатами, бутылками с горючей смесью или взрывпакетами уничтожил на поле боя или в тылу противника вражеский танк.

Кто, руководя частью или подразделением, окруженными противником, разбил противника, вывел свою часть (подразделение) из окружения без потерь вооружения и военного имущества.

Кто пробрался к огненным позициям противника и уничтожил не менее 1 орудия, 3 минометов или 3 пулеметов противника.

Кто ночью снял сторожевой пост (дозор, секрет) противника или захватил его.

Кто из личного оружия сбил 1 самолет противника.

Кто, борясь с превосходящими силами противника, не сдал ни пяди своих позиций и причинил противнику большой урон.

Кто организовал и поддерживал в сложных боевых условиях непрерывную связь командования с войсками, ведущими бой, и тем самым способствовал успеху операций наших войск.

Кто, входя в состав экипажа корабля, самолета или боевого расчета береговой батареи, вывел из строя или повредил боевой корабль или 1 транспорт противника.

Кто захватил и привел в свою базу транспорт противника.

Кто своевременным обнаружением противника предотвратил нападение на корабль, базу.

Кто обеспечил успешное маневрирование корабля, в результате чего утоплен или поврежден корабль противника.

Кто умелой и четкой работой обеспечил успешную боевую работу корабля (боевой части).

Кто организовал бесперебойное материально-техническое обеспечение части, соединения, армии и тем самым способствовал успеху части, соединения.

В Статуте указывалось, что награждение орденом Отечественной войны может быть повторено за новые подвиги и отличия. Поэтому на фотографиях фронтовиков мы нередко видим по несколько орденов Отечественной войны. Наибольшим количеством орденов был награжден боевой летчик, полковник Федоров И.Е. – у него четыре ордена Отечественной войны I степени и два второй. Также четырьмя орденами первой степени был награжден майор Беспалов И.А.

В числе первых орденом Отечественной войны I степени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1942 г. были награждены воины-артиллеристы капитан Криклий И.И., младший политрук Стаценко И.К., старший сержант Смирнов А.В., отличившиеся в ожесточенных боях с немецко-фашистскими захватчиками на харьковском направлении.

Среди первых награжденных орденом Отечественной войны II степени тем же Указом были также воины-артиллеристы, отличившиеся в боях на харьковском направлении: сержанты Жарко С.Т., Немфира М.Г., Нестеренко П.В., рядовые Григорьев Н.И., Кулинец А.И., Петрош И.П.

Всего в период с 1942 по 1978 г. было произведено около 350 тысяч награждений орденом Отечественной войны I степени и более миллиона человек орденом Отечественной войны II степени. Среди награжденных были генералы, адмиралы, офицеры, старшины, сержанты, солдаты и матросы Красной Армии и Военно-Морского флота, а также партизаны, действовавшие в тылу врага, и иностранные граждане, принимавшие участие в борьбе и немецко-фашистскими захватчиками и их сателлитами.

Длительное время орден Отечественной войны был единственной советской наградой, которая, согласно Статуту ордена, передавалась семье убитого или умершего награжденного вместе с орденой книжкой для хранения в семье как память. Все остальные ордена и медали положено было после смерти награжденного сдавать в исполкомы местных Советов или военные комиссариаты для передачи в наградной отдел Верховного Совета СССР. На практике положение о сдаче наград в подавляющем большинстве случаев не выполнялось. Только 15 февраля 1977 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об орденах и медалях СССР умерших награжденных», согласно которому все награды оставались в семьях для хранения как память.

Эскизы ордена готовили московские художники С. Дмитриев и А. Кузнецов, имевшие опыт создания наградных знаков.

Знак ордена Отечественной войны I степени представляет собой серебряную (проба серебра 925-я, вес 14,5 грамм) выпуклую пятиконечную звезду, лучи которой покрыты рубиново-красной эмалью. Звезда наложена на золотую пластину (проба золота 583-я, вес колебался от 8 до 10 грамм), выполненную в виде расходящихся лучей и также имеющую форму пятиконечной звезды. Лучи золотой пластины располага-

ются между лучами рубиново-красной звезды. В центре серебряной звезды помещена круглая пластинка, покрытая рубиново-красной эмалью и окаймленная пояском из белой эмали. На пояске надпись – «Отечественная война» и золотистая звездочка в нижней части пояска. В центре круглой пластинки на рубиново-красную эмаль наложена золотая (проба золота 583-я, вес 0,3 грамма) эмблема скрещенных серпа и молота. Из-за рубиново-красной серебряной пятиконечной звезды выступают и располагаются на фоне золотых лучей скрещенные винтовка и шашка. Изображения винтовки и шашки оксидированы. На оборотной стороне орденского знака имеются вырезанный штихелем номер ордена и штамп монетного двора.

Знак ордена Отечественной войны II степени отличался от I степени тем, что рубиново-красная серебряная звезда наложена не на золотую, а на серебряную пластину (проба серебра 925-я, вес 21,8 грамма). Все остальные детали аналогичны.

Размер орденского знака между концами противоположащих лучей рубиново-красной и золотой (серебряной) звезды составляет 45 мм. Длина изображения винтовки и шашки 45 мм.

На протяжении времени менялся способ крепления ордена к одежде. Первый вариант представлял собой прикрепленную к четырехугольной колодке (размер 32x18 мм) звезду ордена, на оборотной стороне которой имелась булавка для дополнительного крепления ордена к одежде. Диапазон номеров первого варианта – от 1 до 617. Второй вариант был аналогичен первому, но отсутствовала булавка на звезде ордена. Диапазон номеров от 618 до 10 тыс.

Третий вариант крепления появился в результате изменений в описании ордена, внесенных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 г., утвердившим новый порядок ношения орденов и медалей. На оборотной стороне орденского знака устанавливался нарезной винт и гайка для крепления к одежде. Колодка и соединительной кольцо были упразднены. Вызвано это было отчасти тем, что в напряженной боевой обстановке иногда знак терялся, а на одежде оставалась лишь колодка.

Изготавливались ордена Отечественной войны на трех монетных дворах – Краснокамском, Московском, Ленинградском (после снятия блокады города) и на московском заводе «Платинаприбор».

Носился орден Отечественной войны на правой стороне груди. При наличии у награжденного двух и более орденов, которые согласно правилам ношения должны располагаться на правой стороне груди, ордена Отечественной войны располагались в ряд вслед за полководческими и флотоводческими орденами.

Кавалеры ордена Отечественной войны имели право на бесплатный проезд в городском общественном транспорте, на бесплатный проезд по железнодорожным и водным путям сообщения один раз в год (туда и обратно), на одну треть сокращался стаж работы для получения пенсии, освобождались от обложения подоходным налогом, имели скидку от 10 до 50% при оплате жилищной площади, им также полагались ежемесячные денежные выплаты в размере 20 рублей за II степень и 25 рублей за I степень. Данные денежные выплаты и другие льготы были отменены во время проведения денежной реформы 1947 г.

До Великой Отечественной войны и в первые месяцы после её начала награждение орденами и медалями производилось только Указами Президиума Верховного Совета СССР, а вручались эти награды, как правило, Председателем Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калининым или его заместителями. В отдельных случаях награждение производилось по месту службы, работы или жительства награжденных депутатами Верховного Совета СССР. При таком порядке от времени представления к награждению до вручения награды проходило значительное время. С целью более оперативного рассмотрения вопросов о награждении военнослужащих за проявленные ими в боях с врагами подвиги в конце 1941 г. военным советам фронтов,

флотов, армий и флотилий было предоставлено право производить от имени Президиума Верховного Совета СССР награждение орденами и медалями СССР личного состава действующей армии и установлен порядок вручения их награжденным.

Ввиду большого количества награжденных и с целью еще более гибкого и быстрого решения вопросов, связанных с награждением отличившихся, а также с введением единоначалия в РККА, 10 ноября 1942 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении права награждения орденами и медалями СССР и нагрудными знаками командующим фронтами, флотами, армиями и флотилиями, командирам корпусов, дивизий, бригад, полков». Согласно Указу право награждения орденом Отечественной войны обеих степеней предоставлялось командующим фронтами, армиями и командирам корпусов в сухопутных войсках, командующим флотами, флотилиями и эскадрами в военно-морском флоте.

Президиум Верховного Совета СССР 11 марта 1985 г. принял Указ о награждении к 40-летию Победы всех лиц, имеющих статус участника Великой Отечественной войны, орденами Отечественной войны. При этом орденом I степени награждались ветераны, получившие ранения, либо награжденные боевыми орденами и медалями в годы войны. Все остальные получали орден II степени. Это массовое юбилейное награждение несколько обидело кавалеров ордена Отечественной войны, награжденных им в годы войны. Оно в какой-то степени принизило значимость и ценность ордена Отечественной войны в глазах общественности, и прежде всего самих ветеранов – активных участников боевых действий. Получалось так, что на одну доску ставили фронтовики, воевавших на передовой, и лиц, просидевших в тылу, но в составе действующей армии – писарей, работников банно-прачечных отрядов, армейских госпиталей и т.д. и т.п. То есть произошла определенная девальвация ордена, фактически он стал памятным знаком для участников войны.

Юбилейный орден Отечественной войны отличается от военного тем, что он был цельноштампованным, при этом лучи звезды ордена I степени были позолочены. Юбилейный орден также изготавливался из серебра 925-й пробы, имел вес 21 грамм.

Юбилейным орденом I степени было произведено около 2,5 млн. награждений, II степени – более 6 млн. награждений.

Вместо орденских знаков ордена Отечественной войны награжденный имеет право носить планку с орденскими лентами. Описание и порядок ношения лент к орденам и медалям СССР были утверждены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня 1943 г. Ленты установлены следующих образцов – к орденом I степени шелковая муаровая лента цвета бордо с одной продольной красной полоской шириной 5 мм посередине, к орденом II степени – шелковая муаровая лента цвета бордо с двумя продольными полосками красного цвета по краям, ширина полосок 3 мм. Общая ширина лент 24 мм.

Список цитированных источников и литературы

1. Колесников, Г.А. Ордена и медали СССР / Г.А. Колесников, А.М. Рожков. – 2-е изд., доп. – М.: Воениздат, 1978. – 311 с., 24 л. ил.
2. Кривцов, В.Д. Практическое руководство для коллекционеров «Аверс №1». – М.: б.и., 1995. – 192 с.
3. Кузнецов, А.А. Энциклопедия русских наград. – М.: Голос-пресс, 2002. – 536 с.: ил.
4. Можайко, И.В. Награды. – М.: Хронос, 1998. – 464 с.: ил.
5. Награды СССР. Каталог-определитель. – Киев: б.м., 2008. – 161 с.: ил.
6. Символы Родины и воинской доблести / Сост. В.И. Шелекасов, В.П. Делия. – М.: Воениздат, 1990. – 127 с., 32 ил.
7. www.ru.all-bizonfo

ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИВАНОВСКОМ РАЙОНЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Билевич О.И.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

Ивановский район Брестской области – довольно небольшой район в масштабах республики. В нем до Великой Отечественной войны в 16 сельсоветах значилось 51806 человек, насчитывалось 11407 дворов. За годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками было уничтожено: 2061 двор, более 8000 мирных жителей, 1909 выходцев из района погибло на фронтах, 195 погибло в партизанских отрядах и в подполье, угнано на работы в Германию 2228 человек, из них 406 человек не вернулось на Родину. За этими сухими цифрами стоят человеческие судьбы, жизни. Оккупанты в первую очередь уничтожали тех жителей района, кто сотрудничал с партизанами. В ноябре 1942 года в деревне Застружье за связь с партизанами фашисты расстреляли 94 человека, среди них женщины старики и дети. Местных жителей расстреливали даже за то, что они слушали советское радио, так как фашисты опасались советской пропаганды. Подтверждением является сообщение «Пинской газеты» от 26 февраля 1942 г. о расстреле 8 жителей деревни Димер Ивановского района за слушанье заграничных радиопередач. В «Пинской газете» комендант полиции безопасности и СД сообщал: «В последнее время сильно возросли всякие слухи. Эти слухи частично следует приписать слушанию заграничных радиостанций. Местному населению ещё раз указывается на запрет слушать заграничные радиостанции и остерегаться от распространений вражеских известий. А впредь со всей остротой будут приниматься меры против всякого порождения слухов» [1, с. 31].

Наиболее трагическую страницу геноцида в годы Великой Отечественной войны составило уничтожение еврейского населения района. В довоенном городе Иваново евреи составляли значительную часть населения. Из 6517 жителей Иваново они составляли около половины. И в наше время старожилы города добрым словом вспоминают имена аптекарей Гарбара и Глоцера, учителей Владавского, Шейбайма, врачей мужа и жену Баталиных, Городицкого, семью Минских, владельцев магазинов Резника, Фельдмана и других. С первых дней фашистской оккупации в районе гитлеровцы начали проводить политику геноцида в отношении еврейского населения. Уже летом 1941 г. часть мужчин еврейского населения преклонного возраста были расстреляны в урочище Боровица, остальное еврейское население города Иваново загнали в гетто, расположенное в центре города. О жестокостях фашистов к еврейскому населению города Иваново свидетельствуют воспоминания Сергея Розенберга, проживавшего тогда в городе. Он писал: «Немцы и полицаи нас называли не иначе, как “юден”, “жиды”. Немецкие власти, полицаи, казаки, литовские формирования, которые время от времени появлялись в городе Иваново, издевательски относились в первую очередь к нам, евреям: врывались в квартиры, грабили, убивали... Потом был приказ, чтобы каждый еврей носил жёлтые круглые нашивки на грудях и спине. Затем часть города начали огораживать колючей проволокой. Создавалось гетто. Тех, кто мог работать, гнали на разные тяжёлые работы. Особенно тяжело было детям, которые постоянно хотели кушать» [2, с. 169–170].

Оказывать какую-либо помощь евреям было небезопасно, так как существовал приказ о расправе не только с самими спасителями, но и с членами их семей. Тем, кто

выдавал евреев, полагалась награда: участок земли, корова, лошадь, продукты питания. Так фашисты оценивали жизнь евреев. Однако находились люди, которые, несмотря на такие суровые меры со стороны фашистов, помогали еврейскому населению. Благодаря помощи крестьянской семьи Кондрашук, Сергею Розенбергу удалось одному из всей своей семьи выжить. 10 дней они прятали еврейского мальчика, рискуя своей жизнью и жизнью своих детей. Затем хозяин отвёл мальчика в лес к партизанам. Только после завершения войны С. Розенберг узнал фамилию своих спасителей. Он посетил их в 1996 г. Встретился с теми членами семьи Кондрашук, кто остался ещё жив, и посетил место гибели своей семьи. С. Розенберг предложил включить белорусскую семью Кондрашук в список Праведников, людей, которые спасали евреев, подвергая смертельной опасности себя и своих близких. Таких семей на белорусской земле было достаточно много, и об этом написал в своей книге «Евреи Беларуси» Л. Смилониккий, в которой он привёл многочисленные примеры спасения белорусами еврейского населения. Однако были и такие, кто из-за фашистских подачек, из-за расовой неприязни доносил на евреев, но их было немного. О нежелании белорусов участвовать в расправах над евреями писал американский учёный Николас Вакар, который утверждал, что, несмотря на все попытки фашистского руководства запугать белорусское население, большинство из них в еврейском вопросе не поддержало нацистов.

Одной из немногих жертв ивановского гетто, кому удалось спастись, была Соня Кирз. Она чудом спаслась во время расстрела евреев, выбралась из города, встретила с партизанами. Соня Кирз лечила раненых в партизанском отряде имени С. Лазо бригады имени В. Молотова. В партизанском отряде С. Кирз вышла замуж на Юдела Резника, который после освобождения Беларуси воевал на 4-ом Украинском, 1-ом и 2-ом Прибалтийских, Ленинградском фронтах. После войны семья Резник жила в Польше, потом переехала в Израиль. Во время Великой Отечественной войны в партизанских отрядах мужественно сражались лучшие представители еврейского народа.

Расправа над евреями города Иваново происходила 26 сентября 1942 г. Свыше 2 тыс. человек согнали на площадь, затем колоннами повели к заранее выкопанным могилам в деревне Рудск, расположенной недалеко от города. Им приказали раздеться, а потом группами расстреливали. Сохранились воспоминания очевидцев тех страшных событий, местных жительниц Курилович Марии Николаевны и Кулич Райсы Николаевны: «В этот день город, казалось, замер, затаившись в страшной, угнетающей тишине. Они шли спокойно навстречу предначертанной им судьбе. Какая-то нечеловеческая покорность была в их глазах, в их фигурах. Сильно прижимали к себе детей матери. Влюблённые шли, крепко обнявшись. Когда зашли в лес, несколько десятков человек бросились удирать. В след им грянули выстрелы. Спасти удалось немногим. А остальным приказали раздеваться. В кучу складывали одежду, обувь, ценности, которые ещё остались. Затем начали по очереди подводить к ямам, выкопанным раньше, и стрелять... Ночью не только город, но и все окрестные деревни проснулись от выстрелов, стонов. Горело подожженное гетто» [2, с. 169–170]. Оказалось, что часть жителей гетто не подчинились приказу и не пошли на расстрел. Они хотели переждать страшные дни в норах-подвалах, которые подготовили заранее. Однако дым и огонь заставлял их покинуть укромные места. Некоторые, надеясь спасти своих детей, перебрасывали их через колочную проволоку. Однако фашисты безжалостно бросали их живыми в огонь. Утром на месте гетто остались только догорающие головешки.

В 1944 г., накануне освобождения города Иваново от немецко-фашистских захватчиков, гитлеровцы приказали откопать трупы, облить их горячей смесью и сжечь, пепел зарыть и место прежних могил замаскировать. Фашисты пытались скрыть следы своих пре-

ступлений от мировой общественности. В городе Иваново немецко-фашистские захватчики уничтожили свыше 3 тыс. евреев. На месте массового расстрела евреев в деревне Рудск Ивановского района поставлен памятник жертвам геноцида, на котором высечены следующие слова:

Мы были молоды,
Мы хотели жить,
Мы жертвы фашизма.
Сделайте, чтобы это
Больше не повторилось.

Памятник жертвам геноцида еврейского населения в д. Рудск Ивановского района

Эти трогательные слова сами говорят за себя. Такая трагедия никогда не должна повториться.

Уничтожение еврейского населения проводилось фашистами не только в городе Иваново, но и в местечке Мотоль. Местечко Мотоль – крупнейший населённый пункт Ивановского района, в котором до Великой Отечественной войны проживало 5500 человек, из них около 3000 составляли евреи. Евреи Мотоля славились за пределами местечка как хорошие кожевники, портные, пекари. И в настоящее время в Мотоле сохранились традиции ремесленного искусства. Жители Мотоля известны не только в области, но и в республике как профессионалы в пошиве дублёнок, вышивании ручников, изготовлении мясных, рыбных продуктов. До Великой Отечественной войны в Мотоле мирно проживали белорусы и евреи, каких-либо конфликтов на национальной почве между ними не происходило. Положение еврейского населения Мотоля изменилось с началом Великой Отечественной войны. 2 августа 1941 г. в местечко прибыли каратели. Они окружили Мотоль и всё еврейское население согнали на базарную площадь. Они отделили мужчин от женщин, стариков и детей: заявили, что мужчин отправляют на работу. Под усиленным конвоем погнали их к деревне Осовница, что в 1,5 км от Мотоля. Первоначально каратели заставили евреев выкопать ямы, в течение дня расстреляли около 1400 человек, а местное население заставили зарыть убитых в четырёх могилах. На месте одной из могил поставлен памятный знак на средства граждан государства Израиль, которые посещают эти скорбные для них места. Женщин и детей повели в сторону деревни Калилы, южнее Мотоля в урочище Гай, где и расстреляли около 1500 человек. В местечке Мотоль фашисты расстреляли около 3000 жителей еврейской национальности.

Немецко-фашистские захватчики проводили политику геноцида не только по отношению к еврейскому населению, но также уничтожали и местное население, особенно за связь с партизанами. В апреле 1944 г. партизанское соединение Ковпака, совершая проход по тылам врага, проходило через Мотоль в направлении местечка Телеханы. Фашисты пытались окружить и уничтожить партизан в районе Мотоля, однако им это не удалось. 2 апреля 1944 г. немецко-фашистские захватчики ворвались в Мотоль и факелами подожгли жилые дома. Были сожжены 383 жилых дома. За годы

Великой Отечественной войны Ивановский район довольно сильно пострадал от немецко-фашистских захватчиков. Наиболее пострадали те населённые пункты, население которых поддерживало тесную связь с партизанами. За связь с партизанами были сожжены полностью такие деревни, как Одрьжин (113 дворов), Бусса (87 дворов), Вивнево(25 дворов), Варгыцк(108 дворов), Кружолічін(24 двора), Лядовічы(200 дворов), а также частично сожжены 26 деревень района. О том, какие людские и материальные потери понесло население Ивановского района в годы Великой Отечественной войны, свидетельствует нижеприведенная таблица.

Таблица – Людские и материальные потери населения Ивановского района за годы Великой Отечественной войны [3, с. 176].

Наименование сельсовета	Кол-во накануне войны		Кол-во уничтоженных		Угнано		Погибло на фронтах ВОВ	Погибло в партизанских отрядах и в подполье	Кол-во жителей в настоящее время
	дворов	в т.ч. жителей	дворов	жителей.	в фашистское рабство	из них возвратилось			
Бродницкий	34	3798	319	118	257	17	140	7	5249
Глинянский	45	1517	28	23	40	6	78	6	2336
Горбахский	36	3761	123	105	24	9	132	15	3134
Достоевский	21	3798	93	189	324	88	139	13	4712
Крытышинский	65	2654	56	73	113	8	106	10	3316
Дружилевичский	101	2389	9	63	37	9	105	6	1803
Лясковичский	29	3734	24	97	62	4	127	8	4248
Могилянський	72	2202	21	128	160	13	61	-	3361
Молодовский	109	2670	87	25	126	11	139	7	3756
Мотольский	462	7960	428	2473	724	27	191	89	7293
Мохровский	26	2167	36	8	90	9	105	1	3036
Одрьжинский	87	2940	171	94	89	8	148	3	3636
Опольский	04	2076	263	41	6	4	98	5	2743
Псышевский	43	2911	344	319	80	9	91	14	2574
Рудский	20	3499	52	92	48	1	85	5	3416
Стрельнянский	16	3730	7	59	48	9	164	6	4350
Всего по району	1407	51806	2061	3907	2228	822	1909	195	54251

18,5% жилых домов Ивановского района было сожжено фашистами, а также более 1300 других строений (школ, магазинов и других подсобных строений), 19.7% жителей района уничтожено и погибло на фронтах.

Таким образом: немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны было уничтожено около 1/5 жителей Ивановского района и столько же жилых строений и других хозяйственных объектов. Материальные потери, нанесённые району, были восполнены, гибель людей не восполнить никогда.

Список цитированных источников и литературы

1. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. – Мн., 1965.
2. Памяць. Іванаўскі раён. – Мн. Белта, 2000.
3. Ботвинник, М. Памятники геноцида евреев Белоруссии. – Мн., 2000.
4. Смиловицкий, Л. Евреи Беларуси. – Мн.: Аргі-Факс, 1999..

ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ АНТИСОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ

Бодак А.Ю.

УО «Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина», г. Брест

Освобождение БССР в ходе операции «Багратион» вернуло население республики к мирной жизни. Однако, в условиях продолжавшейся войны восстановление властных структур, социокультурной сферы натолкнулось на ряд серьёзных трудностей, которые в западнобелорусском регионе имели свои специфические особенности. Брестская область, даже в границах 1954 г., являлась «образцовой» в смысле своей проблемности для власти.

Областное руководство признавало её специфику (здесь практически прошли стороной события революций 1917 г. и гражданской войны, население избежало коллективизации и других аспектов социалистического строительства в виде репрессий 1930-х гг. и т.д.).

В этом смысле события 1939–1944 гг. (1-я советская власть и 3 года немецко-фашистской оккупации) резко изменили жизнь региона. Автор предполагает дискуссионность нижеследующего тезиса, но тем не менее считает, что серьёзные межнациональные противоречия в регионе, где уже давно местные жители разных национальностей притёрлись друг к другу, начались в 1939 г. Оставим за кадром жёсткую практику новой власти в отношении своих оппонентов. Дело в том, что кроме неё произошла определённая активизация проблемы «кто в доме хозяин?» вследствие радикального изменения границ внешних и внутренних.

Польское население области, утратив статус титульной нации и став перед вопросом о дальнейшей судьбе региона («Обратно в Польшу?», «Всем в Польшу или какой-то части региона?», «Вдруг Совсты навсегда?», «А что Германия?»), потеряло определённую стабильность. Украинское население вдруг обнаружило, что на карте появились хоть и квазисуверенные, но, тем не менее, национально оформленные БССР и УССР, и здешние украинцы оказались вне рамок украинской республики. Белорусское население в этом смысле оказалось наиболее удовлетворено сложившейся ситуацией.

Партийное руководство области признавало, что годы оккупации «оставили известные морально-политические последствия в сознании некоторой части населения» [2, л. 3]. Немецкая пропаганда действовала при крайне недостаточном присутствии пропаганды советской. Серьёзным орудием геббельсовского ведомства оказалась ставка на раздувание национализма всех проживавших здесь жителей, кроме русского и еврейского населения. Проблемы, оголившиеся в 1939 г., были умело раздуты. Мелкие обиды, взаимные претензии стараниями националистической пропаганды выросли до глобальных размеров. В итоге на территории маленькой области схлестнулись несколько националистических идеологий – польская, украинская и белорусская, и оккупанты щедро поддерживали внутри них антисоветский компонент. Он, пожалуй, трогательно роднил их все три. Разбираться с этим нацистским «наследием» оказалось суждено советской власти.

В период оккупации к рейхскомиссариату «Украина» отошел ряд районов Брестской области – Брестский, Домачевский, Малоритский, Жабинковский, Кобринский, Дивинский, часть Антопольского.

В Бресте был создан украинский национальный комитет («Украинский допомоговый комитет»). В его функции входили: организация украинских военных формирований, насаждение в различных учреждениях лиц украинской национальности, издание и распространение антисоветской литературы, помощь украинцам, борющимся против советской власти. Эта организация имела филиал в Жабинке – «Просвита», и в Малорите – «За самостийну Украину». Члены последней своими доносами отправили на расстрел 30 советских граждан [2, л. 3 1].

Определенная часть населения области оказалась тесно вовлеченной в украинское национальное движение, и это стало серьезной проблемой для местных властей в первые годы после освобождения Брестчины. На её территории действовали подразделения УПА (Украинская повстанческая армия, ратовавшая за самостийную Украину без советской власти) – «бандеровцы». Но особенно здесь усердствовали так называемые «бульбовцы», которые за свои зверства по отношению к мирному населению и бесприщипность в отношениях с оккупантами были исключены из УПА ещё в 1943 г. Осенью 1944–весной 1945 гг. против них шли настоящие военные действия в Дивинском, Малоритском, Кобринском и Антопольском районах. В них с советской стороны принимали участие войсковые подразделения и оперативные работники органов НКВД, истребительные батальоны, сформированные из местного населения. Последние поначалу оказались малоэффективными. Как признавал Брестский обком партии в ноябре 1944 г.: «созданные ... отряды не могут тягаться по своей силе с бандами» [1, л. 27].

До весны 1945 г. «бульбовцам» удалось серьезно затормозить восстановление Днепро-Бугского канала, частично парализовать работу советских, партийных и хозяйственных органов (особенно в Дивинском и Малоритском районах), срывать работу школьных учреждений. Так, осенью 1944 г. учителя Дивинского, Малоритского и Антопольского районов получили предупреждения на русском и белорусском языках от бандитов о прекращении работы в школах. Были случаи увода в лес на расправу учителей и учителей (из бывших партизан за то, что они имели мужество в таких условиях добросовестно выполнять свои обязанности [1, л. 46].

В ноябре 1944 г. бандиты напали на рабочих, восстанавливавших Белозёрский канал, убили инженера, рабочие разбежались [5, лл. 38–39]. Боевики взрывали мосты, портили линии связи. Совпархозработникам вместо своей прямой работы приходилось охранять райцентры [4, лл. 5–6]. В Дивине в 1945 г. действовал комендантский час [7, л. 36 об.].

Кроме того, бандиты срывали мобилизацию в Красную Армию (РККА) в военный период. Так, осенью 1944 г. первая попытка мобилизации в Дивинском районе имела результатом 700 дезертиров [8, л. 24]. Затем из граждан 1908–1926 г.р., подлежащих призыву, из 648 учтенных на призывные пункты явилось только 140. Остальные, получив мобилизационные повестки, почти сразу ушли в лес [1, л. 27].

О масштабах деятельности «бульбовцев» можно судить по тому факту, что, например, в селе Повить Дивинского района в сентябре 1945 г. насчитывалось свыше 100 семей, члены которых пребывали в бандах, а в ноябре – уже 160 [7, л. 1]. Парторганы области констатировали, что количество бандформирований весной 1945 г. даже увеличилось по сравнению с осенью 1944 г. [7, л. 30 об.].

Серьезной головной болью властей также стали и действия руководимой из Лондона польской военной организации «Армия Крайова» (АК). На территории Брестской области ее деятельность получила наибольшее распространение в Высоковском, Каменецком, Бerezовском и частично Кобринском, Малоритском и Дивинском районах.

Основными задачами, поставленными перед АК лондонским правительством, были следующие: 1) активизировать меры по мобилизации населения против мероприятий Советской власти; 2) агитация польского населения за создание «Великой Польши»; 3) развёртывание работы по вовлечению в ряды АК новых членов; 4) агитация против репатриации поляков и лозунг «Польша будет и здесь»; 5) агитация против призыва в РККА; 6) готовить вооруженные кадры АК для борьбы с советской властью.

Помимо военных действий с частями НКВД, аковцы проводили в данный период мощную пропаганду, часто достигавшую цели среди польского населения. Ее суть состояла в том, чтобы предотвратить переселение польского населения за черту новой границы и восстановить польское государство в пределах 1 сентября 1939 г.

Особый акцент в этой пропаганде делался на западных союзниках СССР, которые после войны нападут на СССР, а поляки должны в помощь им восстать против Советской власти. Особо отмечается антибелорусская нота в польском национальном движении на территории области (что, видимо, обусловлено тем, что она являлась частью БССР). Арестованные органами НКВД члены АК заявляли, в частности: «Белосток уже принадлежит Польше, где белорусов арестовывают, вешают и расстреливают. Польская полиция проводит на польской земле порядок. Советы считаются с поляками больше, чем с другими национальностями. Мы удивляемся их нахальству, по какому праву они не отдали Польше Гродно, Брест, Волковыск и Вильно. Но Львов будет без сомнения наш. Если Польша на бумаге будет коммунистической, то на деле он будет такой, какой был раньше» [1, л. 31]. Или: «Придет время, мы расправимся с большевиками. Рано или поздно здесь все равно будет Польша, и мы ее не отдадим ни Германии, ни СССР, а с белорусами мы расправимся» [1, л. 32].

Агитация, направленная на срыв репатриации польского населения, имела определенный успех. Многие поляки отказывались выезжать в Польшу, мотивируя это тем, что вопрос о границе окончательно еще не решен. Почву для подобных настроений давал также факт двусмысленного положения белостокского региона, фактически отошедшего к Польше сразу после освобождения от немецко-фашистских войск и официально переданный ей только через год, в августе 1945 г. АК так же, как и украинские националисты, срывала хлебозаготовки и призывы в РККА [1, л. 27].

К польскому и украинскому компонентам проблем, стоявших перед руководством области, добавился еще и белорусский. Наиболее активно белорусское национальное движение проявлялось в Ружанском, Пружанском, Шерешевском, Высоковском, Косовском и Березовском районах. Значительная часть указанной территории в годы оккупации вошла в состав Германии, и белорусские национальные организации находились под тесным патронажем германских властей. Если в других районах главный лозунг был «За независимую Беларусь», то здесь – «Организация белорусского населения на всемерную помощь немцам против партизан и Красной Армии». В названных районах активно действовали организации «Беларускі корпус самааховы» (БКС) и «Саюз беларускай моладзі» (СБМ). Например, в Высоковском районе насчитывалось 11 организаций БКС (150 членов), Шерешевском – 10 (120 членов) и др. Особую активность здесь проявляли учителя. Они являлись руководителями основного количества местных национальных организаций. Самым крупным отделением СБМ являлась Березовская и Косовская. Их члены имели свою форму и фашистскую атрибутику. Вступление в СБМ оккупанты поощряли внеочередным наделением землей, патентами на торговлю и мастерские, правом освобождения от угона в Германию.

Три года фашистской пропаганды наложили известный отпечаток на часть молодежи области. Тяжелее всего пришлось тем, у кого период становления личности и формирования мировоззрения пришелся на оккупационный период. Партийные и комсомольские органы констатировали тот факт, что бывшие члены СБМ чувствуют себя в условиях освобождения от оккупантов как чужие, на собраниях молодежи держатся обособленно и в комсомольских и других общественных делах абсолютно не активны. Отдельные их вопросы на собраниях ставили руководство в тупик: «Почему вы думаете, что между немцами и белорусами нет родственных отношений?»

или: «Когда всё-таки будет независимое белорусское государство?» [1, л. 33]. Кроме того, местная молодежь некоторое время игнорировала комсомол как организацию, и количество вступивших в нее по районам к началу 1945 г. варьировалось от единиц до десятков членов [3, л. 8].

Таким образом, тугой клубок национальных отношений, который был в значительной мере запутан немецкими оккупантами, долгое время будет являться трудно разрешимой проблемой для советской власти. На его распутывание уйдут долгие годы. Нельзя сказать, что эта проблема была решена окончательно, но следует констатировать, что власть с должной свирепостью удавила наиболее крайние проявления сопротивления, при этом иногда перегибая палку.

«Вегетарианская», пропагандистская деятельность в этом смысле оказалась малоэффективной. С белорусским национальным движением в основном справились арестами. С польским и украинским – путем вооруженной борьбы и высылками. Точку над деятельностью их организованных формирований поставит коллективизация. Централизация источников продовольствия перекрыла им каналы снабжения продовольствием, и голод к началу 1950-х гг. выгонит из леса самых упорных. При этом отдельные, хоть и вялые попытки сопротивления власти будут иметь место и в течение 1950-х гг.

Список цитированных источников и литературы

1. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 16
2. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 9
3. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 65
4. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 11. – Д. 11
5. ГАБО. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 4
6. ГАБО. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 26
7. ГАБО. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 27
8. ГАБО. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 106

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКИХ РЕПАРАЦИЙ СОЮЗНИКАМИ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (1945–1953 гг.)

Василенко Л.В.

УО «Нижневартовский государственный гуманитарный университет»,
г.Нижневартовск

Проблема германских репараций после Второй мировой войны является малоисследованной в отечественной и зарубежной историографии. В историографии изучения проблемы можно выделить три основных периода: 1) 1945–1949 гг. – послевоенный период; 2) 50-е – конец 80-х гг. XX в. – период, который характеризуется идеологической конфронтацией между западными учеными и учеными-марксистами, ограничением доступа к источникам; 3) с конца 80-х гг. XX в. до наших дней – период переосмысления событий на основе новых архивных источников и прекращения конфронтации.

На первом этапе собственно исторических работ, посвященных советской оккупации, не было. Оценки оккупационной политики в Германии в статьях и публичных выступлениях политических лидеров СССР и Восточной Германии (И.В. Сталина, В.М. Молотова, В. Пика, О. Гротевоя) зависели от изменения политического курса СССР и ГДР, международных кризисов начального периода «холодной войны» [2, 10, 13, 17].

На втором этапе к исследованиям подключаются не только руководители государств, но и ученые [3, 5, 9, 18, 20, и др.]. Советская оккупация Германии рассматривалась, как правило, в составе более широких тем: «германский вопрос» или история ГДР [1, 4, 6, 11, 12, и др.].

На третьем этапе изучения темы стало возможным ознакомление с новыми источниками проблемы. Появились как общие работы, так и специализированные исследования, рассматривающие оккупационную политику в целом или ее отдельные аспекты. Так, например, М.И. Семиряга опубликовал монографию, непосредственно посвященную советской оккупационной политике [14]. Работа М.И. Семиряги была посвящена в первую очередь политическим мероприятиям СВАГ (Советская военная администрация в Германии), поэтому ряд экономических вопросов (мероприятия в сфере финансов, транспорта, в торговле и снабжении) не был в ней рассмотрен. П.Н.Кнышевский обозначил разные аспекты проблемы репараций: от демонтажа промышленных предприятий в Германии до судьбы так называемых «перемещенных культурных ценностей», но этапы репарационной политики, маршруты транспортировки, использование оборудования в Советском Союзе, альтернативные формы взимания репараций остались при этом не раскрыты [8]. А.М. Филиповым рассмотрен дипломатический аспект оккупационной политики в рамках германского вопроса [19].

В западной историографии авторы уделяют основное внимание политическим аспектам советской оккупационной политики, экономические вопросы рассматриваются значительно реже [21–23, и др.].

Таким образом, политический аспект советской оккупации, составной частью которой являлся и вопрос репараций, изучен достаточно подробно, фрагментарно – экономический аспект, однако до сих пор нет исследования, которое бы целостно представило советскую оккупационную политику в экономике Восточной Германии, влияние мероприятий СВАГ на промышленность, сельское хозяйство, финансы, транспорт, торговлю и снабжение.

Крымская конференция глав «Большой тройки» (4–11 февраля 1945 г.) стала первой, на которой обсуждался вопрос о возмещении Объединенным Нациям ущерба, нанесенного им в период Второй мировой войны [15, с. 70–75].

В состоявшейся по советскому предложению о репарациях дискуссии была достигнута договоренность о том, что предложение о репарациях с Германией должно быть изучено специальной комиссией, которая будет работать в Москве [15, с. 75–77, 102–107].

Под репарациями в международном праве понимается вид материальной международно-правовой ответственности, состоящей из возмещения государством причиненного им ущерба в денежной или иной форме.

В заявлении конференции руководителей СССР, США и Великобритании в Крыму по вопросу о репарациях было отмечено: «Мы обсудили вопрос об ущербе, причиненном в этой войне Германией союзным странам, и признали справедливым обязать Германию возместить этот ущерб в натуре в максимально возможной мере» [15, с. 248].

На Потсдамской конференции (17 июля–2 августа 1945 г.) по репарациям были приняты следующие решения: 1) репарационные претензии СССР будут удовлетворены путём изъятий из зоны Германии, оккупированной СССР, и из соответствующих германских вложений за границы. СССР удовлетворит репарационные претензии Польши из своей доли репараций; 2) СССР получит из западных зон Германии 15% капитального оборудования, пригодного для использования, в обмен на эквивалентную стоимость различных товаров и материалов и 10% упомянутого оборудования безвозмездно; 3) репарационные претензии США, Великобритании и других стран, имею-

ших право на репарации, будут удовлетворены из западных зон и их соответствующих германских вложений за границей; 4) количество оборудования, подлежащего изъятию в счёт репараций, должно быть определено в течение 6-ти месяцев, а изъятие и его поставка странам, имеющим право на репарации, в течение 2-х лет.

По германскому военному и торговому флоту было решено, что 3 правительства назначат экспертов, которые выработают планы об использовании и распределении между союзными державами этого флота и судов.

О золоте, захваченном союзными войсками в Германии, на конференции было заявлено, что Советское правительство не имеет претензий на него [16, с. 416–417].

Уже в марте 1945 года в Москве был создан Особый комитет (ОК) Государственного комитета обороны СССР. Его председателем стал Г.М.Маленков. В состав ОК входили представители Госплана, Наркомата обороны, Наркоминдела, наркоматов обороны и тяжёлой промышленности [14, с. 120]. Этот комитет координировал всю деятельность по демонтажу военно-промышленных предприятий в советской зоне оккупации Германии. С марта 1945 по март 1946 гг. было принято 986 различных постановлений, относящихся к демонтажу более 4000 промышленных предприятий, в том числе 2885 из Германии, 1137 – немецких предприятий, расположенных в Польше, 206 – из Австрии, 11 – из Венгрии, 54 немецких предприятий, расположенных в Чехословакии [14, с. 123].

В ходе боевых действий сбором трофеев занимались специальные армейские подразделения, но демонтировать крупные промышленные предприятия они были не в состоянии, так как для этого необходим был опыт специалистов. Поэтому был создан особый институт «демонтажников», состоявший из специалистов в соответствующих областях промышленности. Позднее не только каждый наркомат промышленного профиля, но и многие крупные советские предприятия, а также различные учреждения, не имевшие к промышленности никакого отношения, отправляли в Германию своих «демонтажников». Так, например, Госкомитет по физкультуре и спорту поручил своим бригадам демонтировать плавательные бассейны. Даже Ленинская библиотека послала в Германию своих представителей для сбора и отправки в СССР книг и рукописей. Характерно, что на первых порах «демонтажники» не задумывались над экономической целесообразностью своей работы. Поучителен пример завода «Цейс» в Йене. Сначала было решено демонтировать завод полностью, но работники СВАГ были против. Тогда генерал Добровольский, командовавший тогда заводом «Цейс», заверил Москву, что полностью демонтированный в СССР завод уже через год будет работать с миллионной прибылью. В итоге установленное в СССР оборудование «Цейса» привело к дефициту в 50 миллионов рублей, в то время как завод «Цейс» в Йене, на котором еще оставалась часть оборудования, да и то устаревшего, производил продукции на сумму в 100 миллионов рублей, шедшей в счет репараций, как поставки из текущей продукции [14, с. 126].

Все работы, связанные с ликвидацией военных и военно-промышленных объектов в советской зоне, были завершены к 1 июля 1948 г., как это и было предусмотрено Московской сессией Совета министров иностранных дел. Демонтаж основного оборудования был осуществлён на 3 474 объектах и было изъято 1 118 000 единиц оборудования, из них металлорежущих станков 339 000 штук, прессов и молотов – 44 000 штук и электромоторов – 202 000 штук. Из чисто военных заводов в советской зоне было демонтировано 67, уничтожено – 170 и переоборудовано для выпуска мирной продукции – 8 [14, с. 124].

Среди демантируемых предприятий особой секретностью были окружены оборудование испытательных полигонов, заводы по производству ФАУ, научно-исследовательские учреждения, занимавшиеся атомной проблематикой, вооружением и боевой техникой, особенно ракетной.

Другим важным направлением советской репарационной политики в Германии, ставшим с 1946 г. основным, были поставки из текущего производства. Следует отметить, что демонтаж промышленных предприятий в счет репарационных поставок был болезненным для немецких рабочих, терявших свои рабочие места. В целях смягчения этих трудностей руководство СВАГ уже в начале 1947 г. приняло решение прекратить дальнейший демонтаж промышленных предприятий и на базе 119 крупных предприятий, предназначенных для демонтажа, создать советские акционерные общества (САО), которые оставались бы на территории Восточной Германии. Было создано 31 советское акционерное общество с общим уставным капиталом 4 200 млрд. марок. [7, с. 333]. Номенклатура поставок со временем подвергалась корректировке. Так, если до 1947 г. основную долю поставок составляли товары народного потребления, то в дальнейшем в поставках стала преобладать продукция машиностроительной, электротехнической и химической отраслей промышленности [14, с. 127].

Для оформления репарационных наряд-заказов принимались цены 1944 г. Представители СВАГ считали, что в условиях того времени такое решение вопроса цен было единственно возможным и корректным, т.к. обеспечивало возможность сохранения для немецких предприятий прежних условий работы над репарационными заказами, избегание излишней дезорганизации хозяйственной жизни в советской оккупационной зоне, а также обеспечивало осуществление такой финансовой политики, которая была бы направлена на сохранение прежнего уровня цен и не допущения их дальнейшего роста [14, с. 128]. Чтобы представить масштабы деятельности САО в восточной Германии, можно привести следующие данные: в 1950 г. доля САО в промышленном производстве ГДР составляла более 22 процентов. В энергетике, электронике и особенно в химической промышленности она была даже значительно выше. Эти САО просуществовали до конца 1953 г. и в 1954 г. по решению Советского правительства были безвозмездно переданы ГДР, а их стоимость в счет репараций не вошла. Особое место среди САО занимал «Висмут» – комплекс предприятий, добывавших уран в Рудных горах Саксонии. Деятельность «Висмута» прекратилась только в 1991 г. Всего было добыто 220 тысяч т радиоактивных материалов, из которых производился уран, который практически весь отправлялся в Советский Союз [14, с. 136–138].

Большое значение в советской репарационной политике отводилось использованию труда немецкой технической интеллигенции. Так, в советской оккупационной зоне Германии было создано около 200 технических бюро, около 50 экспериментальных цехов и лабораторий. Тысячи немецких ученых, инженеров, техников работали в них. Особое внимание уделялось специалистам в военной области. К 1948 г. около 200 тысяч немецких специалистов были вместе с семьями вывезены в СССР. Первой была группа ученых-ядерщиков, за ней последовали ракетчики и химики. Их роль в создании новой советской военной техники была достаточно важной [14, с. 139–143].

Что касается репараций в пользу США, Великобритании и Франции, то они реализовывались несколько иным путём. Так, оккупационные власти США, Англии и Франции вели значительный вывоз из оккупированных ими западных зон Германии угля и кокса. Производили также порубку лесных массивов и вывоз древесины. По сообщениям печати, только за 1945–1947 гг. принудительный экспорт угля и леса из Западной Германии был следующим: угля было вывезено на 500 млн. марок, или на 200 млн. долларов (при этом за тонну угля при ценах на мировых рынках 25–30 долларов немцам выплачивали всего 10,5–11 долларов), леса – на 1 млрд. марок, или на 400 млн. долларов. Эти операции не записывались в репарации, хотя по существу в значительной мере они были таковыми. По неофициальным немецким данным, в западных

зонах Германии финансирование скрытых репараций, осуществлявшиеся путем использования налоговых и других поступлений, достигло примерно 4,5 млрд. марок, или 1,8 млрд. долларов, в том числе для оплаты поставок угля и леса – 1,5 млрд. марок, или 600 млн. долларов [7, с. 336].

Помимо угля и леса, из западных зон поставлялись для вывоза и другие товары, которые не засчитывались в репарации, хотя они в действительности являлись таковыми. Речь, в частности, идет о том, что, на основании данных английской печати, немецкие банкноты стоимостью в 1,76 млрд. марок до весны 1947 г. поступали в казну английского казначейства, которое, вероятно, вы платило фунты стерлингов солдатам, сдавшим немецкие банкноты. Эти немецкие банкноты, вероятно, только частично были получены от продажи на марки продовольствия. Во всяком случае, эти марки были изъяты у немецких владельцев [7, с. 332].

По данным немецких органов самоуправления западных зон, стоимость всего демонтированного оборудования и других имущественных изъятий, связанных с репарациями капитального оборудования, составила: по Бизоний – более 2 млрд. марок (около 800 млн. долларов) и по Французской зоне – 1 млрд. марок (400 млн. долларов). Помимо этого значительная часть наиболее совершенных и ценных машин и оборудования выборочным путём была демонтирована и вывезена в Англию и Францию [7, с. 317].

Основной упор они сделали на присвоение заграничных авуаров Германии на сумму 8–10 млрд. германских марок [7, с. 133]. В их распоряжении оказались золотые запасы Германии (277 тонн) и значительная часть германского торгового и речного флотов на сумму свыше 200 млн. долларов [7, с. 363, 367]. Кроме того, они получили большой доход от патентов на различные научные и технические открытия германских учёных. Согласно немецким исследованиям, общая оценка стоимости полученных союзными державами, главным образом США и Англией, в результате изъятия патентов и связанной с ними технической документации определяется суммой в 12,5 млрд. марок, или 5 млрд. долларов [7, с. 353–360]. Осуществлялся также вывоз германских учёных в США для осуществления исследовательских работ военного значения [14, с. 134].

По данным советской печати, репарации США и Великобритании значительно превысили сумму в 10 млрд. долларов. По оценкам западных специалистов, общая сумма экономических изъятий из советской зоны в пользу СССР с 1945 по 1953 гг. составила 43,6 (в старых ценах) или 66,4 (в новых ценах) млрд. немецких марок [14, с. 134].

Таким образом, реализация репарационной политики СССР, США и Англией после Второй мировой войны оказалась значительно эффективней по сравнению с взиманием репараций с Германии в межвоенный период (1919–1939 гг.). Репарации способствовали быстрому послевоенному восстановлению экономики СССР, Англии и Франции, усилению военного потенциала бывших союзников по антигитлеровской коалиции, усилению влияния монополистического капитала США, Англии и Франции в Западной Европе и в мире.

Список цитированных источников и литературы

1. Галкин, А.А. СССР, западные державы и германский вопрос, 1945–1965 / А.А. Галкин, Д.Е. Мельников. – М., 1966.
2. Гротеволь, О. Избранные произведения (1945–1960) / О. Гротеволь. – М., 1961.
3. Дёрнберг, С. Краткая история ГДР. – М., 1971.
4. Иноземцев, Н.Н. Американский империализм и германский вопрос / Н.Н. Иноземцев. – М., 1954.
5. Кайдерлинг, Г. Берлин 1945–1975 / Г. Кайдерлинг, П. Шульц. – М., 1976.

6. Кирсанов, А.В. Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию / А.В. Кирсанов. – М., 1954.
7. Коваль, К.И. Последний свидетель: «Германская карта» в холодной войне / К.И. Коваль. – М., 1997.
8. Кнышевский, П.Н. Добыча. Тайны германских репараций / П.П. Кнышевский. – М., 1994.
9. Международные отношения после Второй мировой войны: в 3-х т. – М., 1962. – Т. 1: 1945–1949.
10. Молотов, В.М. Вопросы внешней политики: Речи и заявления: апрель 1945 – июнь 1948 г. / В.М. Молотов. – М., 1948.
11. Николаев, П.А. Политика Советского Союза в германском вопросе, 1945–1964 гг. – М., 1966.
12. Николаев, П.А. Политика США, Англии и Франции в германском вопросе, 1945–1964 гг. / П.А. Николаев. – М., 1964.
13. Пик, В. Избранные произведения. (1945–1955). – М., 1956.
14. Семиряга, М.И. Как мы управляли Германией / М.И. Семиряга. – М., 1995.
15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941– 1945 гг. – М., 1984. – Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.).
16. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941– 1945 гг. – М., 1984. – Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 авг. 1945 г.).
17. Сталин, И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза / И.В. Сталин. – М., 1948.
18. Ульбрихт, В. К истории новейшего времени. – М., 1957.
19. Филлитов, А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению: Новое прочтение / А.В. Филлитов. – М., 1993.
20. Хаффнер, С. Самоубийство Германской империи. / С. Хаффнер. – М., 1972.
21. Fisch, J. Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg. / J. Fisch. München, 1992.
22. Foitzik, J. Sowjetische Militärdadministration (SMAD) 1945–1949: Struktur und Funktion. / J. Foitzik – В., 1999.
23. Naimark, N. Die Russen in Deutschland: Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. / N. Naimark. – В., 1999.

ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСУ МИРНОГО ДОГОВОРА С ГЕРМАНИЕЙ В 1959–1960 гг.

Гавриловец Л.В.

УО «Белорусский педагогический университет имени М. Танка», г. Минск

В 1958 г. правительство ГДР подняло проблему подготовки двух германских государств к дискуссии над мирным договором. В ноте к правительству ФРГ от 4 сентября 1958 г. оно предложило создать комиссию, состоящую из представителей двух государств, которая бы занялась вопросом, связанным с подготовкой мирного договора с Германией. Правительство ПНР 14 декабря 1958 г. поддержало предложение ГДР. Советское правительство взяло инициативу в свои руки и 10 января 1959 г.

представило проект мирного договора с Германией, сформулированный на основе предложений 1952, 1954 годов. В отличие от предыдущих предложений, новый проект предусматривал подписание договора с двумя германскими государствами: ГДР и ФРГ, а не как раньше с объединённой Германией. Целью статьи является установить, какую позицию занимало правительство ПНР в связи с подготовкой мирного договора с Германией в 1959–1960 гг.

Акцентируя внимание на советском проекте мирного договора, польское правительство особенно подчёркивало значение постановлений, целью которых было предупреждение возрождения германской агрессивности. Статьи проекта предусматривали наложить на Германию обязательства мирного урегулирования международных конфликтов, отказаться от применения силы и оружия массового уничтожения и признание фактически существующих границ в Европе. Правительство ФРГ 5 января 1959 г. направило ноту правительству СССР, в которой утверждало, что «федеральное правительство не преследует на Востоке никаких политических целей, а только желает установить добрососедские отношения с народами Восточной Европы».

Правительство ПНР первоначально однозначно поддержало советский проект договора. Польская нота от 20 января 1959 г. утверждала, что «проект договора, представленный советским правительством, может и должен стать основой мирного урегулирования германской проблемы и нормализации отношений в Европе». Польское правительство также поддержало концепцию заключения мирного договора с двумя германскими государствами. Оно утверждало, что «отказ от заключения мирного договора под предлогом стремления к объединению Германии означал бы не только сохранение небезопасной для мира ситуации в Европе, но также затруднял бы процесс сближения между двумя германскими государствами – необходимое условие объединения Германии на мирных и демократических основах» [1, с. 125–127].

Необходимо отметить, что польское правительство было заинтересовано в заключении мирного договора с Германией и даже разработало ряд вопросов, которые должны быть урегулированы в мирном договоре. Прежде всего, это вопрос о польско-германской границе. Граница между Польшей и Германией должна была проходить по линии Одер-Нейсе. Во-вторых, Польша должна быть возвращены вывезенные с ее территории культурные, исторические, археологические и другие ценности. В-третьих, решен имущественный вопрос: возвращение вывезенного имущества или соответствующая компенсация, выплата пенсий и пособий польским гражданам, угнанным на принудительные работы в Германию, в концлагеря. В-четвертых, немцы должны были вернуть исторические, судебные, административные и технические документы вместе с картами, планами и оборудованием, которые касались возвращенных Польше земель. В-пятых, мирный договор должен был гарантировать преимущества Польши в таможенных и экономических делах. Также польское правительство рассматривало вопрос о «правах поляков в Германии». Предусматривалось, чтобы польские граждане наравне с немецкими гражданами обладали равными правами и возможностями, а именно – право на участие в организациях, собраниях, выпуск польской прессы, а также возможность получить начальное и среднее образование на польском языке. Интересен тот факт, что польские предложения мирного договора с Германией не содержали вопросов, касающихся военного и политического развития Германии. Эти вопросы, по мнению правительства ПНР, находились в компетенции объединенного германского правительства [2, с. 1–5].

Что касается советского проекта мирного договора, как отмечалось выше, польское правительство поддержало его, но отметило, что в нем нет некоторых постанов-

лений, в которых было бы заинтересовано именно правительство ПНР. В связи с этим советскому МИД были предоставлены первые замечания, касающиеся проекта, и польское правительство оставило за собой право внести в него некоторые поправки. В основном замечания были высказаны по вопросу материальной компенсации Польше. Польское правительство отметило, что рассматривает материальную компенсацию не как выплату репараций, а как оплату долгов и возвращение государственного и частного имущества, вывезенного в ФРГ, а также выплату индивидуальных компенсаций. Рассматривался вопрос о судоходстве, водных и сухопутных сообщениях, а именно — снятие ограничений на передвижения морским и железнодорожным транспортом, преимущества Польши в решении вопросов судоходства. Если в январе 1959 г. правительство ПНР оставило вопросы политического устройства Германии на рассмотрение правительства объединенной Германии, то уже в июле 1959 г. было принято решение добиваться включения в договор положения о количественном ограничении германских вооруженных сил. Решение этой проблемы находилось в компетенции министерства обороны ПНР. Одним из важнейших решений с политической точки зрения являлось внесение в проект мирного договора требований, касающихся признания решений Потсдамского соглашения. Это имело большое значение для Польши в случае заключения мирного договора только с ГДР. Наиболее трудным, по мнению польского правительства, было выдвижение требований выплаты компенсаций польским гражданам, вывезенным на принудительные работы в Германию, рассмотрение вопроса ответственности за военные преступления и наказания членов военных и полицейских организаций, ограничения по уходу за могилами немецких солдат. А вот вопрос свободного судоходства Польши по Кильскому каналу остался открытым для дальнейшего обсуждения. Таким образом, как отмечало правительство ПНР, мирный договор должен быть сформулирован так, чтобы удовлетворить интересы Польши в отношении ФРГ и не затрагивать отрицательные моменты в отношении ГДР [3, с. 44].

Правительство ПНР также выразило готовность участия в мирной конференции и предложило её проведение в Варшаве. Реакция польского правительства свидетельствовала о большой заинтересованности в решении германской проблемы, которая занимала центральное место во внешней политике Польши. В Варшаве 27–28 апреля 1959 г. состоялось совещание министров иностранных дел стран Варшавского договора и КНР, на котором состоялся обмен мнениями в связи с предстоящими в Женеве переговорами между государствами Востока и Запада, касавшимися Германии, включая мирный договор и берлинский вопрос. Участники заявили, что вопросы о заключении мирного договора с Германией и о ликвидации оккупационного режима в Западном Берлине являются наиболее острыми и важными и их положительное решение «поставит на прочную основу дело мира в Европе». Дальнейшее откладывание их решения «может привести лишь к усилению военной угрозы в Европе». Они также отметили, что «мирное урегулирование с Германией явилось бы важным шагом вперёд по пути к воссоединению Германии на мирной основе». Осудили попытки западных держав связать рассмотрение неотложных вопросов с другими проблемами (объединение Германии), подчеркнув, что когда существуют два германских государства, «воссоединение Германии является внутригерманской проблемой, которая может быть решена только самими немцами путём сближения и соглашения между ГДР и ФРГ без какого-либо вмешательства извне».

Участники совещания заявили, что нельзя ставить заключение мирного договора и урегулирование берлинского вопроса в зависимости от решения проблем европейской безопасности, так как каждый из вопросов «взятый в отдельности является

сложным сам по себе». Они высказались за участие в Женевском совещании представителей ГДР и ФРГ, а также Польши и Чехословакии [4, с. 432–433]. Впервые на международное совещание в качестве официальных представителей были приглашены министры иностранных дел ГДР и ФРГ, что означало признание западными державами ГДР де-факто и невозможности решать германский вопрос без представителей этих государств и несостоятельности претензий ФРГ выступать от имени всей Германии.

Однако фиаско конференции министров иностранных дел четырёх государств в Женеве значительно активизировало реваншистские силы на территории ФРГ. В июле 1960 г. правительство ПНР в специальной ноте к правительствам стран НАТО указало на усиление в ФРГ антипольских реваншистских мероприятий и поставило перед ними ряд вопросов об их отношении к территориальным претензиям правительства ФРГ к Польше. Правительства стран-участниц НАТО уклонились от занятия определённой позиции в этом вопросе. Позиция западных стран по затронутым вопросам «являлась для польского народа одним из самых существенных показателей отношения к его основным и насущнейшим интересам» [5, с. 69]. Подчёркивая необходимость решения германского вопроса путём заключения мирного договора с Германией и разумного соглашения по вопросу Западного Берлина, ПНР неоднократно заявляла о своей решимости заключить мирный договор с ГДР, если переговоры с западными державами окажутся безрезультатными.

В результате 20 января 1960 г. председатель Совета Министров ПНР созвал межведомственную комиссию (в состав вошли представители министерства финансов, внешней торговли, обороны и др.) по вопросу мирного договора с Германией, которая разработала ряд исправлений, касающихся прав и интересов Польши к советскому проекту мирного договора. Комиссия предусматривала возможность заключения мирного договора как с двумя германскими государствами, так и только с ГДР. Министерство обороны ПНР представило комиссии концепцию количественного и организационного ограничения вооружённых сил Германии. Однако, по мнению межведомственной комиссии, концепцию МО необходимо было представить на рассмотрение СССР. 10 мая 1960 г. СССР представил Польше исправленный вариант проекта мирного договора с Германией. Изменения касались проблемы вхождения германских государств в военные союзы, права использования атомной энергии в мирных целях, обязательств четырёх государств оказывать поддержку в вопросе объединения Германии, а также прав на участие германских государств в международных экономических организациях. Правительство ПНР через посольство СССР в Варшаве отметило, что не имеет замечаний по поводу внесённых изменений. Что касается польских предложений, разработанных межведомственной комиссией о внесении некоторых изменений в мирный договор, то они не были представлены ни СССР, ни другим заинтересованным социалистическим государствам. IV Департамент МИД ПНР дважды выносил этот вопрос на рассмотрение. Каждый раз руководство МИД отмечало, что нет подходящей ситуации для представления польских предложений другим государствам [6, с. 51–52]. Дело в том, что после представления польскому правительству исправленного варианта мирного договора с Германией, СССР не представил польское предложение о внесении изменений в мирный договор другим социалистическим странам, т.к. оно, по мнению советского правительства, не соответствовало уже принятым изменениям. По мнению же польской стороны, это могло создать невыгодную ситуацию для Польши во время подписания мирного договора. В связи со сложившейся ситуацией посольству ПНР в Москве было предписано в краткие сроки ознакомить МИД СССР с результатами работы межведомственной комиссии. Выяснив

позицию советской стороны в вопросе внесения польских изменений в мирный договор с Германией, можно было бы принимать решение, довести ли эти сведения до остальных государств.

Необходимо отметить, что вопрос заключения мирного договора с Германией интересовал также и церковные круги, а именно Ватикан. Заключение мирного договора и признание границы по Одер-Нейсе вело к территориальным изменениям, а, следовательно, касалось административных изменений в костеле на территориях, отошедших Польше. Однако, по мнению Ватикана, заключение мирного договора с двумя германскими государствами было маловероятным. В случае же заключения договора только с ГДР этому бы воспротивились не только католические круги Ватикана, но и западные государства, ФРГ. Таким образом, отмечали правящие круги ПНР, Ватикан прилагал усилия к снижению значения договора в зависимости от политических симпатий. Критике со стороны польского правительства подверглось также решение Ватикана об изменениях в администрации костела. Как утверждало правительство ПНР, в случае заключения договора Ватикан занял бы позицию, дискриминирующую Польшу, и поддерживал бы все требования правительства ФРГ. Наилучшим выходом для Польши было бы, если польская костельная иерархия представила Ватикану мирный договор с ГДР и на его основе вела разговоры об административных изменениях в польских костелах [7, с. 23]. Таким образом, определенные католические круги не поддерживали позицию Польши в отношении мирного договора с Германией.

Что касается непосредственно самого проекта мирного договора с Германией, то он состоял из 6 частей и 48 статей. В договоре рассматривались политические, экономические, военные и территориальные вопросы, а также вопрос компенсаций и объединения Германии. Предусматривалось, что договор с одной стороны подпишут СССР, США, Великобритания, Франция, Албания, Австралия, Бельгия, БССР, Бразилия, Болгария, КНР, Чехословакия, Дания, Финляндия, Греция, Голландия, Индия, Югославия, Канада, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, ПНР, Румыния, ЮАР, Украина, Венгрия и Италия, с другой стороны – ФРГ и ГДР, а в случае, если до момента подписания мирного договора будет создана германская конфедерация, то договор будет заключен с германской конфедерацией. Выделим наиболее важные, по мнению автора, статьи проекта мирного договора. Так, в статье 2 говорилось о формулировке названия «Германия». До момента объединения Германии предусматривалось понимать под этим названием два существующих германских государства – ГДР и ФРГ, причем все права и обязанности, предусмотренные мирным договором, в равной степени касались как ФРГ, так и ГДР. В статье 3 и 4 признавались суверенитет германского народа, территориальная целостность «Германии», невмешательство во внутренние дела германских государств. «Германия» не могла входить в состав ни одного военного союза, в том числе союзы, которые возглавлялись четырьмя главными государствами – СССР, США, Великобританией и Францией (статья 5). Так, при вступлении мирного договора в силу ГДР и ФРГ будут освобождены от членства в организациях ОВД и НАТО, а также ЕС [8, с. 36–37].

В проекте мирного договора также был рассмотрен один из важных вопросов – территориальный. Границы «Германии» оставались прежними по состоянию на 1 января 1959 г. «Германия» отказывалась от права владеть городом Гданьском, была установлена польско-германская граница по линии Одер-Нейсе, подтверждены и признаны изменения и делимитация немецких границ на основе договоров, заключенных в период от мая 1945 г. до 1 января 1959 г. (статья 9, 12). Проживавшее на территории «Германии» население вне зависимости от расы, пола, вероисповедания, националь-

ности, языковых и политических предпочтений имеет право на личную свободу, свободу слова, печати, вероисповедания, вхождения в общественные и политические организации, собрания, не подвергается дискриминации на основе действующего германского законодательства. Это также касалось граждан немецкого происхождения, переселенных на территорию «Германии» на основе постановлений Потсдамской конференции 1945 г. (статья 14). Среди политических вопросов, рассмотренных в проекте мирного договора, необходимо отметить обязанности «Германии» соблюдать свободу деятельности политических партий и других организаций, не допустить деятельности на ее территории национал-социалистической партии, эмиграционных партий и организаций, выдвигающих требования ревизии германских границ (статья 16-18) [8, с. 39–41].

Предусматривалось, что германские государства будут сотрудничать с другими государствами по вопросу репатриации граждан другой национальности на их родину, которые оказались на территории «Германии» во время войны и наоборот, а также на протяжении 6 месяцев после вступления в силу мирного договора вернутся в Германию все германские специалисты (статья 21). Согласно статьям 22–25 государства, принявшие проект мирного договора с Германией, готовы оказать помощь в разрешении споров, возникших между ГДР и ФРГ по вопросу объединения, а до тех пор, пока не будет создано объединенное германское государство, Западный Берлин сохраняет статус свободного города. «Германии» разрешалось иметь свои вооруженные силы (сухопутные, воздушные и морские). Служить в немецких войсках не имели право лица, наказанные за военные преступления, преступления в отношении человечества, лица не немецкого происхождения. Запрещалось обладать, производить, приобретать и испытывать атомное оружие и другие средства массового уничтожения, в том числе биологическое и химическое оружие, иметь ракеты, самолеты-бомбардировщики, подводные лодки. После заключения мирного договора в течение 6 месяцев количество иностранных войск уменьшится до 1/3, будут ликвидированы военные базы. Также германское население обязано отдавать дань уважения, охранять и содержать должным образом находящиеся на территории Германии могилы военнопленных, армейские памятники (статья 26–31) [8, с. 44–47].

Таким образом, в 1959–1960 гг. диалог между ведущими державами бывшей антигитлеровской коалиции оказался малопродуктивным, так как проекты мирного договора совершенно расходились. Советская концепция требовала признания двух немецких государств, западная – скорого их воссоединения. Польские правящие круги поддерживали проект ГДР 1957 г. о «немецкой конфедерации», а также советский план от января 1959 г., требующий мирного договора с двумя немецкими государствами. Позиция польского правительства по проекту мирного договора с Германией носила противоречивый характер. Вначале правительство ПНР поддерживает советский проект мирного договора, затем предлагает внести изменения, касающиеся интересов Польши, но не добивается никаких значительных результатов в силу нерешительных действий руководства МИД ПНР.

Список цитированных источников и литературы

1. Tomala, M. Warszawa – Berlin – Bonn (1944–1980) / M. Tomala. – Szczecin: Wyd-wo Glob, 1987. – 399 s.
2. Notatka określająca szczególne zainteresowania Polski w aspekcie traktatu pokojowego z Niemcami // Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (AMSZ). – Z. 26. – W. 16. – T. 99. – L. 1–5.
3. Notatka informacyjna w sprawie prac przygotowawczych do zawarcia traktatu pokojowego z Niemcami // AMSZ. – Z. 23. – W. 14. – T. 165. – L. 44–46.

4. Зуев, Ф.Г. Социалистическое содружество и разрядка в Европе / Ф.Г. Зуев, отв. ред. С.И. Прасолов. – М.: Наука, 1984. – 335 с.
5. Томашевский, Д.Г. Внешняя политика ПНР / Д.Г. Томашевский. – М.: Международные отношения, 1963. – 87 с.
6. Notatka, Warszawa, dnia 4 listopada 1960 r. // AMSZ. – Z. 23. – W. 14. – T. 165. – L. 51–52.
7. Notatka, Warszawa, dnia 30.IX.1961 r. // AMSZ. – Z. 26. – W. 2. – T. 14. – L. 23–24.
8. Projekt traktatu pokojowego z Niemcami // AMSZ. – Z. 26. – W. 2. – T. 14. – L. 36–53.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛУЖБЫ ЭНЕРГОНАДЗОРА И СБЫТА ЭНЕРГИИ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Галимова Н.П.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

В довоенный период начальную ячейку энергосбыта в Минске в составе цеха электросетей первой минской городской электрической станции (ГЭС-1) представлял в одном лице электромонтер-контролер М. Гринкевич. В 1939 г. создается абонентский отдел при Управлении сетей и подстанций (УСП) (начальник отдела – И.Д. Гальперин). Однако полностью сформироваться УСП не успело, а отдельные его службы оставались в ведении ГЭС № 1. После окончания Великой Отечественной войны в соответствии с приказом по Народному комиссариату народного хозяйства (НКХХ) БССР от 17.07.1944 г. УСП возобновило свою работу в непосредственном подчинении Главного управления этого наркомата.

Распоряжением СНК БССР № 119/15 от 29.08.1944 г. персонал электросетей переводится в ведение РЭУ «Белорусэнерго». На базе УСП в Минске с подчинением Белорусэнерго создается республиканское электросетевое предприятие – Управление воздушных и кабельных электрических сетей (УВКС). В структуре УВКС в Витебске, Орше, Могилеве, Минске (вместо УСП) образуются районы электросетей и подразделения энергосбыта.

Электрические сети других областных городов, райцентров республики и организаций энергосбыта, не вошедших в УВКС, продолжали оставаться в ведении Главэнергоуправления НКХХ БССР. 07.10.1944 г. приказом № 41 по УВКС, на основании приказа РЭУ № 43, абонентский отдел при бывшем УСП преобразовывается в самостоятельную структурную единицу – Энергосбыт, с непосредственным подчинением РЭУ. Энергосбыт в Минске осуществлял методическое руководство отделениями в районах УВКС. Отдельным пунктом приказа оговаривается «с сего числа передать энергосбыту прием заявок на новые включения».

07.03.1945 г. управляющим Белорусэнерго В. В. Равным издается приказ № 22, которым устанавливаются основные направления работы энергосбыта на начальной его стадии. К ним отнесены: очный учет абонентов и других потребителей, выдача каждому из них абонентских книжек, проверка правильности подключения к сети, организация контроля за потреблением электроэнергии, строгое соблюдение установленных лимитов. Требовалось каждые сутки давать рапорт с указанием о неисправностях в электроснабжении, причинах аварий, о самовольных подключениях, переборщиках лимитов, виновных в этом лицах, принятых мерах; фамилии выявивших нарушение и их поощрение. Подключение потребителей к сети устанавливалось только после заключения договора, приемки установок, приборов учета и др. документов. Рекомендовалась организация общественного контроля за правильным расходованием электроэнергии. Превышение лимита на 40–50 кВт считалось большим нарушением. Виновные подвергались штрафным санкциям.

Послевоенный Минск был практически полностью разрушен. Вначале коллектив Энергосбыта состоял из 7 человек, размещался в двух служебных комнатах на Минской ТЭЦ-2.

По мере восстановления жизни города развивался и Энергосбыт. Организуется фабрично-заводская инспекция (ФЗИ), начальник – Л.П. Лившиц, абонентская служба – А.М. Держанович; группа режимов, начальник – Н.В. Панков, главный инженер – В.Д. Мисников. С течением времени на ТЭЦ-2 были выделены дополнительно еще две служебные комнаты.

Минск переживал очень большой голод в электроэнергии. К концу 1945 г. имелись своя электростанция на кожзаводе «Большевик» – энергопоезд на ТЭЦ-2 – 3 тыс. кВт, турбоагрегат на ГЭС-1 – 1200 кВт и еще несколько мелких электростанций на ряде промышленных предприятий [2]. С большими трудностями, не полностью, удовлетворялись основные нужды города: хлебозавод, мяскокомбинат, больницы, детские учреждения. Кроме дефицита по мощности, были трудности с топливом, которое завозили из Донбасса и других районов страны. Трамвайного движения не было, работники предприятия жили в общежитии на ТЭЦ-2, и только через год получили квартиры и смогли привезти свои семьи. Коллектив принимал активное участие в восстановлении города. Систематически проводились воскресники на электростанциях, где каждый должен был отработать по 40 часов [1, с. 224].

Для промышленных предприятий устанавливались строжайшие лимиты по мощности и расходу электроэнергии. Лимиты ежедневно проверялись сотрудниками Энергосбыта. За нарушение лимитной дисциплины предприятия штрафовались от 100 до 10 тыс. рублей и персонально до 1 000 рублей. Штрафы предъявлялись и за другие нарушения правил пользования электроэнергией. Были установлены жесткие лимиты для населения: от 10 до 20 кВт·ч в месяц. Категорически запрещалось пользование какими-либо электронагревательными приборами.

При таком мизерном лимите ежедневно в вечернее время отключались трансформаторные подстанции, питающие быт. Ночью подстанции включались. Эти мероприятия проводились на протяжении ряда лет. Вот тогда особенно остро встал вопрос об экономии электроэнергии и топлива. Были изданы специальные постановления Совета Министров СССР и БССР. Лимит и графики отключений потребителей ежемесячно утверждались правительством республики.

Электроснабжение города и республики с каждым годом улучшалось. С подключением новых абонентов росли и штаты Энергосбыта. Появились мастерская, абонентская служба, энергоинспекция.

С самого начала организации энергосбыта постоянно возрастал объем работ абонентской службы. В то время в Минске насчитывалось 15 тыс. бытовых абонентов. Обработка документов велась примитивно, вручную, никакой вычислительной техники не было. Приходилось держать большой штат счетных работников.

Созданная структура объединенного предприятия – энергосбыт Управления энергетики СНХ БССР с централизованным организационным и техническим руководством – обеспечила более эффективное ведение установленного законом надзора за рациональным расходованием в республике электро- и теплоэнергии, соблюдение правил эксплуатации энергоустановок промышленных и коммунально-бытовых потребителей, организаций и учреждений, установила ответственность лиц за нарушение требований директивных документов, правил пользования электро- и теплоэнергией промышленных предприятий, регулирование графиков режимов энергопотребления и др. Внедрялись более совершенные методы расчетов с потребителями, контроля за соответствием установленных тарифов по группам потребления, организации и учета и др.

В системе Энергосбыта группа режимов, которая была организована в 1945 г., всегда играла важную роль. Планирование нагрузок и потребления электроэнергии, регулирование суточных графиков нагрузок предприятий, а в первые десятилетия после войны и республики в целом; разработка и осуществление контроля за выполнением графиков ограничений и отключений потребителей при дефиците мощности и энергии в энергосистеме, контроль за выполнением всех мероприятий, улучшающих режимы работы энергосистемы, — эти и другие вопросы всегда составляли главное содержание работы группы режимов.

На Минской ТЭЦ-2 в 1946 г. была организована первая мастерская по ремонту счетчиков. Сначала она не имела даже своего помещения, и работники занимались установкой и наладкой приборов учета на местах. 29 июля 1948 г. был введен в эксплуатацию стенд для проверки электросчетчиков. Ежедневный план предусматривал проверку 10 счетчиков. Начался регулярный ремонт приборов учета [1, с. 225].

Работа Энергоинспекции в первые годы после окончания войны в период восстановления народного хозяйства заключалась, в основном, в осуществлении надзора за техническим состоянием электроустановок, соблюдением потребителями элементарных правил и норм по электробезопасности и допуске в эксплуатацию новых электроустановок. Инспекция также занималась вопросами рационального использования электроэнергии на промышленных предприятиях, хотя в значительно меньшей степени, чем в последующие годы.

Разрушенная почти полностью промышленность республики находилась в стадии восстановления. Достаточно сказать, что отчеты о выполнении норм расхода электрической энергии за 1946 г. представляли всего 12 предприятий, размещенных на территории Минской, Витебской и Могилевской областей. Надзор за предприятиями Гомельской, Брестской и Гродненской областей Инспекция энергосбыта Белорусэнерго в то время не проводила.

Инспекция, являясь отделом Энергосбыта, осуществляла методическое руководство работой инспекций в отделениях Энергосбыта в Могилеве, Орше и Витебске.

Список цитированных источников и литературы

1. Белорусская энергетическая система. — Минск: ООО «Асар», 2001.
2. Национальный архив Республики Беларусь. — Фонд 125. — Оп. 3. — Д. 1.

АБАРОНА БРЭСЦКАЙ КРЭПАСЦІ ў ВЕРАСНІ 1939 г.

Гарматны В.П.

УО “Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт”, г. Мінск

З 1921 па 1939 гг. у Брэсце-над-Бугам (так тады называўся Брэст), у крэпасці, якая згубіла сваё былое стратэгічнае значэнне, і навакольных фартах размяшчаліся тылавая часткі IX акругі (ДОС-IX) польскай арміі. Вяскою 1939 г. у Брэсцкай крэпасці заставаліся маршавыя батальёны 82-га і 35-га пяхотных палкоў, воінскія падраздзяленні розных відаў войскаў і службаў, укамплектаваныя ў асноўным беларусамі. Разам з тым у крэпасці было досыць мабілізаваных рэзервістаў, якія ў асноўным паходзілі з Берасцейшчыны і Кобрыншчыны і чакалі адпраўкі ў армію [3, с. 14].

Вайна для жыхароў Брэста, як і для большасці грамадзян тагачаснай Польшчы, пачалася 1 верасня 1939 г. У гэты дзень нямецкая авіяцыя бамбіла аэрадром Малашэвічы,

Брэсцкі вакзал, казармы 35-га і 82-га пяхотнага палкоў на Граеўцы. У далейшым горад і крэпасць неаднаразова падвяргаліся паветраным налётам, у выніку чаго з'явіліся першыя забітыя і параненыя, таму камандуючы акрутай генерал Францішак Клебэрг прыняў рашэнне аб эвакуацыі з крэпасці сямей афіцэраў і вольнанаёмных [10, с. 10].

Салдаты-ўдзельнікі тых падзей успаміналі: “Ужо 1 верасня 1939 г. апоўдні 2 нямецкіх бамбардзіроўшчыкі бамбілі крэпасць. 2 верасня ізноў бамбілі. (Мы), знаходзячыся ў акопах, спрабавалі падбіць (самалёты), але былі абстраляны” [6, с. 10]. Брэсцкі павятовы староста Е. Хэйль 3 верасня паведамляў палескаму ваяводзе: “Дакладваю, што 2.09.1939 г. атрыманы наступныя паведамленні аб выніках налёту нямецкіх самалётаў... У 17 гадзін

7 нямецкіх самалётаў зрабілі налёт на крэпасць у Брэсце-над-Бугам, скінулі каля 10 бомб, пры гэтым былі пашкоджаны чыгуначнае палатно на Варшаўскім шляху, склад вопраткі, Белы палац; дзве бомбы трапілі на коней падчас працы камісіі па іх адбору. Ёсць забітыя і параненыя...” [3, с. 14].

7 верасня 1939 г. у Брэсце-над-Бугам спыніўся галоўнакамандуючы польскімі ўзброенымі сіламі і фактычны кіраўнік II Рэчы Паспалітай маршал Эдвард Рыз-Сміглы, аб гэтым стала вядома нямецкай разведцы. На горад быў здзейснены авіяналёт – бомбы рваліся ўсяго ў ста метрах ад гасцініцы, дзе пражываў маршал. Штаб хутка пераехаў у крэпасць, а 10 верасня маршал і яго падначаленыя пакінулі горад і рушылі на Вальнь [2, с. 3]. З аўтакалонаю галоўнакамандуючага з Брэста і Малашэвіч з'ехала большая частка батарэі 9-га дывізіёна зенітнай артылерыі. У ноч з 12 на 13 верасня штаб генерала Клебэрга перадыслакаваўся ў раён Пінска.

11 верасня быў сфармаваны штаб групы, якая атрымала назву “Брэст”, на якую ўсклалі заданне абароны подступаў да крэпасці, вонкавай лініі фартоў, а ў выпадку яго невыканання – падрыў мастоў і ўтрыманне 4-х асноўных умацаванняў. Адказнасць за выкананне гэтага задання лягла на камандуючага абаронай 49-гадовага адстаўнога брыгаднага генерала кавалерыі Канстанцы Плісоўскага, яго намесніка камандзіра пяхоты падпалкоўніка ў адстаўцы Юліана Сасабоўскага, начальніка штаба падпалкоўніка Алаіза Хорака, начальніка сувязі – капітана Ежы Ежыеўскага, камандзіра палявой артылерыі маёра Станіслава Камарніцкага, камандзіра зенітнай батарэі капітана Станіслава Малецкага. Гэты штаб напалову складаўся з афіцэраў запаса, сярод якіх былі інваліды Першай сусветнай вайны, няздатныя да нясення стравай службы [6, с. 10].

Камандны пункт падпалкоўніка Ю. Сасабоўскага знаходзіўся паміж Брэсцкай і Штабной-Брэсцкай брамамі. Камандуючы абаронай К. Плісоўскі і начальнік штаба падпалкоўнік А. Хорак ажыццяўлялі агульнае кіраўніцтва абаронаю крэпасці з жалезабетоннага сховішча ў Цытадэлі, дзе знаходзілася тэлефонная станцыя, якую абслугоўвалі сувязісты з паліграфічным запасу Браніслава Матэйка. Пазіцыі на фартэчных валах, а таксама розныя аб'екты ўнутры Цытадэлі занялі астатнія падраздзяленні [7, с. 272].

Групоўка “Брэст” складалася з маршавых батальёнаў 34-га, 35-га і 82-га пяхотных палкоў, 1-й роты маршавага батальёна 33-га палка, 81-га, 82-га вартавых, 56-га сапёрнага батальёна, 112-й і 113-й асобных танкавых рот, на ўзбранны якіх было па 15 старых французскіх машын “Рэно” FT-17, а таксама ўзвода танкетак TKS, 9-га аўтамабільнага дывізіёна, 49-га дывізіёна палявой артылерыі, 3-й зенітнай батарэі, вартавой роты, роты сувязі, асобных груп афіцэраў і салдат розных родаў войск і медыка-санітарнай службы. Сілы польскай абароны налічалі ўсяго каля 4000 (па іншых дадзеных – 3150) салдат і афіцэраў – гэтага было безумоўна недастаткова, каб арганізаваць і забяспечыць абарону горада і ўсіх фартоў крэпасці, а таксама Цытадэлі.

У такіх умовах Плісоўскі прыняў рашэнне абараняцца толькі ў Цытадэлі і навакольных Кобрынскім і Цярэспальскім фартах [1, с. 85–86].

Менш чым праз два тыдні пасля пачатку вайны германа-польскі фронт апынуўся побач з Брэстам. З поўначы, прарваўшыся з Усходняй Прусіі, да горада імкліва набліжаўся 19-ты корпус 4-й германскай арміі пад камандаваннем генерала Гейнца Гудэрыяна ў складзе 3-й і 10-й танкавых, 2-й і 20-й матарызаваных дывізій [2, с. 8]. Немцы валодалі над палякамі значна перавагаю ва ўзбраенні і жывой сіле (у пяхоте – у 2 разы, у танках – у 4 разы, артылерыі – ў 6 разоў), што гарантавала ім поспех. Пры гэтым палякі нічога, акрамя старых валоў і казематаў, не маглі супрацьпаставіць агню нямецкай артылерыі і бамбардзіроўкам авіяцыі. Супраць 154 нямецкіх танкаў было паўтара дзесятка супрацьтанкавых ружжаў, 36 састарэлых танкаў і танкетак; супраць 260 гармат і мінамётаў – 18 палявых гармат і 8 зенітак.

13 верасня 1939 г. адбыліся першыя сутыкненні паміж абаронцамі і нямецкай разведкай. Каб скаваць сілы ворага, Плісоўскі выслаў насустрач два броненягнікі капітанаў А. Падгурскага і М. Маліноўскага, а потым, прадбачачы вялікую верагоднасць таго, што немцы зоймуць Брэсцкі чыгуначны вакзал і перарэжуць чыгунку, накіраваў іх у бок Ковеля.

На наступны дзень 3-я танкавая дывізія генерала Гейера фон Швэпенбурга захапіла Жабінку, перарэзала чыгунку на Кобрын і Баранавічы, і ўступіла ў бой з патрулямі дывізіі “Кобрын”, 10-я танкавая дывізія генерала Штумпфа без бою захапіла Брэст і чыгуначны вакзал – заставалася толькі крэпасць [4, с. 118]. Першы націск быў адбіты агнём супрацьтанкавых ружжаў, артылерыі і 112-й танкавай роты паручніка Вацлава Стакляся. Спраба немцаў уварвацца ў Цытадэль магутнай танкаваю атакаю, выкарыстоўваючы фактар раптоўнасці, правалілася. Непераадольнаю заслонаю на шляху нямецкіх танкаў сталі састарэлыя “Рэно”, якія заблакіравалі Брэсцкую браму сваімі карпусамі і агнём. Дзеля падстрахоўкі ў 150 метрах ззаду знаходзілася пазіцыя батэрэі зенітнай артылерыі паручніка Анджэя Блешынскага. Некалькі нямецкіх машын падарваліся на мінах, пяхота расстрэльвалася ва ўпор з добра замаскіраваных стралковых пазіцый [1, с. 87].

Вечарам некалькі дзесяткаў нямецкіх танкаў і пяхота пры падтрымцы артылерыі і авіяцыі атакавалі крэпасць з поўдня, аднак пасля чатырохгадзіннага бою былі вымушаны адступіць, страціўшы 7 машын. Каля 80 танкаў 8-га палка вялі жорсткі бой з 113-й танкавай ротай паручніка Ежы Астроўскага, якая трымала абарону на агародах Паўночнага вострава. У гэтым баі рота страціла ўсе машыны і перастала існаваць як самастойнае падраздзяленне. Яе рэшткі адыйшлі за валы, але і тут праціўнік быў спынены. Пасля гэтага Гудэрыян стаў рыхтавацца да планамернага штурму.

Пасля перагрупуючій сіл Г. Гудэрыян арганізаваў масавы штурм па ўсіх вайсковых правалах: 10-я танкавая дывізія павінна наступашч уздоўж шашы Чарнаўчыцы-Брэст, 20-я матарызаваная – з усходняга і паўднёвага боку і завяршыць акружэнне крэпасці. Усю ноч нямецкая артылерыя абстрэльвала Брэсцкую крэпасць. У сваю чаргу палякі дзвюма групамі дабраахвотнікаў зрабілі вылазку ў месца знаходжання праціўніка. Камандзір адной з гэтых груп падларучнік Ежы Жаліхоўскі дакладваў начальству, што ім удалося знішчыць некалькі варожых танкаў і бронеаўтамабіляў [9, с. 11].

Ранкам 15 верасня пасля масіраванай артылерыйскай і авіяцыйнай падрыхтоўкі часткі 10-й танкавай і 20-й матарызаванай дывізій пайшлі на штурм. Палякі аказвалі адчайны супраціў. Бой, які ў многіх месцах пераходзіў у рукапашную, працягваўся ўвесь дзень. Падчас агнявой падрыхтоўкі і паветраных налётаў абаронцы ўмацаванняў астаўлялі назіральнікаў і спускаліся ў казематы, а калі наступала цішыня, займалі

акопы і працягвалі бой. Прыступ быў адбіты. Параненых польскіх салдат санітары адносілі ў шпіталь, частку з іх праз Сапёрныя вароты і Авіяцыйны востраў потым здолелі эвакуаваць у Цярэспаль [8, с. 15].

Жорсткі бой працягваўся ўвесь дзень, пад вечар атака нямецкай пяхоты, нягледзячы на падтрымку артылерыі і авіяцыі, канчаткова спынілася. Нешматлікія падраздзяленні абаронцаў сталі для нямецкіх дывізіі нецерадольна заслонаю, а крэпасць – магутным бастыёнам. Немцы перайшлі да асады Цытадэлі, сістэматычна наносячы вялікія страты польскім пазіцыям, але абаронцы заставаліся на сваіх месцах [7, с. 273].

Каля 10 гадзін раніцы 16 верасня 1939 г. штурмавыя атрады 10-й танкавай і 20-й матарызаванай дывізіі сіламі двух пяхотных батальёнаў пры падтрымцы танкаў і артылерыі павялі рашаючы наступ на лінію польскай абароны. Германская пяхота паднялася на грэбне валоў, але атака зноў захлягнулася. Для немцаў гэта была першая “сапраўдная” вайна, гарачка і мітусня рэальнага бою зламалі выдатна адпрацаваныя на вучэннях схемы: так, салдаты танкавай дывізіі не выканалі загад наступаць адразу за агнявым валам, а штурмавыя групы другой хвалі з запалам стралялі ў спіну сваім жа перадавым часткам. Асабліва жорсткая сутычка адбылася каля Брэсцкай брамы [3, с. 15]. Занепакоены Гудэрыян прыбыў на месца бою асабіста, але і ў яго прысутнасці пяхота не дабілася нічога і адступіла з вялікімі стратамі. Дакладным стрэлам польскага снайпера быў паранены ад’ютант камандуючага корпусам падпалкоўнік Браўбах, які праз некалькі дзён памёр [2, с. 8].

За два дні працяглых баёў толькі 69-ты полк 20-й нямецкай мотадывізіі згубіў 127 чалавек забітымі, 7 патанулымі і 237 параненых, аднак і становішча абаронцаў крэпасці становілася безнадзейным. Групоўка “Брэст” была на мяжы знішчэння, страты забітымі і параненымі складалі каля 40%, заканчваліся боепрыпасы, не было дапамогі і сувязі, толькі 5 гармат заставаліся яшчэ прыдатнымі для выдзеньня бою. Генерал Плісоўскі атрымаў раненне ў плячо аскепкам гранаты, падпалкоўніка Хорака кантузіла, быў паранены маёр Камарніцкі. Гарэлі казармы, разбураны Белы палац і будынак Інжынернай управы, на асобных участках немцам удалося зачэпіцца за крэпасныя валы і вымусіць польскія часткі адступіць у Цытадэль [8, с. 15].

На нарадзе камандзіраў было вырашана пакінуць крэпасць, каб захаваць людзей для далейшай барацьбы. Адзіны выхад з цытадэлі заставаўся па незанятым ворагам Цярэспальскім мосце на заходні бераг ракі Буг. У ноч з 16 на 17 верасня 1939 г. польскія войскі сталі пакідаць крэпасць. Праз Сапёрныя вароты выйшлі камандаванне і штаб абароны, маршавыя батальёны 34-га і 35-га палкоў, вартавыя батальёны, артылерысты, рота сувязі, абоз і машына з параненымі салдатамі і афіцэрамі [9, с. 11].

Сапёры 2-й роты пад камандаваннем падпаручніка Казіміра Гіаро, якія павінны былі аставіць баявыя пазіцыі алошнімі, знішчыць за сабою масты і замяніраваць шлях, чакалі каля Штабной брамы падраздзяленні 82-маршавага батальёна, якія вялі бой у Кобрынскім умацаванні. Двое сувязных, пасланыя да камандзіра батальёна капітана В. Радзішэўскага з загадам адыходзіць, назад не вярнуліся. Потым высветлілася, што камандзір заявіў сваім падначаленым, што дазваляе ім адступіць, але сам застанецца змагання. Салдаты вырашылі застацца і змагання разам з камандзірам [2, с. 8].

Каля поўначы сапёры пры святле нямецкіх ракет бачылі танкі і пяхоту, якія ішлі з поўначы да цытадэлі. Адначасова прыйшла вестка аб тым, што шлях на Цярэспаль перакрыты ворагам. Два ўзвода 2-й роты аказаліся адрэзанымі на Цэнтральным востраве. У гэтых абставінах паручнік Ян Палячэк прыняў рашэнне прарывацца праз нямецкія заслоны ў паўднёвым накірунку па правым баку Буга. Пакідаючы крэпасць, сапёры ўзарвалі адзін з мастоў разам з нямецкім танкам.

Невялікі атрад польскіх войскаў прайшоў праз Шпітальны востраў і Хелмскую браму і паспяхова выйшаў каля вёскі Страдзічы. Затым, пераправіўшыся праз Буг, сапёры далучыліся да адыходзячай на поўдзень групыкі “Брэст”. Праз нямецкія пазіцыі здолеў прабіцца і капітан Радзішэўскі.

Частка абаронцаў крэпасці, ідучы ў напрамку Цярэспаля пад агнём нямецкай артылерыі, заблукала, награвіла на ворага і была ўзята ў палон, але большасць палякаў здолела пакінуць Цытадэль і без вялікіх страт прыбыць у дамоўлены раён збору каля Кодня.

Ноччу з 16 на 17 верасня 1939 г. немцы перакінулі на левы бераг Буга 76-ты пяхотны полк 20-й мотадывізіі пад камандаваннем палкоўніка Голніка, плануючы наступ з заходняга напрамку [4, с. 119]. У цемры на шашы адбылося некалькі сутычак адстапаючых палякаў з нямецкімі патрулямі. Загарэліся машыны 9-га польскага дывізіёна, загінулі многія параненыя і камандзір дывізіёна маёр Уладзіслаў Яскульскі.

У сваіх мемуарах Гудэрыян пісаў, што немцы ўвайшлі ў крэпасць адразу за палякамі, але гэта было не так. Усю ноч на пустую крэпасць працягвалі падаць снарады і толькі ў першай палове дня 17 верасня праз Авіяцыйны востраў у Цытадэль уварваўся 76-ты пяхотны полк немцаў, а з боку горада ў крэпасць увайшла частка 20-й матарызаванай дывізіі.

Страты абодвух бакоў у гэтых баях дакладна падлічыць немагчыма. Адрозна пасля штурму крэпасці было пахавана некалькі соцень забітых немцаў. Да вясны 1941 г. у Брэсце дзейнічала спецыяльная нямецкая камісія, якая займалася адпраўкаю рэшткі сваіх салдатаў у Германію. У палон у раёне крэпасці трапіла 980 польскіх салдат і 8 афіцэраў, у асноўным параненыя. Шмат цяжкапараненых і кантужаных прыйшлося пакінуць у шпіталі. Разам з імі да канца былі ўрачы-афіцэры, санітары і медсёстры на чале з капітанам Феліксам Драганам [7, с. 275].

Прыг некалькі дзён у Брэст увайшлі часткі Чырвонай Арміі пад камандаваннем камбрыга Сямёна Крывашэіна, і 22 верасня 1939 г. адбыўся сумесны парад нямецкіх і савецкіх войск. У сяброўскай размове з камбрыгам Гудэрыян некалькі разоў згадаў, што пад Брэстам яго корпус панёс вялікія страты. Генерал не перабольшваў, страты былі сапраўды вельмі вялікімі. Да адводу войскаў за дэмаркацыйную лінію немцы нават не паспелі эвакуаваць сваіх параненых і падабраць пашкоджаныя танкі.

На гэтым не скончылася гераічная абарона Брэсцкай крэпасці польскімі войскамі ў верасні 1939 г. Ноччу 17 верасня мужны капітан Радзішэўскі разам з ацалелымі салдатамі свайго батальёна і адною гарматаю вярнуўся ў крэпасць і ізноў заняў абарону ў форце Сікорскага. Двое сутак немцы займаліся прыборкай крэпасці і не звярталі ўвагі на форт, які лічылі пустым.

19 верасня з’явіўся матацыклетны патруль з парламентарыямі, якія прапанавалі палякам здацца ў сувязі з бессэнсоўнасцю далейшага супраціўу, але іх прапанова не была прынята. Германскія салдаты блакіравалі форт, усталявалі некалькі гаубіц і з раніцы 20 верасня пачалі сістэмы абстрэл умацаванняў, аднак артылерыйскі агонь фугаснымі снарадамі сярэдняга калібра не мог нанесці польскаму гарнізону якіх-небудзь сур’ёзных страт, а пяхота форт не атакавала. Форт знаходзіўся на добра прагляданай і абстрэльваемай з высокіх валюў мясцовасці. Генерал Гудэрыян вырашыў перадаць гэтую “стрэмку” рускім.

Вечарам 22 верасня пасля магутнага артылерыйскага налёту ў форт паспрабавалі праварваць два савецкія бронеаўтамабіля. Першы з іх палякі падпалілі стрэлам з гарматы, другі зваліўся ў роў. Затым у атаку тройчы падымалася савецкая пяхота і кожны раз несла вялікія страты. 23 верасня “саюзнікі” былі заняты пераходам Брэста і

крэпасці пад савецкую ўладу, але 24-га і 25-га з розных бакоў ізноў безвынікова паспрабавалі авалодаць фортам. Нарэшце, 26 верасня савецкія военачальнікі падцягнулі цяжкую артылерыю і пачалі масіраваны штурм, падчас якога абодва бакі панеслі вялікія страты, але форт застаўся ў руках палякаў.

Усе рэсурсы для абароны форта былі вычарпаны, таму В. Радзішэўскі сабраў апошніх абаронцаў форта, падзякаваў ім за службу і параіў усім, хто можа ісці, дабірацца дадому (згодна польскім крыніцам, азварэлыя чырвонаармейцы закалолі штыкамі застаўшыхся ў форце параненых разам з урачамі і мядсёстрамі). Радзішэўскі і астатнія салдаты дайшлі да вёскі Мухавец, дзе ў хаце мясцовай жыхаркі пераапануліся ў грамадзянскую вопратку, аставілі дакументы і разыйшліся ў розныя бакі. Радзішэўскі накіраваўся ў Брэст, а потым у Кобрын, дзе павінна была знаходзіцца яго сям'я. Ён знайшоў жонку і дачку, але хутка з-за даносу быў арыштаваны, перададзены НКУС і зноў трапіў у Брэсцкую крэпасць, на гэты раз у "Брыгіткі", дзе сядзелі польскія афіцэры.

Пакідаючы Брэст, немцы перадалі ўсіх палонных палякаў, сярод якіх былі і абаронцы крэпасці, савецкаму камандванню. Пасля сарціроўкі большасць радавых, у першую чаргу ўраджэнцаў Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, адпусцілі па хатах. Афіцэраў, паліцэйскіх, жандараў і параненых аддзельна ад медперсаналу, і на працягу кастрычніка-лістапада 1939 г. пад канвоем дастаўлялі на чыгунку і адпраўлялі на Смаленшчыну ў Катынскія лагеры, дзе большасць з іх загінула. Сярод іх быў і герой абароны Брэсцкай крэпасці Вацлаў Радзішэўскі [1, с. 89, 91–92].

А што здарылася з іншымі абаронцамі Брэсцкай крэпасці? Адразу пасля прарыву К. Плісоўскі перадаў камандванне над ацалелымі ўдзельнікамі абароны Брэсцкай крэпасці (іх заставаўся каля 2000 чалавек) Алаізію Хораку, а сам выехаў у Луцк, дзе прыняў кавалерыйскую брыгаду. Пазней ён трапіў у савецкі палон і быў інтэрнаваны ў Страбельскі лагер. Хутчэй за ўсё, генерал таксама загінуў ад рук НКУС.

Хорак далучыў да сваёй групы рэшткі іншых разбітых польскіх аддзелаў і працягваў змаганне. Каля 2000 салдат і афіцэраў групы "Брэст" на чале з падпалкоўнікам вялі барацьбу спачатку з немцамі, а потым і з Чырвонай Арміяй з 18 верасня па 1 кастрычніка 1939 г. на поўдні Любліншчыны [7, с. 275]. Пасля паражэння Польшчы падпалкоўнік перайшоў на нелегальнае становішча, узначаліў Варшаўскую акругу Саюза ўзброенай барацьбы, а потым быў арыштаваны гітлераўцамі і расстраляны ў лютым 1943 г. Далейшы лёс большасці радавых абаронцаў Брэсцкай крэпасці пасля верасня 1939 г. невядомы.

Вызначыць дакладна колькасць страт польскіх і нямецкіх войскаў у баях за крэпасць немагчыма. Польскія афіцэры высока адзначалі гераізм беларускіх салдат, напрыклад, салдат маршавага батальёна 82-га пяхотнага палка, якія трымалі абарону у 5-ым форце, а таксама шэрагоўцаў 35-га пяхотнага і 30-га лёгка-артылерыйскага палка. Сярод найбольш вызначыўшыхся жаўнераў-беларусаў, абаронцаў Брэсцкай крэпасці ў верасні 1939 г., трэба адзначыць Дзмітрыя Іванчука, Мікалая Зубовіча, Рыгора Ігнатовіча, Рыгора Ляўчука, Сцяпана Раюка і іншых [5, с. 174-175].

У савецкі час звесткі аб гераічных падзеях у Брэсцкай крэпасці ў верасні 1939 г. упарта замоўчваліся, і толькі з мемуараў Г. Гудэрыяна, выдадзеных на Захадзе, можна было даведацца пра мужны супраціў абаронцаў крэпасці. Толькі пасля развалу СССР стала магчымым у 1994 г. адкрыццё экспазіцыі, прысвечанай вераснёўскім падзеям, удалося аднавіць гераічную старонку пачатку Другой сусветнай вайны.

У 2000 годзе на Брэсцкіх гарнізонных могілках, дзе пахавана частка абаронцаў крэпасці, якія загінулі падчас "вераснёўскай кампаніі", адбылося ўрачыстае адкрыццё

помніка са словамі: “Памяці салдат Войска Польскага Брэскага гарнізона ў 1921–1939 гг. і абаронцаў Брэскай крэпасці, якія загінулі ў верасні 1939 г., пахаваных на гэтых могілках. Суайчыннікі 2000”.

Такім чынам, у верасні 1939 г. беларусы ўпершыню сутыкнуліся з нацысцкай агрэсіяй і разам з палякамі і ўкраінцамі паспяхова ёй супрацьстаялі. З 13 па 17 верасня 1939 г. абаронцы Брэскай крэпасці ўпарта стрымлівалі націск 19-га танкавага корпуса на чале з вядомым і таленавітым генералам Г. Гудэрыянам. Польскія часткі адбілі сем нямецкіх атак, якія нярэдка заканчваліся ўрукапашную. Памяць аб тых гераічных днях назаўсёды застанецца ў сэрцы беларускага, польскага і ўкраінскага народаў.

Спісок цитированных источников и литературы

1. Бешанов, В.В. Брестская крепость / В.В. Бешанов. – Минск, Беларусь, 2004. – 158 с.
2. Бешанов, В. Горячий сентябрь цитадели / В. Бешанов // Брестский курьер. – 2005. – сентябрь, № 38. – С. 8-9.
3. Брестская крепость: страницы истории / сост. А.П. Кондак [и др.] – Брест: Брестский горисполком, 2000. – 28 с.
4. Галимова, Н.П. Участие воинов-белорусов в обороне Брестской крепости в сентябре 1939 г. / Н.П. Галимова // Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і лёсы народаў Усходняй Еўропы: матэрыялы міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі (Мінск, 16-17 сакавіка 2001 г.). – Мінск, БДУ, 2001 – 210 с. – С. 115-119.
5. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фарміраваннях 1918-1945 гадоў / Ю. Грыбоўскі. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2006. – 832 с.
6. Митюкова, Е. Боевое крещение Брестской крепости / Е. Митюкова // Заря (г. Брест). – 2006. – 15 июля. – С. 10.
7. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка. Брэст: у 2 кн. – Мінск: БелТА, 1997. – Кн. 1. – 576 с.
8. Суворов, А. Брестская крепость: когда был первый бой – 22 июня 41-го? Нет, гораздо раньше / А. Суворов // Литературная газета. – 1989. – 20 сентября. – С. 15.
9. Kublicka, L. Pierwsi bronili Polacy / L. Kublicka // Głos znad Niemna. – 2000. – 19 czerwca. – S. 11.
10. Popiel, Z. Moj wrzesień / Z. Popiel // Głos znad Niemna. – 2002. – 6 wrzesnia. – S. 10.

БЕЛАРУСКІЯ ТАТАРЫ Ў ПАРТЫЗАНСКІХ ФАРМІРАВАННЯХ МІНСКАЙ ВОБЛАСЦІ ПАДЧАС ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Грыбава С.У.

УА «Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт», г. Брэст

Партызанскі рух у нашай краіне, як і на ўсёй тэрыторыі СССР, насіў усенародны, інтэрнацыянальны характар. Прадстаўнікі больш 70-ці нацыянальнасцей змагаліся ў шэрагах партызан на Беларусі. Унеслі свой уклад у агульную перамогу над нямецка-фашысцкімі захопнікамі і беларускія татары. Артыкул прысвечаны ўдзелу ў партызанскім руху дадзенай нацыянальнай меншасці ў складзе партызанскіх фарміраванняў Мінскай вобласці (па адміністрацыйна-тэрытарыяльнаму падзелу на 1.01.1941 г.). Артыкул у асноўным грунтуюцца на матэрыялах Нацыянальнага архіва РБ (у працэсе яго падрыхтоўкі былі вывучаны архіўныя крыніцы 37 партызанскіх брыгад і асобных атрадаў). У ім прыводзіцца шэраг найбольш характэрных прыкладаў дзейнасці татар, ураджэнцаў Беларусі, у партызанскіх злучэннях Мінскай вобласці.

Беларускія татары разам з прадстаўнікамі іншых нацыянальнасцей, якія прымалі ўдзел у партызанскім руху на тэрыторыі Беларусі, неслі ўсе цяжбы партызанскага жыцця. У атрадзе імя С.М. Кірава аднайменнай брыгады, якая ўваходзіла ў групоўку партызанскіх брыгад Мінскай зоны, змагалася цэлая татарская сям'я з Мінска: маці, Байрашэўская Марыя Канстанцінаўна (1902 г.н.) і тры яе сыны. *Брыгада імя С.М. Кірава* дзейнічала ў Чэрвеньскім, Барысаўскім, Пухавіцкім і Рудзенскім раёнах Мінскай вобласці (у дадзеным выпадку і далей па тэксце тэрыторыя дзейнасці брыгад падаецца па адміністрацыйна-тэрытарыяльнаму падзелу на 1.01.1941г.). М.К. Байрашэўская, да вайны настаўніца, у атрад трапіла 5 студзеня 1944 г., дзе знаходзілася да 15 ліпеня 1944 г. Яна працавала ў гаспадарчым узводзе атрада. Да ўсіх даручэнняў ставілася з адказнасцю, праявіла сябе дысцыплінаванай партызанкай [1, л. 21а]. Ёсць звесткі аб тым, што Марыя Канстанцінаўна Байрашэўская з 8 чэрвеня 1943 г. па 1 ліпеня 1944 г. таксама выконвала функцыі сувязной разведвальна-дыверсійнай групы «Першыя» [2, л. 1-2]. За сваю дзейнасць у барацьбе з ворагам яна была ўзнагароджана медалём «Партызану Айчынай вайны» 2-й ступені, а таксама атрымала ліст з падзякай ад камандавання партызанскага атрада [1, л. 21а]. Яе сыны Аляксандр (1921 г.н.), Канстанцін (1923 г.н.) і Уладзімір Аляксандравічы (1925 г.н.) таксама змагаліся ў атрадзе імя С.М. Кірава, удзельнічалі ў баявых аперацыях. Канстанцін у партызаны трапіў 10 ліпеня 1943 г., загінуў 19 лістапада 1943 г., па іншых дадзеных 21 лютага 1944 г. [3, л. 9; 4, л. 8]. Аляксандр з самым малодшым братам Уладзімірам вялі барацьбу з ворагам з 29 лістапада 1943 г. [3, л. 11-12], загінулі 2 мая 1944 г. падчас баявой аперацыі. Пахаваны ў брацкай магіле каля в. Лучнае ў Чэрвеньскім раёне [5, л. 8-9].

Партызанам атрада «Перамога» *брыгады імя Газеты «Праўда»*, якая дзейнічала ў Чэрвеньскім раёне Мінскай вобласці і таксама ўваходзіла ў склад партызанскай групоўкі брыгад Мінскай зоны, была татарка Зінаіда Аляксандраўна Байрашэўская (1922 г.н.). Да вайны яна працавала ў дзіцячым садку ў Смілавічах. У атрад уступіла 9 чэрвеня 1944 г., да гэтага часу была сувязной дадзенага атрада [6, л. 16]. 19 ліпеня 1944 г. пасля расфарміравання брыгады З.А. Байрашэўская была накіравана дадому [7, л. 80-81].

Варта адзначыць, што амаль палова татар, якія вялі барацьбу з ворагам у партызанскіх фарміраваннях Мінскай вобласці, змагаліся ў складзе *1-й Мінскай партызанскай брыгады*, якая ўваходзіла ў Мінскую партызанскую зону і дзейнічала ў Чэрвеньскім, Мінскім, Пухавіцкім і Рудзенскім раёнах Мінскай вобласці. Татары 1-й Мінскай партызанскай брыгады з'яўляліся ўраджэнцамі г.п. Смілавічы – аднаго з буйнейшых паселішчаў татар на Беларусі, якое размяшчалася ў Рудзенскім раёне (суч. Чэрвеньскім раёне), на тэрыторыю якога распаўсюджвалася дзейнасць брыгады.

Змагаліся беларускія татары і ў складзе фарміраванняў партызанскага злучэння Мінскай вобласці (Паўднёвай зоны Мінскай вобласці). Мінскі татарын Сцяпан Ібрагімавіч Байрашэўскі (1920 г.н.) лічыцца ў спісах партызан *3-й Мінскай партызанскай брыгады імя С.М. Будзёнага*, якая дзейнічала ў Пухавіцкім, Рудзенскім, Мінскім і Старадарожскім раёнах Мінскай вобласці. У 1941 г. ён быў мабілізаваны ў Чырвоную Армію. У партызаны трапіў 28 ліпеня 1943 г. Быў узнагароджаны медалём «Партызану Айчынай вайны» 2-й ступені. У ліпені 1944 г. захварэў тыфам і знаходзіўся на лячэнні ў гарнізонным шпіталі да 2 снежня 1944 г. Ёсць звесткі, што С.І. Байрашэўскі пасля расфарміравання брыгады быў накіраваны на працу на авіязавод [8, л. 7].

Сувязным *брыгады «Беларусь»*, якая дзейнічала ў Рудзенскім і Пухавіцкім раёнах Мінскай вобласці, з 18 кастрычніка 1943 г. быў Якаў Сафаравіч Хасіневіч (1904 г.н.). Ён разам з жонкай Галінай Селімаўнай пражываў у Мінску [9, л. 25]. На жаль, 25 сакавіка 1944 г. Я.С. Хасіневіч загінуў. Быў пахаваны ў м. Трасцянец [10, л. 41].

Татарын Мустафа Іосіфавіч Карыцкі таксама ўдзельнічаў у партызанскім руху на Міншчыне. Нарадзіўся ён у 1919 г. у в. Арда Клецкага раёна Баранавіцкай (суч. Мінскай) вобласці. Да вайны яго бацька выконваў функцыі мулы мячэці ў Крушнянах. Падчас нямецкай акупацыі сям'я Карыцкіх (бацька, маці Карыцка Галіна і малодшы брат Адам) перасялілася ў Клецк [11, с. 92]. У 1940 г. Клецкім РВК Мустафа быў мабілізаваны ў Чырвоную Армію. У партызаны, у атрад імя Р.І. Катоўскага 300-й брыгады імя К.Е. Варашылава, якая дзейнічала ў Дзяржынскім, Уздзенскім, Капыльскім, Краснаслабоцкім раёнах Мінскай вобласці і Нясвіжскім раёне Баранавіцкай вобласці, ён уступіў 3 кастрычніка 1943 г., куды трапіў з клецкай паліцыі [12, л. 13]. У адзначаным атрадзе ён змагаўся да 11 лістапада 1943 г., пасля чаго працягваў барацьбу ў складзе атрада імя Б. Хмяльніцкага [13, л. 88], створанага з 3-й роты атрада імя Р.І. Катоўскага. Падчас баявых аперацый М.І. Карыцкі праявіў сябе смелым і адважным партызанам: удзельнічаў у разгроме аўтакалонны ў накірунку Слуцк – Мінск, у падрыве чыгуначкі Цімкавічы-Мінск, у аперацыі па знішчэнні гітлераўцаў у в. Макавішчы, а таксама ў падрыве 7 аўтамашын [14, л. 333]. Пасля вызвалення Беларусі ад ворагу М.І. Карыцкі ў складзе Чырвонай Арміі ўдзельнічаў у баях ва Усходняй Прусіі. Далейшы яго лёс высветліць складана. Ёсць звесткі, што ў верасні 1944 г. малодшы сяржант Мустафа Карыцкі ваяваў у складзе 2 стралковага батальёна 950 стралковага палка. Восенню 1944 г. быў паранены [11, с. 92]. У кнізе «Памяць» Клецкага раёна згадваецца, што Карыцкі Мустафа прапаў без вестак у снежні 1944 г. [15, с. 383].

Брат Мустафы, Адам Іосіфавіч Карыцкі (1926 г.н.) таксама ваяваў. З кастрычніка 1943 г. ён змагаўся з ворагам у складзе партызанскага атрада імя Р.І. Катоўскага 300-й брыгады імя К.Е. Варашылава Мінскай вобласці [13, л. 87]. 11 лістапада 1943 г. працягваў барацьбу ў складзе атрада імя Б. Хмяльніцкага. У баявой характарыстыцы партызана Адама Карыцкага адзначаецца, што ён праявіў сябе дысцыплінаваным байцом атрада, смела і рашуча ўдзельнічаў у баявых аперацыях. Ён прымаў удзел у мініраванні шашы, дзе было падарвана 3 аўтамашыны, а таксама ў 3-х баях з нямецка-фашысцкімі захопнікамі [14, л. 314]. 12 ліпеня 1944 г. пасля расфарміравання брыгады быў накіраваны ў шэрагі Чырвонай Арміі, ваяваў з ворагам разам з братам у 950 стралковым палку. Падчас аднаго з баёў быў паранены і кантужаны. Пасля лячэння ў шпіталі ў 1945 г. быў дэмабілізаваны. Узнагароджаны медалямі і ордэнам Айчыннай вайны [11, с. 92].

У атрадзе імя Б. Хмяльніцкага 300-й брыгады імя К.Е. Варашылава з 17 лістапада 1943 г. па 12 ліпеня 1944 г. таксама змагаўся з ворагам татарын з в. Арда Клецкага раёна Баранавіцкай (суч. Мінскай) вобласці Канстанцін Аляксандравіч Карыцкі (1924 г.н.). Разам з партызанамі атрада ён удзельнічаў у «рэйкавай вайне» на чыгуначцы Цімкавічы – Клецк, падчас баявых дзеянняў праявіў сябе адважным, дысцыплінаваным партызанам [13, л. 110].

Удзельнічалі ў антыфашысцкай барацьбе беларускія татары і ў складзе партызанскіх фарміраванняў злучэння Барысаўска-Бягомльскай зоны. У складзе 1-га атрада брыгады «Жалязяк», якая дзейнічала ў Лагойскім і Бягомльскім раёнах Мінскай вобласці, з 1 студзеня 1944 г. знаходзіўся Якаў Сцяпанавіч Мурзіч (1926 г.н.). У партызаны ён прыбыў з в. Гайна Лагойскага раёна Мінскай вобласці, дзе пражываў разам з сям'ёй: бацькай, Сцяпанам Аляксандравічам, маці і дзюма сёстрамі. У баявых аперацыях ён не ўдзельнічаў, займаўся гаспадарчымі справамі атрада. Усе загады камандавання выконваў дакладна і своєчасова. Праявіў сябе дысцыплінаваным партызанам [16, т.2, л. 203]. Пасля расфарміравання брыгады ў ліпені 1944 г. быў накіраваны ў Чырвоную Армію, дзе працягваў барацьбу супраць ворагу [17, л. 143]. У 5-м атрадзе брыгады «Жалязяк» з 11 красавіка 1943 г. змагаўся татарын з Бягомльскага раёна Мінскай вобласці (суч.

Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці) Куба Азюлевіч Мількаманоўч (1911 г.н.). Да вайны – селянін. У атрадзе ён займаўся гаспадарчымі справамі: выконваў функцыі гарбара [18, л. 219]. Пасля расфарміравання брыгады, у сувязі з вызваленнем тэрыторыі Беларусі ад ворага, быў накіраваны ў распараджэнне Бягомльскага РК КП(б)Б [17, л. 101].

Некаторыя беларускія татары знаходзіліся ў складзе 1-й Рускай нацыянальнай брыгады СС Рускай Вызваленчай Арміі пад камандаваннем былога савецкага падпалкоўніка У.У. Гіля, які прыняў псеўданім Радыеўнаў. 16 жніўня 1943 г. брыгада Гіль-Радыеўнава перайшла на бок партызан, атрымаўшы назву *1-я Антыфашысцкая брыгада Мінскай вобласці*. Брыгада дзейнічала ў Барысаўскім, Лагойскім, Пleshчаніцкім раёнах Мінскай; Куранецкім, Пліскім, Пастаўскім – Вілейскай; Лепельскім, Ушацкім раёнах Віцебскай вобласцей. Так, у складзе 2-га атрада адзначанага партызанскага фарміравання ў якасці стралка змагаўся татарын з Докшыц Хасан Гембіцкі (1922 г.н.). Ён прапаў без вестак разам з іншымі воінамі гэтага ваеннага фарміравання 4 мая 1944 г. у час прарыву блакады ва Ушацкім раёне Віцебскай вобласці [19, л. 10-11]. Такі ж лёс напаткаў і Адама Аляксандравіча Якубоўскага (1918 г.н.), уладжэнца Міёрскага раёна Вілейскай (суч. Віцебскай) вобласці, а таксама Іосіфа Браніслававіча Смольскага (1922 г.н.) з в. Галубічы Пліскага раёна Вілейскай вобласці (суч. Глыбоцкі раён Віцебскай вобл.). Пасля пераходу ў партызаны ён змагаўся ў 5-м атрадзе 1-й Антыфашысцкай брыгады [19, лл. 31-32, 60-61]. Прапаў без вестак 4 мая 1944 г. і партызан, стралок 1-й Антыфашысцкай брыгады Смолька Хасенявіч Базарэвіч (1925 г.н.).

Густаў Міхайлавіч Раткевіч (1907 г.н.), татарын з Докшыц, таксама з 16 жніўня 1943 г. змагаўся ў складзе 1-й Антыфашысцкай брыгады, перайшоўшы на бок партызан. Да вайны ён працаваў бухгалтарам. У брыгадзе Г.М. Раткевіч змагаўся да 24 ліпеня 1944 г. За гэты час ён удзельнічаў у разгроме 9-ці гітлераўскіх гарнізонаў, 3-х засадах, 2-х аперацыйнах па падрыхтоўцы чыгуначных шляхоў [20, л. 480]. Падчас блакады ва Ушацкім раёне 4 мая 1944 г. ён быў паранены [21, л. 258]. Пасля расфарміравання брыгады Г.М. Раткевіч працягваў барацьбу ў складзе Чырвонай Арміі [22, л. 66].

У атрадзе імя М.І. Калініна, а пазней у складзе *брыгады імя М.І. Калініна*, якая дзейнічала ў Пleshчаніцкім раёне Мінскай вобласці, змагалася з ворагам татарка Феня Канстанцінаўна Радкевіч. У атрад яна ўступіла 11 лістапада 1943 г. Нарадзілася ў 1920 г. у м. Мсціж Бягомльскага (суч. Барысаўскага) раёна Мінскай вобласці. Мела сярэдняю спецыяльную (тэхнічную) адукацыю, была членам ВЛКСМ [23, л. 37-38]. Апошнім месцам яе працы ў архіўных дакументах згадваецца г. Беласток, 2-гі тэкстыльны камбінат. У атрад, а менавіта ў 2-ую роту, 2-гі ўзвод, 2-е аддзяленне яна трапіла з г. Смаргонь Вілейскай (суч. Гродзенскай) вобласці, дзе пражывала разам з роднымі [24, л. 99, 49-50; 25, л. 11-12]. У атрадзе яна праявіла сябе адданым барацьбцом за перамогу над ворагам. Удзельнічала ў баях і засадах, арганізаваных партызанамі атрада. Ф.К. Радкевіч атрымала медаль «Партызану Айчынай вайны» 2-й ступені [26, л. 176]. 6 ліпеня 1944 г. яна была накіравана ў Пleshчаніцкі раён Мінскай вобласці на партыйна-савецкую работу [27, л. 81].

У атрадзе імя Г.К. Жукава *брыгады «Штурмавая»* змагаўся татарын Браніслаў Аляксандравіч Асановіч (1910 г.н.). Брыгада дзейнічала ў Заслаўскім, Лагойскім і Мінскім раёнах Мінскай вобласці, Раданковіцкім раёне Вілейскай вобласці. У партызанскі атрад Б.А. Асановіч трапіў 1 жніўня 1943 г. з Мінску. Да ўступлення ў атрад імя Г.К. Жукава быў сувязным адзначанага партызанскага фарміравання: здабываў і перадаваў партызанам каштоўныя агентурныя звесткі па г. Мінску. У атрадзе Б.А. Асановіч знаходзіўся да 16 ліпеня 1944 г., дзе займаўся гаспадарчымі справамі: працаваў гарбаром. Работу выконваў добрасумленна, спаганяў не меў [28, л. 6].

У атрадзе імя С.М. Будзёнага *Лагойскай брыгады «Бальшавік»* змагаўся татарын Мустафа Якаўлевіч Якубоўскі. Нарадзіўся ён у 1913 г. у г. Лагойск Мінскай вобласці. У атрадзе змагаўся з ворагам з 17 кастрычніка 1943 г. па ліпень 1944 г. Праявіў сябе дысцыплінаваным, смелым партызанам. Усе загады камандавання выконваў своечасова і дакладна [29, л. 418]. Пасля расфарміравання брыгады, у сувязі з вызваленнем тэрыторыі Беларусі ад ворагу, М.Я. Якубоўскі загадам БШПР быў накіраваны ў РК КП(б)Б для далейшага размеркавання.

Татарын Сулейман Адамавіч Якубоўскі (1905 г.н.), ураджэнец м. Зембін Барысаўскага раёна Мінскай вобласці, таксама прымаў удзел у партызанскім руху на Міншчыне. Ён меў сярэдняю спецыяльную (юрыдычную) адукацыю. З 1932 г. з'яўляўся членам ВКП(б)Б. Да пачатку Вялікай Айчыннай вайны С.А. Якубоўскі некаторы час жыў у Камянецкім раёне Брэсцкай вобласці, дзе працаваў пракурорам. У жніўні 1941 г. перасяліўся ў г. Барысаў, дзе падтрымліваў сувязь з партызанамі. Па іх заданні ён уладкаваўся на працу да немцаў з мэтай сапсаваць тэхнічнае абсталяванне для сушкі леса, каб не даць ім магчымасць вырабляць сані. Заданне было выканана пры дапамозе ваеннапалоннага механіка. У студзені 1942 г. С.А. Якубоўскі пераехаў у м. Зембін, дзе з 2 ліпеня 1942 г. па 3 лютага 1943 г. выконваў функцыі сувязнога атрада «За Айчыну» брыгады «Дзядзькі Колі». З лютага 1943 г. ён стаў членам дадзенага партызанскага фарміравання. Брыгада «Дзядзькі Колі» дзейнічала ў Барысаўскім, Смалявіцкім, Бягомльскім, Лагойскім, Пleshчаніцкім раёнах Мінскай вобласці. С.А. Якубоўскі ў лютым 1943 г. удзельнічаў у баявых аперацыях атрада. З 30 красавіка 1943 г. да прыходу Чырвонай Арміі быў інструктарам падпольнага Барысаўскага РК КП(б)Б [30, л. 89]. Знаходзячыся на падпольнай працы, ён падтрымліваў сувязь з партызанамі асобнага атрада імя А.В. Суварова, які быў створаны ў верасні 1943 г. на базе расфарміраванага атрада «За Айчыну» брыгады «Дзядзькі Колі» і ініцыягуючай групы брыгады імя П.К. Панамарэнкі [31, л. 8].

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што беларускія татары ў складзе партызанскіх фарміраванняў Мінскай вобласці ў сваёй большасці з'яўляліся ўраджэнцамі дадзенай тэрыторыі. Прадстаўнікі татарскага этнасу, пражываючага на беларускіх землях ужо больш 600-сот год, якія прымалі ўдзел у партызанскім руху, аддана змагаліся з ворагам, некаторыя былі адзначаны ўзнагародамі. Ёсць прыклады ўдзелу ў антыфашысцкай барацьбе цэлых татарскіх сем'яў. Беларускія татары, безумоўна, прыўнеслі свой уклад у агульную Перамогу над нямецка-фашысцкімі захопнікамі, змагаючыся ў шэрагах партызан, нягледзячы нават на пэўныя фактары, якія не спрыялі актывізацыі партызанскай барацьбы ў іх асяроддзі. Перш за ўсё трэба вызначыць жорсткую акупацыйную палітыку фашыстаў (пры пэўнай тэрытарыяльнай адасобленасці татарскіх паселішчаў, што палягала магчымасць рэпрэсіўных акцый), таксама адноснаю нешматлікасць татарскага насельніцтва Беларусі (па перапісу 1939 г. колькасць татар у Мінскай вобласці складала 3 731 чалавек [32, с. 70-71]), што падштурхувала яго да самазахавання. Безумоўна, трэба прымаць да ўвагі і некаторыя іншыя гістарычныя і палітычныя фактары, у тым ліку і незбалансаванасць канфесійна-нацыянальнай палітыкі Савецкай улады. У 30-я гады XX ст. былі зачынены ці ўвогуле знішчаны ўсе мячэйкі на тэрыторыі Мінскай вобласці, а мулы і муэдзіны рэпрэсаваны. Канфесійная ж прыналежнасць, а менавіта веравызнанне ісламу, з'яўляецца для татар Беларусі галоўным фактарам, які спрыяў захаванню іх нацыянальнай самасвядомасці, этнічнага самавызначэння ў іншарэлігійным і іншазтнічным асяроддзі. Тым не менш, трэба адзначыць самую вялікую актыўнасць у партызанскай барацьбе беларускіх татар на тэрыторыі Мінскай вобласці ў параўнанні з іншымі рэгіёнамі іх пражывання.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ). – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 53.
2. НАРБ. – Фонд 1346. – Воп. 1. – Спр. 195.
3. НАРБ. – Фонд 1405. – Воп. 1. – Спр. 1974.
4. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 107.
5. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 6. – Спр. 26.
6. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 15.
7. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 2. – Спр. 405.
8. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 421.
9. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 6. – Спр. 17.
10. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 11. – Спр. 346.
11. Aleksandrowicz, Ch. Księga pamięci. Z okazji 60-lecia wyzwolenia Białorusi, zwycięstwa w Wielkiej wojnie Ojczyźnianej i 120-lecia pierwszego meczetu w Klecku / Ch. Aleksandrowicz // Rocznik tatarów polskich. – 2006. – Т. XI. – S. 69-105
12. НАРБ. – Фонд 1405. – Воп. 1. – Спр. 559.
13. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 41.
14. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 39.
15. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Клецкага раёна / Рэдкал.: А.М. Жукоўскі [і інш.]. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1999. – 640 с.
16. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 43, ч. 2.
17. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 192.
18. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 46.
19. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 6. – Спр. 114.
20. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 129.
21. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 128.
22. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 331.
23. НАРБ. – Фонд 1405. – Воп. 1. – Спр. 1112.
24. НАРБ. – Фонд 1405. – Воп. 1. – Спр. 1115.
25. НАРБ. – Фонд 1405. – Воп. 1. – Спр. 1113.
26. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 55.
27. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 309.
28. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 105.
29. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 50.
30. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 7. – Спр. 133.
31. НАРБ. – Фонд 1450. – Воп. 5. – Спр. 273.
32. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги – М., 1992. – 256 с.

РАЗВИТИЕ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «МИРОВАЯ ВОЙНА» В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Данилов Ю.Д.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

Одной из характерных черт послевоенного развития политической науки стало значительное расширение использования дефиниции «мировая война» для обозначения самых различных явлений, событий, фактов. Не вдаваясь в собственно семантическое значение этого понятия, следует обратить внимание на содержание контекста «мировая война», который широко распространен не только в научной, но и публицистической литературе.

Исходным в анализе, как правило, широко применяется классическое определение войны как явления политики К. Клаузевица: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [1]. По формулировке Клаузевица «война есть продолжение политики иными средствами». Основным средством достижения целей войны служит организованная вооружённая борьба как главное и решающее средство. При этом исследователями недостаточно акцентируется внимание на том факте, что К. Клаузевиц подчеркивал перманентный характер войны, и указывал, что «война никогда не является изолированным актом» и как акт насилия «использует изобретения искусств и открытия наук» [2]. Вооруженная борьба при этом, является крайней мерой насилия и обусловлена степенью остроты текущих политических противоречий.

Безусловно, Первая мировая (это название утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны, в межвоенный период употреблялось название «Великая война» (англ. The Great War, фр. La Grande guerre), в Российской империи её иногда называли «Второй Отечественной»), а также неформально – и до революции, и после – «германской», затем в СССР – «империалистической войной») и Вторая мировая войны, как и все им предшествующие локальные, вполне соответствовали такому подходу к определению их основного содержания. После окончания Второй мировой войны сверхдержавы-победительницы пытались перестроить мир согласно своим идеологическим и военно-политическим установкам. Так сформировалась историческая реальность, именуемая сегодня как «холодная война» а в военно-политической лексике широко стало использоваться дефиниция «мировая война». Традиционно, холодную войну рассматривают как глобальную геополитическую, экономическую и идеологическую конфронтацию между Советским Союзом и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой, длившуюся с середины 1940-х до начала 1990-х годов. Именно идеологическому противостоянию отводили основное место при исследовании причин конфронтации, а военно-стратегические аспекты рассматривались как производные. Такой взгляд неминуемо приводил к выводу о том, что стоит только исчезнуть острым идеологическим противоречиям между сверхдержавами, как конфронтационный период в их взаимоотношениях закончится.

Выражение «холодная война» впервые употребил 16 апреля 1947 года Бернард Барух, советник президента США Гарри Трумэна, в речи перед палатой представителей штата Южная Каролина [3]. В апреле 1945 года премьер-министр Великобритании У.Черчилль распорядился о подготовке плана войны против СССР. Заданию предшествовали выводы, которые Черчилль затем представил в своих мемуарах [4]. Формальным же началом холодной войны часто считается 5 марта 1946 года, когда У. Черчилль произнёс свою знаменитую речь в Фултоне, в которой выдвинул идею создания военного союза англосаксонских стран с целью борьбы с мировым коммунизмом. Помимо идеологического противоборства, холодная война сопровождалась постоянной гонкой обычных и ядерных вооружений, то и дело угрожавшей привести к третьей мировой войне.

Протекание «холодной войны» как исторического явления не было однородным и линейным. В 1985–1991 гг., с приходом к власти М.С. Горбачёва, идеологического противостояние быстро потеряло остроту. Кроме того, развитие политического процесса в СССР в сторону отказа от коммунистической идеологии, а также и зависимость экономики СССР от западных технологий и кредитов в связи с резким падением цен на нефть привели к тому, что СССР пошёл на широкие уступки во внешнеполитической сфере, а в декабре 1991 г. произошёл окончательный распад

СССР. Этот факт был расценен как поражение СССР в «холодной войне», и, соответственно, как победа США. Подтверждением этому служит, например, тот факт, что в начале 2007 года в обе палаты конгресса США был внесён законопроект об учреждении новой воинской награды за участие в холодной войне (Cold War Service Medal), поддержанный группой сенаторов и конгрессменов во главе с нынешним госсекретарём США Х. Клинтон. Медалью награждались все, служившие в вооружённых силах или работавшие в государственных ведомствах США в период со 2 сентября 1945 года по 26 декабря 1991 года [5].

Сама же «холодная война», как разновидность и прообраз нового типа войн, стала предметом детального исследования специалистов самых различных направлений науки.

В частности Джозеф Най, профессор Гарвардского университета (США), выступая на конференции «От Фултона до Мальты: как начиналась и как закончилась холодная война» (Горбачёв-Фонд, март 2005 года), указал на уроки, которые следует извлечь из «холодной войны» и которые можно рассматривать как анализ особенностей этого явления:

- кровопролитие как средство урегулирования глобальных или региональных конфликтов не является неизбежным;
- существенную сдерживающую роль играет наличие у противоборствующих сторон ядерного оружия и понимание того, каким может стать мир после ядерного конфликта;
- ход развития конфликтов тесно связан с личными качествами конкретных лидеров (Сталин и Трумэн, Горбачёв и Рейган);
- военная мощь имеет существенное, но не решающее значение, т.к. эффективно управлять враждебно настроенным населением оккупированной страны не-возможно;
- в этих условиях гораздо большую роль приобретает экономическая мощь государства и способность экономической системы приспосабливаться к требованиям современности, способность к постоянным инновациям;
- значительную роль играет использование мягких форм влияния, способности добиться от других желаемого, не принуждая (запугивая) их и не покупая их согласие, а привлекая на свою сторону [6].

Современные политические реалии таковы, что многие явления, порожденные «холодной войной», сегодня не просто существуют как «непережитое», а служат базисом для реализации уже иных геополитических проектов в новых условиях мироустройства. Окончание «холодной войны» и распад СССР изменили характер отношений между США и Россией, и стало очевидно, что сводить конфронтационные отношения только лишь к идеологическим явно недостаточно. В современном мире сместились акценты противостояния. На смену доминированию идеологических мотивов пришли иные факторы: это борьба за контроль над природными ресурсами (прежде всего сырьевыми и энергетическими), соперничество за доминирование культур и менталитетов. Вот здесь и возникает вопрос, каким состоянием характеризовать мир, в котором нет линий фронта, массовой гибели людей от всевозможных видов оружия, но степень противостояния между государствами и союзами не ослабевает, а наоборот, возрастает. Этот противоречивый факт и породил ряд теорий, гипотез и предложений по использованию термина «мировая война» для обозначения состояний глобальной конфронтации.

В политологии все сложившиеся научные школы, исследующие природу войны, обобщенно можно классифицировать на 2 группы. Сторонники реализма в международных отношениях утверждают, что основная мотивация государств в войне – это собственная безопасность.

Другая точка зрения состоит в рассмотрении войны с позиции вопроса о власти, которая выстраивает мир в определенной иерархии и объясняет крупнейшие войны вызовом действующему гегемону со стороны «Великой державы», которая не подчиняется его контролю.

Согласно второму подходу, «холодная война» по своим параметрам, напряжению и геополитическим последствиям сегодня многими аналитиками идентифицируется как III мировая.

Автором этой концепции является субкоманданте Маркос (Рафаэль Себастьян Гильен Висенте), утверждающий, что III мировая, или «холодная», война занимает период с 1946 года (или, если угодно, с бомбы, сброшенной на Хиросиму в 1945 году) до 1985–1990 годов. Это была большая мировая война, состоявшая из множества войн локальных. И, как все остальные, она закончилась завоеванием территорий и уничтожением противника. Борьба между сверхдержавами не всегда происходила напрямую. Часто способом давления на противника была демонстрация превосходящей его силы [7].

Глубоким исследователем этого типа войны является и выдающийся русский политолог XX века Е.Э. Месснер. В своем труде «Всемирная мятежевойна» он называет ее наиболее общие характеристики – глобальность по масштабам и тотальность по охвату всех сфер жизнедеятельности человеческого сообщества [8].

Уже после распада СССР стали обыгрываться сценарии мирового развития под названиями «четвертая мировая война» и даже «пятая мировая война». «Холодная война на самом деле была Третьей мировой войной, а сейчас США ввязались в Четвертую мировую войну, которая продлится много лет», – признал бывший директор ЦРУ США Джеймс Вулси, выступая в Калифорнийском университете 3 апреля 2003 года [9].

Хотя понятие Четвертой мировой войны пока еще официально не признано ни в научных кругах, ни в политике, ни в общественном сознании, это не отменяет сам факт этой войны как таковой. Четвертая мировая война представляется обширным и многовекторным процессом, в котором реализуются формулы конфликтов, которые предсказывали в свое время С. Хантингтон («глобальное столкновение цивилизаций»), Александр де Маранш («противостояние между западной цивилизацией и араб-исламским миром»), уже упоминавшийся, бывший директор ЦРУ США Джеймс Вулси («конфликт Америки с арабскими режимами и радикальным исламом»), Жан-Луи Брюгюскре («Столетняя война современности») и другие.

Четвертая мировая война – доминирующая военно-политическая компонента современного многополюсного мира, характерной особенностью которого является существенное снижение фактора межгосударственных вооруженных конфликтов в их классическом понимании. Фиксированный международно-правовой контекст, ограничивающий применение силы государствами, транснациональные сдерживающие системы и механизмы (международные организации, договора), растущий приоритет контроля ресурсов над значением контроля географических территорий, развертывание информационной составляющей, и многие другие факторы, конечно, не девальвировали, а подтвердили формулу Карла фон Клаузевица о войне как государственном инструменте продолжения политики другими средствами. На первый план выдвигаются иные приоритеты, вытекающие из выявившейся системы глобальных нетрадиционных угроз, повсеместно обостряющихся этнических, конфессиональных, социально-экономических противоречий различного уровня, фрагментации мирового военно-политического контекста, фактора многочисленных «малых войн». Развертывающаяся IV мировая война по своему практическому содержанию и исполнению является асимметричной войной, в этом и состоит ее основное отличие от I, II, и даже III («холодной») мировых войн. Обобщенно характерные особенности IV мировой войны выделяются следующие:

Во-первых, в конкретно-историческом плане она находится в тесной связи с новой эпохой - глобализацией, четко обозначившей себя с начала 90-х годов XX столетия. Война действительно носит глобальный характер, охватывает в большей степени, чем это имело место раньше, не только физическое пространство, но и информационное, и психологическое, и идеологическое, и духовное, и цивилизационное, и экономическое пространства.

Во-вторых, если в III мировой войне противоборствующими сторонами выступали главным образом две противоположные социально-политические системы, то в IV мировой войне линия раскола проходит сразу по многим сферам конфронтации.

В-третьих, целеполагание сторон, выступающих в IV мировой войне, существенно отличается от целеустановок противоборствующих сил в прошлых мировых войнах. Если цели III мировой войны сводились в основном к нанесению поражения Советскому Союзу и коммунизму, то в IV мировой войне, наряду с традиционным устремлением конкретных стран-участниц к получению материальных и иных выгод для себя в случае победы, решаются сверхзадачи глобального характера.

В-четвертых, IV мировая война официально никем не объявлялась, а возможно, никогда никем объявляться и не будет.

В-пятых, IV мировая война, в отличие от всех предшествующих, является в большей степени перманентной, непрерывно расширяющейся во времени и пространствах.

В-шестых, в ней, как основное, востребовано концептуально новое стратегическое оружие – финансы и психотропное оружие. А если говорить о невоенных средствах борьбы, то их роль в IV мировой войне резко возрастает.

В-седьмых, в этой войне отражаются все типы конфликтов, которые знает человечество: национальные, религиозные, расовые, этнические, цивилизационные, колониальные, гражданские, криминальные, маркетинговые, финансовые, информационные и др.

Как видим, все концептуальные различия содержания мировых войн касаются, прежде всего, соотношения в использовании военных и невоенных средств, применяемых способов войны, качественных характеристик вооружения и боевой техники, изменения характера потерь в связи с выходом войны в новые пространства. Достижения наук, о чем предупреждал К. Клаузевиц, становятся основным поражающим фактором именно в этих постиндустриальных войнах.

В области исследования феномена «пятой мировой войны» безусловным лидером является РЭНД-Корпорация RAND-I, которая проводит огромное количество исследований по всем ключевым направлениям войны и мира, особенно вопросов организации вооруженной борьбы и современных проблем населения (демографии) [10]. Здесь последовательно изучают перспективные войны на материале необычных войн в Мексике, Бирме и даже в самих США ведущие аналитики РЭНДа, среди которых особенно отличаются Дж. Аркилла и Д. Ронфелдт. Под их редакцией в 1997 году вышло исследование «В афинском лагере: готовясь к конфликтам в информационный век» [11], а затем и обобщающий труд «Сети и сетевые войны: будущее террора, преступлений и вооруженной борьбы» [12]. Основной феномен новой войны они видят в том, что то, что раньше воспринималось как обычные партизанская война и мятежи, теперь плавно переходит в форму социальной сетевой войны.

Пятая мировая война, по мнению ее проектантов-исследователей, с необходимостью будет гуманитарной, т.е. связанной с реорганизацией подходящего человеческого материала и удалением неподходящего («неадекватного») и потому избыточного человеческого материала (чем не ренессанс мальтузианства! – прим. авт.). По мнению российского политолога Ю. Крупнова, если в основе III мировой

войны лежал механизм слома коммунистической идеологии, а в основе IV мировой войны лежал механизм финансового истребления стран и народов в виде глобализации, то в основе V мировой войны лежит гуманное и тотальное истребление лишних и малополезных народов, населения и отдельных людей их же собственными силами и стараниями [13].

Ключевой механизм V мировой войны – слом и перепрограммирование идентификации. Разрушение идентификационной сферы человека и поражение его сознания определяет специфику современной «малозаметной» войны. Человек медленно и незаметно для самого себя претерпевает замещение собственного сознания чужим, чужим в плане индивидуальности, культуры, истории и цивилизации.

С середины 90-х годов в научной литературе рядом авторов (В.К. Потехин, [14], Ю.В. Громыко, [15], А.С. Панарин, [16], С.Г. Кара-Мурза, [17], В.М. Макаров [18]) для обозначения таких войн используется термин «консциентальная война». Консциентальная война предполагает, что мир вступил в новый этап борьбы – трансформации организаций сознаний, где предметом поражения и уничтожения являются только определенные типы сознаний. Разрушить или исказить процесс отражения реальности, а значит и феномены, образующие содержание сознания с целью изменить поведение не только человека, но и общностей, этносов, населения целых государств – одна из целей консциентального противоборства. Обобщенно схема ведения консциентальной войны включает следующие этапы. На этом первом этапе задача управления – посеять в мыслях объектов интересующего нас множества актуальные цели, на взгляд легко достижимые, но потенциально с малой вероятностью или в процессе проведения операции с понижением вероятности. Второй предварительный этап заключается в индуцировании ожидания достижения цели. Третий этап – это этап инициирования ожидания реальных перемен. Программа действий на этом этапе – информационное обеспечение ожидания близости перемен. Следующий – это этап ложного проектирования, когда различные программы, проекты, другие информационные фальсификации СМИ порождают к жизни иллюзию реальности быстрого повышения жизненного уровня у всего общества. Пятый этап – этап ложных реформ (предполагает решительность и жестокость в исполнении). Последним этапом действий в этой войне (операции) является процесс сдвига ценностных ориентиров и развития успеха (первый этап новой операции). Если на первых этапах консциентальной войны намечаемые преобразования заявляются во имя человека, то на последующих исходные установки и материальные условия жизни, по существу, заменяются на новые, которые ломают существующее миропонимание человека и подводят его к принятию навязанной реальности бытия.

Таким образом, по оружию V мировая война будет комплексной, в том числе и ядерной, причем ядерное, нейтронное, биологическое, химическое и иное оружие массового поражения предполагается использовать только в случае необходимости для уничтожения «избыточного» населения.

Нет сомнений, что формирование новых сценариев противоборства продолжится, но общие концептуальные направления этой работы уже сформулированы и отчасти даже реализуются практически в локальном варианте.

Список цитированных источников и литературы

1. Карл фон Клаузевиц. «О войне». – «Эксмо, Мидгард»: 2007. – Ч.1. «Природа войны» Гл.1. «Что такое война?». – С. 24.
2. Там же, с. 22.
3. Bernard Baruch coins the term «Cold War» 16 April 1947. [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: www.history.com – Дата доступа: 10.09.2010.

4. Черчилль, У. Вторая мировая война; сокр. пер. с англ.; кн. третья. – М 1991. – Т. 5-6. – С. 574.
5. Медаль «За победу в холодной войне» [Электронный ресурс].– 2010. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki> – Дата доступа: 12.09.2010.
6. Джозеф Най Рифмы истории. [Электронный ресурс].– 2010. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/daily/>
7. Интервью субкоманданте Маркоса Габриэлю Гарсиа Маркесу // Научно-просветительский журнал «Скепсис» [Электронный ресурс].– 2010. – Режим доступа: <http://scepisis.ru> – Дата доступа: 12.09.2010.
8. Месснер, Е.Э. Всемирная мятежевойна. Серия: Геополитический ракурс. – Издательство «Кучково поле». – 2004.
9. Вулси Джеймс. Битва с драконом закончилась. Началась погоня за змеями. Источник: 04 Марта 2005 Washington ProFile [Электронный ресурс].– 2010. – Режим доступа: <http://www.agentura.ru> – Дата доступа: 14.09.2010.
10. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.rand.org> – Дата доступа: 16.09.2010.
11. In Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. John Arquilla and David Ronfeldt, editors. RAND, 1997. – Режим доступа: <http://www.rand.org/publications/MR/MR1382/> – Дата доступа: 16.09.2010.
12. Networks and Netware: The Future of Terror, Crime, and Militancy. John Arquilla and David Ronfeldt, editors. RAND, 2001. – Режим доступа: <http://www.rand.org/publications/MR/MR1383/> – Дата доступа: 16.09.2010.
13. Крупнов, Ю.В. «Моя война» - Polemica и дискуссии. № 924/ [Электронный ресурс].– 2010. – Режим доступа: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=924/> – Дата доступа: 18.09.2010.
14. Потехин, В.К. Современные концентрические войны и национальная безопасность России: «Кому будет принадлежать концентрическое оружие в XXI веке?». – М., 1997. – С. 69-87.
15. Громыко, Ю.В. Россия – страна без народа? // Российское аналитическое обозрение. – 1998. – №7.
16. Панарин, А.С. Искушение глобализмом. – М., 2000.
17. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием. – М., 2002.
18. Макаров, В.М. Концентрическое оружие: вызов нового тысячелетия? // Неман. – 2003. – №5.

ПАЛІТЫЧНАЕ РЭХА КАТЫНСКАЙ ТРАГЕДЫ

Ермаковіч Л.І., Рамановіч П.С.

УА «Брэскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна», г. Брэст

У ноч з 23 на 24 жніўня 1939 г. міністр замежных спраў Германіі І. Рыбентроп і народны камісар замежных спраў Савецкага Саюза В. Молатаў падпісалі ў Маскве пакт аб ненападзе, а таксама сакрэтны пратакол да гэтага дагавора, які вызначыў межы паміж абедзвума дзяржавамі пасля падзелу польскай дзяржавы.

І верасня 1939 г. фашысцкая Германія ажыццявіла напад на Польшчу, і пачалася Другая сусветная вайна. Літаральна за два тыдні нямецкія войскі разграмілі асноўныя сілы польскай арміі, а 17 верасня захапілі Варшаву. Выконваючы свае абавязальствы па сакрэтнаму пратаколу пакта Рыбентропа-Молатава, савецкае палітычнае кіраўніцтва аддало загад аб уступленні частак Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну, якое адбылося ў ноч з 16 на 17 верасня 1939 г.

Дэмаралізаваная польская армія не змагла аказаць савецкім войскам сур'эзнага супраціўлення. Да таго ж польскі галоўнакамандуючы, маршал Эдвард Рыдз-Сміглы ў 16 гадзін 17 верасня выступіў з так званай «агульнай дырэктывай» – загадам не аказваць супраціўлення надыходзячай Чырвонай Арміі. Акрамя таго, па незразумелых прычынах польскі ўрад не палічыў неабходным даць своечасовую палітычную і юрыдычную ацэнку дзеянням кіраўніцтва СССР.

Усе вышэйадзначаныя абставіны прывялі да таго, што польскія часткі, замест самарасфарміравання, здыманні з сябе абмундзіравання і пераходу ў падполле, у сваёй большасці здаліся ў палон.

Паводле савецкіх крыніц, Чырвоная Армія ў верасні 1939 г. ўзяла ў палон 230 670 польскіх салдат і афіцэраў. У выніку масавых арыштаў ў наступныя некалькі месяцаў іх колькасць узрасла і дасягнула 250 тысяч чалавек, з якіх 10 тысяч складалі афіцэры [1, с. 8]. Некаторыя салдаты і афіцэры па сваёй непрадбачлівасці самі з'яўляліся ў камандатуры Чырвонай Арміі.

Адразу пасля палону пачалі працаваць спецыяльныя следчыя камісіі НКУС. Кожны вязняў падвяргаўся допыту. Аднак сяржанцка-радавы склад польскіх ваеннапалонных не надта цікавіў следчыя камісіі. Каля 46 тысяч з іх былі вызвалены, больш 180 тысяч былі дэпартаваны ўглыб СССР. Некаторыя з іх пакінулі Савецкі Саюз у 1942 г. ў радах арміі генерала Андэrsa, хтосьці трапіў у Польскую армію пад камандаваннем генерала Зыгмунта Берлінга.

Асаблівую ўвагу органы НКУС надавалі польскаму афіцэрскаму корпусу, які складаўся не толькі з кадравых вайскоўцаў, але пераважна з афіцэраў запasu, прадстаўнікоў польскай інтэлігенцыі.

Для польскіх афіцэраў у лістападзе 1939 г. былі створаны тры вялікія лагеры ваеннапалонных. Першы з іх быў створаны ў Казельску, які знаходзіўся на чыгуначнай лініі Смаленск-Тула, у 250 кіламетрах на паўднёвы ўсход ад Смаленска. Лагер размясцілі на тэрыторыі былога манастыра і ў невялікіх доміках-скітах, дзе калісьці размяшчаліся паломнікі. У манастыры ўтрымліваліся афіцэры, узятыя ў палон на нямецкай тэрыторыі, а ў скітах – затрыманыя на савецкай. Гэты падзел праводзіўся паслядоўна, і кантакты паміж абедзьвюма часткамі лагера строга абмяжоўваліся.

Спачатку Казельскі лагер налічваў каля 5 тысяч ваеннапалонных, а ў перыяд яго ліквідацыі (красавік 1940 г.) – каля 4,5 тысяч, так як частка ваеннапалонных была ўжо вывезена ў невядомым напрамку. Сярод вязняў была адна жанчына: падпаручнік-лётчыца, дачка змагара з савецкай уладай на Беларусі ў студзені-лютым 1919 г. – генерала Юзафа Доўбар-Мусніцкага [3, с. 109].

У Казельскім лагерах знаходзілася звыш 20 прафесараў вышэйшых навучальных устаноў, больш 300 дактароў, некалькі сотняў юрыстаў, інжынераў і настаўнікаў (трэба памятаць, што большасць польскіх ваеннапалонных у СССР, як ужо адзначалася вышэй, складалі афіцэры запasu, мабілізаваныя ў пачатку вайны).

Другі афіцэрскі лагер быў створаны ў Старабельску, ва ўсходняй частцы Украіны, на паўднёвы ўсход ад Харкава. І гэты лагер быў таксама размешчаны ў манастырскіх пабудовах. Сюды прывезлі амаль усіх афіцэраў з раёна абароны Львова. Тут знаходзілася каля 20 прафесараў вышэйшых навучальных устаноў, каля 400 дактароў, некалькі сотняў юрыстаў і інжынераў, каля сотні настаўнікаў, каля 600 лётчыкаў, шматлікія грамадскія дзеячы, група літаратараў і журналістаў. У гэты лагер трапілі ў поўным складзе калектыву НДУ па барашбе з атрутнымі газамі, амаль увесь калектыву інстытута па ўзбраенню польскай арміі. На апошнім этапе свайго існавання лагер налічваў 3 920 ваеннапалонных [1, с. 10].

Самы буйны лагер ваеннапалонных, у якім змяшчалася каля 6 500 чалавек, быў створаны ў Асташкаве, на паўднёвы захад ад Калініна (былы і сучасны г. Цвер), на адным з абтокаў возера Селігер. Як і ў першых дзвюх лагерах, вязняў размясцілі ў

будынках былога манастыра. У Асташкаўскім лагера ўтрымлівалі каля 400 афіцэраў, усіх узятых у палон памежнікаў, жандарскіх чыноў, членаў вайсковых судоў, каталіцкіх святароў, некалькі тысяч паліцыянтаў [1, с. 10].

У суме ва ўсіх лагерах месцілася 14 500–14 800 палонных, з якіх 8 400 складалі афіцэры і адну трэцюю частку – інтэлектуальная эліта Польшчы: навукоўцы, гуманітары, інжынеры, настаўнікі, журналісты, літаратары, вядомыя грамадскія дзеячы, каля 800 дактароў [2, с. 98].

Вясной 1940 г. амаль усе яны па асабістаму ўказанню І. Сталіна былі вывезены і расстраляны ў Катынскім лесе пад Смаленскам.

Цікава, што перад адпраўкай з лагераў усім палонным рабілі прышчэпкі супраць брушнага тыфу і халеры. Навошта – па сёняшні дзень невядома. Верагодна ў гэтым праявіўся тыповы беспарадак, які быў уласцівы савецкаму бюракратычнаму апарату, а таксама многаступенчатасць рашэнняў, калі адна інстанцыя НКУС не ведала, што робіць другая. Аднак найбольш верагодным падаецца, што гэта была гульня, мэтай якой было падмануць і заспакоіць пільнасць і насцярожанасць палонных. Ім таксама ўнушалі, што “они едут на Запад” (што, улічваючы геаграфічнае становішча лагераў, было нават праўдай). Ваеннапалонным выдалі нават сухія пайкі, загорнутыя (рэдкасць у СССР) не ў газетную, а ў абгорткавую паперу.

З агульнай колькасці вязняў змагло ацалець толькі 449 чалавек [4, с. 116]. Расправы пазбегла група афіцэраў, якая праявіла гатоўнасць супрацоўнічаць з савецкімі ўладамі. У прыватнасці, гэта адносіцца да групы афіцэраў на чале з палкоўнікам З. Берлінгам, якую ў кастрычніку 1940 г. перавезлі ў Маскву. На думку савецкага кіраўніцтва, якое ў гэты час ужо дапускала магчымасць вайны СССР з Германіяй, гэтая група павінна была стаць ядром невялікай польскай арміі, падмуркам будучых камуністычных сіл, галоўнай задачай якой было б стварэнне ў Польшчы палітычнага рэжыму, паслухмянага волі Масквы. Як вядома, менавіта палкоўнік З. Берлінг быў прызначаны камандзірам I-й польскай дывізіі імя Т. Касцюшкі, а пасля – камандуючым польскай арміяй, якая была сфарміравана на тэрыторыі СССР. Ад савецкага камандавання ён таксама атрымаў званне генерала.

Савецкае палітычнае кіраўніцтва спадзявалася, што тайна катынскай трагедыі надзейна схавана пад тоўшчай смаленскай зямлі. Аднак неўзабаве наступіў момант трагічнага адкрыцця. На чыгуначных ветках пад Смаленскам у нямецкіх брыгадах летам 1942 г. працавалі палякі. Ад мясцовага насельніцтва яны даведаліся, што ў катынскіх лясах на берагах Дняпра, у 15-ці км на захад ад Смаленска, некалькі гадоў таму расстрэльвалі палякаў. На гэтым месцы зазелянелі сасновыя парасткі. Нямецкія ўлады Смаленска паведамленям аб нейкіх магілах у катынскіх лясах спачатку не надалі ніякага значэння. Толькі ў сакавіку-красавіку 1943 г. пачаліся ў гэтых лясах умоцнення пошукі. І тады выбухнуў скандал, які ўразіў свет.

Група нямецкіх экспертаў прыступіла да эксгумацыі трупаў у пачатку красавіка 1943 г. Раскопкі пахаванняў вяліся галосна, з удзелам экспертаў з нейтральных краін. Былі таксама запрошаны прадстаўнікі Міжнароднага Чырвонага Крыжа, аднак запярэнне было адхілена.

Знайшліся і сведкі з ліку мясцовых жыхароў, якія былі відавочцамі транспарціроўкі палонных у катынскі лес. Асабліваю каштоўнасць для нямецкіх уладаў уяўлялі паказанні двух жыхароў. Першым з іх быў 73-гадовы калгаснік Парфеній Кісялёў, які першым паказаў немцам месцы растрэлаў. Ён ахвотна дзяліўся з журналістамі з акупаванай Польшчы і нейтральных краін бачаным і пачутым. Верагодна, ён разлічваў на тое, што савецкая ўлада сюды больш ніколі не вернецца. У канцы 1943 г. гэты нашчасны чалавек апынуўся ў кіпцорах НКУС. Больш яго ніхто і ніколі не бачыў, толькі друкавалі яго абвяржэнні ўсіх паказанняў, якія былі ім дадзены раней [1, с. 37].

Другім актыўным сведкам быў мясцовы каваль Іван Крыважэрцаў. Ён добра разумеў, што яго чакае і, калі немцы пачалі адступіць, сам падаўся на Захад. Даб-раўся да Германіі і пераचाкаў вайну. У маі 1945 г. Крыважэрцаў даў вычартальныя паказанні па катынскай справе амерыканскім вайсковым уладам. Пасля вайны ён пасяліўся ў Англіі, схаваўшыся пад чужым імем і прызвічкам. Аднак савецкая разведка напала на яго след і ў кастрычніку 1947 г. яго знайшлі павешаным у прыгарадзе Лондана [1, с. 38].

Гітлераўская прапаганда шырока раструбіла аб злачыстве маскоўскага бальшавіцкага ўрада, што выклікала шырокі палітычны рэзананс у свеце. Яна таксама выклікала сур'ёзную заклапочанасць урадаў Вялікабрытаніі і ЗША. І Лондан, і Вашынгтон ні хвіліны не сумняваліся ў праўдзівасці нямецкага паведамлення. Аднак на палітычных меркаваннях (неабходнасць згуртаванасці саюзнікаў у барацьбе з Германіяй) уся інфармацыя па катынскай справе ўрадамі ЗША і Вялікабрытаніі была засакрэчана. Больш таго, гэтыя ўрады пайшлі ў той час на свядомую дэзінфармацыю: уявілі, што была ўскладзена на немцаў. Свет быў ужо ў дастатковай ступені падаўлены маштабамі гітлераўскіх злачыстваў, і прыпісавы немцам яшчэ адно злачыства не ўяўляла цяжкай працы. Толькі з пачаткам “халоднай вайны” заслона тайны катынскай трагедыі пачала на Захадзе паступова адкрывацца.

Пачынаючы з 1943 г. катынская справа прадвызначыла далейшыя адносіны Польшчы і СССР у перыяд вайны. Натуральна, што савецкі бок усклаў усю віну на фашысцкі ўрад. 15 сакавіка 1943 г. маскоўскае радыё выступіла са сваёй версіяй, абвінавачваючы ў злачыстве Берлін. У сувязі з гэтым 20 красавіка польскі ўрад у выгнанні звярнуўся да савецкіх уладаў з нотай, у якой патрабаваў дакладнага вызначэння савецкай пазіцыі і ўсемагчымых дапаўняльных дасягненняў. Аднак ад Масквы не паступіла. У сваю чаргу, 21 красавіка савецкі бок абвінавачваў польскі ўрад у выгнанні ў супрацоўніцтве з Гітлерам супраць саюзнікаў, а 26 красавіка СССР разарваў дыпламатычныя адносіны з польскім урадам, мацівіруючы гэты крок – ні больш, ні менш – супрацоўніцтвам Польшчы з гітлераўскай Германіяй.

Пасля капітуляцыі Германіі ўрад Савецкага Саюза не прамінуў скарыстацца Нюрнбергскім працэсам, каб канчаткова замацаваць віну за катынскія злачыствы за Германіяй. Аднак міжнародны трыбунал адкінуў абвінавачванне нацысцкіх злачынцаў у забойстве ў СССР польскіх афіцэраў.

З юрыдычнага пункту гледжання гэта мела значэнне першараднай важнасці. Катынскае злачыства мела месца, польскія афіцэры забітыя, Германія па гэтай справе апраўдана, то хто ж тады з'яўляецца віноўнікам трагедыі...?

У пасляваеннай сацыялістычнай Польшчы на тэму Катыні панавала магільнае маўчанне. Галоўнай сілай, якая тармазіла тут распаўсюджванне праўды аб Катыні, быў апарат улады Польскай Народнай Рэспублікі, што, натуральна, не выклікала ніякіх пярэчанняў з боку савецкага кіраўніцтва. Толькі ў перыяд перабудовы ў СССР паступова пачала ўздымацца заслона тайны з катынскай справы.

Аднак гэтая тайна па сёнешні дзень цалкам не раскрытая. Падставай для яе поўнага раскрыцця з'яўляецца даўно наспеўшая неабходнасць пераадолець гістарычныя раны, якія перашкаджаюць развіццю шчыльных добрасуседскіх адносін паміж народамі сучасных Расіі і Польшчы.

Моцны штуршок у справе поўнага высвятлення праўды аб Катыні надала найноўшая катынская трагедыя – катастрофа польскага борта № 1 з прэзідэнтам Польшчы Лехам Качыньскім вясной бягучага года ў небе пад Смаленскам.

Сёння многае ўжо вядома пра катынскую трагедыю, аднак няма адказу на галоўнае пытанне: што падштурхнула І. Сталіна і яго атачэнне да злавеснага рашэння? Магчыма, пра гэта мы ніколі не даведаемся, але можам выказаць накіонт гэтага злачыства наступныя ўласныя меркаванні:

1. Для савецкага палітычнага кіраўніцтва была ўласціва апалагетыка класавага насілля, схільнасць вырашаць розныя праблемы і пытанні сілавымі метадамі. У

абліччы польскіх ваеннапалонных, многія з якіх адносіліся да эліты польскага грамадства, кіруючая вярхушка СССР бачыла сапраўднага класавага ворага: людзей с пачуццём чалавечага і вайсковага гонару, цвёрдых у сваіх маральных і ідэйных перакананнях, упэўненых у тым, што Савецкі Саюз – вораг, які нароўні з фашысцкай Германіяй імкнецца да ліквідацыі, або падпарадкавання польскай дзяржавы, і таму нясхільных да палітычных і маральных кампрамісаў. Як вядома, паводле бальшавіцкай формулы “калі вораг не здаецца, то яго знішчаюць”.

2. У любой палітычнай сістэме, асабліва таталітарнай, афіцэр з’яўляецца галоўным і звычайна апошнім абаронцам дзяржавы. Нават знаходзячыся ў палоне, польскія афіцэры ўяўлялі сілу, якую савецкае кіраўніцтва ў сапраўдным часе і будучыні не магло выкарыстаць ў вырашэнні польскага пытання ў яго бальшавіцка-імперскім ўяўленні.

3. Пэўную ролю ў трагічных падзеях вясны 1940 г., магчыма, адыгралі польска-савецкая і савецка-польскія войны 1919–1920 гг., а менавіта, паражэнне Чырвонай Арміі, правал палітыкі экспарту сацыялістычнай рэвалюцыі ў Польшчу і падпісанне Рыжскага міру 18 сакавіка 1921 г., паводле якога бальшавіцкі ўрад РСФСР вымушаны быў пагадзіцца на адыход да Польшчы Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Рэфлексія на гэты паражэнні магла падштурхнуць да расправы над польскімі вайскоўцамі.

4. Ускосная віна за катынскую трагедыю кладзецца і на польскі эмігранцкі ўрад, які своечасова, адразу пасля 17 верасня 1939 г., афіцыйна не вызначыў стан вайны Польшчы з СССР. Гэта пазбавіла інтэрнаваных палякаў правоў ваеннапалонных, пераўтвараючы іх, у разуменні савецкіх уладаў, у контррэвалюцыйныя элементы, затрыманыя са зброяй ў руках на тэрыторыі СССР.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Ежевский, Л. Катынь 1940. Издание 3-е. – Нью-Йорк, 1987. – 64 с.
2. Оскоцкий, В.Д. Катынь – имя нарицательное // Вопросы истории. – 2003. – № 6. – С. 94–108.
3. Яжборовская, И.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях: историческая литература. – М.: Росспэн, 2001. – 496 с.
4. Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. – М.: Политиздат, 1991. – 200 с.

«ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ» ЕЛЕНЫ МАЗАНИК

Занько Е.Ю.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Елена Мазаник родилась 4 апреля 1914 г. в деревне Поддегтярня Пуховичского района Минской области в крестьянской семье. В четыре года она потеряла отца, в семье осталось четверо детей. В 14 лет Лена попала в Минск – няньчить малыша у родственников. Она не только смотрела за ребенком, но и стирала на всю семью из восьмерых человек, убирала в доме и как-то еще успевала справляться с большим огородом. Перед работой Лена получала тонкий ломтик хлеба и чай. А после – до пяти часов вечера ничего: еда в том доме в отсутствие хозяев укрывалась под замками. Ей не платили за работу.

Потом она присматривала за другим ребенком, тоже у родственницы, и там ей было едва ли не тяжелее, чем у прежней. А после устроилась в столовую уборщицей, помогала официанткам, судомойкам. В той столовой было три Лены, и шеф-повар, старичок дядя Миша, придумал называть новенькую Галей. С той поры ее так звали многие, да она и сама так представлялась.

Галя стала учиться в вечерней школе, вступила в комсомол и однажды приняла решение строить с подругой Комсомольск-на-Амуре. Только она не сказала партийному секретарю, что полосканием белья в проруби нажила себе ревматизм.

– В инструкции прямо сказано: больным и беременным отказывать, – сказал секретарь и отправил работать в дом отдыха ЦИК, в Слепянку. Именно здесь она познакомилась с Александром или Бропиславом (так его называет Олег Усачев) [7, с. 7] Тарлецким, а в 1938 г. они поженились [1, с. 14].

По разным сведениям, до войны у Елены умерли двое сыновей. Женья – в 1935 г. в возрасте полутора лет. Она отдала сына в деревню Поддегтярное родственникам, там ребенок заболел инфекционной болезнью и умер от обезвоживания организма.

Второго сына Е. Мазаник потеряла в 1939 г. Беременную Елену сильно растрясло в кузове грузовика. Преждевременные роды, и ребенка, рожденного за несколько недель до срока, спасти не удалось [5, с. 6].

По другой версии, но абсолютно недоказуемой сегодня, её избил муж. Развелись тогда супруги или просто разошлись, не знают даже родственники [7, с. 7]. Официально последний раз они виделись 22 июня 1941 г.

Она встретит его уже после своего подвига, той же осенью 1943 г., в Москве. Он скажет ей, что не знал, что она жива, скажет, что был абсолютно уверен, что она погибла, и хладнокровно поставит перед фактом: у него есть любимая женщина и у них скоро родится ребенок [1, с. 15].

Точно известно: в ночь с 25 на 26 июня 1941 г. партийное и советское руководство Беларуси тайком (ссылаясь на необходимость не создавать панику и без объявления эвакуации), собрав для своей охраны всю милицию Минска, бежали в сторону Могилева. С ними бежал и водитель наркома НКВД Матвеева Тарлецкий.

Когда Тарлецкий узнал, что Елена работает на немцев, то в духе того времени публично отказался от неё и женился в Брянске на другой женщине.

Но когда после войны его бывшая жена Елена Мазаник стала Героем Советского Союза, Тарлецкий разыскал её в Минске, но Е. Мазаник отказалась его принять.

Спустя годы Тарлецкий приехал к Елене со своей дочерью, сообщил ей, что развелся со своей женой, и опять просил принять его. На самом деле жена Тарлецкого бросила его, больного раком желудка.

В этот момент впервые Елена пожалела Тарлецкого и уже хотела принять его обратно, но родственники напомнили Елене, что Тарлецкий приехал к ней умирать, Е. Мазаник вновь отказала Тарлецкому. Вернувшись в Брянск, он вскоре умер.

Попытки Елены устроить свою жизнь с другими мужчинами не увенчались успехом. За ней всю жизнь (и после смерти) тянулся шлейф невероятных слухов [7, с. 7].

В минском издательстве «Медисонт» в 2001 г. вышел роман «Найлепшыя прывітання з Мінска» немецкого писателя и историка Пауля Коля, который на протяжении многих лет собирал материалы о лагере смерти в Тростенце, о Минском гетто, встречался со многими людьми, жившими в Минске в военное время, в том числе с Еленой Мазаник и вдовой Вильгельма Кубе Анитой, работал в архивах Минска и Кельна [3, с. 24].

Немецкая критика назвала этот роман «чепухой, обильно разбавленной солдафонским сексом». В целом, испытывая большое уважение к Елене, Коль в романе на немецком языке устами своих героев утверждает, что Елена была привлекательной женщиной и падкой на мужчин любого сорта как во время работы официанткой в казино СД и генкомиссарiate, так и в особняке В. Кубе.

К сожалению, подобные утверждения (без всякого подтверждения) весьма распространены у нас и сегодня. Злые языки долгие годы не переставали схищничать на

тому, мол, спала с В. Кубе, поэтому ей просто было подложить мину в постель. Все эти разговоры отразились на здоровье Елены и наверняка не способствовали возможности устроить нормальную жизнь [7, с. 7].

В начале войны дом Елены был разбит, ночевать приходилось в чужой пустой квартире, первой попавшейся. Чтобы прокормить себя, нужно было устроиться на работу. Сначала работала в немецких воинских частях: стирала белье, убирала помещения.

Добрый старичок дядя Миша, шеф-повар из довоенной столовой, приютил Галю и помог устроиться в немецкую столовую. Она располагалась в трехэтажном особняке на площади Свободы и называлась «Казино». В этом же особняке в то время жил Вильгельм Кубе.

Позже семейство В. Кубе переедет в другой особняк – под номером 27 на Театрштрассе (особняк после войны снесли, а на его месте ничего не построили). В столовой под названием «Казино» Галя выполняла работу уборщицы и судомойки. Хозяйка заведения и порекомендовала Елену своей подруге – жене В. Кубе Аните [4, с. 8].

Анита Кубе, уцелевшая чудом во время покушения, вошла в историю как корыстная немка, которая скупала за копейки драгоценности, снятые с убитых евреев. Стройная, высокая, очень красивая блондинка. Ради неё В. Кубе бросил первую жену с двумя детьми. Она была молодой актрисой из Гамбурга, которую в 1933 г. направил на работу в провинцию, в Шнейдемолю. Тогда её звали Линденколь. Но это не очень удачная фамилия для актрисы, она отбросила «коль» и стала Линден. Тут она получила первую главную роль – Сванхильды в драме «Тотила». На премьеру в сентябре 1933 г. пришел автор, Вильгельм Кубе. В то время ему было 46 лет, а ей 22. В 1938 г. они поженились [2, с. 14].

О взаимоотношениях, которые сложились за год тесного знакомства Аниты и Елены, нет информации ни в архивах, ни в музеях, ни в воспоминаниях очевидцев. Сохранилось лишь одно документальное свидетельство – копия письма, датированного 1992 г., по другим данным 1993 г. (переведенная на русский копия этого письма выставлена в Музее истории Великой Отечественной войны) [1, с. 14]. Вдова Кубе, не требуя отщения, искала контакта с Еленой Мазаник с 1976 г.

Однажды в редакцию газеты «Комсомольская правда» пришел Олег Усачев, который в советское время работал переводчиком в Бюро международного молодежного туризма «Спутник». Летом 1976 г. он проводил экскурсию по Минску и Хатыни для туристов поезда «Дружба» из ГДР. Один из туристов сообщил, что является родственником Аниты и у него письмо для Елены.

В музей он передал просьбу сотрудникам. Они тут же ушли совещаться за закрытыми дверями. На встречу с туристами этого поезда Е. Мазаник не пришла. Было принято решение не афишировать попытки Аниты выйти на связь с Е. Мазаник. В те годы сама Елена была не против встретиться с Анитой. Но ей не советовали этого делать товарищи из КГБ.

В 2007 г. Олег Усачев разыскал мужа племянницы Елены Мазаник Александра Пигулевского. Он не каждому доверял. Но Усачеву Александр Александрович дал коробку со старыми фотографиями, тут оказалось письмо от Аниты Кубе. Отдельно лежали фотографии Аниты со взрослыми сыновьями. Рассказывали, что в 1992 г. поездом «Дружба» опять приехал немец с письмом от Аниты. Он напрямую понес его в музей Великой Отечественной войны в массовый отдел, но там его боялись взять. И отказали под предлогом того, что музей не уполномочен принимать такие письма. Сотрудница музея Р. Черноглазова все-таки взяла письмо, решив передать его Е. Мазаник. Говорят, Елена закатила истерику, увидев письмо. Идти за письмом в музей она отказалась. Р. Черноглазова настояла. И оно хранилось у Елены до самой смерти.

О. Усачев сделал копии практически всех фотографий (в Национальном архиве хранятся электронные копии этих фотографий). А оригинал письма с согласия А. Пигулевского он подарил Раисе Андреевне Черноглазовой, той самой сотруднице музея, которая передала это письмо в 1992 г. Елене Мазаник.

Олег Иванович уверен, что писем было больше. По крайней мере, известно еще о двух письмах, которые в разные годы передал Елене Мазаник немецкий журналист Пауль Коль. П. Коль утверждает, что первое письмо Е. Мазаник порвала у него на глазах. А через несколько лет он привез еще одно письмо. Елена его взяла.

Орфография оригинала сохранена. Текст письма напечатан на машинке. Галиной Анита называет Елену Мазаник потому, что так ее называли в особняке В. Кубе. Фамилия тоже написана с ошибкой – Механик [5, с. 6].

Если верить письму, то взрыв в спальне Вильгельма Кубе не помешал вдове палача белорусского народа Аните Кубе и Герою Советского Союза Елене Мазаник спустя десятилетия вспоминать друг о друге с теплотой и симпатией.

Они расстались в 10 утра 21 сентября 1943 г. Уходя в сопровождении телохранителей в парикмахерскую, Анита Кубе пожелала прислуге, которая жаловалась на сильную зубную боль, всего хорошего. Больше они не встречались. Всю оставшуюся жизнь им суждено было играть роль заклятых врагов.

Анита Кубе приехала в Минск по приказу рейхсминистра Альфреда Розенберга в сентябре 1942 г. – со своими тремя детьми и тремя собаками. Ей был 31 год, старшему сыну Гаральду – 7 лет, Петеру – 6, а Вилли – 3 года.

В. Кубе в свои 50 лет с лишним лет был большим любителем женщин. К тому же выпивал. Было даже проведено специальное разбирательство по поступившим на В. Кубе «сигналам». В Берлине испугались, что в какой-то момент он может выболтать секретные сведения о готовящихся операциях какой-нибудь из своих пассий. Поэтому в Минск срочно вызвали жену [2, с. 14].

Анита вспоминала, что её приезд в Минск должен был показать остальным: во вражеской стране они с Вильгельмом могут жить нормальной семьей. В немецких архивах сохранились донесения из генерального комиссариата в Минске о похождениях гауляйтера до приезда жены. Елена Мазаник говорила, что В. Кубе постоянно пытался выказать каким-либо образом свое расположение, которое ей было крайне неприятно. Тем не менее, Елене (единственной из обслуживающего персонала) разрешалось жить в собственной квартире, а не в подвальном помещении здания комиссариата.

Анита ни слова не знала по-русски. Среди прислуги только Елена хорошо владела немецким [2, с. 14] (вопреки бытующему мнению, что Елена не знала немецкого, изъяснялась шарой фраз) [5, с. 6].

В 29 лет Елена Мазаник выгодно отличалась от молодых студенток, которых брали немцы на работу в качестве прислуги. Крупная, работоспособная. В особняке Кубе ее звали Галина-большая. Большие ноги, руки [5, с. 7].

Анита была очень привязана к Елене. Да и Кубе, наверное, опасался, что уволенная Елена может рассказать жене о его похождениях. Подпольщица Е. Мазаник стала единственным человеком из прислуги, которой удалось продлить контракт.

Пауль Коль утверждает, что Е. Мазаник пережила огромный внутренний конфликт, потому что на кон была поставлена жизнь её подруги. Было ясно, что Анита тоже погибнет. У неё был приказ уничтожить В. Кубе.

После убийства на Елену тут же пало подозрение, потому что она была единственной, кто не спал в доме. К тому же и на квартире ни её самой, ни её сестры не было. Анита вспоминала, что после смерти мужа словно окаменела: «Я была безразлична ко всему. Я не могла плакать. Несколько недель я не мылась, не причёсывалась. Я только постоянно качала головой. Люди смотрели на меня и думали, что я схожу с ума».

Три дня в доме В. Кубе стоял гроб для прощания с ним. Затем его поставили в Доме офицеров. Траурная церемония транслировалась по радио. 24 сентября на самолете гроб генерального комиссара генерального округа Беларуси доставили в Берлин, где 27 сентября состоялись пышные похороны на кладбище Ланквиц. Фрау Аниты там не было: ей вот-вот предстояло рожать.

Вся эта история не помешала Аните остаться благодарной Елене за то, что она сама и дети остались живы. Ведь, по её словам, на ночном столике мужа всегда лежал револьвер с пятью пулями: три для – детей, одна для – Аниты и одна для – него. В случае необходимости он бы застрелил всех.

12 октября 1943 г. в одной из пражских клиник Анита Кубе родила мальчика. Точно в срок. И он был здоров, как будто ничего не случилось. Так появился на свет младший сын Вильгельма Кубе – Вальтер, который раньше всех братьев умрет от лейкоза.

Анита Кубе больше так и не выходила замуж и никогда не работала. Она получала хорошую пенсию. В 1951 г. поехала в Аргентину, а в 1958 г. вернулась в Германию, в Констанц. Трое ее сыновей остались в Южной Америке. Петер стал знаменитым автогонщиком в Перу, Гаральд – генеральным директором в Коста-Рике, а Вилл работал в Буэнос-Айресе в крупной японской фирме [2, с. 14].

После войны Елена Мазаник, Герой Советского Союза со всеми причитающимися привилегиями, окончила педагогический институт и стала заместителем директора в научной библиотеке имени Я. Коласа. Сестра Валя работала старшим кассиром в книжном магазине «Центральный».

Только это не помогло ей избавиться от страха, который преследовал Мазаник всю жизнь: она постоянно меняла квартиры, опасалась людей, а в конце жизни страдала психическим расстройством. Елена Мазаник боялась мести всех: жены и детей В. Кубе, родственников, расстрелянных после его смерти, советского правительства, которое в любой момент могло припомнить ей работу на фашистов [8].

До сих пор неизвестно, что делала Елена с 1943 по 1946 гг. в Москве, куда она уехала сразу после убийства В. Кубе. Огласку получил лишь тот факт, что её поселили на охраняемой даче известного летчика Водопьянова. Эти дачи находились в ведомстве Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии в Серебряном Бору. Оттуда Елену возили на допросы на Лубянку.

В 1943 г. в Москве Елену наградили звездой Героя и присвоили звание Героя Советского Союза.

Потом Е. Мазаник жила в гостинице ЦК КПБ «Якорь» в Москве. Все расходы по проживанию Елены и её сестры Валентины с детьми оплачивались из партийной кассы. Больше достоверных сведений о пребывании в Москве нет.

Правда, есть ещё слухи. Когда Елена со своей сестрой Валентиной Щуцкой появились на ГРУшных дачах, жены местных генералов стали подсмеиваться над ней: «Какая ты героиня, ты просто проститутка». Как гласит людская молва, Елена и Валентина надели ордена, выпили для храбрости и пошли бить окна на генеральских дачах. Наверное, поэтому Е. Мазаник и пришлось переехать.

Вернуться после войны в Минск Елену заставил первый секретарь ЦК КПБ Пантелеймон Пономаренко. Его главным аргументом было – героиня своего народа должна жить у себя на родине.

С Е. Мазаник постоянно жили домработницы. Предположительно их у Елены после войны было четверо. Первую домработницу почти никто не помнит, возможно, ее звали Лизой. Позже Елене порекомендовали Марийку (Марию Михайловну Малькевич). Мария прожила вместе с Еленой на правах члена семьи с 1965 по 1976 гг.

Елена не брала платы с Марии за жилье и питание, но и не платила Марии за помощь в ведении домашнего хозяйства (уборка помещений, стирка, покупки в магазине). В 1976 г. Мария вышла замуж и переехала жить к мужу.

Родители Марии посоветовали Елене взять их односельчанку Галину, закончившую профтехучилище машиностроителей и работавшую в то время на автозаводе, они прожили совместно с 1978 по 1992 гг. Хорошо зарабатывающая на основной работе, Галина по документам Елены смогла купить дефицитный тогда автомобиль «Жигули», а своим фотоаппаратом «Зенит» сделала для Елены много любительских фотоснимков из её жизни.

На дачу Елены в Крыжовке они теперь ездили на «Жигулях» Галины. А потом у Гали умер отец, осталась тяжелобольная мать, и женщина вынуждена была уйти от Елены. Новую домработницу Е. Мазаник найти не удалось.

По утверждению её племянницы, Татьяны Николаевны Луценко (дочери Валентины Щуцкой от второго брака, которая сегодня больше всех возмущена публикациями, порочащими память тётки), последние 2 года жизни Елены за ней присматривала Лидия Пигулевская (дочь Валентины Щуцкой от первого брака, а после дочь Лидии – Лиля).

Когда умерла сестра Елены Валентина, Елена заметила, что Лилины дружки пытаются прибрать к рукам Валин орден Ленина.

Но когда Елена напрямую спросила, где награда сестры, ее обманули, показав фальшивую справку о сдаче Валиного ордена Ленина на хранение в музей истории ВОВ. Обман выяснился, но ухудшившееся здоровье Елены не позволило ей полностью выяснить историю исчезновения ордена. Хорошо знавший Елену писатель Николай Дубровский неоднократно советовал Елене Григорьевне передать свою Звезду Героя Советского Союза на хранение в музей истории Великой Отечественной войны. Но Елена не последовала совету. Лиля продаст звезду Е. Мазаник как и её дачу в Крыжовке, просто понадобятся деньги на водку.

В 1996 г. после вечерней прогулки во дворе своего дома Елена Мазаник скончалась [6, с. 7]. Дочь племянницы была убита в пьяной потасовке, но прах её посчитали почетным подхоронить к могиле тети-героини.

Еще одно распоряжение судьбы: гроб с телом Елены Мазаник был выставлен для прощания в Доме офицеров. Гроб Вильгельма Кубе перед отправкой в Германию стоял когда-то на том же месте [1, с. 16].

Список цитированных источников и литературы

1. Денисова, С. Остановившая часы /С.Денисова // Женский журнал. – 2009. – № 9. – С. 13–16.
2. Загорская, М. Закадычные враги /М. Загорская // Белорусская деловая газета. – 12 мая 2003. – №16. – С. 14.
3. Михальчук, Л. Минута молчания /Л. Михальчук // Белорусы и рынок. – 13–19 апреля 2009. – № 15. – С. 24.
4. Назаров, О. Год 1943-й. Акт возмездия /О. Назаров // Родная газета. – 19 сентября 2008. – №12. – С.8.
5. Улевич, О. Анита Кубе писала письма убийце своего мужа /О. Улевич // Комсомольская правда. – 25.09.2008. – С. 6–7.
6. Усачёв, О. Звезду Героя Елены Мазаник продали на черном рынке /О. Усачёв // Комсомольская правда. – 30.10.2008. – С. 7.
7. Усачёв, О. Муж публично отрекся от Елены Мазаник /О. Усачев // Комсомольская правда. – 06.11.2008. – С. 7.
8. Прудинник, Т. Городские легенды Минска: убийца Кеннеди, минчанин Мастроаяни и другие / Прудинник Т. // Информационное агентство «Интерфакс-Запад» [Электронный ресурс]. – 19.08.09. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/article/50211>. – Дата доступа: 24 июня 2010 г.

АДНАЎЛЕННЕ НАРОДНАЙ ГАСПАДАРКІ БЕЛАРУСІ У 1943–1945 гг.: ПРАБЛЕМЫ ГІСТАРЫЯГРАФІ

Здановіч У.В.

УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна», г. Брэст

Аднаўленне эканомікі, культуры, адукацыі Беларусі пачалося ўжо ў часы Вялікай Айчыннай вайны. Супярэчліваць аднаўленчых працэсаў, комплексны характар задач, якія стаяць перад даследчыкамі, робяць даволі складаным працэс выпрацоўкі абагульняючых ацэнак. А гэта, ў сваю чаргу абумоўлівае неабходнасць працягу гістарыяграфічнай працы. Гістарыяграфічны аналіз у сукупнасці з прыцягненнем новых крыніц, іх усебаковай інтэрпрэтацыі дазваляе дакументаваць значныя вынікі ў найбольш перспектыўных накірунках навуковага пошуку.

Першыя ацэнкі асаблівасцей аднаўлення на вызваленых тэрыторыях былі сфармуляваны ў дакладах і артыкулах вядомых партыйных і дзяржаўных дзеячаў, кіраўнікоў разнастайных ведамстваў і ўстановаў. У пэўным сэнсе дадзеныя працы не з’яўляліся навуковымі і мелі ў асноўным публіцыстычны характар [1, 2, 3, 4].

На працягу першага пасляваеннага дзесяцігоддзя гістарычная навука зрабіла толькі першыя крокі ў навуковае асвятленне пытанняў аднаўлення народнай гаспадаркі. Разглядаемай праблеме была прысвечана манаграфія М.А. Вазнясенскага “Военная экономика СССР в период Отечественной войны”, якая аказала значны ўплыў на ўсю савецкую гістарыяграфію. Асобная глава кнігі “Восстановление хозяйства в ходе войны” стала канцэптуальнай асновай большасці наступных прац аб аднаўленні эканомікі ў ваянныя гады [5]. Аўтар ўвёў у навуковы зварот новыя дадзеныя, паказаў уклад вызваленых раёнаў, у тым ліку ў Беларусі, у агульнасаюзную эканоміку.

Спецыяльная глава аб аднаўленні народнай гаспадаркі і культуры рэспублікі без выдзялення асобнага перыяду 1943–1945 гг. утрымліваецца ў працы беларускіх гісторыкаў І.С. Краўчанкі і А.І. Залескага [6].

Так, у працы “Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии” дадзеная праблема раскрываецца ў 5-м параграфі 4-й главы “Деятельность Компартии Белоруссии по организации восстановительных работ в республике после изгнания гитлеровских оккупантов. Победоносное значение Великой Отечественной войны” [7, с. 387–402].

Некаторыя сюжэты акрэсленай тэмы раскрываюцца ў брашурах і артыкулах А.Я. Пейсаховіча, І.Я. Марчанкі, Л.А. Міхайлоўскага [8, 9, 10]. Аднак у цэлым стан навуковай распрацоўкі праблем аднаўлення народнай гаспадаркі не адпавядаў узроўню вывучэння Вялікай Айчыннай вайны.

У 1970-х–1980-х гг. актывізаваліся даследаванні па гісторыі сялянства, рабочага класа і інтэлігенцыі, у якіх раскрываюцца асобныя бакі працэсу аднаўлення вызваленай тэрыторыі Беларусі. Неабходна адзначыць, што па аб’ектальных прычынах галіновае вывучэнне праблемы атрымала найбольшае развіццё. У пэўнай ступені гэта было выклікана тым, што дадзеныя аб’екты адносна лёгка падвяргаліся навуковаму даследаванню і адпавядалі агульнай канцэпцыі адлюстравання пасляваеннай гістарыяграфіі. Прыкладам галіновага падыходу з’яўляюцца абагульняльныя шматтомныя выданні па гісторыі рабочага класа, калгаснага сялянства, а таксама манаграфіі У.Я. Марчанкі [11] і А.П. Белязо [12]. Не адвяргаючы абгрунтаванасці такога падыходу, падкрэслім, што яго дамінаванне прывяло да таго, што абагульняльныя даследаванні па тэме ва ўсёй сукупнасці аднаўленчых працэсаў з’яўляліся рэдкасцю. Аналагічны падыход уласцівы большасці падрыхтаваных у азначаны перыяд артыкулаў [13, 14].

Аўтары толькі некаторых манаграфічных работ разглядалі аднаўленне як адзіны многаўзроўневы працэс, як цэласную з'яву, якая развівалася пад уздзеяннем дзяржаўнай палітыкі і ідэалогіі. Менавіта так пададзены матэрыял, прысвечаны аднаўленчым працэсам у Беларусі ў другім раздзеле манаграфіі Г.І. Аляхновіча [15].

Аднак у цэлым да 1970-х гг. стан навуковай распрацоўкі праблем аднаўлення народнай гаспадаркі не адпавядаў узроўню вывучэння Вялікай Айчыннай вайны. У 1970–1980-я гг. было выдадзена некалькі манаграфічных даследаванняў, якія былі спецыяльна прысвечаны праблематыцы адраджэння вызваленых рэгіёнаў. Найбольш грунтоўна праблема адраджэння народнай гаспадаркі ў 1943–1945 гг. раскрыта ў апублікаваных працах і доктарскай дысертацыі Г.П. Купрэвай [16, 17].

Аналіз гістарычнай літаратуры паказвае, што ў савецкія часы ў вывучэнні аднаўленчых працэсаў на тэрыторыі Беларусі былі дасягнуты значныя поспехі. Асабліва ўвага надавалася ролі Камуністычнай партыі ў рашэнні пытанняў аднаўлення. Шэраг прац прысвечаны развіццю асобных галін эканомікі, транспарту, сельскай гаспадаркі, культуры, адукацыі. Акрамя таго, ў даследаваннях паказана роля розных сацыяльных груп у адраджэнні Беларусі. Акцэнтацыя ўвагі на паказе праяў і пераваг сацыялістычнай сістэмы, ухіл у бок падкрэслівання поспехаў садзейнічаў таму, што глыбокі аналіз разглядаемых пытанняў падмяняўся іх апісальнасцю. Многія сюжэты, наогул, засталіся па-за ўвагай даследчыкаў.

Працэсы, якія пачаліся пасля распаду СССР, прад'явілі новыя патрабаванні да гістарычнай навуцы. Аслабленне ідэалагічнай цензуры стварыла большую свабоду для навуковага аналізу маладаследаваных ці зусім не даследаваных падзей Вялікай Айчыннай вайны [18, 19]. Разам з паказам становага вопыту, працоўнага гераізму беларускага народа на вызваленай ад захопнікаў тэрыторыі ў працах сучасных айчынных гісторыкаў знайшлі адлюстраванне такія аспекты, як недахопы і пралікі ў правядзенні аднаўленчых мерапрыемстваў, жорсткая кадравая палітыка, асабліва ў заходніх абласцях рэспублікі, ідэалагічны ціск на розныя катэгорыі насельніцтва, рэпрэсіўныя меры ў дачыненні асоб, запозраных у прыналежнасці да калабарантаў, прыстасаванне насельніцтва да новых палітычных рэалій. Менавіта з такіх пазіцый, з улікам дасягненняў сучаснай гістарычнай навуцы азначаныя сюжэты разгледжаны ў манаграфіі і артыкулах У.І. Кузьменкі [20, 21], калектыўным выданні “Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.”.

У сувязі з усё большымі магчымасцямі доступу да раней закрытых архіўных матэрыялаў, ростам цікавасці навукоўцаў да лёсу рэпрэсаваных павялічылася ўвага гісторыкаў да праблемы прымусовай працы, якая раней не вывучалася ў савецкай і айчынай гістарыяграфіі. Асабліва актыўна дадзена тэма стала распрацоўвацца расійскімі даследчыкамі. У.А. Пронька, У.М. Зямскоў, М.Б. Смірноў, Ц.М. Цімошын, У.П. Беліхін і іншыя паказваюць, што ў розных галінах эканомікі ў прымусовых працах удзельнічалі прадстаўнікі розных катэгорый рэпрэсаваных: асуджаныя за супрацоўніцтва з ворагам, за крымінальныя злачынствы, рэпатрыянты, у тым ліку былыя савецкія ваеннапалонныя, дэпартаваныя насельніцтва, калгаснікі, якія сталі ахвярамі кампаніі за ўмацаванне калгасаў, спецыялісты, інжынеры, канструктары, дзеячы культуры і г.д. Па розных падліках расійскіх навукоўцаў у сістэме ГУЛАГа ў пасляваенныя гады ўтрымлівалася ад 8 да 15 млн. чалавек [23, с. 250].

У сучаснай айчынай гістарыяграфіі азначаная праблема не знайшла шырокага асвятлення. Асобныя яе сюжэты раскрыты ў працах У.І. Кузьменкі, М.У. Токарава [24, 25].

Як вядома, працэс аднаўлення, які пачаўся адразу пасля вызвалення першых населеных пунктаў ад акупантаў, праходзіў у непамерна складаных умовах. Не хапала будаўнічых матэрыялаў, абсталявання, сыравіны, паліва. Сур'ёзнай праблемай з'яўляўся недахоп рабочых, асабліва спецыялістаў. Для выпраўлення сітуацыі, а таксама ў якасці

кампенсаций матэрыяльных страт, нанесеных захопнікамі, было прынята рашэнне аб выкарыстанні ваеннапалонных, якія знаходзіліся на тэрыторыі Беларусі. Разнастайныя аспекты праблемы, практычна недаследаванай у савецкія часы, сталі тэмай даследавання А.В. Шаркова [26, 27]. Па падліках беларускага гісторыка, са спасылкай на архіўныя і апублікаваныя крыніцы, на пачатак 1946 г. УПВІ мела ў сваім падпарадкаванні 11 лагераў, 8 спецшпіталяў і батальёнаў інтэрніраваных. У іх утрымлівалася звыш 88 тыс. ваеннапалонных і інтэрніраваных. Акрамя таго, ў асобных рабочых батальёнах сістэмы Міністэрства Узброеных Сіл СССР, якія дыслацыраваліся на тэрыторыі Беларусі, утрымлівалася 14019 ваеннапалонных. Усяго на тэрыторыі Беларусі ў 1946 г. знаходзілася каля 103 тыс. ваеннапалонных і інтэрніраваных [27, с. 39–40]. Шырокая крыніцазнаўчая база, новыя метадалагічныя падыходы, дазволілі даследчыку даказаць сцвярджаць, што ваеннапалонныя і інтэрніраваныя, якія працавалі на вядучых будоўлях рэспублікі, унеслі значны ўклад у аднаўленне эканомікі Беларусі, у выкананне планаў па дасягненню даваеннага ўзроўню вытворчасці прамысловай прадукцыі.

Некаторыя аспекты ўдзелу замежных ваеннапалонных у аднаўленні разбуранай гаспадаркі Беларусі разглядаецца ў артыкулах В.А. Мішураўскай, А.Л. Самовіча [28, 29].

Аднаўленне на вызваленых ад акупантаў тэрыторыях Беларусі адбывалася ў складаных умовах. Асабліва напружанай і нестабільнай грамадска-палітычная сітуацыя была ў заходніх абласцях рэспублікі. Тут дзейнічала разгалінаванае польскае, украінскае, літоўскае антысавецкае падполле, прадстаўнікі якога прэтэндавалі на заходнія беларускія землі і ставілі перад сабой мэту знішчэння савецкай улады. Найбольш арганізаванай з’яўлялася Армія Краёва (АК). Адносіны мясцовага насельніцтва да антысавецкіх васнізіраваных фарміраванняў былі неадназначнымі. У некаторых рэгіёнах Заходняй Беларусі сяляне дапамагалі атрадам АК і Украінскай Паўстанскай Арміі (УПА). Разам з тым дакументальныя крыніцы фіксуюць і дапамогу мясцовага насельніцтва органам НКУС у барацьбе з імі. Неадназначнымі былі таксама ўзаемаадносіны паміж жыхарамі вызваленых тэрыторый. Побач з узаемадапамогай існаваў і недавер да аднавяскоўцаў, якія вярнуліся з эвакуацыі ці з прымусовых работ у Заходняй Еўропе. Розныя настроі былі і ў рэпатрыянтаў. Азначаныя асаблівасці сітуацыі, якая склалася на вызваленых тэрыторыях, у першую чаргу Заходняй Беларусі, знайшлі адлюстраванне ў працах У.А. Валахановіча, Н.А. Рыбак, В.А. Белазаровіча, Ю.У. Чарняка, С.У. Жумара, В.І. Ермаловіча, С.А. Сіткевіча, А.В. Раманько [30, 31, 32, 33, 34, 35, 36].

Не менш складанай на вызваленых тэрыторыях з’яўлялася і канфесійная сітуацыя. Актыўнасць рэлігійнага жыцця, выклікала ўзмацненне дзяржаўнага кантролю за дзейнасцю розных канфесій, што прыводзіла да канфліктаў паміж вернікамі, прадстаўнікамі савецкай улады. Некаторыя аспекты рэлігійнага жыцця на вызваленых тэрыторыях паказаны ў працах С.У. Сілавай і Э.С. Ярмусіка [37, 38].

Такім чынам, за пасляваенны перыяд навукоўцамі асветлены шырокі і мнагапланавы спектр пытанняў, звязаных з аднаўленчай праблематыкай. Аб’ектамі гістарычнага даследавання сталі дзейнасць дзяржаўных органаў па ажыццяўленню праграмы аднаўлення, працоўны гераізм, сяжкасі і дасягненні ў вырашэнні пастаўленых задач, прымусовая праца рэпрэсаваных савецкіх грамадзян, а таксама ваеннапалонных і інтэрніраваных. На сучасны момант склаліся неабходныя ўмовы для стварэння цэласнай канцэпцыі аднаўлення народнай гаспадаркі, устаноў адукацыі і культуры.

Спісок цитированных источников и литературы

1. О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б), 22 августа 1943 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов – 7-е изд. – М.: Политиздат, 1954. – Ч. 3. – С. 437–474.

2. Аб задачах партыйных арганізацый КП(б) Беларусі па аднаўленню народнай гаспадаркі і ліквідацыі вынікаў нямецкай акупацыі: пастанова VI Пленума ЦК КП(б) Беларусі па дакладу сакратара ЦК КП(б) Беларусі тав. Панамарэнкі П.К. // Бальшавік Беларусі. – 1945. – № 1–2. – С. 35–37.
3. Горбунов, Т. Белорусская культура живет и развивается / Т. Горбунов // Славяне. – 1945. – № 1. – С. 30–32.
4. Панамарэнка, П.К. Аднаўленне прамысловасці, энергетыкі і жыллёва-камунальнай гаспадаркі ў вызваленых раёнах / П.К. Панамарэнка // Беларусь. – 1944. – № 3. – С. 9–10.
5. Вознесенский, Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны / Н.А. Вознесенский. – М., 1947.
6. Кравченко, И.С. Белорусский народ в годы Великой Отечественной войны / И.С. Кравченко, А. И. Залесский. – Минск: Госиздат БССР, 1959. – 146 с.
7. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии : в 2 ч. / Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Ч. 2 : 1921–1966 ; редкол.: С. А. Пилотович (предс.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 1967. – 588 с. – С.387–402.
8. Марченко, И. Вклад рабочих в общенародное дело: восстановление народного хозяйства. 1943–1945 гг. / И. Марченко // Блокнот агитатора. – 1959. – № 17. – С. 11–17.
9. Михайловский, Л.А. Первые восстановительные работы в Минске после освобождения его от немецко-фашистских захватчиков. Июль 1944 – май 1945 гг. / Л.А. Михайловский // Вопросы истории БССР. – 1969. – Вып. 37. – С. 179–194.
10. Пейсахович, А. Культурное строительство в Белорусской ССР в 1943–1945 гг. / А. Пейсахович. – Минск: изд-во БГУ, 1961. – 67 с.
11. Марченко, И.Е. Трудовой подвиг рабочего класса Белорусской ССР / И.Е. Марченко. – Минск: Наука и техника, 1977. – 248 с.
12. Белязо, А.П. Белорусская вёска ў пасляваенныя гады / А.П. Белязо. – Минск: Выд-ва БДУ. – 1974. – 176 с.
13. Галузо, А. Так спасали книги / А. Галузо // Нёман. – 1975. – № 7. – С. 188–189.
14. Смиловицкий, Л.Л. Открывались техникумы / Л.Л. Смиловицкий // Сельское хозяйство Белоруссии. – 1984. – № 5. – С. 29.
15. Олехнович, Г.И. Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945) / Г.И. Олехнович. – Минск: БГУ, 1982. – 174 с.
16. Купреева, А.П. Возрождение народного хозяйства Белоруссии (1942–1945 гг.); научн. ред. П.Т. Петриков / П.П. Купреева. – Минск: Наука и техника, 1976. – 223 с.
17. Купреева, А.П. Народы СССР – трудящимся Белоруссии: Возрождение хозяйственной жизни республики в 1943–1945 гг.; научн. ред. П.Т. Петриков. – Минск: Наука и техника, 1981. – 208 с.
18. Иоффе, Э. Дружба народов СССР – один из источников победы над германским нацизмом : (по материалам партизанского движения в Беларуси в 1941–1944 гг.) / Э. Иоффе // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2005. – № 2. – С. 3–6.
19. Канапацкі, І.Б. Дапамога беларускаму народу ў аднаўленні гаспадаркі Беларусі. 1943–1945 гг. / І.Б. Канапацкі, Л.Л. Шкуцько, Г.А. Шкуцько // Новая і Новейшая історыя Еўропы і США: праблемы, поіскі, ісследавання : зборнік навуковых артыкулаў / Міністэрства асветы Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт ім. М. Танка. – Мінск, 2006. – С. 81–85.
20. Кузьменко, В.И. В суровые сороковые: интеллигенция Беларуси в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / В.И. Кузьменко. – Минск: ГНУ “Институт истории НАН Беларуси”, 2006. – 260 с.
21. Кузьменко, В. Брестская область в послеоккупационный военный период : Авг. 1944 – май 1945 г. : (По материалам обл. органов партийно-гос. власти) / В. Кузьменко // Архівы і справядства. – 2004. – № 3. – С. 106–109.

22. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. / А.А. Коваленя (руководитель авторского коллектива), А.М. Литвин, В.И. Кузьменко [и др.] – Минск: Белта, 2005. – 544 с.
23. Хохлов, А.В. Проблема восстановления народного хозяйства в годы Великой Отечественной войны: историографический аспект / А.В. Хохлов // Вестник Самарского государственного университета. – 2007. – № 5. – С. 244–255.
24. Кузьменко, В.И. В суровые сороковые: интеллигенция Беларуси в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) / В.И. Кузьменко. – Минск: ГНУ “Институт истории НАН Беларуси”, 2006. – 260 с.
25. Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / сост. и авт. предисл. Н.В. Токарев; под ред. А.С. Мохнач. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 120 с.
26. Шарков, А.В. Военнопленные и интернированные на территории Беларуси: роль органов внутренних дел в их содержании и трудовом использовании (1944–1951 гг.); под ред. В.П. Павлова. Монография / А.В. Шарков. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1977. – 159 с.
27. Шарков, А.В. Архипелаг ГУПВИ: военнопленные и интернированные на территории Беларуси: 1941–1951 гг. / А.В. Шарков. – Минск: Тессей, 2003. – 168 с.
28. Мишуровская, О.Е. Проблема итальянских военнопленных Второй мировой войны в белорусско-итальянских отношениях / О.Е. Мишуровская // Веснік Бел. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя, філасофія, псіхалогія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права. – 2005. – № 2. – С. 33–36.
29. Самович, А.Л. Отечественная история военного плена: некоторые итоги изучения проблемы / А.Л. Самович // Вести института современных знаний. – 2007. – № 3. – С. 24–27.
30. Белозорович, В.А. Аграрные преобразования в западных областях Беларуси в 1939–1952 годах : автореф. ... дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / В. А. Белозорович ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 1999. – 15 с.
31. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И.А. Валаханович. – Минск: БГУ, 2002. – 146 с.
32. Ермолович, В.И. Огнем и мечом : Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.) / В.И. Ермолович, С.В. Жумарь. – Минск: БелНИЦДАД, 1994. – 112 с.
33. Рыбак, Н.А. Деятельность Армии Крайовой и постаковских формирований в Западной Беларуси в 1944–1945 гг. : автореф. ... дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.А. Рыбак ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2001. – 20 с.
34. Ситкевич, С.А. Деятельность польского подполья на территории Беларуси (1939–1954 гг.). Историография проблемы : автореф. ... дис. канд. ист. наук : 07.00.09 / С.А. Ситкевич ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2002. – 20 с.
35. Раманько, О.В. Коричневые тени в Полесье: Белоруссия 1941–1945 / О.В. Романько. – М.: Вече, 2008. – 432 с.
36. Черняк, Ю.В. Деятельность украинских организаций и их вооруженных формирований на территории Западной Беларуси в годы Великой Отечественной войны; автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02; Ю.В. Черняк; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2007. – 20 с.
37. Силова, С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : моногр. / С.В. Силова. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 105 с.
38. Ярмусик, Э.С. Католический костел в Белоруссии в годы Второй мировой войны (1939–1945) : моногр. / Э.С. Ярмусик. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 240 с.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ «НОРМАНДИЯ-НЕМАН» – УЧАСТНИК БОЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ХОДЕ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН»

Иванова Т.П., Калашникова Л.Н.

Витебский филиал УО Федерации профсоюзов Беларуси «Международный институт трудовых и социальных отношений», г. Витебск

Многие народы и государства внесли вклад в победу над фашизмом, в том числе США, Англия и другие союзники СССР по антигитлеровской коалиции. В год 65-летия Великой Победы нельзя не вспомнить о том, что единственным боевым подразделением западных стран, которое сражалось вместе с советскими войсками на решающем фронте Второй мировой войны, была французская истребительная авиационная эскадрилья «Нормандия-Неман».

Эскадрилья принимала участие в знаменитой операции «Багратион», к оценке которой в 2009–2010 гг. вновь обратились ученые. Современные российские, отечественные и некоторые западные историки признают, что масштабы одержанной победы и красота стратегического замысла операции по освобождению Беларуси были на порядок выше, чем под Сталинградом и Курском. Подготовка к летнему наступлению 1944 г. советских войск на территории Беларуси занимала чрезвычайно важное место в планах командования. Составляющими этой подготовительной работы являлись боевая и тактическая подготовка, мероприятия по достижению внезапности, агитационно-пропагандистская работа, инженерное и материально-техническое обеспечение, медико-санитарное обслуживание.

Современные историки отмечают, что «Багратион» – уникальная, самая изящная операция Второй мировой войны. Ни один Генштаб в мире не планировал подобной операции; не было допущено ни одной крупной – ни стратегической, ни тактической ошибки. В целом операция по замыслу, масштабам, эффективности и значимости занимает особое место и представляет важную главу в отечественной и мировой историографии военного искусства. Исследователи рассматривают Белорусскую стратегическую наступательную операцию как глобальное событие лета 1944 г.

Следует обратить внимание на такие особенности операции, как: огромный пространственный размах и впечатляющие оперативно-стратегические результаты; уникальный режим секретности; впервые в истории Великой Отечественной войны сражение было разыграно на специально подготовленном макете местности; единственный раз за всю войну войска, которые должны были участвовать в прорыве обороны, отводились в тыл и с ними проводились тактические специальные учения; впервые проведена стратегическая авиационная операция с участием французского истребительного полка «Нормандия», получившего название «Нормандия-Неман»; темпы операции были совершенно фантастическими: десять дней – и развитие значительно-го успеха; четкие и слаженные действия фронта и тыла.

Участье эскадрильи «Нормандия-Неман» в освобождении Беларуси – значимая страница как Великой Отечественной, так и Второй мировой войны в целом. Прежде всего, хотелось бы сказать несколько слов о предыстории создания эскадрильи. Группа французских добровольцев-авиаторов прилетела в Советский Союз для участия в боях в марте 1942 г., когда Красная Армия после упорной обороны на Волге перешла в контрнаступление. Эта авиагруппа была сформирована по соглашению между Французским национальным комитетом, возглавляемым генералом де Голлем, и советским правительством. 25 ноября 1942 г. было подписано советско-французское со-

глашение о формировании на территории СССР французской авиационной эскадрильи [1]. Приказом командующего Военно-Воздушных сил Красной Армии от 4 декабря 1942 г. эскадрилья была включена в их состав. Французские летчики, входившие в состав авиагруппы, представляли организацию «Сражающаяся Франция» на советско-германском фронте. По желанию летного состава ей было присвоено наименование «Нормандия» в честь французской провинции, которая больше других пострадала от немецкой оккупации. Так возникла французская истребительная авиационная эскадрилья «Нормандия», боевая слава которой облетела позже весь мир. Эскадрилья приняла и герб провинции Нормандия – квадрат красного цвета с двумя золотистыми львами [2, с. 54].

Личный состав эскадрильи состоял из 72 французских добровольцев (14 летчиков и 58 авиамехаников) и 17 советских авиамехаников. Эскадрилья была укомплектована истребителями Як-1, позднее Як-9 и Як-3. 22 марта 1943 г. после освоения личным составом боевой техники эскадрилья была направлена на фронт, где была включена в состав 303-й истребительной авиадивизии 1-ой воздушной армии [3].

Появление летчиков полка «Нормандия» на советско-германском фронте вызвало в Берлине бешеную злобу. Гитлеровский фельдмаршал Кейтель подписал в мае 1943 г. специальный приказ, в котором предписывалось расстреливать пленных французских летчиков без суда, а также принимать самые строгие меры в отношении членов их семей и всех, кто помогал летчикам уехать из оккупированной Франции.

По свидетельству генерала Г.Н. Захарова, в боях у французских летчиков были большие потери. Он отмечал храбрость и высокое мастерство французских пилотов. Но, по его мнению, французов подводило недостаточное владение тактикой группового боя. Большой группе вновь прибывших добровольцев требовалось сначала освоить незнакомую для них материальную часть, поэтому в конце 1943 г. было принято решение отвести «Нормандию» на переформирование в Тулу [4]. Судьба «Нормандии» беспокоила советское командование; этим и объяснялось принятое решение.

25 мая 1944 г. полк «Нормандия-Неман» во главе с Пьером Пуйядом снова прибыл на фронт в составе четырех эскадрилей, получивших наименования по названиям наиболее крупных городов провинции Нормандия: «Руан», «Гавро», «Шербург» и «Кан». Аэродром был расположен возле д. Дубровка, на полпути между освобожденным Смоленском и еще занятым противником Витебском.

До операции «Багратион» французские летчики доблестно сражались в небе Курса, Смоленска, Рославля, Ельни.

Нельзя не сказать еще об одном замечательном примере боевого братства: в боях по освобождению Могилевщины французская эскадрилья прикрывала 1-ю Польскую пехотную дивизию им. Тадеуша Костюшко, которая была введена в бой на этом участке фронта и получила боевое крещение у д. Ленино близ Горок. День 12 октября 1943 г. стал Днем рождения войска польского.

Летом 1944 г. французский истребительный полк участвовал в составе 303-й авиадивизии в Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион». Немецкому командованию не удалось определить, где и когда советские войска нанесут главный удар, поэтому воздушная разведка в этот период приобрела для немцев исключительно важное значение. Советское командование соответственно принимало контрмеры. К началу Белорусской операции борьба с воздушными разведчиками стала задачей номер один.

Французский полк прикрывал войска 3-го Белорусского фронта (командующий – генерал И.Д. Черняховский) от ударов с воздуха, в том числе участвовал в разгроме авиации и войск противника на аэродромах Балбасово (Оршанский район), Дакудово (Крупский район), под Толочином и Борисовом.

В книге «Память. Витебск» записаны имена четырех французских летчиков, воевавших в составе авиаполка «Нормандия-Неман» и принимавших участие в Витебско-Оршанской операции, составной части операции «Багратион». Это:

- Марсель Альбер, заслуженный летчик Франции, сделавший 193 боевых вылета и сбивший 23 самолета противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 27 ноября 1944 г. После войны до 1947 г. капитан М.Альбер служил в армии;

- Жак Андрэ, заслуженный летчик Франции, участник Оршанско-Витебской, Восточно-Прусской, Кенигсбергской операций. Сделал 113 боевых вылетов, сбил 17 самолетов противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 4 июня 1945 г. До 1969 г. служил во французской армии, полковник. Умер 3 апреля 1988 г.;

- Марсель Лефевр, заслуженный летчик Франции, летчик-инструктор, командир эскадрильи. Сделал 105 боевых вылетов, провел 30 воздушных боев. В одном из боев самолет Лефевра загорелся, но летчик довел его до своего аэродрома. От тяжелых ожогов умер в Москве 5 июня 1944 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 4 июня 1945 г. Его именем названа улица в г. Лез-Андели в Нормандии;

- Ралан дэ ла Пуап, заслуженный летчик Франции, старший лейтенант, командир эскадрильи. Сделал 70 боевых вылетов, сбил 15 вражеских самолетов. Звание Героя Советского Союза присвоено 27 ноября 1944 г. После войны основатель и куратор пластикового производства, основатель уникального в Европе водного парка Мериленд (1970), ассоциации «Римо» (1992) по охране морских животных Средиземного моря [5, с. 617, 618, 630, 633].

Глубокий прорыв на центральном участке советско-германского фронта заставил гитлеровское командование попытаться стабилизировать свой фронт, были произведены крупные перегруппировки. Только с 23 июня по 16 июля в Белоруссию было переброшено 46 дивизий и 4 бригады из Германии, Польши, Венгрии, Нор-вегии, Италии и Нидерландов, а также с других участков фронта.

В то время как главные силы советских войск решали задачу по окружению врага под Минском, другие соединения продолжали громить его на флангах. Армии 1-го Прибалтийского фронта успешно провели Полоцкую операцию, уничтожив противника в этом районе, а 4 июля 1944 г. освободили Полоцк. Войска 3-го Белорусского фронта 5 июля овладели городом Молодечно. Наступление советских войск стремительно развивалось на западном направлении. Успешно наступали войска 2-го Белорусского фронта. Продвинувшись за 12 дней на 270 км, они 9 июля 1944 г. освободили Новогрудок, форсировали Неман. В это же время армии 3-го Белорусского фронта форсировали Неман и захватили плацдармы на его левом берегу. 16 июля 1944 г. войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов принесли свободу жителям Гродно.

Частям и соединениям, сражавшимся на неманском рубеже, большую поддержку оказывала авиация. В составе 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта бок о бок с советскими летчиками храбро сражались французские летчики 1-го отдельного истребительного авиационного полка «Нормандия». Они профессионально сбивали немецкие «Фокс-Вульф», «Юнкерсы-87», «Мессершмитты-109». Известны факты взаимовыручки и поддержки советских и французских летчиков.

«Нормандцев» отличал особый стиль, в силу особенностей своего национального характера они создавали какой-то зримый эмоциональный фон полетов. Исключительным хладнокровием отличался Жак Андрэ, быстро выдвинувшийся в число лучших летчиков «Нормандии».

В сентябре—октябре 1944 г. истребительный полк постепенно перевооружился на самолеты Як-3, по праву считавшиеся наряду с Як-9У и Ла-7 лучшими советскими истребителями периода войны. На современных по тому времени истребителях французы буквально наводили страх на немецких летчиков.

В случаях, когда в воздушных боях «Яки» загорались, путь к спасению был один – прыжок с парашютом. Такие прыжки совершили французы Фельдзер, Бейссад, Пинон, Монье и др. Монье был подобран русскими солдатами, Пинон – зверски убит немцами, Бейссад из немецкого плена вернулся во Францию только после войны. Из горящего самолета на занятую немецкими войсками территорию прыгнул и Фельдзер. Он вынес издевательства немцев («Почему вы, француз, сражаетесь в России?»), прошел через испытания в лагере для военнопленных, бежал, пересек Германию, добрался до Франции с намерениями немедленно вернуться в Россию. Однако у него не хватило времени: конец войны застал Фельдзера в одной из балканских столиц, откуда он пытался самолетом добраться до Москвы [6].

После завершения операции «Багратион» с 1 сентября 1944 г. французский полк оказывал поддержку пехотным и танковым войскам, осуществлявшим разведку боем к югу от Немана. Затем недолго дислоцировался в д. Антоново между Каунасом и Кенигсбергом, и снова принимал участие в боях – на территории Прибалтики. С 19 сентября по 27 октября 1944 г. ритм выполнения заданий «Нормандией» был высоким. 16 октября летчики совершили 100 вылетов, уничтожив 30 вражеских самолетов и не потеряв ни одного своего. 17 октября «Нормандия» совершила 109 вылетов, уничтожив 12 вражеских самолетов. В октябре 1944 г. командиром полка назначен Луи Дельфино.

28 ноября 1944 г. за участие в боях по форсированию р. Неман полк «Нормандия» получил почетное наименование «Неманский». Во французских документах того времени и в печати название сократили – «Нормандия-Неман». Командующий фронтом генерал армии И.Д. Черняховский писал по этому поводу командиру полка майору Л. Дельфино: «Военный совет фронта от всей души поздравляет Вас и весь личный состав вверенной Вам части с присвоением Вашему полку наименования «Неманский»... Советский народ никогда не забудет героических подвигов Вашей части в общей борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Мы приветствуем в лице Вашей части великий свободолюбивый французский народ и его армию, героически борющиеся за окончательный разгром гитлеровской Германии». В тот же день два французских пилота – Марсель Альбер и Ролан де ла Пуап – стали Героями Советского Союза.

В декабре 1944 г. прибывший в СССР генерал де Голль вручил летчикам, штабным офицерам, инженерам и техникам полка французские военные ордена Почетного легиона. Французское правительство наградило полк орденами Почетного легиона, Боевым крестом с пальмой, Крестом освобождения и Военной медалью.

Действуя на советско-германском фронте, французские летчики совершили 5240 боевых вылетов, провели 869 воздушных боев, сбили 273 и повредили 80 самолетов противника. Таких результатов не имела ни одна истребительная группа в мире.

За время войны потери личного состава полка составили 42 человека.

96 служивших в полку французских летчиков награждены советскими боевыми наградами. За образцовое выполнение боевых заданий 19 февраля и 5 июня 1945 г. полк награжден орденами Красного Знамени и Александра Невского. Полк был также отмечен медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». Лейтенанты Марсель Альбер, Ролан де ля Пуап, Жак Андрэ и, посмертно, командир третьей эскадрильи «Шербур» Марсель Лефевр удостоены звания Героя Советского Союза.

В 1956 г. в Москве установлен мемориал с именами всех погибших летчиков, а в 1964 г. на Введенском кладбище на могиле французского летчика, останки которого были найдены в Орловской области, установлен памятник Неизвестному летчику полка «Нормандия-Неман». В 1960 г. снят советско-французский фильм «Нормандия-Неман». В 2006 г. в Москве подполковник Кристоф Тэш со знаменем своего полка

принял участие в церемонии награждения французским орденом Почетного легиона 18-го гвардейского истребительного полка российской ВВС. 10 октября 2007 г. в Москве, в Краснокурсантском сквере, президентами Франции и России открыт памятник лётчикам "Нормандии-Неман".

В сентябре 2004 г. на воинском мемориале в поселке Копти Витебского района открыт памятник французским летчикам, сражавшимся и погибшим на территории Беларуси в ходе операции «Багратион». Это единственный в Беларуси памятник летчикам французской эскадрильи «Нормандия-Неман» – памятник-символ боевого братства. На памятнике надпись: «Далекая Франция, на этой земле сражались и погибли твои сыновья». Отметим, что монумент установлен ранее, чем в 2007 г. был установлен подобный памятник в России.

Музеи в честь эскадрильи «Нормандия-Неман» созданы в Ле Бурже (пригороде Парижа), Москве, Калининграде, Калужской области, Борисове; в ее честь названы улицы в Орле, Борисове и др. городах. В Борисове в средней школе №9, где изучается французский язык, создан музей полка «Нормандия-Неман», в котором экспозиция посвящена Жаку Бостону, жизнь которого оборвалась в боях за Борисов. Инициатором создания музея была Лилия Ерусалимчик, автор книги «Помнят те, кому выпало жить», занимавшаяся историей боёв, которые вел полк при проведении операции «Багратион», а также розыском могил французских летчиков на территории Беларуси [7].

Россия и Беларусь никогда не забудут подвиг французских летчиков. Помнят о нем и во Франции. 20 июня 2010 г. в музее «Нормандия-Неман» во Франции проводился День открытых дверей. Посетители имели уникальную возможность встретиться с двумя из 14 оставшихся в живых пилотов и 8 механиками [8].

Таким образом, важнейшим фактором достижения Великой Победы было участие многих государств и народов в общей борьбе против фашистской Германии. Несомненно, Вооруженные силы СССР сыграли решающую роль в разгроме фашизма. Но очевидны и существенны значение и роль боевых действий, усилия и стойкость народов других стран. Значительную помощь Вооруженным силам СССР оказал истребительный полк «Нормандия-Неман».

В политическом плане операция «Багратион» дала возможность развернуться в Нормандии союзникам; началось освобождение Европы. Операция «Багратион» явилась первой стратегической наступательной операцией Красной Армии, проведенной в период, когда в Западной Европе начались военные действия вооруженными силами США и Англии. Катастрофа немцев в Белоруссии вынудила германское командование перебросить сюда крупные стратегические резервы с запада, что создавало благоприятные условия для наступательных действий союзников после высадки их войск в Нормандии и ведения коалиционной войны в Европе.

Как полагают многие историки, операция «Багратион» более значительна и не сопоставима по своим масштабам с операцией «Оверлорд» в Нормандии. Вместе с тем, западные ученые всячески стараются поднять престиж второго фронта и в искаженном свете преподнести ход и итоги операции «Оверлорд». Г. Бухгайт (ФРГ), П. Эстоб (Англия), Дж. Эйзенхауэр, Дж. Джаймс, С. Сульбергер, И. Блюменсон (США) и многие другие рассматривают военные действия союзников как «второй Сталинград», именуя их «великой победой», которая «привела войну к ее победному завершению в Европе». Подобные оценки встречаются и в мемуарах западных генералов О.Брэдли, Дж. Гэвина и др. [9, с. 91–130].

Историки В. Золотарев, В. Кулиш, Б. Новоселов, А. Орлов, А. Самсонов, И. Ундасынов, В. Фалин и др. убедительно показывают, что сравнение операций второго фронта с крупными сражениями на территории СССР (Сталинградской, Курской битвами, операцией «Багратион») неправомерно: по своему военно-политическому резо-

нансу в мире, влиянию на дальнейший ход войны, размаху и ожесточенности борьбы, уровню полководческого искусства и боевого мастерства воинов – по этим и другим показателям эти победы являются более выдающимися военными событиями Второй мировой войны, а попытки поставить их в один ряд с операциями американско-английских войск опровергаются на основе документов и конкретных фактов [10].

Политологи утверждают, что история в настоящее время становится частью геополитической борьбы, ранее никому не известной. Веско заметил А. Башлаков, начальник главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил России: «Определенным политическим силам хочется принизить роль советского народа в разгроме фашистских захватчиков, хочется показать свою роль, принизить роль стран, которые образовались на базе бывшего Советского Союза, и принизить нашу роль в истории. Наша задача россиян и белорусов – противостоять фальсификации».

Россия на законодательном уровне решила встать на защиту истории. Президент России Дмитрий Медведев подписал указ о создании комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, Госдума приняла закон об уголовной ответственности за отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне. В апреле 2010 г. в России книга Гитлера «Майн камф» внесена в список запрещенных книг. Наша восточная соседка и впрямь оказалась в ситуации, когда она должна отстаивать историческую истину и ещё раз доказывать факты, которые ещё совсем недавно казались абсолютно очевидными. Это трудно. Но делать это необходимо. В России планируется создание института Великой Отечественной войны.

В Украине в апреле 2010 г. во время видеомоста Москва-Минск-Київ-Кишинев-Ереван на тему «Наша общая победа: Великая Отечественная война – историческая память и современное общество» министром образования Д. Табачником объявлено, что в учебники истории будет возвращен термин «Великая Отечественная война», который в последние годы был заменен на «Вторая мировая война».

Беларусь – одно из немногих государств, которое не стремится «поделить победу». Наверное, поэтому о «республике-партизанке» сегодня с уважением готовы говорить исследователи из разных стран. Народ, который в войне потерял более, чем одну треть населения, не может забыть значение операции «Багратион», предать забвению память о войне. В Республике Беларусь прошли торжества по празднованию 65-летия освобождения Беларуси и 65-летия Великой Победы.

Список цитированных источников и литературы

1. Военные летчики: Асы Второй мировой войны (Энциклопедия военного искусства) – Мн.: Изд-во «Литература», 1997. – 640 с.
2. Жоффр, Ф. Нормандия-Неман: Воспоминания летчика / Ф. Жоффр; пер. с франц. П.Г. Загревского. – 2-е изд. – М.: Воениздат, 1982. – 176 с.
3. Лукашин, В.И. Против общего врага / В.И. Лукашин – М.: Воениздат, 1976. – 192 с.
4. Двинин, В. «Нормандия-Неман»: полет продолжается / В. Двинин// Достоинство. Общественно-политический журнал. – 2008. – № 6.
5. Памяць. Віцебск: у 2 т. / Рэдкал.: Г.П.Пашкоў [і інш.] – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2002. – Т. 1. – 648 с.
6. <http://allyshkoloty.ru>.
7. <http://www.rpp.nm.ru/normandi/normandi.html>.
8. <http://www.russie.net/france-ru/normandie-niemen>.
9. Орлов, А. Факты против мифов: подлинная и мнимая история Второй мировой войны /А. Орлов, Б. Новоселов // М: Молодая гвардия, 1986. – 239 с.
10. Фалин, В.М. Второй фронт: антигитлеровская коалиция: конфликт интересов/ В.М. Фалин – М.: Центрполиграф, 2000. – 574 с.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО БРЕСТЧИНЫ ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ

Ипатова О.В.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

На протяжении трёх лет немецко-фашистские оккупанты осуществляли на захваченной территории Беларуси жёсткий оккупационный режим, направленный на уничтожение белорусского народа, уничтожение его материальных и духовных богатств. Брестская область подверглась немецкой оккупации в составе 5 районов, 8 рабочих посёлков, 189 сёл и деревень (см. карту 1). Область была оккупирована в первые дни Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 г. по 20 июля 1944 г. На территории БССР был введен новый военно-административный раздел.

Карта 1

Беларусь в 1940 г.

Территория современной Брестской области входила в состав *рейхкомиссариатов «Украина» и «Остланд»* и провинции *«Восточная Пруссия»* (см. карту 2).

Карта 2

Военно-административное деление оккупированной территории Беларуси 1942г.

В провинцию «Восточная Пруссия» отошли северные районы Брестской, часть районов Барановичской областей. В состав Восточной Пруссии входил Мотыкальский район, но в январе 1942 г. он был передан Брест-Литовскому округу.

В рейхскомиссариат «Остланд» вошли Барановичский и Ганцевичский областные округа в составе генерального округа «Беларусь».

Южные районы Брестской и Пинской областей с областными центрами Брест и Пинск были присоединены к рейхскомиссариату «Украина». Эти территории входили в состав генерального округа Волинь-Подолля.

Брест-Литовск (старое российское название «Брест-Литовск», к которому теперь обратились, использовалось немцами в 1915–1918 гг. – во время первой оккупации), ставший административным центром одноименного *областного округа* («гебита», или «гебитскомиссариата»), наряду с получившими такой же статус Кобрином, Пинском, Столином, был отнесен к *генеральному округу* Волинь-Подолля рейхскомиссариата «Украина». Другую часть белорусского Полесья – *довоенную Полесскую область* с центром в г. Мозырь – в состав генерального округа Житомир. Представленное населению языково-этнографическое обоснование этого решения было скорее пропагандистским ходом. Конечно, немцев в первую очередь занимала экономическая сторона – к примеру, использование системы каналов Днепро-Буга или обеспечение рейхскомиссариата «Украина» лесоматериалом, необходимым для строительства угольных шахт в Донбассе. Генеральный комиссар Беларуси В. Кубе и вступивший в должность после его гибели К. фон Готтберг оспаривали этот вопрос, пытаясь «вырвать» северо-украинские территории, они же южно-белорусские земли, у рейхскомиссара Украины Э. Коха, но тот стоял стеной, понимая последствия для достижения отведенных ему хозяйственных показателей. На стороне Коха был имперский министр по делам оккупированных восточных областей Альфред Розенберг, определивший в свое время именно такую линию границы.

Созданный Брест-Литовский округ делился на 5 *районов*: Брестский сельский, Домачевский, Малоритский, Мотыкальский и Жабинковский. Районы в свою очередь складывались из волостей. *Волости* были небольшие: количество жителей в каждом было около 4 000 человек.

На территории *Брестской области до войны* (по состоянию на 1 января 1941 г.) на территории в 17,2 тыс. км² проживало 790 400 человек [1, с. 8].

В начале 1942 г. новая власть провела перепись населения. Согласно докладу окружного комиссара *Брест-Литовского областного округа*, площадь округа составила 3592,61 км², численность населения 130 130 человек.

Брестский сельский район Брест-Литовской областной округа занимал территорию 550,31 км² с населением 24 919 человек [2, с. 178]. В состав населения входили: 4 немца, 21 115 украинцев, 2016 поляков, 760 белорусов, 1 200 – русских, 4 евреев [2, с. 178]. Определение национальности происходило на основе того, на каком языке разговаривало население.

Руководство оккупированной Брестчины осуществляли гражданские немецкие оккупационные власти (окружной комиссариат, городские, районные управы). В районах вся власть принадлежала зондрфюреру, или немецкому шефу района, районной власти во главе с бургомистром. В своей деятельности оккупационные власти опирались на вермахт, СС, полицию, полевую жандармерию и другие карательные формирования.

В областных округах действовали окружные комиссариаты, возглавляемые гебитскомиссарами. Их аппарат формировался преимущественно из немцев. Окружные

комиссариаты обеспечивали реализацию военно-экономической политики в границах округа. В районах действовали управы во главе с бургомистрами (позднее – начальники районов). В волостях назначались волостные старшины (бургомистры), а в деревнях – старосты.

Для управления Брестским сельским районом был создан аппарат (управа) из 29 человек во главе с бургомистром (в последующем – начальник города). В волостях были бургомистры, секретари волостей, агрономы и другие должностные лица общей численностью 35 человек (на сентябрь 1942 г.). Среди них было 30 поляков, 15 украинцев, 10 русских, 7 белорусов, 1 грузин и 1 словак [2, с.179]. Деятельность оккупационного аппарата строилась по принципу «фюрерства» – единовластия. Каждый гебитскомиссар издавал приказы и распоряжения по собственному усмотрению или согласно указаниям высших германских инстанций. Последние направляли и контролировали деятельность районных и волостных управ, а также старост деревень. Аппарат районных и волостных органов формировался преимущественно из лояльно направленных к оккупационным властям местных лиц. Необходимо отметить, что партизаны и подпольщики засылали туда своих агентов, которые собирали разведывательную информацию, саботировали деятельность оккупационных властей.

Агрессоры стремились создать на захваченных территориях хорошо налаженную структуру органов управления, которые должны были содействовать наиболее эффективному военно-экономическому присваиванию природно-сырьевых продовольственных богатств страны, осуществлению тотального военно-полицейского контроля, поддержанию жёсткого порядка и насаждению национал-социалистической идеологии.

В месяц-другой нахождения у власти военных характерными были объявления вроде нижеприведенного, напечатанного типографским способом и расклеенного по стенам: «Внимание! Германские Войска, заняв вашу местность, объявляют следующий приказ:

1. Всякое огнестрельное оружие и амуниция подлежат немедленной сдаче Германским Войскам. Кто оставит огнестрельное оружие в своем распоряжении, БУДЕТ РАССТРЕЛЯН (выделено в документе).

2. Каждый из вас, будь он здешним или не здешним жителем, должен оставаться в той деревне, где он теперь находится. Кто покинет свое настоящее место пребывания и станет скитаться по дорогам или обходам из одной деревни в другую, того будут считать партизаном и как такового РАССТРЕЛИВАТЬ. Вне деревни разрешаются лишь общие работы на полях под надзором старшины или бригадира.

3. КРАСНОАРМЕЙЦЫ, участвовавшие в нынешней войне, должны немедленно явиться в ближайшую Германскую Часть. В противном случае они БУДУТ РАССТРЕЛЯНЫ.

4. Пребывание вне дома от полной темноты до рассвета ЗАПРЕЩЕНО. Не исполнившие этот приказ БУДУТ РАССТРЕЛИВАТЬСЯ без предупреждения.

5. Кто вредит или пытается вредить Германской Армии, например: повреждением или уничтожением телефонных проводов, мостов, железнодорожных путей, водопровода, зданий, запасов и т. д. или предоставлением убежища и оказанием помощи партизанам, БУДЕТ НЕМЕДЛЕННО РАССТРЕЛЯН.

6. Кто знает что-то о пребывании коммунистов, партизан или военнослужащих Красной Армии, должен заявить о них ближайшей Германской Части.

Командующий Германскими Войсками» [3, с. 12].

Неудачи вермахта на советско-германском фронте, активная борьба в тылу оккупантов партизан и подпольщиков вынуждали германские власти искать поддержку

от населения. Из числа местных жителей создавались коллаборационистские органы и организации. Основной причиной белорусского коллаборационизма являются, недовольство части населения советской властью. Отдельные явления коллаборационизма имели место и в Беларуси.

В 1941 г. в Генеральном округе Беларусь, в который входили также Барановичский и Ганцевичский областные округа, были созданы общественная организация *Белорусская народная самопомощь (БНС)*, которая занималась вербовкой и вывозом населения на принудительные работы в «третий рейх», организацией военного дела, школьного образования, здравоохранением, культурой и пропагандой германского нацизма. При руководстве БНС была создана Центральная рада, и местные органы, которые срослись с местными комиссариатами, выполняя часть их функций. Для борьбы против партизан и подпольщиков БНС в 1942 г. развернула работу по созданию воинской организации – *Белорусского корпуса самообороны (БКС)*, однако уже весной 1943 г. эта организация была ликвидирована германскими органами управления, посчитавшими, что БКС не выполнил возложенные на него задачи.

Осенью 1943 г. положение на немецко-советском фронте сильно ухудшилось. Немцы отступали под напором Красной Армии. Не имея достаточно сил удержать власть в Беларуси, они решили разделить ее с белорусами. В октябре 1943 г. они создали Белорусскую Центральную Раду, видимость белорусского правительства с ограниченными правами. В компетенцию БЦР были переданы: организация белорусской армии (БКА), дела культуры и народного образования, социальное обеспечение. Президентом БЦР был назначен Радослав (Роман) Казимирович Островский. БЦР назначила своих уездных начальников, которые действовали совместно с немецкими гэбтискомиссарами. Это был со стороны оккупантов лишь демонстративный ход. Одной из основных причин такой уступки белорусским националистам была необходимость срочной мобилизации населения. И поэтому БЦР сразу после создания объявила о принудительной мобилизации в ряды *Белорусской краевой обороны (БКА)*.

Последней отчаянной акцией коллаборационистов стал *Второй Всебелорусский конгресс*, состоявшийся 27 июня 1944 г. в Минске, когда Красная Армия подходила к городу. Конгресс объявил себя «полноправным и наивысшим представителем белорусского народа», своего рода парламентом страны. Но таковым его назвать никак нельзя – в Конгрессе участвовали бургомистры, начальники полиции, члены БЦР. В дальнейшем участники конгресса, сбежав в Берлин, вели борьбу с Красной Армией в составе германских воинских формирований.

При помощи белорусских коллаборационистов немецкие власти пытались использовать в своих целях научные кадры, которые оказались на оккупированной территории. В июне 1942 г. ими было создано *«Белорусское научное товарищество»*. Его почетным президентом стал гауляйтер Белоруссии В. Кубе.

Создавались коллаборационистами и белорусские профсоюзы и судебные структуры (мировые судьи), деятельность которых еженедельно освещалась в газетах.

В долгосрочной политике германских властей ставка делалась на молодежь, которую стремились втянуть в сферу экономических и политических интересов гитлеровской Германии. С этой целью шла активная работа по созданию *Союза Белорусской молодежи*, куда могли вступать юноши и девушки белорусской национальности 10–20-летнего возраста. Но в редкие ряды Белорусского союза молодежи вступали лишь для того, что получить кожаные ботинки, одежду, миску бесплатной похлебки.

Говорить о возрождении национальной государственности белорусов в годы оккупации не стоит – о становлении (возрождении) государственности можно лишь тогда, когда нации предоставлены полные и реальные возможности для национальной самоидентификации. А мы видим, что Белорусская народная самопомощь, Белорусская рада доверия, Белорусская Центральная Рада, I и II Всебелорусские Конгрессы были марионеточными прообразами белорусского правительства и парламента, создание которых было разрешено оккупантами лишь постольку, поскольку в обществе они должны были сыграть положительную пропагандистскую роль и позволить переманить белорусов на свою сторону, что в свою очередь приведет к отказу белорусского населения от помощи партизанам и советскому подполью. Полномочия всех этих органов и организаций были формальными и весьма ограниченными, даже по сравнению с аналогичными национальными структурами в Латвии, Литве и Эстонии. Их деятельность осуществлялась лишь под контролем оккупационных немецких властей, а руководящие должности назначались немецкой администрацией.

Список цитированных источников и литературы

1. Раков, А. Население БССР. – Мн., 1969. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста / А.Раков – Мн.: БЕЛТА, 1997. – 576 с.
2. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэст. раёна. – Мн.: БЕЛТА, 1998. – 574 с.
3. Сарычев, В. В поисках утраченного. Рейхскомиссариат «Украина» / В. Сарычев // Вечерний Брест. – 15 января 2010 г. – № 4 (1638). – С. 12.

ЕВРЕИ В РЯДАХ АНТИФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУСИИ В 1941–1944 гг.

Иоффе Э.Г.

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка», г. Минск

Несмотря на нацистскую политику геноцида, белорусские евреи одними из первых вступили в смертельную схватку с врагом. Узники гетто на территории нашей республики – участники партийного и комсомольского подполья подвергали опасности не только свои жизни, но и жизнь своих родных – жен, мужей, детей, матерей, отцов, братьев, сестер. Смертельный риск ждал их на каждом шагу.

Евреи стояли у истоков антифашистского подполья в Минске, Могилеве, Бресте, Пинске, Гомеле, Барановичах, Слониме, в районном центре Куренец Вилейской области.

Уже 8 июля 1941 г. нацистскими властями был издан приказ, извещавший, что за связь с большевиками в городе Минске и области расстреляно 100 евреев-коммунистов.

Одним из руководителей партийного подполья в городе стал Исай Казинец, удостоенный в 1965 г. высокого звания Героя Советского Союза. Он организовал 20 новых диверсионных групп, наладил регулярный выпуск листовок, которых за полгода вышло 3 тысячи штук. В них печатались сводки Совинформбюро и призывы к борьбе с фашистскими оккупантами.

Подпольщики убивали немецких офицеров, усилили диверсионную деятельность. Под руководством И.П. Казинца похищали с немецких складов оружие, боеприпасы, медикаменты и переправляли их к партизанам. Подполье росло и крепло. Через партизан на Большую землю передавались всевозможные разведывательные

данные. О размахе подпольного движения в Минске говорит то, что в феврале–марте 1941 г. нацисты арестовали 404 подпольщика, из которых 212 расстреляли, а остальных бросили в концлагерь.

Оккупационные власти вынуждены были признать активное участие евреев в Минском партийном подполье:

В сообщении № 189 начальника полиции и безопасности СД о подпольной борьбе в г. Минске от 3 апреля 1942 г. отмечается:

«...Наряду с партизанским отделом в Минске имеется еще партия (городской подпольный комитет КП(б)Б – Э.И.), которая осуществляет определенный контроль. Арестован организатор партийного аппарата грузинский еврей Мустафа Деликурды-оглы (И.П.Казинец – Э.И.)...»[2, л. 101].

В донесении начальника полиции и безопасности и СД Генерального округа «Белоруссия» от 8 мая 1942 г. говорилось:

«В августе–сентябре 1941 г. один еврей попытался сплотить этих людей и создать организацию. Речь идет об инженерере-нефтянике Исая Казинце, который выдавал себя за Мустафу Деликурды-оглы и имел фальшивые документы на это имя...

В декабре 1941–январе 1942 гг., когда началось русское наступление и немецкое продвижение приостановлено, И. Казинец и его группа активизировали свою деятельность. Были привлечены новые люди, так что в середине марта организация превратилась в подпольное движение коммунистической партии и партизанского движения.

Во главе стоял [подпольный] комитет из 7 человек, каждый из которых имел особый участок работы.

1. Сам И. Казинец был председателем комитета и вел работу в гетто. Он должен был поддерживать отношения с евреями Минска, вербовать новых членов, доставлять одежду и пополнение для партизан...

До настоящего времени из гетто к партизанам выведено 100 евреев... Типография находилась в жилом доме недалеко от гетто, руководил ею проживавший вне гетто еврей по фамилии Чипчин...» [3, л. 21–23].

А в информации «Минскер цайтунг» о казни участников первой группы Сопровитвления прямо подчеркивалось:

«...Эти 150 человек были членами разбойничьей банды, которая в последние недели пыталась организовать в Минске и его окружении...

Еврей играет в руках этих преступников всегда решающую роль – как предводитель (зачинщик), подстрекатель, пособник, связник, курьер, разведчик. Этот разбойный центр (речь идет о Минском подпольном горкоме партии – Э.И.) немислим без него. Он и здесь разоблачен как фермент разрушения и разложения. Большеизм – воплощение еврейского духа...» [4, с. 146].

Многие белорусские евреи стали руководителями антифашистского, патриотического подполья в республике, руководителями печатных органов подпольных райкомов партии. Они возглавляли многие подпольные райкомы партии.

Кроме секретаря подпольного горрайкома КП(б)Б Минского гетто М.Л. Гебелева, секретарями Рогачевского, Осиповичского, Ельского, Петриковского, Меховского, Освейского, Чечерского, Минского сельского, Снядовского подпольных райкомов партии были С.М. Свердлов, Р.Х. Голанд, З.Я. Черноглаз, Х.И. Варгавтик, В.И. Израилит, С.Б. Геллер, Х.М. Шкляр, И.А. Лапидус, И.С. Шурман.

Более 20 евреев было в руководстве подпольных обкомов и райкомов партии, Гомельского подпольного горкома партии, Августовского и Слуцкого межрайкомов партии.

Это члены Ляховичского, Мирского, Новомышского, Кобринского, Суражского, Дубровенского, Буда-Кошелевского, Журавичского, Речицкого, Чечерского, Осиповичского, Чаусского, Чериковского, Шкловского, Ельского, Лельчицкого, Октябрьского подпольных райкомов партии Я.Л. Шевелев, Г.Л. Мараховский (в разное время был членом Мирского и Новомышского подпольных райкомов партии), М.С. Гамбург, Д.И. Левин, М.И. Дрозник, Б.М. Гейфман, С.П. Диваченко, С.А. Егудкин, Ф.Н. Марголина, М.Р. Горелик, Д.И. Коган, Л.М. Кроль, Ш.Л. Кеслер, И.А. Кравец, С.Д. Шур, С.И. Багишев, член Гомельского подпольного горкома партии Г.Н. Эркин, члены Августовского и Слуцкого межрайкомов КП(б)Б М.З. Рагозинский и Ф.Ф. Капуста.

В 1942–1943 гг. членом Витебского подпольного обкома партии являлся В.Я. Каган, а в 1943–1944 гг. членом Белостокского подпольного обкома КП(б)Б – Ф.Ф. Капуста.

Десятки евреев находились в руководстве подпольных комсомольских органов Белоруссии. Это секретарь Пинского подпольного обкома и горкома ЛКСМБ Ш.И. Беркович, секретари Борисовского и Барановичского подпольного горкомов комсомола Р.Х. Крупкин и Г.Л. Мараховский (который до этого в 1943 г. являлся руководителем Столбцовского межрайцентра ЛКСМБ), секретарь Минского подпольного межрайкома ЛКСМБ Я.И. Ивкин, секретари Бытенского, Сморгонского, Ветринского, Освейского, Россонского, Чечерского, Минского, Горецкого, Шкловского, Лельчицкого, Наровлянского подпольных райкомов комсомола А.С. Бухман, Я.Л. Юдин, М.Г. Кацман, В.И. Вестенберг, Д.Л. Задов, М.М. Механиков, С.Л. Баркан, Б.П. Черняков, Ш.Л. Кеслер, Я.Ш. Эрлих, Л.А. Абрамович.

Членами Клецкого, Березовского, Ошмянского, Свирского, Лиозненского, Полоцкого, Дзержинского, Заславского, Крупского, Плещеницкого, Наровлянского подпольных райкомов ЛКСМБ являлись М.З. Неймарк, Л.М. Кеслер, Я.Л. Юдин, А.И. Львович, Г.Ф. Шкляр, Д.М. Файнгелеринт, З.Ю. Гинзбург, Д.Л. Копилевич, О.Л. Гейхман, А.М. Алесин, В.М. Клейнос, а членом Борисовского подпольного горкома комсомола – Р.Л. Гольдберг.

Инструкторами по подпольной работе в Барановичском подпольном обкоме ЛКСМБ был Г.Л. Мараховский, в Жлобинском подпольном райкоме комсомола – А.С. Смолкин, а в Плещеницком подпольном райкоме ЛКСМБ – А.М. Алесин.

Восемь евреев были главными редакторами печатных органов подпольных райкомов партии, а один – главным редактором печатного органа подпольного горкома партии. Это М.Л. Бикман («Большевик» – орган Юратишского подпольного РК КП(б)Б), Г.Л. Каплан («Большевик» Копаткевичского райкома партии и «Большевiк Палесся» Полесского обкома и Мозырского горкома КП(б)Б), Л.Д. Вайнер («За Советскую Беларусь» Клецкого подпольного райкома партии), Е.С. Добринский («Кировец» Кировского подпольного райкома партии), И.А. Кравец («Кліч Радзімы» Ельского РК КП(б)Б), Б.Л. Айзенберг («Партизанская правда» Дуниловичского РК КП(б)Б и партизанской бригады имени Рокоссовского), Я.Л. Шевелев («Советскi патрыет» Ляховичского подпольного райкома КП(б)Б), М.Г. Кацман («Чырвоная звязда» Ветринского РК КП(б)Б и райсовета депутатов трудящихся), Г.Г. Коган («Уперад» Лидского горкома и райкома партии).

В 1993 г. мужественный и талантливый ученый-историк Анна Купресева писала: «До настоящего времени замалчивается правда о минском еврейском гетто: именно там разгорались первые искры подпольной борьбы. В минском гетто находилось 50% жителей Минска.

Организация подполья в условиях гетто являлась трудной задачей: в концентрационном лагере было много провокаторов, ограниченная свобода передвижения, постоянные облавы, погромы.

Несмотря на все сложности, с момента создания гетто на его территории начало действовать подполье. Первая сходка коммунистов произошла в августе 1941 г. На совещании был создан организационный центр, в который вошли Г. Смоляр, Я. Киркаешто, Н. Вайнгауз... В начале мая 1942 г. секретарем подпольного райкома гетто был утвержден М.Гебелев...

Минское гетто просуществовало около 800 дней. Почти столько же в этом лагере смерти за колючей проволокой патриоты вели мужественную борьбу с оккупантами...» [5, с. 46–51; 6, с. 62–67].

В антифашистское (партийное и комсомольское) подполье Минского гетто входило более 300 человек. Кроме этого, десятки евреев боролись с нацистами в «русском районе» Минска. Одной из них была выпускница 28-й минской школы Маша Брускина, имя которой по инициативе Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко увековечено в столице Белоруссии и известно сегодня всему миру.

Отметим, что бороться против нацистов и их пособников в условиях Минского гетто было значительно трудней, чем в антифашистском подполье города Минска, а также значительно опасней, чем в гетто, созданных в других оккупированных районах СССР. Дело в том, что в апреле-мае 1942 г., кроме постоянных опознавательных знаков, каждому жителю дома, квартиры были присвоены индивидуальные номера, которые необходимо было носить ниже желтой латки. Если кто-нибудь исчезал, то уничтожались все жители дома или квартиры. Это накладывало особую ответственность за каждый шаг, каждое действие подпольщиков.

Десятки евреев Гомеля приняли активное участие в деятельности антифашистского подполья города в 1941–1943 гг.

Огромный урон врагу нанесла подпольная группа Т.С. Бородина, которая объединяла 30 патриотов. Ее руководитель был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Одним из самых активных членов подпольной группы Бородина являлся коммунист А.Л. Левин.

По указанию Гомельского подпольного горкома партии Петр Воронин привлек к подпольной деятельности И.Е. Шапиро, работавшего переводчиком в паровозном депо и проживавшего под фамилией И.П. Писаренко. Вскоре И.Е. Шапиро стал снабжать подпольщиков точными сведениями о военных грузах и графиках передвижения поездов противника. Эти данные регулярно сообщались партизанским связным [7, с. 234].

Активной подпольщицей, а затем партизанской являлась Фани Соломян-Лоц. Немало диверсий в городе осуществила комсомольско-молодежная группа, которую возглавляла Г.И.Беркович. С большим энтузиазмом работал наборщик подпольной газеты «Гомельская правда» (органа гомельских подпольных обкома и горкома партии) Д.М. Брук.

У истоков антифашистского подполья в Могилеве стоял секретарь Могилевского горкома партии И.Л. Хавкин. К сожалению, среди тех, кого оставили в городе для подпольной работы, нашелся предатель. В результате случилось непоправимое. В первый же день оккупации нацисты схватили и бросили в концлагерь секретарей Могилевского горкома партии А.И. Морозова и И.Л. Хавкина. И.Л. Хавкину удалось бежать, но вскоре он снова был схвачен и расстрелян [8, с.85–86].

Из числа оставленных в немецком тылу для разведывательной и подпольной работы особенно отличились Юлий Линкус (Лившиц, Липшиц), Яков Шмидт, Н.И. Каганович, Гиндин и другие евреи.

Одну из самых активных групп в Могилевском антифашистском подполье возглавил В.Д. Швагринов. В состав его группы входил и комсомолец Юлий Линкус. Вначале он работал на костнообрабатывающем заводе и уже там был активным подпольщиком.

По свидетельству руководителя группы, Ю. Линкус добыл два ручных пулемета, а В. Таврид – 5 винтовок и 1 ручной пулемет.

В своих воспоминаниях В.Д.Швагринов отмечал: «...Сентябрь и октябрь (1941 г. – Э.И.) были для меня порой неожиданных встреч и знакомств...Жуков и Смирнов познакомили меня с Юлием Линкусом (Лившиц)...Активными членами группы стали комсомольцы Таврид, Линкус.

В июне–июле 1942 г. полиции стало известно, что Ю. Линкус по национальности еврей. Анна Александровна (Иванова, работавшая в управлении полиции – Э.И.) предупредила нас об этом, и Линкус был вовремя переведен на нелегальное положение.

Когда месяца через два опять над Линкусом и Тавридом нависла угроза ареста, оба они были отправлены в лес, стали активными разведчиками 600-го партизанского отряда и связными нашей группы... Репин, Таврид, Линкус и Востриков пали смертью храбрых в боях с гитлеровскими карателями» [9, с. 394–402].

Среди тех, кто бесстрашно вел борьбу против оккупантов и их пособников, был и участник комсомольско-молодежного подполья Могилева Яков Шмидт. Его родители находились в гетто, а он скрывался и ночевал в разрушенных домах. Питаясь от случая к случаю. Затем его приютила семья будущего секретаря Могилевского подпольного горкома ЛКСМБ Сергея Соболевского. В период оккупации С.С. Соболевский сначала руководил подпольной группой на фабрике искусственного волокна. Он то и привлек к подпольной работе Шмидта, которого Сергей знал еще до войны.

По свидетельству С.С. Соболевского, подпольщики стали выпускать сводки Совинформбюро и листовки тиражами по 80–100 экземпляров. Их неумоимо печатали Яков Шмидт и сестра Сергея – Мария Соболевская. Когда в ноябре 1941 г. в Могилеве начались повальные обыски и проверки документов, С. Соболевский достал свой паспорт и сорвал фотокарточку. На ее место он приклеил фото Яши Шмидта.

12 декабря 1941 г. С. Соболевский был арестован. В тюрьме он узнал, что Яков Шмидт был выдан предателем. А по паспорту арестовали и С. Соболевского. Несмотря на изощренные пытки, Яков Шмидт не выдал человека, отдавшего ему свой паспорт. 31 декабря 1941 г. за отсутствие доказательств об умышленной передаче паспорта Якову Шмидту Сергей Соболевский был выпущен из тюрьмы. Дальнейшая судьба Якова Шмидта, к сожалению, неизвестна. Скорее всего, он погиб в застенках гестапо.

Активную борьбу с нацизмом вело антифашистское подполье Пинского гетто. В приказе рейхсфюрера СС Г. Гиммлера главному начальнику СС и полиции Украины обергруппенфюреру СС и генералу полиции Приюцману от 27 октября 1942 г. об уничтожении гетто в Пинске говорилось:

«На основании имеющихся у меня донесений можно считать, что центральной базой бандитского (партизанского – Э.И.) движения в болотах Припяти является Пинское гетто» [1, с. 257–258].

В самом начале войны в районном центре Куренец Вилейской области была создана подпольная группа во главе с бывшим инструктором Куренецкого райкома комсомола Н.М. Матюкевичем. Его ближайшими и активными помощниками стали И.Б. Айнбиндер и Б.Л. Диминштейн.

Во второй половине декабря 1941 г. была создана вилейско-куреницкая подпольная организация, в состав комитета которой вошел Б.Л. Диминштейн. Он принял активное участие в распространении листовок подпольщиков и партизан.

Во главе подпольщиков районного центра Куренца с декабря 1941 г. стал член ВЛКСМ И.Б. Айнбиндер [7, с. 315].

В жестокой борьбе с врагом пали многие участники вилейско-куреницкого подполья, в том числе И.Б. Айнбиндер и Б.Л. Диминштейн.

В историю еврейского Сопротивления на территории Белоруссии в 1941–1944 годах должен быть записан побег 200 евреев из гетто лесопильного завода в Новом Свержене Столбцовского района, который произошел 29 января 1943 г.

Всему миру известно восстание в Варшавском гетто, которое произошло в апреле 1943 г. Но мало кому известно, что задолго до этого восстания на территории Белоруссии произошли восстания в Клецком гетто (21 июля 1942 г.), Несвижском (22 июля 1942 г.), Копыльском (июль 1942 г.), в Мирском (9 августа 1942 г.) и Лахвинском гетто (3 сентября 1942 г.).

К сожалению, до сих пор эти достоверные, неопровержимые факты не вошли в школьные и вузовские учебники по истории Беларуси...

Уже после восстания в Варшавском гетто на белорусской земле прошли восстания в Белостокском (16–21 августа 1943 г.) и Глубокском гетто (19 августа 1943 г.). По неполным данным, в рядах антифашистского подполья на территории Беларуси состояло около 1350 евреев.

Итак, армия евреев-борцов с нацизмом в рядах партизан и в составе антифашистского подполья на белорусской земле в 1941–1944 гг. насчитывала более 15 тысяч евреев, а точнее – 15 300 человек.

Именно эти люди плечом к плечу с белорусами, русскими, украинцами, поляками и представителями других народов СССР ковали нашу Великую Победу над германским нацизмом.

Список цитированных источников и литературы

1. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944).: Сб. докум. и материалов. – Иерусалим: Тарбут, 1992. – 424 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 4683. – Оп. 3. – Д. 913.
3. НАРБ. – Фонд 4683. – Оп. 3. – Д. 948.
4. Ленхард, Х. Немцы в Белоруссии. 1941–1944 / Ленхард Х. // Неман 1993. № 5.
5. Беларуская мінуўшчына. – 1993. – № 2.
6. Беларуская мінуўшчына. – 1993. – №3–4.
7. Подвиги их бессмертны. О подпольной борьбе советских людей в захваченных фашистскими оккупантами городах и селах Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). – Мн.: Беларусь, 1978. – 383 с.
8. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3-х т. – Мн.: Беларусь, 1983. – Т. 1. – 591 с.
9. Солдатами были все. – Второе, доп. и испр. изд. – Мн.: Беларусь, 1972. – 560 с.

ПОЛЬСКИЕ ВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ФРОНТАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кабот Т.Ф.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

17 сентября 1939 г. Маршал Э. Рыдз-Сьмиглы отдал приказ польским вооруженным силам с требованием не вступать в бой с подразделениями Красной Армии и обеспечить переход польских частей в Румынию, Венгрию, а затем – во Францию [1, с. 694–695]. Образованное во Франции Польское эмиграционное правительство (премьер-министр и главнокомандующий – Владислав Сикорский) в качестве основной задачи провозгласило создание польских вооруженных сил в союзнических государствах, в первую очередь во Франции и Великобритании, где находилось несколько польских военных кораблей и почти весь торговый флот. Польско-французское соглашение предусматривало создание польской армии, оговаривало возможность призыва поляков, постоянно живущих во Франции, эвакуацию и призыв возможных солдат, интернированных в Венгрию и другие страны. В Венгрии, например, находилось в это время до 40 тысяч польских военнослужащих (в том числе 5 500 тыс. офицеров из разных подразделений, танковая моторизованная дивизия генерала Станислава Мачка и около 9 тыс. летчиков) [1, с. 700]. Благодаря организованным действиям эмиграционного правительства, во Францию до июня 1940 года из Венгрии было эвакуировано 22 тыс., из Румынии – 21 тыс., из Прибалтики – около 1 тыс. польских военнослужащих. Польская армия во Франции выросла до 82 тыс. солдат и офицеров [2, с. 74]. Это было первое регулярное польское военное формирование, созданное после поражения страны в сентябре 1939 г.

В числе первых военных операций, в которых приняли участие польские формирования, – Норвежская кампания. Среди международных экспедиционных сил, направленных союзническим командованием в Норвегию, была Подхалианская отдельная стрелковая бригада под командованием генерала Шишко-Богуша, которая особо отличилась в боях за порт Нарвик (28.05.1940 г.). В обороне Норвегии участвовали польские военные суда: подводная лодка «Орёл», эсминцы «Молния», «Буря» и «Гром» [3, с. 608].

В числе польских подразделений, принявших участие в обороне Франции, – 1-ая дивизия гренадеров под командованием генерала Б. Духа, 10-я бригада моторизованной кавалерии под командованием генерала С. Мачка, 2-я стрелковая пехотная дивизия под командованием генерала Б. Пругара-Кетлинга. Польские летчики отличились в воздушных боях над Францией и Англией. В период обороны Великобритании польские пилоты сбили 203 самолета противника. Особо отличился 303 истребительный дивизион имени Т. Костюшки [3, с. 612].

После поражения Франции генерал В. Сикорский принимает решение о перенесении эмиграционного правительства в Великобританию. 5 августа 1940 г. было подписано польско-английское военное соглашение, на основе которого на территории Великобритании создавались польские наземные и воздушные подразделения, действующие в соответствии с оперативными планами британского командования. В Шотландии начинается формирование 1-го корпуса под командованием генерала М. Кукеля (1-ая стрелковая и 1-ая танковая бригады), а также истребительные дивизионы. Британская сторона передала в распоряжение поляков 8 военных кораблей. Общая численность польских вооруженных сил в Великобритании в 1940 г. достигла 27 ты-

саяч. Суда польского военно-морского флота участвовали в морских сражениях с противником в течение всего периода Второй мировой войны. На основе соглашения с Британским правительством на начальном этапе войны 3 современных польских эсминца из портов на Балтийском море были направлены в порты Великобритании. Позднее там же определили базы для подводных лодок «Орёл» и «Волк» [2, с. 244]. Уже 7 сентября 1939 г. эсминец «Молния» у побережья Великобритании атаковал немецкую подводную лодку. Польские эсминцы участвовали в операциях английских Военно-морских сил в Северном море. В апреле 1940 г. польские эсминцы поддерживали артобстрелом сражающиеся в Норвегии союзнические войска. В этой операции были понесены серьезные потери: эсминец «Гром», подводная лодка «Орёл». Польские моряки принимали участие в союзнических конвоях в Атлантическом и Северном Ледовитом океанах. В конвоях в Мурманск и Архангельск участвовали эсминцы «Оркан», «Молния», «Гарланд». В конце мая 1942 г. эсминец «Гарланд» отразил несколько атак самолетов Люфтваффе, стартовавших из Норвегии. При этом эсминец потерял 25 членов экипажа из 145. И, несмотря на тяжелые повреждения, достиг Мурманска. Советское командование Северного флота отметило мужество и самоотверженность польских моряков. В конце войны в состав польских военно-морских сил входило 44 надводных судна разного типа и 8 подводных лодок [2, с. 263].

В Египетско-ливийской кампании принимала участие Карпатская отдельная стрелковая бригада под командованием генерала С. Копанского. Она была образована на территории Сирии, затем вошла в состав 8-ой Британской армии, защищавшей Египет. В течение 4 месяцев бригада сражалась за крепость Торбрук, позднее участвовала в захвате крепости Бардия [3, с. 614].

После восстановления дипломатических отношений с СССР (соглашение Сикорский-Майский, Лондон 30 июля 1941 г.) польская военная миссия прибыла в Москву. 14 августа 1941 г. было подписано межгосударственное военное соглашение, в соответствии с которым в СССР начинается формирование польской армии под командованием генерала В. Андерса [2, с. 253]. Штаб армии разместился в Бузулуке (140 км на Восток от Куйбышева). Добровольцы (освобожденные из тюрем и лагерей) прибывали в Бузулук со всех концов СССР. Нередко они добирались, преодолевая огромные трудности, не прибегая, однако, к помощи местных властей. К марту 1942 г. армия генерала В. Андерса насчитывала более 66 тыс. военнослужащих. Однако не поступили сведения о судьбах интернированных польских офицеров, находившихся весной 1940 г. в лагерях в Козельске, Осташкове и Старобельске. После перевода армии В. Андерса в южные республики СССР тяжелые климатические условия, антисанитария привели к массовым заболеваниям и высокой смертности военнослужащих. Выделяемого вооружения, обмундирования, провианта не доставало для обеспечения нужд формирувавшихся подразделений. В конце февраля 1942 г. генерал В. Андерс отверг предложение Советского командования о посылке на Восточный фронт одной из подготовленных польских дивизий. Командующий потребовал оснащения всех дивизий и использование их в качестве единой силы. Летом 1942 г. И. Сталин ответил согласием на предложение У. Черчилля направить польские подразделения в Иран и Ирак [2, с. 308], где возникла реальная угроза антибританского восстания. Часть подразделений (летчики и моряки) еще ранее была эвакуирована в Великобританию. В Иран перевели около 100 тыс. польских военнослужащих. Позднее данные подразделения перебрасываются в Ирак и Палестину.

Командование польской армии в СССР в этот период предприняло собственные шаги в деле выяснения судеб нескольких тысяч польских офицеров. В этих целях бы-

ло создано специальное бюро. 13 апреля 1943 г. немецкое радио и пресса сообщили об открытии массовых захоронений польских офицеров в Катинском лесу под Смоленском. Нота польского эмиграционного правительства в адрес СССР осталась без ответа. В ночь с 24 на 25 апреля 1943 г. советское правительство разорвало дипломатические отношения с польским эмиграционным правительством в Лондоне. В июне 1943 г. генерал В. Сикорский совершил инспекционную поездку на Ближний Восток, где было начато формирование 2-го польского корпуса. В его состав должна была войти Восточная польская армия и Отдельная карпатская бригада. 4 июля 1943 г., возвращаясь из Гибралтара, самолет генерала упал в море. Обстоятельства авиакатастрофы остаются невыясненными. После гибели В. Сикорского, премьером польского эмиграционного правительства стал С. Миколайчик [2, с. 374].

Деятельность польских военных формирований на Западном фронте активизировалась в период наступательных операций Союзнических войск. В 1944 году в операции "Overlord" в Нормандии приняли участие все польские военно-воздушные силы. Самолеты польских дивизионов поддерживали с воздуха операции союзнических наземных сил в боях во Франции, Бельгии, Голландии, Германии.

Польская 1-я танковая дивизия под командованием С. Мачка была переброшена во Францию во втором эшелоне войск вторжения. В боях под Фалаз дивизия генерала С. Мачка уничтожила 70 немецких танков, 500 автомашин, более 100 орудий. Было захвачено более 6 тыс. военнопленных. Потери польских танкистов составили более 2 тыс. человек. Преследуя противника, 1-я танковая дивизия осуществила переправу понтонными мостами, сооруженными польскими саперами через Сену в районе Парижа и продолжила продвижение, освобождая северо-восточный районы Франции. Впоследствии польские танкисты участвуют в освобождении Бельгии и Голландии. В июне 1944 г. после 4 дней ожесточенных боев дивизия взяла мощно укрепленный город Бреда. Свой боевой путь 1-я танковая дивизия закончила в мае 1945 г. в Германии [1, с. 784].

В операции союзнических войск в Аахен в Голландии в сентябре 1944 года принимала активное участие 1-я отдельная парашютная бригада под командованием генерала С. Сосабовского. В том же 1944 году в боях за Италию отличился 2-ой польский корпус, сформированный из Польской восточной армии и Карпатской бригады. Во 2-ой корпус первоначально входили 2 пехотные дивизии, танковая бригада, отдельная артиллерийская группа и несколько небольших подразделений. Однако его личный состав постоянно увеличивался за счет польских военнослужащих, массово дезертировавших их Вермахта, куда они были насильственно призваны с оккупированных территорий Силезии, Великопольши и Поморья. В составе 2-го корпуса были сформированы третьи бригады в обеих пехотных дивизиях, организовано несколько полков тяжелой артиллерии. 2-ая танковая бригада была преобразована во 2-ую Варшавскую танковую дивизию, а также сформирована новая 14-ая Великопольская танковая бригада. В результате расширения корпус насчитывал в конце войны 100 тыс. человек [2, с. 694].

С декабря 1943 по апрель 1944 гг. осуществлялась переброска подразделений корпуса в Италию. Корпус должен был участвовать в прорыве немецкой оборонительной линии, защищавшей Аппенинский полуостров. В 3 сражениях союзникам не удалось взять этот рубеж. 11 мая 1944 г. 2-ой польский корпус под командованием В. Андерса начал наступление на Монте Кассино. Обрывистая гористая местность была укреплена выдолбленными в скалах бункерами, боевыми огневыми точками, танковыми группами. Монте Кассино защищали элитные немецкие подразделения группы альпинистов, десантные группы парашютистов. Кровяные наземные бои Второго

корпуса поддерживала союзническая тяжелая артиллерия и военно-воздушные силы. 18 мая 1944 г. был взят ключевой перевал и открыта дорога на Рим. На руинах монастыря Монте Кассино был водружен польский флаг. Потери Второго корпуса составили: 924 убитых, 2 930 раненых, 345 без вести пропавших. Несмотря на тяжелые потери, подразделения Второго корпуса приняли активное участие в боях над Адриатикой. В конце 144 года корпус участвует в прорыве так называемой «линии Гитлера» в Аппенинах. Последней боевой операцией Второго польского корпуса генерала В. Андерса стала битва за Болонью 12–21 апреля 1945 г., закончившаяся освобождением знаменитого университетского города. На западном фронте в годы Второй мировой войны в союзнических войсках сражалось около 200 тыс. польских военнослужащих. Поляки принимали также активное участие в движении Сопротивления в оккупированных странах Западной Европы. Так, во Франции сражалось более 28 тыс. поляков, в Югославии – около 3 тыс. На Восточном фронте в конце войны в составе Советской армии сражалось более 400 тыс. польских военнослужащих – солдаты и офицеры I и II Армии Войска Польского [1, с. 721–723]. После эвакуации армии генерала Андерса на Ближний Восток (1943 г.) в СССР оставалось более 1 млн. поляков. По инициативе коммунистического Союза польских патриотов в СССР (образован 1 марта 1943 г.) начинается формирование польской армии в СССР. Дивизию, насчитывавшую около 15 тыс. человек, возглавил генерал Берлинг. 15 июля 1943 г. в годовщину битвы под Грюнвальдом польские военные приняли присягу. 1 сентября 1943 г. дивизия двинулась на фронт в составе 33 Армии. 12–13 октября 1943 г. в битве под Ленино состоялось боевое крещение дивизии.

Сформированные позднее подразделения (дивизии, бригады, летные части) вошли в состав 1-ой Армии Войска Польского (18.03.1944). В зимних наступательных операциях 1945 г. 1-ая Армия Войска Польского действовала в составе 1-го Белорусского фронта. 16–17 января 1945 г. была освобождена Варшава. Далее армия развивает наступление в направлении Быдгощи. После пересечения бывшей польско-немецкой границы, дивизии 1-ой Армии Войска Польского действовали на северном крыле I Белорусского фронта, участвуют в прорыве немецких фортификационных укреплений так называемого Поморского вала. После форсирования реки Дравы 1-ая Армия развила наступление в направлении Колобжега и Камень-Поморского. Ожесточенные уличные бои в Колобжеге, в которых погибло более 1 тыс. солдат, длились 10 дней. Город был взят 18 марта 1945 г. В это же время остальные дивизии 1-ой Армии заняли всю полосу Балтийского побережья до Дивиново [3, с. 760].

В апреле 1945 г. 1-ая Армия Войска Польского приняла участие в берлинской операции Советской армии. 16 апреля 1945 г. после форсирования Одры в районе Секерок польские дивизии берут очередные оборонительные рубежи и наступают в направлении Эльбы. Несколько польских подразделений, в том числе 1-ая пехотная дивизия имени Т. Костюшко под командованием генерала Берлинга приняла участие в штурме Берлина.

Список цитированных источников и литературы

1. Dzieje Polski Kalendarium. – Krakow, 2000.
2. Duraczyński, E. Rząd polski na uchodźstwie 1939–1945. Organizacja. Personalia. Polityka. – Warszawa, 1993.
3. Buczek, A. Historia Polski. – Warszawa, 1987.

РЭАЛІЗАЦЫЯ КАТЭГОРЫЙ ЧАСУ І ПРАСТОРЫ ў АНТЫВАЕННАЙ АПОВЕСЦІ ВАСІЛЯ БЫКАВА «ЖУРАЎЛІНЫ КРЫК»

Кавальчук В.М.

Установа адукацыі « Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна », г. Брэст

Аналізуючы рэалізацыю катэгорый часу і прасторы ў антываеннай аповесці В. Быкава «Жураўліны крык», мы звернемся да наступных катэгорый і паняццяў, якія ўжываюцца сучаснымі даследчыкамі: 1) фэбульны час (сюжэтны, рэальны): катэгорыя, што адносіцца да часу, прадстаўленага ў фэбульнай ці сюжэтнай плыні, таго часу, які рухае дзеянне наперад і правакуе змены, – і час аповеду (мастацкі): катэгорыя, што акрэслівае час, выкарыстаны для аповеду той ці іншай падзеі, сітуацыі і г.д.; 2) суб'ектыўны (беспадзейны) час: час, звязаны з «іншабышчём» героя, і час «плыні свядомасці»; рэалізацыя прыёму «памяці», якая пашырае час і прастору; 3) парадак часу (рэтраспекцыя: падзеі па-за межамі фэбулы, у межах фэбулы; прадбачанне; разгалінаванне); 4) умоўнасць часу (спіскаанне і расцягванне часу, яго затрыманне (апісанні, разважанні)): абстрактны (абагульнены) («заўсёды», «ніколі», крызісны час) і канкрэтны час (гістарычны, цыклічны (календарны), хранікальна-бытавы, біяграфічны); 5) дыскрэтнасць (фрагментарнасць) часу: запоўненасць (насычанасць) часу; тэмп часу; завершанасць ці незавершанасць часу; 6) сімвалы: поры году, сутак і інш.; 7) апазіцыі тыпу «мінулае-цяперашняе» і інш.; 8) канцэпцыі часу: цыклічная, лінейная, лінейна-фінальная, прыродазнаўча-навуковая.

Прастору мастацкага твора сучасныя аіччынныя і замежныя даследчыкі прапанауюць разглядаць праз наступныя катэгорыі: 1) парадак прасторы (разгалінаванне: падваенне, множны сюжэт; мантаж, мазаіка); 2) умоўнасць прасторы: абстрактная (абагульненая, «усюды», «нідзе», сімвалічная прастора) і канкрэтная (абжытая) прастора; 3) дыскрэтнасць (фрагментарнасць), запоўненасць (насычанасць) прасторы; 4) сімвалы: прастора, прырода і інш.; 5) апазіцыі тыпу «верх-ніз» і інш.

Па меркаваннях даследчыкаў творчасці В. Быкава, у яго творах з дапамогай своеасаблівай рэалізацыі катэгорый часу і прасторы праяўляюцца наступныя характарыстыкі: 1) лаканізм, звужэнне часова-прасторавых межаў дзеяння; 2) дынамізм і разам з тым увага да падрабязнасцяў ваеннага побыту; 3) пашырэнне ў сюжэтным дзеянні плыні часу (некалькі пластоў часу); 4) у прозе В. Быкава актыўна задзейнічаны і змястоўна рэалізуюцца біяграфічны і гістарычны час; 5) звесткі з мінулага герояў вытлумачваюць пэўныя іх паводзіны; 6) герой – носьбіт унутранага канфлікту са сваім мінулым; 7) гістарызм спалучаецца з сучаснасцю (маральна-этычная сфера).

Аповесць «Жураўліны крык» адзначаецца вельмі кароткім фэбульным часам, не больш за суткі. Парадак часу аповесці прамы, няма рэтраспекцыйных зваротаў у межах непасрэдна фэбульнага часу. Але змест твора ўтрымлівае кароткія згадкі пра асобныя факты мінулага, якія знаходзяцца па-за межамі фэбулы, трывожныя прадчуванні будучыні ці планы герояў. Старшыня Карпенка ў размове з байцамі кажа: «Колькі ўжо акружалі? У Тодараўцы – раз, у Баровічах – два, пад Смаленскам тыдзень выбіраліся – тры. <...> Нас вунь у фінскую на востраве тое засталася, два дні адбіваліся, ад кулямётаў снег да моху растаў, і нічога – жывы» [1, с. 31]. Але разгорнутыя рэтраспекцыйныя сцэны прадстаўлены толькі ў межах суб'ектыўнага часу. Прадчуванні закрэпджаюцца ў сэрцы байцоў ужо на пачатку аповесці. «Старшыня быў незадаволены, сярдзіты, унутры яго тужліва варушылася невыразная, шчымлівая трывога за іх лёс і за тую нялёгкую справу, дзеля якой яны засталіся тут» [1, с. 21].

Калі Іван Пшанічны першы пачуў стрэлы, ён сказаў усім, што трэба штосьці рабіць. «Яму ніхто не адказаў, усе стаялі і слухалі, апанаваныя наплывам благіх прадчуванняў. А там, у далёкай цемры ночы, усё разлягалася чэргі, бухалі гранаты, ветрам разносілася ўдалачынь нягучнае здалёк рэха. Людзі змаркатнелі, самі сабой апусціліся долу іх натруджаныя рукі, ліхаманкавая трывога ўрываўся ў думкі» [1, с. 30]. Але трэба штосьці рабіць з гэтымі думкамі, нежэ з імі змагацца ці забывацца на іх. «Слухай, камандзір, а можа, лепей адыдзе, пакуль не позна?» – кажа Аўсееў. Карпенка адмаўляе, прапаноўваючы свой варыянт плану: «Акапаемся і заўтра як у мамы за пазухай будзем» [1, с. 31]. Час разгаліноўваецца тут толькі ў тым кантэксце, што ўмовы падзей мінулага параўноўваюцца з умовамі цяперашнімі. У сваю чаргу высновы, якія робяцца ў выніку гэтага, уплываюць на выбар планаў будучага і апасродкавана на яго сутнасць. Але на самой справе будучыня не заўсёды супадае з планами герояў.

Цяжка казаць пра ўшчыльненне і пашырэнне часу, калі фабульны час такі кароткі, аднак мы можам заўважыць гэтыя праявы ўмоўнасці часу. Ушчыльненне мы назіраем тады, калі аўтар апісвае павольныя дзеянні, якія не прыводзяць да шматлікіх значных зменаў у абставінах. Пашырэнне – калі сітуацыя адваротная. Прыкладам можа быць восемнаццаты раздзел, цалкам прысвечаны апісанню наступстваў бою. Увесь раздзел займае некалькі старонак і, хутчэй за ўсё, значна менш за гадзіну фабульнага часу. Ён расказвае пра пакуты старшыні Карпенкі і распач Васіля Глечыка, здраду Аўсеева і ягоную смерць. У параўнанні з гэтым падрабязным апавяданнем апошня абзац відзачыцца сціснутым. Ужо першыя ягоныя словы гаворыць пра Глечыка наступнае: «Ён хадзіў так <...> можа гадзіну ці дзве» [1, с. 100].

Прыкладам затрымлівання часу можа быць нават пачатак аповесці, калі аўтар звяртаецца да апісання прыроды і акружэння: «Гасцінец, споўшы з пагорка, перасказаў чыгунку і заварочваў у бок лесу, утварыўшы скрываўнае, якое людзі некалі абгарадзілі рабымі слупкамі і паставілі два гэтка ж рабыя шлагбаўмы» [1, с. 19]. Трэба адзначыць, што такія звароты да апісання частыя ў гэтай аповесці. Яны могуць нават перарываць размовы ці разважанні герояў.

Закранаючы катэгорыю канкрэтнасці ці абстрактнасці часу, адносна аповесці «Жураўліны крык» можна прыйсці да высновы, што час яе канкрэтны. Прадстаўлены і гістарычны (Вялікая Айчынная вайна), і календарны (восень), і біяграфічны (рэтраспекцыйныя звароты да мінулага герояў) час, а таксама элементы хранікальна-бытавога часу (начлег у старошчы). Менавіта гэтыя акалічнасць, што час васны, уплывае на выбар герояў, рухае сюжэт наперад.

Дыскрэтнасць часу праяўляецца падобным да ўмоўнасці чынам. Вельмі «густы» час восемнаццатага раздзела складае ўражанне, што час сюжэту практычна супадае з рэальным часам чытання, з дакладнасцю да хвіліны. А ў канцы апошняга абзаца ўжо не згадваюцца дзеянні так падрабязна, аўтар падае толькі два вобразы дзеянняў: «хадзіў, натыкаючыся на сцень» і «наткнуўся на старшыновы ногі <...> спатыкнуўся аб іх і апусціўся да былога свайго камандзіра» [1, с. 100]. Усё астатняе – гэта апісанне абставінаў: запоўненасць часу зніжаецца, што вядзе да адчування зніжэння тэмпу часу.

Завершанасць ці незавершанасць часу вызначаецца фіналам мастацкага твора. Фінал аповесці «Жураўліны крык» адкрыты. Аўтар малое свайго героя ў прадчуванні смерці, але не паказвае яе. Калі разглядаць лініі чалавечых лёсаў, то пачы з іх закончаны. Памірае ад кулямётнай чаргі Пшанічны, які намагаўся ўратавацца, здаўшыся ў палон фашыстам. «Афіцэр, аднак, не глядзеў на яго, ён нешта казаў салдатам <...> Грудзі яго маланкай пранізаў пякельны боль, і ён, падламаўшыся ў каленях, асеў на гразкі дол вуліцы. <...> сутаргава хапаючы ротам паветра, Пшанічны <...> нема замычаў – ад болю, ад

усведамлення канца і апошняй лютай нянавісці да немцаў, якія забілі яго, да тых, на пераездзе, што яшчэ заставаліся жыць, да сябе, ашуканага сабою, і да ўсяго белага свету...» [1, с. 78–79]. Фішар, адзін з тых, хто не здаваўся добрым байцом, затрымаў маташыклетную калону, забіўшы нямецкага афіцэра: «Страшэнны гром вострым болям расшчапіў яго галаву. Баец выпусціў з рук вінтоўку і, абцярушваючы рукамі мокрую зямлю, споўз на дно акопа. Нейкі час ён яшчэ быў жывы, але ўжо не адчуваў нічога» [1, с. 81]. Далей мы сутыкаемся са смерцю Свіста. Былы злучынец паказвае ўзор ахвярнасці і, разумеючы, што мае шанс спыніць танкі на мастку, ён робіць гэта коштам свайго жыцця. «Яны сышліся якраз на мастку – ушчэнт змораны, паранены баец і гэтае грымлівае крыжастае страшыдла. Свіст, слаба размахнуўшыся, адну за адной шпурнуў пад гусеніцы абедзве свае цяжкія гранаты, але сам ні схвацаца, ні адбегчы ўжо не паспеў...» [1, с. 97]. Старшыня Карпенка ў другім кароткім баі, падчас якога загінуў Свіст, атрымаў цяжкае раненне ў галаву, ад якога вельмі пакутваў, паміраючы. Аўтар апавадае пра смерць Аўсеева, які пакідае раненага камандзіра і маладога байца Глечыка, намагаючыся ўратавацца ўцёкамі, і толькі потым паказвае, што Карпенка мёртвы. «Аўсееў на бягу азірнуўся і яшчэ хутчэй замільгаў нагамі <...>. Тады Глечык дрыготкімі рукамі ўхапіў старшыноў кулямёт, перакінуў яго на тыльны бруствер і, амаль не цялячыся, выпусціў наўздагон Аўсееву ўсё, што было ў недастрэльным дыску» [1, с. 99–100]. «Старшыня ляжаў ціха, раскінуўшы ў бакі сагнутыя ў локцы рукі і трошкі ашчэрыўшы шырокія зубы. Нічога ў ім ужо не было ад былой рупнай камандзірскай строгаści, толькі цьмяна ўгадвалася ў рысах твару нейкае запытанне <...>» [1, с. 100]. Усе абставіны гавораць пра тое, што Глечыку таксама не ўратавацца, але яго смерць не паказваецца ў фэбульнай плыні твора, таму час аповесці можна назваць незавершаным. Аўтар пакідае чытачу надзею на цуд.

Цікава разгледзець і катэгорыю суб'ектыўнага часу. Відавочна, што ў аповесці В. Быкава суб'ектыўны час адлюстроўвае пашырэнне часу за кошт звужанасці прасторы, але ён не з'яўляецца карацейшым за час выяўлення ва ўсіх выпадках. Гэта звязана з выкарыстаннем прыёму рэтраспекцыі. Героі пачынаюць успамінаць сваё мінулае, і за некалькі гадзін фэбульнага часу і некалькі старонак часу апаведу чытач знаёміцца з гісторыяй папярэдняга жыцця героя. Гэты час можна аднесці да суб'ектыўнага часу тыпу «плыні свядомасці». Аўтар выкарыстоўвае памяць герояў, якая пашырае часапрасторы твора.

Як адзначалася раней, суб'ектыўны час прыводзіць да ўзнікнення не толькі новай часавай плыні, але і да стварэння новай прасторы. Найбольш значна парушаецца парадак часу і адпаведна прасторы ў адным з урыўкаў тэксту аповесці, які прадстаўляе сон старшыні Карпенкі (адзінаццаты раздзел). Гэты прыклад суб'ектыўнага часу можна аднесці да тыпу часу «іншабыцця» героя. У рамках вызначанага эпизода разбураецца і часавая плынь (людзі з розных перыядаў жыцця старшыні, фінская вайна і нямецкія эсэсаўцы адначасова і г.д.), і прасторавая (два чалавекі ў адным месцы, замерзшае возера і старожка адначасова і г.д.). Асобныя дэталі, што здаюцца менш значнымі на першы погляд, таксама адлюстроўваюць перакрываванне розных часова-прасторавых пластоў: напрыклад, чырвонаармейцы, якія ішлі ў ланцугу па лёдзе падчас фінскай вайны, усе былі ў будзёнаўках, хаця ў той час будзёнаўкі ўжо не былі элементам агульнай формы і г.д.

Умоўнасць і дыскрэтанасць у межах суб'ектыўнага часу набываюць спантанны характар. Аповед тут не заўсёды падпарадкоўваецца законам логікі. Мы маем справу са свядомасцю людзей, у якой зліты ў адно мінулае і цяперашняе, уяўленні пра тое, што ёсць, і тое, што павінна быць. Больш паслядоўна працягваюцца характарыстыкі

ўмоўнасці і дыскрэтнасці ў рэтраспекцыйных зваротах. Спісканне і расцягванне часу адбываецца ў залежнасці ад таго, што падаецца герою (па волі аўтара) найбольш важным. Калі ён апісвае вызначальныя ў сваім разуменні падзеі, то аповед робіцца расцягнутым, насычаным. Калі падзеі, на думку героя, нявартыя ўвагі, ён увогуле іх не згадвае ці згадвае сцісла, скупа. Падзеі суб'ектыўнага часу могуць мець характар і абстрактнасці (высновы, якія зрабіў, напрыклад, Віцька Свіст ці Іван Пшанічны), і канкрэтнасці (шырока прадстаўлены ў рэтраспекцыі біяграфічны час). Разам з тым, нельга акрэсліць завершанасць ці незавершанасць гэтага часу, таму што ва ўспрыманні героя-апавядальніка ён з аднаго боку завершаны (як яго гісторыя), а з другога боку, працягваецца (таму што падзеі не спыняюцца).

Важную сэнсавыяўленчую функцыю выконваюць вобразы-сімвалы, якія сустракаюцца ў аповесці. Як ўжо адзначалася, часта аўтар падкрэслівае, што дзеянне адбываецца ўвосені. Фабульны час займае амаль суткі, але з яго выкрэслена большая частка дзённай пары. Пачынаецца аповед з часу вечара, а заканчваецца часам поўдня. Такім чынам падкрэсліваецца змрочнасць перспектывы, трывожнасць і небяспечнасць сітуацыі. Праўляецца гэта нават у спалучэннях такіх акрэсленняў часу з адпаведнымі прыметнікамі і псіхалагічна афарбаванымі замалёўкамі. «Сумны восеньскі адвечорак поўніўся шэрасцю фарбаў, надакучлівай спюдзёнай золлю і ўсеабдымнай трывогай навіслай над красам бяды» [1, с. 20]. Вельмі часта Васіль Быкаў выкарыстоўвае прыметнік «восеньскі» для ўвасаблення трывогі, драматызму: «золкі восеньскі вецер» [1, с. 19], «з шалёнай восеньскай лютасцю» [1, с. 23], «у восеньскай глухамані» [1, с. 74] і інш. Падобным чынам падаюцца і акрэсленні часу сутак: «азмрочаныя вечарам далі» [1, с. 26], «восенская начная няўтульнасць» [1, с. 52] і інш. Сімвалічнае значэнне восені як заканчэння жыцця і адпаведнае значэнне вечару (ці адвечорка), успрыманне начной пары як часу няўпэўненасці і небяспекі перад цёмнымі сіламі (у аповесці «Жураўліны крык» гэта думкі байцоў пра будучы бой з немцамі ці прадчуванні благага), насычанасць вобраза-сімвала ранка адценнямі пачатку новага, акрэсленага, зразумелага (у параўнанні з ноччу), дапамагаюць аўтару гарманізаваць у аповесці сэнсаўтаральныя элементы першага парадку (тое, што акрэслівае змест твора) і другога (скрыты, больш глыбокі пласт). Зразумела, што ранак успрымаецца яшчэ і як той час, які нясе спагаду, надзею, святло і радасць новага жыцця, але ў быкаўскім творы гэтыя канатэцыі сімвалу кантрастуюць са зместам, паглыбляючы яго трагедыйнасць. Менавіта ранкам пачынаецца першы бой на пераездзе. Знікае напружанасць невядомасці і пачынаецца актыўнае дзеянне, дзе кожны з байцоў канчаткова праўляе сутнасць свайго стаўлення да сітуацыі. Але ранкам таксама гіне большасць герояў твора. Поўдзень – гэта той час, калі можна падводзіць некаторыя вынікі. Калі праводзіць аналогію са сталасцю чалавека, то ў гэты час трэба спыніцца, асэнсаваць зробленае, прааналізаваць, што ўжо стала зразумелым, што паспелася і што атрымалася, трэба вырашыць, што рабіць далей (мяняць свой шлях, ці крочыць далей), і трэба ў залежнасці ад гэтага ступіць на сваю далейшую дарогу. У творы поўдзень сустракае толькі Глечык, маладзейшы за ўсіх. Здаецца, што астатнія паспелі ўжо зрабіць свае высновы, і лёс іх таму ўжо вырашыўся. Малады баец робіцца сталым чалавекам, які разумее крохкасць жыцця і бязмерную яго каштоўнасць, за некалькі гадзін. Ён акрэслівае для сябе, што з'яўляецца вартым і сапраўдным у жыцці, а што падманвае і забівае чалавека ў чалавеку.

Апазіцыі часавых паняццяў найбольш яркава праўляюцца падчас паказу ўнутранай барацьбы герояў, калі вырашаецца пытанне жыцця і смерці. Супрацьпастаўляцца могуць мінулае і цяперашняе, цяперашняе і будучае, усё жыццё і

цяперашні момант. «Даўно ўжо Пшанічны прыглядаўся <...>, але цяпер, трапіўшы ў тую мышалюку, канчаткова рашыўся. <...> жыццё для яго даражэй за ўсё» [1, с. 32]. Аўсееў разважае: «Уначы – дык яшчэ здолелі б адарвацца ад ворага, а вось заўтра – наўрад. Заўтра будзе пагібель – гэта пэўна» [1, с. 53]. «І Карпенка, які ўсё жыццё павяжаў людзей простых, зразумелых і рашучых, як ён сам, цяпер першы раз усумніўся ў сваёй праўдзе <...>» [1, с. 86]. Кароткія моманты радасці супастаўляюцца з доўгімі часавымі адрэзкамі непакою. «Аднак кароткае захапленне-радасць хутка мінула, людзі аддаліся новым развагам-клопатам пра сваё хуткае будучае» [1, с. 86].

Канцэпцыю часу ў апавесці «Жураўліны крык» можна акрэсліць як лінейную. Не глядзячы на тое, што паслядоўнасць эпизодаў твору не заўсёды адпавядае іх храналогіі, чыгач пераставрае ў сваёй свядомасці рэчаіснасць творца як лінейны працяг эпизодаў. Няма шклічнасці ў сэнсе паўтараў элементаў лёсу групы байцоў, няма адназначнай скіраванасці да агульнага фіналу (смерць кожнага з герояў – гэта не канец чалавечага існавання ўвогуле), няма паслядоўнай адноснасці часу ў прыродазнаўча-навуковым, а не мастацкім сэнсе. У апавесці можна знайсці падобныя элементы (падабенства думак Аўсеева і Пшанічнага, рэтраспекцыйны зварот у мінулае кожнага з байцоў і інш.), але агульная канцэпцыя часу апавесці, несумненна, лінейная.

Парадак прасторы ў творы цесна перамяжоўваецца з яго дыскрэтнасцю. Аднак, безумоўна, можна адзначыць тое найважнейшае, што яго тычыцца. Мы назіраем разгалінаванне сюжэта. Калі хто-небудзь з байцоў пакідае астатніх, то ягоны лёс ці ягоныя разважанні апісваюцца асобна. Так здараецца з Алікам Аўсеевым, які ідзе на варту, калі астатнія застаюцца ў старошцы ноччу. «Аўсееў пасядзеў яшчэ, пасля нетаропка зашпіліўся і неахвотна выйшаў, мацней чым трэба прыстукнуўшы дзвярыма» [1, с. 45]. Далей аўтар апісвае размову, якая адбылася ў старошцы (канец шостага раздзела), і апавед Віцькі Свіста пра ягонае жыццё (сёмы раздзел). І толькі восьмы раздзел вяртае нас у тую ж самую часавую кропку адліку, але з іншым прасторавым вымярэннем. «Выйшаўшы са старошкі, Аўсееў спыніўся і прыслухаўся» [1, с. 52]. Герой пачынае думаць пра сваё, але аўтар нават перакрывае дзве сюжэтныя плыні, якія адносяцца да размежаваных прастораў: калі басц спрабуе засцерагчыся ад дажджу, шчыльнай прытуліўшыся да будыніны, то «са старошкі чуюцца размова, нешта там апавядае балбагун Свіст» [1, с. 53]. Дзве сюжэтныя лініі злучаюцца ў адну плынь у эпизодзе, калі Аўсееў адчыняе дзверы старошкі: «Са старошкі шуганула цяплом, дымам, кіслай парнасцю мокрых салдацкіх шынялёў» [1, с. 57]. На змену салдату пайшоў Пшанічны. І пакуль аўтар апісвае наступную размову ў старошцы, потым успаміны Глечыка (дзевяты раздзел), сон Карпенкі і пазней ягоныя ўспаміны (адзінаццаты раздзел), згадак пра лёс Івана не сустракаецца. Затое зараз зноў з'яўляецца перад чыгачамі Фішар, які знік з плану апаведу яшчэ ў канцы другога раздзела.

Дванаццаты раздзел пачынаецца менавіта з таго моманту, калі Фішар застаўся адзін у сакрэце. Чыгач пераносіцца ў іншую прастору апісанага перад гэтым адрэзка часу: назірае за Фішарам, ягонымі дзеяннямі і потым ягонымі ўспамінамі. Трынаццаты раздзел вяртае нас да моманту адыходу са старошкі Пшанічнага, і далей чыгач сочыць за ім, пакуль герой не гіне ад кулямётнай чаргі фашыстаў. У чатырнаццатым раздзеле мы зноў назіраем сутыкненне дзвюх сюжэтных ліній. Але асабліваець гэтага моманту ў тым, што адна з іх заканчваецца, а другая працягваецца. «Тая кулямётная чарга, што скончыла зацятае жыццё Пшанічнага, абудзіла з паўсоннага забыцця і Фішара» [1, с. 79].

Далей прасочваецца, як складваецца ягоны лёс, да самай смерці байца пасля таго, як ён забіў нямецкага афіцэра. Цікава, што пятнаццаты раздзел пачынаецца з таго ж самага моманту часу, што і чатырнаццаты. Тую самую кулямётную чаргу,

якую пачуў Фішар, чуюць і астатнія байцы на пераездзе. Такім чынам, гэта момант злучэння трох сюжэтных ліній, адна з якіх у гэтай кропцы заканчваецца (Пшанічны), другая працягваецца паралельна першай (байцы на пераездзе) да моманту смерці Фішара: «Карпенка чакаў, што Фішар можа яшчэ выбежыць у нізінку, а пасля ён стаў думаць, што баец стойцца, прапусціўшы немцаў, але неўзабаве грымнуў адзінокі стрэл, які, відаць, адразу і затрымаў усю матацыклетную калону» [1, с. 83]. З аповеду ў чатырнаццатым раздзеле чыгач даведваецца, што Фішар быў забіты пасля таго, як трапіў у нямецкага афіцэра, але да таго моманту, як матацыклы спыніліся. «Нейкі час ён яшчэ быў жывы, але ўжо не адчуваў нічога. Не бачыў баец Фішар, як кінуліся немцы да першага і адзінага забітага ім ворага, як беражна ўклалі яго, акрываўленага, у льялы, як двое ці тое саскочылі з матацыклаў, шастаючы ў іржышчы ботамі, падбеглі да акупчыка і раздзілі ў яго свае аўтаматы» [1, с. 81]. Такім чынам, менавіта ў пятнаццатым раздзеле многны сюжэт зноў пераходзіць у адзіночны, прыём мазаікі больш аўтарам не выкарыстоўваецца.

В. Быкаў дае звесткі пра тое, што прастора сюжэта – Расія («як жа ты тут апынуўся, у Расіі?» [1, с. 41]). Але канкрэтнасць месца – чыгуначны пераезд – перакрываецца тым, што аўтар падкрэслівае і абагульняе: «Гэта быў звычайны чыгуначны пераезд, якіх нямаля параскідана на сталёвых шляхах зямлі» [1, с. 19]. Прастора твора набліжаецца да канкрэтнай, калі героі праводзяць ноч ў старожцы. Аднак прастора твора ўвогуле – абстрактная, таму што месца дзеяння не ўплывае на рух сюжэта.

Дыскрэтнасць прасторы праяўляецца па-рознаму. Калі аўтар звяртаецца да суб'ектыўнага часу, элементы рэальнай прасторы знікаюць з плану аповеду. Адною са сцэн, калі запоўненасць прасторы даволі вялікая, з'яўляецца сцэна пошуку салдатамі «трафейў» пасля першага бою. Апісваюцца прадметы, дэталі акружэння і рысы твараў забітых немцаў. Часу, відавочна, прайшло мала, але аўтарскае апісанне даволі падрабязнае. «Доўга тут расходжвацца яны не сталі і неўзабаве падаліся назад» [1, с. 89]. З трафейў былі знойдзены кулямёт, стужкі з патронамі да яго і кішэнны гадзіннік.

Гэты момант паказвае таксама сімвалічную напоўненасць паняцця «прастора». Вольная прастора звычайна асацыюецца са свабодай, радасцю і новым пачаткам (падобна да раніцы), але, як і ў выпадку часавых сімвалаў, мы назіраем несупадзенне звычайнага сімвалічнага значэння і зместу твора, што падкрэслівае «певернутасць» свету падчас вайны. Тое, што магло несці дабро ў мірны час, цяпер можа несці зло. Калі Свіст прапапоўвае Глечыку схадзіць за трафеймі, той сумняваецца. Зразумела, што зусім няшмат часу прайшло з таго моманту, як яны з таварышамі забівалі ворагаў на гэтай адчыненай прасторы. Відавочна: яны таксама будуць як на далоні, і іх таксама можа спаткаць падобны лёс. Маладому хлопцу непрыемна было згаджацца, што ён баязлівец. «Тады ён узяў вінтоўку і вылез у вольны, вельмі прасторны і боязны свет. <...> Глечык даволі ніякавата адчуваў сябе тут, у гэтай прасторы, усё карцела адстаць ад Свіста, прыхаваюцца за яго спіну, думалася, што вось-вось ад тых варожых машын загрузаціць чарга і смерць-боль праніжа яго цела» [1, с. 88]. Такім чынам, у аповесці паняцце прасторы набывае процілеглы сімвалічны сэнс – яна не жыццязносная, а смяротна небяспечная. Гэтае паняцце складае апазіцыю з паняццем закрытай прасторы, той, што звычайна азначае няволю, прыгнечанасць, варожасць. У аповесці вузенькія акопы, траншэі, брустверы – гэта сімвал бяспекі, надзейнасці і дапамогі. Падобным чынам разглядаюцца катэгорыі «верх» і «ніз». Тое, што вышэй, добра толькі з таго пункту гледжання, што дазваляе выкарыстаць гэтую пазіцыю ў барацьбе супраць ворага. Адапедна нізіна – гэта небяспечная прастора, таму што яе добра відаць: адбіваючы першую атаку ворага, байцы «білі ў нізінку» [1, с. 85], перад апошнім боем ворагі «на пагорку <...> нешта выглядалі» [1, с. 101].

Вельмі шмат сімвалічных значэнняў увасабляюць прыродныя з'явы, апісаныя аўтарам, і рэчы, якія акружаюць чалавека. Такі менавіта пачатак твора. Апісанне нежывога набывае чалавечыя рысы, што дае падставы пазней успрымаць нежывое як адлюстраванне псіхалагічнага стану герояў. Пераезд «абраў тут зручную мясціну пуці», насып «пралёг па асакаватай голай балацавіне», рэйкі аднапуткі «беглі па жвірь», «гасцінец, споўшы з пагорка, пераскакваў чыгунку і заварочваў у бок лесу». Нарэшце, аўтар сам параўноўвае нежывое з чалавечым: «бы скалечаная рука чалавека, тырчаў у сподзёнае неба абламаны шлагбаўм, другога зусім не было». Як бачна, сам пераезд, які з'яўляецца месцам дзеяння, уяўляецца аўтару-апавядальніку скалечаным чалавекам. Ён не мае зараз свайго гаспадара, таму бышчам бы пачынае жыць уласным жыццём, якім жыве ўсё навокал – прыродныя з'явы і аб'екты. Менавіта таму пазней ён становіцца прытулкам для герояў, выконваючы сваю ранейшую функцыю – служыць чалавеку. Прырода адлюстроўвае ўнутраны стан герояў. Варта адзначыць, што на працягу ўсяго апавяду сонца з'яўляецца толькі ў самым пачатку твора і ў самым канцы. На пачатку яно было нябачным, а потым і ўвогуле знікла. У першым раздзеле чытаем: «Вузенькая шчылінка святла, прарэзаўшыся ў марах, як лязо вялізнае брытвы, матава блішчала на небе» [1, с. 20]. Гэта лязо больш не з'яўляецца, пакуль не пачынаецца той жахлівы бой, які прынясе смерць амаль усім. «Над шэрым восеньскім полем <...> сумнай усмешкай бліснула нізкае сонца. Толькі на адзінае імгненне ясным прасветам слізганула яно па сырой гліне траншэі, шэрай сівізне ржышча, полымем кранула рэдкае пажоўклае лісце бяроз, і гэта яго ціхая ласка вострым болам тугі працяла людскія сэрцы» [1, с. 94]. І ў апошнім раздзеле, калі Глечык застаецца адзін, між аблокамі «змалівай скупой радасцю праглядвала восеньскае сонца», бышчам надаючы ўпэўненасці юнаку.

На працягу твора прыродныя з'явы не пакідаюць байцоў. Халодны вецер і дождж дакучалі ім, акапвацца было вельмі цяжка, але, з другога боку, гэта дазваляла быць больш чуйным Фішару ў сакрэце, а тым, хто быў на варце, не заснуць. Непагадзь адлюстроўвае перажыванні байцоў і складанасць іх выбару. «К ночы вецер памалу сціхаў, але затое аднекуль з шумлівай цемрадзі пачаў накрапваць дождж. Адразу намоклі аблавухія пілоткі на галавах байцоў, пакрысе набрыньвалі вільгацю і цяжэлі каляныя шынялі. Свежа раскапаная зямля хутка бралася гразю і наліпала да чаравікаў» [1, с. 38]. «Дождж усё капаў і капаў рэдкімі дробнымі кроплямі, ад якіх макрэў твар, і па скронях, сцякаючы да шыі, непрыемна каціліся халодныя струмені» [1, с. 39]. «Выйшаўшы са старожек, Аўсееў спыніўся і прыслухаўся. Пасля святла з грубікі <...> нічога не было відаць – адно шапаценне дажджу і сутаргавыя парывы ветру. Байца адразу ахапіла восенская начная няўтульнасць, цела скаланулася ад волкіх дрыжыкаў <...>» [1, с. 52]. Здаецца, што прырода перашкаджае байцам, але адказ дае адна з думак Аўсеева: «На гары, на дарозе ўсё было ціха, сапраўды, немцы чагось змарудзілі ці мо заначавалі дзе па такой непagodзе – а то было б ліха» [1, с. 53].

Як можна пераканацца, характарыстыкамі своеасаблівай рэалізацыі катэгорыі часу і прасторы ў творах В. Быкава з'яўляюцца: 1) лаканізм, звужэнне часавых і прасторавых межаў дзеяння (кароткія фэбульныя часы); 2) дынамізм і разам з тым увага да падрабязнасцяў ваеннага побыту, калі ў гэтым ёсць мастацкая патрэба; 3) пашырэнне ў сюжэтным дзеянні плыні часу (некалькі пластоў часу) і плыні прасторы (некалькі пластоў прасторы); 4) звесткі з мінулага герояў не вытлумачваюць іх паводзіны, а даюць падставы для ўласных меркаванняў на конт апраўданасці, слушнасці іх выбару; 5) герой – не толькі носьбіт унутранага канфлікту са сваім мінулым, але і вырашальнік гэтага канфлікту; 6) гістарычны час спалучаецца з

сучаснасцю і біяграфічным часам (маральна-этычная сфера): актуальнасць пастаўленых пытанняў; 7) сімвалізм часава-прасторавых элементаў паглыбляе псіхалагічную напружанасць і насычанасць дзеяння, не адрываючы яго ад рэчаіснасці; 8) часава-прасторавая шматзроўненасць не перашкаджае чытачу устрымаць твор, а паляпляе глыбіню гэтага ўспрымання. Гэта сведчыць аб майстэрстве сюжэтабудавання пісьменніка.

Такім чынам, В. Быкаў з дапамогай своеасаблівай рэалізацыі катэгорый часу і прасторы стварэ сапраўды антываенны пафас у аповесці «Жураўліны крык», сімвалізаваў перамогу высокіх маральных каштоўнасцяў над амаральнасцю вайны.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Быкаў, В. Збор твораў у 4-х т. / В. Быкаў; т. 1. Аповесці. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1980.

ТАВАРНА-ГРАШОВЫЯ ЗНАКІ І ДАКУМЕНТЫ «ЦЭНТРАЛЬНАГА ГАНДЛЕВАГА ТАВАРЫСТВА ДЛЯ ЎСХОДУ» НА АКУПАВАНАЙ БЕЛАРУСІ ў 1941–1944 гг.

Калясінікі В.Ф.

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтва», г. Мінск

Надышла дата 65-годдзя Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне, якая прынесла вялікія выпрабаванні для ўсяго савецкага народа. Асабліва пацярпела Беларусь, насельніцтва якой у час акупацыі панесла цяжкія чалавечыя і матэрыяльныя страты. Дэстабілізацыя эканомікі вымусіла частку насельніцтва пераходзіць да натуральнай гаспадаркі. Пры адсутнасці тавараў першай неабходнасці расквітнела спекуляцыя.

На акупаванай тэрыторыі Беларусі знаходзіліся ў абарачэнні некалькі відаў валют. Працягвалі абарочвацца папяровыя і металічныя грошы СССР, якія карысталіся ў насельніцтва даверам, былі аб'яўлены законным плацёжным сродкам ваенныя грошы – акупацыйныя маркі, якія абарочваліся да канца вайны і наносілі насельніцтву матэрыяльную шкоду, траплялі ў абарот германскія рэйхсмаркі, якія патрэбна было абменьваць на акупацыйныя грошы. Да ваенных грошаў адносіліся і дробныя разменныя манеты з цынкавага сплаву.

На частцы тэрыторыі Беларусі, якая знаходзілася пад кіраўніцтвам грамадзянскай акупацыйнай адміністрацыі і ўключала Мінскі, Слуцкі, Ганцавіцкі, Слонімска, Баранавіцкі, Наваградскі, Лідскі, Вілейскі і Глубокскі паветы, была створана генеральная акруга «Беларусь». Яна разам з генеральнымі акругамі «Літва», «Латвія» і «Эстонія» ўваходзіла ў Рэйхскамсарыят «Остланд» з адміністрацыйным цэнтрам у Рызе.

У 1943–1944 гг. у генеральнай акрузе «Беларусь» нямецкая акупацыйная адміністрацыя з мэтай удасканалвання грашовых разлікаў, а таксама каб павялічыць здачу насельніцтвам прадуктаў харчавання і сыравіны, была вымушана ўвесці ў карыстанне таварна-грашовыя «Знакі пунктавай вартасці прадзільных вырабаў».

На паліграфічнай фабрыцы каштоўных папер у Рызе для ўсіх генеральных акруг рэйскамсарыяту «Остланд» і акругі «Усход», у якую ўваходзілі часткі Ленінградскай і Пскоўскай вобласцей Расіі, былі распрацаваны і надрукаваны таварна-грашовыя «знакі пунктавай вартасці прадзільных вырабаў» наміналам у адзін, тры, пяць і дзесяць тэкстыльпунктаў, з тэкстамі на нямецкай і нацыянальных мовах.

Тэкстыльпункты былі надрукаваны на белай паперы памерам 73x132 мм і мелі аднабаковую арыентацыю. У мерах абароны ад падробак выкарыстоўваліся вадзяныя знакі. Ліцавы бок меў сваю афарбоўку. «1 тэкстыльпункт» меў ружовы колер; «3 тэкстыльпункты» – зялёны; «5 тэкстыльпунктаў – жоўты» і « 10 тэкстыльпунктаў – таксама зялёны колер». Край тэкстыльпунктаў быў не крануты коляром. Дызайн усіх тэкстыльпунктаў меў падабенства. Невялікія адрозненні ў дызайну былі характэрны для розных генеральных акруг і эмісій для іх.

Беларускіх тэкстыльпунктаў выяўлены тры эмісіі. Нумары на некаторых тэкстыльпунктах былі праштампаваны нумаратарамі са значком «№», на некаторых сустракаюцца без гэтага значка. Сустракаюцца нумары, напісаныя алоўкам ад рукі. Выдаваліся на рукі тэкстыльпункты і без нумароў, што можна тлумачыць тым, што яны знаходзіліся ў больш пазнейшай партыі, калі ўжо не вёўся ўлік нумароў. Такім чынам, першыя партыі былі з нумарамі, а пазнейшыя па часе – без нумароў. Сустракаюцца тэкстыльпункты ўжо пагашаныя – з адарванымі правымі вугламі.

Тэкстыльпунктамі прэміравалі гаспадароў за здачу паставак сялягавытворчасці звыш нормы. На адваротным баку тэкстыльпунктаў быў вызначаны асартымент прадзільных вырабаў і прыклады для ацэнкі ў пунктах.

За кожную колькасць здадзенага сельскагаспадарчага прадукта пастаўшчыкам залічвалася на пакупных талонах вызначаная колькасць пунктаў.

Для інфармацыі насельніцтва аб таварных прэміях у рыжскай тыпаграфіі на мовах карэннага насельніцтва генеральных акруг Рэйкскамісарыята «Остланд» (беларускай, латышкай, літоўскай, эстонскай), таксама і на расійскай мове былі надрукаваны расцэнкі сельскагаспадарчых тавараў на пункты. Яны неслі інфармацыю аб суадносінах цаны ў тэкстыльпунктах на тавары ў той, альбо іншы час.

Цікава азнаёміцца з цыркулярам «Таварная прэмія за здачу абавязковых пастачаў». Цыркуляр пачынаецца наступным заклікам – «*Сяляне, здавайце ў назначаных тэрмінах Вашы абавязковыя пастачы за 1943 – 1944 гаспадарчы год. Тады Вы будзеце мець магчымасць у крамах Цэнтральнага Гандлёвага Таварыства закупіць такія прадметы першай патрэбы, як соль, махорка, папярось, нафта, гарэлка, сельска-гаспадарчыя прылады, тэкстыльныя тавары і г. д.*»

Далей цыркуляр інфармаваў па наступных пытаннях:

- Тэрмін здачы абавязковых пастачаў;
- Расцэнка сельскагаспадарчых прадуктаў на пункты;
- Расцэнка прэміяў тавараў на пункты.

Кожны гаспадар павінен быў мець план абавязковай здачы сельскагаспадарчай прадукцыі і меў на руках таварную картку, у якой адзначалася здадзеная колькасць пастачаў. Астатнюю частку прадукцыі, якая заставалася пасля выканання плана здачы, што было зафіксавана ў картцы, можна было рэалізаваць на рынку ў свабодным продажы.

Напрыклад, таварная картка «Цэнтральнага Гандлёвага Таварыства для Усходу» для Мінскага павета мела «Глумачэнне да таварных картаў», у якім гаварылася наступнае:

«Таварная картка выдаецца на імя селяніна без права перадачы яе. Кожная пастаўка селянінам прадуктаў павінна адзначацца на таварнай картцы ў паятовай канторы, і пры выкананні кожнага асобнага віду прадуктаў робіцца адзнака ў графе «выканана» і замацоўваецца подпісам і пячаткай. Гэта адносіцца таксама да паставак, здадзеных звыш норм. На кожную колькасць здадзенага сельскагаспадарчага прадукта пастаўшчыку залічваецца на пакупных талонах вызначаная колькасць пунктаў. Пасля выканання паставак пастаўшчык пры прадстаўленні таварнай карткі і адмечаных пунктаў на тавары можа купіць тавары шырокага спажывання ў магазінах Ц.Г.Т.

Гэтыя тавары таксама нарміруюцца пунктамі. Напрыклад, за пастаўку аднаго цэнтнера збожжжа залічваецца 75 пунктаў, адзін серп ацэньваецца ў 75 пунктаў. Задача звыш пастаўкі прэміруецца падвойным лікам пунктаў.

Таварная картка таксама з'яўляецца пасведчаннем для селяніна пры прадажы яго сельска-гаспадарчых прадуктаў на адкрытым рынку.

Да прадажы на рынку дапускаюцца толькі тыя асобы, у картках якіх подпісам і пячаткай павятовай канторы адзначана выкананне прадаваемага віду прадуктаў.

Зубленыя таварныя карткі могуць быць адноўлены толькі пасля падрабязнай і дэтальнай праверкі факту прапажы Крайслядвіртам.

Акрамя таварных картак, сяляне мелі асаблівыя разліковыя кніжкі па абавязковай пастаўцы яек, выдадзеныя «Цэнтральным Гандлёвым Таварыствам для Ўсходу» ў Менску. У гэтых кніжках пазначалася колькасць здадзеных яек па месяцах і заданне на здачу ў штуках.

Акрамя абавязку здаваць усе планавыя пастачы сельскагаспадарчай прадукцыі, сяляне павінны былі плаціць самааблажнёвы і будынкавы падатак германскімі акупацыйнымі грашыма. Аб гэтым, напрыклад, сведчыць плацёжнае паведамленне Клецкага павятовага фінансавага аддзела за 1942 г. – самааблажнёвы падатак складаў 12 рэйхсмарак, а будынкавы 5 рэйхсмарак і 40 пфенінгаў.

Такім чынам, таварна-грашовыя «знакі пунктавай вартасці прадзільных вырабаў» і іншыя фінансавыя дакументы з'яўляюцца сведкамі гісторыі і эканамічных адносін у гады нямецка-фашыскай акупацыі Беларусі ў часы Вялікай Айчыннай вайны.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Орлов, А.П. Бумажные денежные знаки в Беларуси / А.П. Орлов. – Мн.: Минская фабрика цветной печати, 2008. – 696 с.: ил.
2. Орлов, А.П. Оккупационные деньги в Беларуси / А.П. Орлов // Банковский вестник. – 2003. – № 31.
3. Пазднякоў, В.С. Папярковыя грошы Беларусі: ад XVIII ст. да нашых дзён / В.С. Пазднякоў; маст. В.У. Галаванаў. – Мн.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008. – 687 с.

ТУРЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Кобрин М.В.

УО «Барановичский государственный университет», г. Барановичи

Турция формально пыталась сохранить нейтралитет. Но и на территории этого государства разворачивалось сражение, правда, невидное для глаз посторонних. Где-то далеко шла война, а в безмятежном Стамбуле все было как обычно – из установленных на столбах "колокольчиков" звучала песня восходящей звезды эстрады Музиен Сенар. На босфорской пристани рыбаки выкладывали свой утренний улов: маленькие сладкие ставридки. Мальчишки в поисках мидий ныряли с причала, дюкканшики открывали свои лавочки и, оставив их на попечение малолетних помощников, с раннего утра отправлялись в близлежащую чайную, чтобы провести весь день в политических дискуссиях. На страницах газет ежедневно публиковали военные сводки. Всех волновало, не вступит ли Турция во вторую мировую войну, а если это произойдет, то на чьей стороне. О союзнических отношениях с Советской Россией не могло быть и речи – коммунизма боялись больше, чем нацизма.

Перед лицом опасности с Востока всего за три дня до начала войны турки подписали с Гитлером договор о ненападении. Вступление страны в войну на стороне Германии казалось неизбежным. Тогдашний президент Турции Исмет Иненю утверждал, что Турция сохранит нейтралитет - участие в войне для Турции может быть смертельно опасным. Ведь страна еще не оправилась после Первой мировой.

Но так давно разразился скандал из-за того, что премьер-министр Реджеп Эрдоган сравнил второго президента страны Исмета Иненю с Адольфом Гитлером. Он назвал его некомпетентным политиком, однако это далеко не так. Исмет-паша был настоящим артистом. «Усы Иненю всегда полны второго смысла», - говорили тогда в народе [1, с. 11]. Он лавировал, как мог, чтобы не дать втянуть Турцию в круговорот военных действий. Он, как настоящий артист и дипломат, умело договаривался с противниками. Заверял немцев в своей вечной дружбе и одновременно встречался с представителями союзных держав, которым обещал подумать над их предложениями вступить в коалицию. Он твердо знал, что Турция могла погибнуть и быть расчлененной союзниками.

Турки действовали по принципу «и нашим, и вашим». С одной стороны, тайно помогали евреям, которых переправляли с оккупированных территорий в Турцию, а затем - легально или нелегально - в Палестину. Турецкий дипломат Недждет Кент во время Второй мировой войны остановил целый состав с евреями, который отправляли в лагерь смерти из Марселя, где Кент был консулом. Он заявил, что 80 человек в поезде - турецкие граждане. Это был не единственный случай, когда он вмешался в ситуацию [2, с. 45]. Всего же через Турцию в Палестину, спасаясь от Холокоста, проехали около 100 тысяч евреев из Европы. Три четверти из них были спасены турецкими дипломатами.

С другой стороны, турки всячески улаживали немцев, которых встречали как самых дорогих гостей и катали на яхтах по Босфору. «Особенно запомнилась мне прогулка на большой яхте по Мраморному морю, - пишет в своих воспоминаниях шеф немецкой разведки Вальтер Шелленберг. - Когда мы медленно возвращались в Стамбул, на усыпанном звездами небе сияла полная луна. Ночью в одном красивом отеле на берегу моря состоялся большой банкет; как же я удивился, когда турецкий оркестр неожиданно заиграл немецкие студенческие песни. Многие присутствовавшие на банкете турки учились в университетах Германии и привезли с собой песни Рейна. Странно было слышать в прекрасную восточную ночь у бухты Золотой Рог песню о луке Роланда» [4, с. 342].

Светские рауты в те годы проходили во дворце Долма Бахче, где был сад и все утопало в зелени и цветах. Там собирался международный «свет». На приемах встречались враги: представители немецкой, английской, американской разведок. Они улыбаясь друг другу, кланялись, но не подавали руки. Город был напичкан иностранными шпионами. В глухих закоулках, узких мощеных стамбульских улицах разворачивалась невидимая на первый взгляд обывателю ожесточенная война внешних разведок. Под черной чадрой спешащей на базар мусульманки скрывались английские агенты, в костюмах дервишей передвигались по стране переодетые советские шпионы под кодовыми названиями «Дилен», «Догу», «Балык», «Даммар», «Дервиш».

Правда, случались и проколы. Исмаил Ахмедов, опытный ликвидатор НКВД, неожиданно обратился к правительству Турции с просьбой - получить политическое убежище. «Татарин решил уйти к своим», - так расценила этот шаг турецкая пресса. Уже после войны ему позволили выехать в Соединенные Штаты, где он решил остаться навсегда и написал воспоминания «Побег татарина из разведки Красной Армии».

Немцы обычно действовали под маркой коммерческих представителей фирм. Вот что писал в своих мемуарах Вальтер Шелленберг, шеф немецкой политической разведки: «Это был ковровый магазин, который находился в базарной части Стамбула и внешне выглядел как маленькая, скромная лавочка. Но в заднем помещении, служившем складом товаров, когда две большие кипы ковров внезапно были отодвинуты в сторону, я увидел перед собой прекрасно оборудованную комнату с аппаратурой для передачи и приема радиосигналов. Поговорив о служебных делах, выпив много густого черного кофе, мои собеседники занялись приемом сообщений от радиостанции. Наблюдая этих людей за работой, я впервые обратил внимание на то, с каким рвением они занимались шпионажем. Внешне эта организация выглядела как торговая фирма, имевшая дело с коврами, старым серебром и золотом. За этим фасадом со временем развернулась широкая разведывательная сеть, охватывавшая Ближний Восток, руководители которой дважды или трижды в месяц связывались по радио со станцией в Берлине-Лихтерфельде» [4, с. 323].

В 1941 г. в Турцию прибыл гражданин СССР Леонид Наумов, в качестве работника советского торгпредства, вместе со своей женой. Это был агент НКВД Наум Исаакович Эйтингон, карающий меч Сталина, один из организаторов убийства Л. Троцкого. Его фиктивной женой была Муза Малиновская, рекордсменка, инструктор парашютного спорта, которую гораздо позже в турецких источниках сравнивали с первой турецкой летчицей, парашютисткой Сабихой Гекчен. Муза совершила десятки прыжков с парашюта, была популярна в СССР, ее фото печатали в советских газетах. Малиновская успешно играла свою роль: брала уроки французского, посещала светские мероприятия на Бейоглу. Ее муж собирал информацию о военных намерениях правительства Турции, действиях турецких войск близ границ Советского Союза и об активности в стране Абвера и СД, о связях и контактах разведок США и Великобритании с представителями спецслужб Анкары и агентами Берлина.

Советские разведчики распространяли дезинформацию о том, что советское командование перебросило с Дальнего Востока на Кавказ около пятидесяти дивизий, которые только и ждут приказа, чтобы войти в Стамбул и прибить свой щит к воротам города. Главной задачей было убедить турок в том, что война на стороне Германии окончилась бы для них трагедией. В 1942 г. разведчики организовали покушение на немецкого посла в Турции фон Папена.

Франц фон Папен, германский посол в Турции, представитель старинного аристократического рода, один из самых известных шпионов Третьего рейха. В прошлом канцлер Германии, он хорошо относился к Гитлеру, помог прийти ему к власти. Фон Папен активно склонял турок вступить в войну на стороне Гитлера. По некоторым данным, фон Папен мог возглавить правительство Германии в случае отстранения Гитлера от власти генералами вермахта. Он был чрезвычайно опасен для русских.

Вот что сообщала о покушении на немецкого посла центральная газета «Миллиет»: «24 февраля 1942 г. Ранним утром на бульваре Ататюрка в Анкаре взорвалась бомба, которая разорвала на части человека, державшего в руках какой-то сверток. Полагают, что этот предмет был бомбой, которая сработала. Германский посол и его жена находились на расстоянии более десяти метров от места, где произошел взрыв. От удара взрывной волны они упали на землю, затем поднялись невредимыми и достигли здания посольства. Начало расследование обстоятельств взрыва» [3, с. 224].

Турецкая полиция провела массовые аресты. Выяснилось, что покушавшийся на посла был болгарин по имени Омер, который должен был застрелить посла из пистолета, а затем привести в действие взрыватель устройства, которое, как ему объяснили, было не бомбой, а дымовой шашкой, что помогло бы ему скрыться. Он нервничал, решил подстраховаться и одновременно нажал на спусковой крючок пистолета и взрыватель шашки.

За его спиной стояли советские спецслужбы. Были арестованы двое советских дипломатов, которых обвинили в организации неудавшегося покушения. Турки предъявили советскому посольству ультиматум о выдаче двоих сотрудников. Советские официальные представители сначала отклонили это требование, однако потом были вынуждены согласиться. На суде разведчики отрицали свою вину. Суд признал их виновными в совершении преступления. Прокурор потребовал смертной казни через повешение, но приговорил к 20 годам тюремного заключения.

Агентом разведки могли оказаться шофер, прачка, учитель музыки, репортер, даже обычный слуга. Крупная сумма – более 300 000 фунтов стерлингов – была выплачена в те годы в Стамбуле камердинеру посла Великобритании, которого завербовала немецкая разведка. Это был Эльяс Базны, один из служащих английского посольства, который доставлял немцам фотокопии секретных документов. За каждую партию снимков он получал около 15 000 фунтов стерлингов.

Английский посол в Турции сэра Нетубулл Хьюгессен боялся потерять ключи от сейфа с секретной документацией, поэтому оставлял сейф открытым. Камердинер получил кодовое имя «Цицерон», возможно, потому, что не имел даже среднего образования. Эльяс притворялся туповатым слугой, каждый вечер под предлогом наведения порядка в кабинете сэра Хьюгессена открывал сейф и доставал из ведра фотоаппарат, прикрытый полой тряпкой.

В конце декабря 1943 г. агент передал протоколы Тегеранской конференции с решением союзников открыть в мае-июне 1944 г. в Европе второй фронт. Однако немцы так и не воспользовались донесениями Цицерона, боялись дезинформации, не верили, что такую информацию может достать обычный слуга. А британские дипломаты так ничего и не узнали о разглашении сокровенных тайн.

По окончании войны Эльяс Базна беспрепятственно уволился из штата посольства. За долгую беспорочную службу ему выплатили премию. Журналист политического Интернет-сайта Айше Кеман писал: «Смешно, но все полученные в Стамбуле сотни тысяч фунтов стерлингов оказались фальшивыми». Шпион был обманут сам. Уже после войны он направил правительству Федеративной Республики Германия просьбу возместить положенную сумму новыми марками. Ему рекомендовали обратиться с иском к правительству Адольфа Гитлера. Он долго судился с новым правительством. Какое-то время был владельцем отеля, потом, по слухам, все потерял и работал смотрителем музея в тихом американском городке.

В годы войны активизировались тайные мусульманские секты, которые объявили своей целью восстановление в Турции исламского халифата. Их представители вступили в контакт с немецкой разведкой, предлагая информационный материал. Взамен на него турки просили материальной поддержки для совершения государственного переворота.

По заданию В. Шелленберга в Стамбуле действовала арабская информационная служба, которая ежемесячно обходилась Абверу в пять тысяч долларов. Немцы распространяли слухи о том, что Гитлер тайно принял ислам и стал называть себя «Хайдаром». Фюрер, дескать, предпочел ислам, поскольку весь мир попал в сети иудаизма.

Немецкая разведка блестяще провела операцию по вывозу Великого муфтия Иерусалима Аль Хуссейни, ярого врага Англии, которому удалось бежать в Турцию после неудачного путча в Ираке. Операция тщательно скрывалась от турецкой полиции. Великого муфтия с перевязанной бинтами головой пронесли на глазах турецких пограничников и многочисленных агентов иностранных разведок в стоявший наготове самолет, как тяжело раненного сотрудника немецкого посольства, и отправили в Берлин.

В религиозной среде А. Гитлера называли новым пророком Мухаммедом, который пришел уничтожить все негодные Аллаху религии. Гитлер в ответ призывал оказывать мусульманам особое доверие. Сотрудничество с политиками арабского мира позволило немецкому руководству глубоко ознакомиться с расстановкой сил на Ближнем Востоке.

Немцы добывали ценные сведения о движении судов по Суэцкому каналу. Однако им так и не удалось воплотить в жизнь свою мечту: добиться прохода для немецких подводных лодок через Босфор. 2 августа 1944 г. Турция официально разорвала дипотношения с Германией. Не так давно у берегов Турции были обнаружены затопленные немецкие подводные лодки времен Второй мировой войны. Как сообщали турецкие средства информации, эти шесть субмарин были затоплены в 1944 г. по приказу нацистского командования. Турецким исследователям удалось обнаружить корпуса субмарин на расстоянии 3–5 км от берегов к северу от Стамбула, обе лодки прекрасно сохранились. В связи с запретом прохода немецких кораблей через Босфор и Дарданеллы эти лодки попали в Черное море по суше. Их сначала доставили в Румынию по частям, откуда уже собранными по реке Дунай они вышли в Черное море. После выхода Румынии из гитлеровской коалиции субмарины оказались заблокированными в море. Капитаны получили приказ о затоплении кораблей, а экипажам было приказано возвращаться в Германию по суше. Немцы не могли перевести свои подводные лодки из Средиземного моря через проливы Босфор и Дарданеллы. Турция придерживалась нейтралитета в ходе Второй мировой войны. Германия была вынуждена перебрасывать их через всю Европу. Операция была весьма трудоемкой. Лодки переправляли на гигантских платформах. Для уменьшения веса с них при отправке сняли двигатели, торпеды, другое крупногабаритное оборудование, а потом поставили обратно.

Для большинства современных турок Вторая мировая война до сих пор остается БЕЛЫМ пятном в истории. В учебниках для университетов военным действиям посвящено всего несколько страниц, а в школьных книгах и – того меньше. Многие турки с трудом могут ответить на вопрос о том, кто с кем и когда воевал, и уж тем более затрудняются сказать, сколько человек погибло.

Список цитированных источников и литературы

1. Документы внешней политики. – М., 1992. – Т. 2, Кн. 5.
2. Майский, И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 / И.М. Майский. – М., 1987.
3. Судоплатов, П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии / П.А. Судоплатов. – М., 2001.
4. Папен, Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933–1947 / Ф. Папен. – М., 2005.

УШЛЫЎ КРЭДЫТНАГА ФАКТАРУ НА ПАЛІТЫКУ СССР ПА ГЕРМАНСКАМУ ПЫТАННЮ НА ПРАЦЯГУ 1990 г.

Кавяка І.І.

УА «Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка», г. Мінск

У 1990 г германскае пытанне апынулася ў цэнтры міжнароднай палітыкі. Задачу канчатковага пасляваеннага ўрэгулявання ў адносінах да Германіі, акрамя ўласна ФРГ і ГДР, павінны былі вырашаць чатыры краіны, якія неслі адказнасць за Германію пасля Другой сусветнай вайны – ЗША, Вялікабрытанія, Францыя і СССР. Дзяржавы «чацвёркі» неаднолькава паставіліся да факту адкрыцця Берлінскай сцяны 9–10 лістапада 1989 г., розныя пазіцыі яны займалі таксама і па пытаннях тэрміну і формы рэалізацыі германскага адзінства. Калі краіны Захаду ў асноўным падзялялі пункт

погляду ФРГ на асноўныя накірункі аб'яднальнага працэсу, то СССР як краіна іншага ваенна-палітычнага блоку і грамадскага ладу апынуўся ў найбольш цяжкім становішчы, будучы загалда пазбаўлены сур'ёзных палічнікаў. Яшчэ адной краінай сацыялістычнага лагера, якая магла прымаць непасрэдны ўдзел у вырашэнні германскага пытання, была ГДР, але яе ўнутрыпалітычныя становішча і настроі, панаваўшыя ў грамадстве, фактычна зьвялі да мінімуму ўплывовасць усходнямецкага кіраўніцтва на ход перамоў.

Напачатку Францыя, Вялікабрытанія і, асабліва, ЗША віталі падзенне сцяны як знак заканчэння халоднай вайны, як сімвал перамогі каштоўнасцей заходняй дэмакратыі над ідэямі сацыялізму. Кіраўніцтва СССР у першапачатковы перыяд аказалася ў разгубленасці, пазбаўленае пэўнай стратэгіі дзеянняў па германскаму пытання. Фактар нечаканасці і выяўленая немагчымасць савецкага ўраду да хуткай выпрацоўкі аператыўнай праграмы па германскай праблеме паўплывалі пасля на прыняцце савецкім бокам шэрагу неспадуманых і, як лічаць некаторыя гісторыкі і грамадскія дзеячы таго часу, нават шкодных для СССР рашэнняў па дадзенаму пытання. Першапачаткова Савецкі Саюз нават не дапускаў думкі аб магчымасці аб'яднання ФРГ і ГДР. Зразумела, што ГДР – «фарпост сацыялізму ў Еўропе» – з'яўлялася важным стратэгічным партнёрам СССР, саюзнікам па АВД і СЭУ. Далучэнне ГДР да ФРГ азначала б сур'ёзнае геапалітычнае паражэнне СССР у Еўропе. Таму ў канцы 1989 г. М. С. Гарбачоў заклікаў сусветную супольнасць да ўліку тагачасных рэалій – існавання двух незалежных нямецкіх дзяржаў, якія на той момант належалі да супрацьлеглых грамадска-палітычных, ідэалагічных, эканамічных, ваенных структур і з'яўляліся членамі ААН. Аднак на працягу першай паловы 1990 г. пазіцыя савецкага кіраўніцтва па германскаму пытання змянілася. Згода СССР з тым, што немцы самі могуць вызначыць часавыя рамкі і хуткасць аб'яднальнага працэсу, была дадзена 10 лютага 1990 г. на сустрэчы Г. Коля і М.С. Гарбачова ў Маскве [11, с. 143].

Пасля таго як у лютым 1990 г. савецкі лідэр прызнае магчымасць аб'яднання Германіі, галоўным пытаннем у справе германскага адзінства становіцца пытанне аб вызначэнні ваенна-палітычнага статуса будучай аб'яднанай дзяржавы, паколькі ФРГ і ГДР уваходзілі ў розныя блокі – НАТА і АВД адпаведна. Калі ЗША, Вялікабрытанія і Францыя аднагалосна выступалі за ўваход аб'яднанай Германіі ў склад НАТА, то СССР выступаў супраць такога варыянту. Нязгода савецкага кіраўніцтва на ўключэнне тэрыторыі ГДР у сферу атлантычнага уплыву была натуральнай і дыктавалася геапалітычнымі матывамі. Савецкі бок прапаноўвае шэраг альтэрнатыўных варыянтаў – нейтралізацыя Германіі, уключэнне яе адразу ў два блокі – АВД і НАТА, роспуск абодвух блокаў і стварэнне новых структур еўрапейскай бяспекі з улікам геапалітычных змен на кантыненте. Аднак ніводная з гэтых прапаноў не была сур'ёзна ўспрынята Захадам. Паводле Хельсінкскага Заключнага акту 1975 г. кожная дзяржава мае права на самастойнае вырашэнне пытання аб прыналежнасці да таго ці іншага ваенна-палітычнага блока. Акцэнтуючы ўвагу сусветнай супольнасці на дадзеным аспекце, ФРГ, ЗША, Вялікабрытанія і Францыя здолелі пераканаць СССР у непабезначасці ўваходу аб'яднанай Германіі ў НАТА, паколькі ФРГ ужо належала да дадзенага блоку, а абсалютная большасць насельніцтва ГДР таксама выказвалася за далучэння іх тэрыторый да зоны ўплыву ЕЭС і НАТА. У такой сітуацыі савецкаму кіраўніцтву прыйшлося ў ліпені 1990 г. прызнаць за немцамі права свабоднага выбару свайго будучага ваенна-палітычнага статусу, што фактычна азначала згоду СССР на ўключэнне аб'яднанай Германіі ў склад НАТА. Вырашэнне пытання славамі

метадамі савецкі бок палічыў немэтазгодным. Па-першае, М. С. Гарбачоў быў перакананы, што сілавое ўмяшальніцтва Савецкага Саюза ў справы ГДР дэскрэдытуе ўсю палітыку перабудовы, па-другое, СССР разумеў, што гэта можа стаць прычынай канфлікту сусветнага маштабу, па-трэцяе, сур'ёзныя ўнутрыпалітычныя праблемы, з якімі сутыкнулася савецкая дзяржава ў 1990 г., не пакідалі дастаткова сіл і рэсурсаў для больш пільнага і прынцыповага стаўлення да германскай праблемы. Да ўнутрыпалітычных праблем СССР таго часу адносіліся, перш за ўсё, нацыянальнае пытанне і глыбокі ўсеабдымны эканамічны крызіс. ФРГ, валодаючы дэталёнай інфармацыяй аб становішчы СССР, умела выкарыстала цяжкасці савецкай дзяржавы пры вырашэнні германскага пытання.

Палітыка перабудовы, пачатая ў 1985 г. М.С. Гарбачовым і скіраваная на паступовы перанос некаторых ідэалаў і каштоўнасцей заходняй цывілізацыі на савецкую глебу, была цалкам падтрыманая краінамі Захаду. Аднак да 1990 г. дадзены палітычны курс прывёў краіну да шэрагу цяжкасцей, у першую чаргу эканамічнага характару, якія паставілі пад пагрозу яго далейшую рэалізацыю. Паколькі дадзеная палітыка была візійнай карткай М.С. Гарбачова, то праяву перабудовы азначаў бы і палітычнае банкруцтва для яе ідэолага і галоўнага правадніка. Відавочна, што на працягу першай паловы 1990 г. краіны Захаду, і асабліва кіраўніцтва ФРГ, былі непасрэдна зацікаўлены ва ўмацаванні ўнутрыпалітычных пазіцый М.С. Гарбачова, паколькі толькі ў супрацоўніцтве з ім лічылі магчымым канчатковае вырашэнне германскага пытання. Магчымая змена кіраўніцтва СССР у дадзены перыяд магла б прывесці да нечаканага павароту ў германскай праблеме, а то і ўвогуле сарваць перамовы аб уз'яднанні Германіі, якія ў першай палове 1990 г. знаходзіліся ў поўным разгары. З мэтай прадухіліць эканамічны калапс СССР, а таксама схіліць савецкае кіраўніцтва да кампрамісу па пытанню ваенна-палітычнага статусу аб'яднанай Германіі, заходнегерманскі ўрад праводзіў у дадзены перыяд гнуткую палітыку перніка, скіраваную на ільготнае крыўтаванне савецкай эканомікі. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца высвятленне ўплыву крыўтнага фактару савецка-германскіх адносін першай паловы 1990 г. на трансфармацыю пазіцый савецкага кіраўніцтва па пытанню аб'яднання Германіі.

Ужо ў студзені 1990 г. СССР сутыкнуўся з вострым недахопам тавараў першай неабходнасці, у тым ліку прадуктаў харчавання. 8 студзеня 1990 г. савецкі пасол у ФРГ Ю.А. Квіцынскі перадаў канцлеру ФРГ Г. Колю просьбу савецкага кіраўніцтва аказаць СССР дапамогу ў забеспячэнні краіны мясам. Заходнянемцае кіраўніцтва палічыла магчымым арганізаваць пастаўку ў Савецкі Саюз звыш 120 тыс. тон мяса ў тэрмін ад чатырох да шасці тыдняў. Г. Коль быў упэўнены – чым хутчэй аказаць дапамогу СССР, тым большае ўражанне гэта зробіць на савецкія кіруючыя колы. Калі ж М.С. Гарбачова не падтрымаць, калі дапусціць зніжце яго з пасады Генеральнага сакратара ЦК КПСС, тады, на думку заходнегерманскага канцлера, аб уз'яднанні Германіі можна забыць [11, с. 101]. 24 студзеня 1990 г. кіраўніцтва ФРГ прыняло рашэнне аб пастаўцы СССР па ільготнай цане 52 тыс. тон ялавічных кансерваў, 50 тыс. тон свініны, 20 тыс. тон сметанковага масла, 15 тыс. тон малочнага парашку і 5 тыс. тон сыру. Дзеля таго, каб кампенсаваць нямецкім аграрыям розніцу ў кошце ўрад ФРГ выдзеліў 220 млн. марак [11, с. 114]. У той жа дзень М. Партугалаў, спецыяліст па Германіі, супрацоўнік міжнароднага аддзела ЦК КПСС у інтэрв'ю нямецкаму выданню «Bild-Zeitung» заявіў: «Калі народ ГДР хоча аб'яднання, то яно прыйдзе. Мы ніякім чынам не збіраемся ўмешвацца або выступаць супраць такога рашэння» [11, с. 114]. Афіцыйная згода савецкага кіраўніцтва на перадачу хуткаснага рухавіка аб'яднання ў рукі нямецкаму народу была дадзена на савецка-нямецкай сустрэчы ў Маскве 10 лютага 1990 г.

З гэтага часу асноўным спрэчным пытаннем па германскай праблеме становіцца пытанне будучага ваенна-палітычнага статуса аб'яднанай Германіі. Адначасова вясной 1990 г. ізноў пагаршаецца эканамічнае становішча СССР. Краіна адчувае вострую патрэбу ў замежных крэдытах і звяртаецца за дапамогай да таго, хто ўжо адклікаўся на просьбы савецкай дзяржавы ў крытычныя моманты студзеня 1990 г.

14 мая 1990 г. адбыўся візіт дэлегацыі ФРГ у Маскву і перамовы яе членаў з М.С. Гарбачовым, Э.А. Шэварнадзэ, М.І. Рыжковым, Ю.А. Квіцынскім, С.А. Сітаранам. Дарадчык канцлера ФРГ па знешнепалітычных пытаннях Х. Тэльчык, які ўзначальваў дэлегацыю ФРГ, прыводзіць наступныя словы старшыні савецкага ўраду М. І. Рыжкова ад 14 мая 1990 г.: «Ад палітыкі перабудовы залежыць лёс усяго свету. Дапамога для СССР з'яўляецца дапамогай для ўсіх» [11, с. 231]. М.І. Рыжкоў звярнуўся да прадстаўнікоў нямецкай дэлегацыі з канкрэтнымі просьбамі: Савецкаму Саюзу патрэбны тэрміновы крэдыт у памеры 1,5–2 млрд. рублёў, каб умацаваць плацёжаздольнасць краіны; акрамя гэтага, савецкае кіраўніцтва разлічвае да атрыманне ад ФРГ доўгатэрміновага крэдыту ў памеры 15–20 млрд. рублёў. На момант перамоў курс савецкага рубля да заходнянямецкай маркі склаўся 1:1. Як патлумачыў М.С. Гарбачоў падчас размовы з Х. Тэльчыкам 14 мая 1990 г., раней цэнтр цяжару савецкай эканомікі прыходзіўся на цяжкую прамысловасць і абарончы сектар, «зараз жа мы разварочваем яго ў бок вырашэння сацыяльных пытанняў, вытворчасці тавараў масавага спажывання. Натуральна, што ўсё гэта мы хочам зрабіць з найменшай рызыкай. А дзеля гэтага нам патрэбны страхавачныя меры, свайго роду страхавы фонд. Пад ім мы маем на ўвазе ільготны крэдыт ад нашых заходніх партнёраў» [2, с. 2].

У дадзеных перамовах прымалі ўдзел таксама старшыні кіраванняў Дрэздэнскага банку В. Роллер і Нямецкага банку Х. Коппер. Падчас размовы са старшынёй Дзяржаўнай знешнеэканамічнай камісіі Савета міністраў СССР С. А. Сітаранам яны высветлілі інфармацыю аб знешняй запазычанасці СССР на той момант: 6 млрд. рублёў складала запазычанасць перад ФРГ; 5,2 млрд. – перад Японіяй, 4,3 млрд. – перад Італіяй; 3,1 млрд. – перад Францыяй; 2,6 млрд. – перад Аўстрыяй і 1, 5 млрд. – перад Вялікабрытаніяй [11, с. 232].

Х. Тэльчык звярнуў увагу савецкага кіраўніцтва на тое, што ў ФРГ фінансавая падтрымка СССР будзе разглядацца толькі ў рамках агульнага пакету савецка-нямецкіх пытанняў, у тым ліку пытання аб уз'яднанні Германіі. Аднак на той момант М.С. Гарбачоў лічыў найлепшым спосабам вырашэння праблемы роспуск блокаў АВД і НАТА і стварэнне новых структур еўрапейскай бяспекі [2, с. 7]. Такая пазіцыя кіруючых колаў СССР і была выкладзена Х. Тэльчыкам Г. Колю пасля вяртання ў Бонн.

15 мая 1990 г. адбылася размова паміж міністрам замежных спраў Вялікабрытаніі Д. Хэрдам і Г. Колем, у якой заходнянямецкі канцлер выказаў думку, што СССР магчыма, саступіць па пытанню членства аб'яднанай Германіі ў НАТА, калі Захад задаволіць яго эканамічныя інтарэсы. М. С. Гарбачоў, на думку Г. Коля, «будзе старацца сыграць як мага найлепш, але ў выніку, улічваючы свае інтарэсы, пагадзіцца з нашай пазіцыяй» [4, с. 1120]. У размове двух палітыкаў не выключалася таксама магчымасць аказання палітычнага ціску на Савецкі Саюз па пытанню германскага адзіства.

17 мая 1990 г. адбылася размова паміж канцлерам ФРГ Г. Колем і прэзідэнтам ЗША Дж. Бушам. Г. Колю перадаў амерыканскаму лідэру інфармацыю аб цяжкім эканамічным становішчы СССР і выказаў думку, што падтрымка палітыкі рэформ М.С. Гарбачова адпавядала б інтарэсам усяго Захаду. Дж. Буш пагадзіўся з гэтым

сцверджаннем, аднак растлумачыў, што ў сувязі з падзеямі ў Літве і агульным настроем Кангрэсу ён «звязаны па руках і нагах» і не можа аказаць фінансавую дапамогу СССР [11, с. 237].

18 мая 1990 г. адбылася сустрэча М.С. Гарбачова з дырэктарам ЗША Дж. Бэйкерам. Падчас размовы з прадстаўніком амерыканскага кіраўніцтва М.С. Гарбачоў напяркіў ЗША за недавер да аб'яднанай Германіі і імкненне «прывязаць» яе да НАТА, у той жа час савецкі лідэр ясна ўяўляў, што магчымасць ўваходжання аб'яднанай Германіі ў склад АДВ роўна нулю [1, с. 131]. Тым часам кіраўніцтва ФРГ інтэнсіўна распрацоўвала варыянты прадастаўлення крэдыту СССР. 22 мая 1990 г. канцлер Г. Коль у лісце да М.С. Гарбачова выказаў згоду на тэрміновае крэдытаванне савецкай эканомікі ў межах 5 млрд. марак. Аднак узамен Г. Коль чакаў ад савецкага кіраўніцтва ў рамках перамоў «2+4» ўсіх магчымых дзеянняў, якія б садзейнічалі канструктыўнаму вырашэнню зладабдзённых пытанняў у сферы германскага адзінства яшчэ да канца 1990 г. Такім чынам, працягваю канцлер, шлях да падпісання ўсеагульнай дамовы аб супрацоўніцтве паміж СССР і аб'яднанай Германіяй аказаўся б адкрытым [8, с. 1136]. Пытанне аб доўгатэрміновым крэдыце для СССР Г. Коль лічыў неабходным першапачаткова абмеркаваць з 12 краінамі ЕЭС, у арганізацыі сустрэчы якіх пагаджаўся праявіць ініцыятыву [8, с. 1137].

29 мая 1990 г. падчас сустрэчы з супрацоўнікамі Рабочай групы па Германіі пры амерыканскім Кангрэсе Г. Коль яшчэ раз звярнуў увагу на сур'ёзныя эканамічныя праблемы СССР і патрэбу савецкага кіраўніцтва ў замежных крэдытах, якія могуць прадаставіць ЗША, Канада, Японія і Еўропа. ФРГ, у сілу асабістай зацікаўленасці ў найхутчэйшым вырашэнні германскага пытання, займала сярод патэнцыяльных крэдытараў найбольш актыўную пазіцыю. Г. Коль ужо тады не далускаў думкі, што СССР можа сарваць перамоў па германскай праблеме з-за будучага магчымага членства аб'яднанай Германіі ў НАТА [7, с. 1156]. У гэты ж дзень міністр замежных спраў СССР Э.А. Шэварнадзэ ў газете «Известия» паведамаў, што Захад сур'ёзна ставіцца да ўліку савецкіх інтарэсаў па пытаннях бяспекі. Такі пункт погляду Э.А. Шэварнадзэ абгрунтаваў падрыхтаванасцю НАТА да рэфармавання блоку ў палітычным і ваенным накірунках, а таксама да ўліку агульнаеўрапейскіх інтарэсаў бяспекі. Х. Тэльчык успрыняў далезнае выступленне савецкага міністра замежных спраў як падрыхтоўку савецкага грамадства да магчымага ўваходу аб'яднанай Германіі ў склад НАТА [11, с. 252].

8 чэрвеня 1990 г. падчас візіту Г. Коля ў Вашынгтон і размовы з Дж. Бушам, амерыканскі прэзідэнт яшчэ раз абгрунтаваў немагчымасць аказання фінансавай дапамогі СССР з боку ЗША па прычыне літоўскага пытання, а таксама праблемай не выплачаных да таго часу ЗША запозычанасцей з боку царскай Расіі [6, с. 1194]. На наступны дзень, 9 чэрвеня, Г. Коль атрымаў ліст ад М.С. Гарбачова, у якім савецкі лідэр выказаў нямецкаму канцлеру падзяку за гатоўнасць аказаць эканамічную дапамогу СССР і выказаў упэўненасць у тым, што выпрацоўка агульнага кіраўніцтва знешнімі аспектамі аб'яднання Германіі можа быць дасягнута яшчэ да склікання саміту краін ЕЭС [10, с. 1199]. Варта адзначыць, што выпрацоўка агульнага кіраўніцтва знешнімі аспектамі аб'яднання Германіі не магла адбыцца без дасягнення дамовы паміж краінамі «чацвёркі» – ЗША, Вялікабрытаніяй, Францыяй і СССР – па пытанню будучага ваенна-палітычнага статусу ФРГ. Відавочна, што ЗША, Вялікабрытанія і Францыя не збыліся адмаўляцца ад членства аб'яднанай Германіі ў НАТА, што цудоўна разумелі ў Маскве. Такім чынам, савецкае кіраўніцтва фактычна дало згоду на вырашэнне дадзенага пытання па прапанаванай Захадам схеме.

Пасля фактычнай згоды СССР у ліпені 1990 г. на ўваход аб'яднанай Германіі ў склад НАТА, кіраўніцтва ФРГ распрацавала ў жніўні яшчэ адну праграму пастаўкі прадуктаў харчавання ў Савецкі Саюз па ільготнай цане на агульную суму каля 1 млрд. марак [11, с. 355]. У верасні было вырашана паставіць СССР яшчэ 255 тыс. тон мяса і 60 тыс. тон сметанкавага масла. На вывад савецкіх войск з тэрыторыі ГДР і іх размеркаванне ў СССР кіраўніцтва ФРГ выдзеліла 12 млрд. марак і дадаткова прадаставіла савецкай дзяржаве беспрацэнтны крэдыт у памеры 3 млрд. марак. Г. Коль спадзяваўся, што гэтыя меры будуць мець пазітыўнае ўздзеянне на падпісанне Дамовы аб канчатковым урэгуляванні ў адносінах да Германіі [11, с. 361], якое адбылося 12 верасня 1990 г. у Маскве і афіцыйна замацавала дамовы па германскаму пытанню, дасягнутыя ў ліпені таго ж года.

Такім чынам, крэдытны фактар адыграў важную ролю ў змене пазіцыі савецкага кіраўніцтва па германскаму пытанню на працягу лістапада 1989—ліпеня 1990 г. Кіраўніцтва ФРГ змагло ўмела выкарыстаць унутрыпалітычныя цяжкасці савецкай дзяржавы, у першую чаргу эканамічныя праблемы, для вырашэння пытання аб адзінстве Германіі. Разуменчы крытычнасць эканамічнага стану СССР, ФРГ своечасова прапанавала сваю дапамогу, якую, яна ведала, не адхіляць. Дасягненнем заходнегерманскай дыпламатыі стала прывязка эканамічнай дапамогі савецкай дзяржаве з боку ФРГ да палітыкі СССР па германскаму пытанню. У выніку атрымалася, што не савецкае кіраўніцтва вырашала лёс будучай аб'яднанай Германіі, а ўрад ФРГ вырашаў лёс Савецкага Саюзу ў перыяды абвастрэння эканамічнага крызісу ў 1990 г., адначасова атрымоўваючы дывідэнды па германскай праблеме. Асабліва сур'ёзнай з'явілася саступка СССР па пытанню аб будучым ваенна-палітычным статусе аб'яднанай Германіі. Дадзеную саступку можна ўспрымаць як прыняцце аб'ектыўных палітычных рэалій таго часу альбо як вялікую памылку савецкага кіраўніцтва, якая аказалася лёсавызначальнай для савецкай дзяржавы. Увогуле варта адзначыць, што аб'яднанне Германіі прайшло на вельмі выгадных умовах для немцаў. У свой час К. Адэнаўэр і Ф.-Й. Штраус гатовы былі заплаціць за адзінства дзяржавы 300 млрд. марак, у сапраўднасці ж аб'яднанне абышлося ў 12 млрд. марак [11, с. 361]. Праўда, дадзеная лічба не ўключае тыя маштабныя фінансавыя ўліванні, якія ФРГ правяла ў землі ГДР пасля аб'яднання і працягвае праводзіць па сённяшні дзень. Праблема ўнутранага выраўнання аб'яднанай Германіі застаецца актуальнай і сёння.

З геапалітычнага пункту погляду аб'яднанне Германіі садзейнічала распаду СССР, Югаславіі, Чэхаславакіі, аслабленню геапалітычных пазіцый Францыі і Польшчы. Пасля аб'яднання ФРГ пераўтварылася ў адну з найбольш уплывовых дзяржаў у Еўропе і свеце, заняла вядучыя пазіцыі ў міжнародных інстытутах і арганізацыях, такіх як НАТА, ЕС, МБРР, ЕБРР. Асабліва заўважна ўзрасла роль аб'яднанай Германіі ў рэгіёне Цэнтральнай і Усходняй Еўропы (ЦУЕ). Пасля 1990 г. ФРГ паступова фарміруе на тэрыторыі краін ЦУЕ геапалітычную зону з яскрава выражаным нямецкім уплывам, у першую чаргу эканамічнага характару. Разам з тым неадназначнымі застаюцца адносіны ФРГ з ЗША, асабліва па пытаннях знешняй палітыкі на Блізнім Усходзе і ў Афганістане. У сферы еўрапейскай палітыкі ФРГ аддае перавагу супрацоўніцтву з Францыяй, разам з ёй рухаючы наперад палітычную інтэграцыю Еўропы, а разам з тым і паступова пашыраючы сферу свайго ўплыву на Усход і Паўднёвы Усход.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Горбачев, М. С. Как это было: Объединение Германии / М. С. Горбачев. — М.: Вагриус, 1999. — 238 с.

2. Из беседы М.С. Горбачева с Х. Тельчиком 14 мая 1990 года // Архив Горбачев-Фонда. – Фонд № 1. – Описание № 1 [Электронный источник]. – Код доступа: http://www.rodon.org/other/mgigv/1990_8.htm. – Время доступа: 30. 09. 2008
3. Delegationsgespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Präsident Bush Washington, 17. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
4. Gespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Außenminister Hurd Bonn, 15. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
5. Gespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Ministerpräsidentin Prunskiene Bonn, 11. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
6. Gespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Präsident Bush Washington, 8. Juni 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
7. Gespräch des Bundeskanzlers Kohl mit Vertretern der Studiengruppen über Deutschland des amerikanischen Kongresses Bonn, 29. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
8. Schreiben des Bundeskanzlers Kohl an Präsident Gorbatschow Bonn, 22. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
9. Schreiben des Bundeskanzlers Kohl an Staatspräsident Mitterrand Bonn, 23. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
10. Schreiben des Präsident Gorbatschow an Bundeskanzler Kohl 9. Juni 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.
11. Teltschik, H. 329 Tage: Innenansichten der Einigung / Horst Teltschik. – Der Goldmann Verlag, 1993. – 381 s.
12. Vorlage des Ministerialdirektors Teltschik an Bundeskanzler Kohl. Bonn, 8. Mai 1990 Dokumente zur Deutschlandpolitik. Deutsche Einheit (Sonderedition aus den Akten des Bundeskanzleramtes 1989/90). – München, R. Oldenbourg Verlag, 1998. – 1667 s.

ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ПРЕДВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.

Ковалёва Н.Н.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

Советское государство конца 20–30-х гг. XX в., когда оформился и укрепился авторитарно-тоталитарный режим, являло собой образец страны, где идеология не возникала стихийно, а формировалась и внедрялась в массы путём активной идеологической работы. Здесь действительно слово пропаганда (лат. *propaganda* (дословно) — «подлежащая распространению (вера)», от лат. *propago* — «распространяю») означало распространение идей, и идеология определяла пропаганду, в то время как в большинстве демократических государств уже возникли новые отношения между идеологией и пропагандой.

Целенаправленное воздействие на сознание масс с помощью пропаганды было возможным и эффективным при том типе политической культуры, который сложился в СССР: тоталитарный тип, либо, как определяют некоторые исследователи, «подданическая» политическая культура. Тоталитарный тип, как правило, основывается «на культе борьбы, используемом в качестве универсального метода в решении и созидательных, и разрушительных задач, ориентации на конфронтацию... и воспитание таких качеств, как нетерпимость к малейшему инакомыслию» [1, с. 100]. Этим объясняется широкое использование в пропагандистской работе негативно окрашенных идеологием («враг», «фашизм», «фашистские государства»), наряду с позитивно окрашенными («новое общество», «светлое будущее»). Идеологема (как трактует философский словарь) – это политический термин, часть какой-либо идеологии, элемент идеологической системы, не имеющий строго определённого значения. Её значение меняется в соответствии с политической прагматикой. Идеологема всегда эмоционально окрашена, легко запоминается и создаёт иллюзию понимания у объекта манипуляции.

Центральная идеологема советской пропаганды – «враг» – после официально принятого коммунистической партией курса на построение социализма в одной отдельно взятой стране применялась по отношению ко всем противникам этой идеи, как внутри страны, так и за её пределами. Причем, враги традиционно подразделялись на внутренних (представители бывших привилегированных классов) и внешних (мировая буржуазия, фашисты, империализм). Понятие внешнего врага трактовалось достаточно широко: сюда включались все государства, организовавшие интервенцию против Советской России в 1918–1922 гг., и государства, которые чисто гипотетически могли иметь какие-то претензии к СССР.

Вероятность и даже неизбежность войны с капиталистическими странами была характерной чертой массового сознания советского общества межвоенного периода. Известный писатель Лион Фейхтвангер в книге «Москва 1937», делая попытку анализа настроения советских людей, отмечает, что «в Советском Союзе каждый на все сто процентов уверен в предстоящей в ближайшем будущем войне» [2, с. 58]. Уверенность советских граждан в неизбежности войны базировалась на сформированном пропагандой представлении о том, что ярую ненависть капиталистических государств к Советскому Союзу вызывают его неоспоримые успехи на пути строительства нового общества. «Уже одно растущее с каждым днём процветание нашей страны, говорят советские люди, является таким очевидным опровержением всех фашистских теорий, что фашистские государства должны, если хотят сами жить, нас уничтожить» [2, с. 58]. В подобном утверждении явно прослеживается сложившееся в массовом сознании представление о причинах возможной войны, её вероятном классовом характере и гипотетической противнике (враге), каковым будут «фашистские государства».

«Фашизм» – самая популярная идеологема советской пропаганды предвоенного времени. Значение этого понятия менялось многократно. Впервые термин фашизм появился в советской пропаганде летом 1922 года и использовался для обозначения идеологии сторонников Муссолини в Италии, называвших себя «фашистами». Однако в конце того же года идеологема «фашизм» была использована советскими пропагандистами для характеристики неитальянских антикоммунистических движений в европейских странах. На протяжении 1920-х годов данный политический термин употребляется в советских газетах для обозначения самого широкого спектра сил: от НСДАП в Германии до европейских социал-демократов («социал-фашистов», как их называли). Тезис об «объективном тождестве социал-демократии и фашизма», по крайней мере, умеренного крыла фашизма, был оправданием не столько подавления

оппозиция внутри Коминтерна и превращения его в агентурную сеть агитпропа и разведки СССР, сколько разрыва с западными левыми политическими организациями, интеллектуальными течениями, прежде всего — социалистическими движениями, оправданием освобождения советской партийной верхушки от внешнего контроля и критики (с позиций, пусть и остаточных, но все же норм европейской политической культуры) [3]. В 1933 году понятие «фашизм» синонимизируется с гитлеровским режимом в Германии, который, в отличие от режима Муссолини, был расистским. Однако идеологема продолжает использоваться и для характеристики других враждебных СССР режимов: Польша, Финляндия и пр.

Интересно, что до XVII съезда ВКП (б) (1934 г.), на котором об опасности, исходящей от фашистской Германии, открыто говорит только опальный Бухарин, и до VII конгресса Коминтерна (1935 г.), где новое определение фашизма прозвучало в речи Георгия Димитрова, в советской пропаганде отсутствовало чёткое определение потенциального врага. Считалось, что опасность для СССР представляют все капиталистические государства. Вступление СССР в Лигу Наций (1934 г.), предпринятая им попытка создания системы коллективной безопасности и, соответственно, сближение с некоторыми капиталистическими государствами (Францией, Чехословакией) привело к пониманию необходимости разграничения государств фашистских, от которых исходит реальная опасность, и прочих капиталистических государств.

Во второй половине 1930-х годов политический термин «фашизм» использовался и для характеристики «внутренних врагов» — подсудимых на «Московских процессах». Можно вспомнить и об обвинениях в адрес национал-демократов в БССР, которые в конце тридцатых годов получили новые сроки тюремного заключения и были представлены как фашистские агенты. Таким образом, к концу 1930-х годов идеологема «фашизм» стала универсальной. По отношению к одним и тем же силам идеологема могла в одно время применяться, а в другое — не применяться. Так, понятие «фашизм» исчезло из советской публицистики на время действия Договора о ненападении между СССР и Германией (август 1939—июнь 1941 гг.).

Безусловно, для СССР победа в Великой Отечественной войне была, в значительной степени, победой моральной, победой духа народа, ставшего источником массового героизма. В этой связи можно говорить об эффективности работы советской пропагандистской машины. Действительно, даже сам расплывчатый, упрощённый характер трактовок идеологом «враг», «фашизм» помогал формированию в советском обществе необходимого патриотического настроения. «Массовым же адресатом пропаганды на всем протяжении существования советского государства были зависимые от власти группы населения с ограниченными социальными, культурными и интеллектуальными ресурсами, испытывающие информационный дефицит (или, точнее, пребывающие в информационном вакууме). Это не было всё население, а лишь относительно образованная, городская его часть, которой могли быть доступны и как-то понятны искусственные риторические композиции пропаганды [3]. Число грамотных в Советском Союзе к 1939 г. (с высшим, средним и неполным средним образованием, т. е. людей, способных не только читать, но и понимать прочитанное) не превышало 8% [4]. На них и были ориентированы газеты и литературные произведения, подвергшиеся предварительной цензуре. Государство административно контролировало процесс публикации книг, цензоры бдительно выявляли идеологическую направленность произведений. В советской литературе враг (пускай даже это человек сомневающийся, или просто растерявшийся) ни в коей мере не мог быть главным героем, а только фоном для изображения героев положительных, строителей нового общества. В лучших детских книгах предвоенного времени В.А. Каверина «Два капитана», А.П. Гайдара «Тимур и его команда» исключительно привлекательно рисуются герои, которые, как Тимур, являются решительными и смелыми, патриотами, любят

Красную Армию, оказывают помощь семьям призванных в армию красноармейцев. Им, как правило, противостоят шпионы и вредители, в отношении которых герои проявляют бдительность, раскрывают их коварные замыслы и т.д. [5, с. 15].

Главными формами пропагандистской работы среди населения, имеющего низкий образовательный уровень, становились средства массовой информации, иллюстративного характера (плакаты, кинофильмы, мультипликационные фильмы). Здесь враг представлялся, как правило, в гипертрофированно карикатурном виде, с неприятными или комическими чертами. В нём не было ничего возвышенного, демонического. Человеческая «ничтожность» врага должна была по контрасту возвысить образы позитивных персонажей.

В плакате и в карикатуре это было доведено до предельного буквализма. Упор делался на отличие размеров своего и чужого, сопоставление светлого и тёмного: мускулистая рука рабочего разбивает цепи капиталистической эксплуатации; громадный белый пароход (аллегорическое изображение строительства нового) раскидывает и топит черные силуэты маленьких кораблей с выпрыгивающими из них фигурками капиталистов, генералов и попов [3]. Враги чаще всего представлялись в образе монстров: извергов, чудовищ, для описания которых использовались архаические семантические элементы (змеи, насекомые, особенно – пауки, обитатели болот, подземного мира).¹

Конечно, мир советской пропаганды был крайне формалистичным, шаблонным, условным. Это был, как сегодня сказали бы, виртуальный мир официальных мифов, ритуалов солидарности, организованной коллективной ненависти, борьбы и изгнания демонов. Жёсткий партийный контроль за литературным и художественным творчеством со стороны вышестоящих инстанций неизбежно порождал примитивизм, схематизм и безжизненность. Многие произведения не отличались оригинальностью, в них беззастенчиво клишировались образы врагов и положительных персонажей, поэтому были скучны и неинтересны. Однако уже получившие изначально положительную оценку в верхах и поэтому подлежащие обязательному изучению (восхищению, принятию в качестве образцов для подражания и т.д.), они становились обязательной составной частью социального ритуала поиска и изгнания врагов. Соглашаясь с тем, что пропаганда всё больше становилась формальной, нельзя отрицать её эффективности, как важнейшего средства идеологической деятельности. Действенность советской пропаганды напрямую проявилась в подготовленности советского общества к войне.

Действительно, для современного человека основные приёмы и средства советской пропаганды предвоенного времени выглядят достаточно примитивными. Однако наша задача заключается в оценке эффективности деятельности советской пропагандистской машины по подготовке страны к отражению возможной агрессии. Думается, что внедрение всеми возможными способами в массовое сознание идеологом «враг», «фашизм» (при достаточно широкой и меняющейся трактовке сути этих понятий) содействовало:

1) формированию у советских людей (причём, у различных групп населения) чувства ненависти к врагу, желания истреблять его до его полного уничтожения, что стало источником массового героизма. В Великой Отечественной войне, где столкнулись две противоположные идеологические системы, как ни в какой другой, победа определялась состоянием морального духа советских людей, их волей к победе. Говоря словами В.И. Ленина, «Во всякой войне победа, в конечном счете, обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь» [6, с. 25];

¹ См. приложение: плакаты из книги: «Кудин П., Ломов Б., Митькин А. Психология восприятия и искусство плаката. – Москва: «Плакат», 1987».

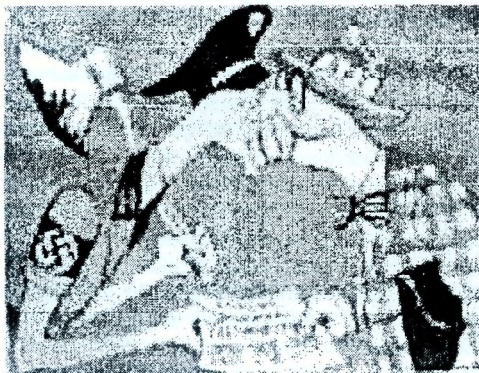
2) помогло советскому руководству решить ряд внешнеполитических задач (присоединение западно-белорусских, западно-украинских, прибалтийских территорий, проведение войны с Финляндией), умело расширив трактовку идеологемы «врага», включив туда в нужный момент и «белофиннов» и «белополяков», при этом получив одобрение советских людей и не вызвав раскола в обществе;

3) дало возможность руководству в послевоенный период легко произвести трансформацию общественного сознания, заменив сформированное в годы войны восприятие Великобритании и США в качестве союзников, на их трактовку в качестве врагов в холодной войне.

Вместе с тем, расплывчатость трактовок «врага» и «фашизма» небезосновательно рождало у руководства западных государств (Великобритании, США, Франции и др.) недоверие к Советскому Союзу, что, в определённой степени, помешало их сближению с СССР и снижало потенциальную возможность предотвращения войны. Негативную роль, в своё время, сыграло и включение в разряд фашистов европейских социал-демократов, что воспрепятствовало своевременному формированию народных фронтов и созданию, тем самым, надёжного щита против распространения фашизма.

Список цитированных источников и литературы

1. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства: мировоззренческие ценности и стратегические приоритеты. Учебно-методическое пособие для высших учебных заведений. – Минск. РИВШ БГУ, 2003.
2. Лион Фейхтвангер. – Москва, 1937. (Репринтное воспроизведение издания 1937 года – Талин, 1990.)
3. Гудков, Лев. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. Авторский сборник. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/gudkov1.htm> .
4. Грамотность населения СССР по данным переписей 1926, 39 и 89 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://abcdefgh.livejournal.com/1072373html>. – Дата доступа: 24.09. 2010.
5. Фатеев, А.В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР (1930–1950 гг.). – М., 2007. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/detlit.htm> – Дата доступа 20.09.2010.
6. Цитируется по книге: Д. А. Волкогонов. Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания. – М.: Воениздат, 1983.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Косов А.П.

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
г. Витебск

Изучение внешней политики США на Ближнем Востоке в годы «холодной войны» занимает заметное место в российской историографии международных отношений и внешней политики. Данной проблематике посвящены многочисленные монографии и статьи, выполненные в Институте США и Канады РАН, Институте мировой экономики и международных отношений РАН, Институте востоковедения РАН и т.д. Исследованию различных аспектов ближневосточной политики США: месту региона в американском внешнеполитическом курсе, роли США в арабо-израильском конфликте, советско-американскому противостоянию на Ближнем Востоке и т.д., посвятили свои работы К.Н. Брутенц, И.Д. Звягельская, О.А. Колобов, Д.Б. Малышева, Г.И. Мирский, Е.М. Примаков, А.И. Уткин, А.Ю. Шумихин и многие другие.

В современной российской литературе существуют различные оценки ближневосточной политики США в годы «холодной войны». Однако подавляющее большинство исследователей полагает, что курс США в регионе был подчинен решению глобальных задач по укреплению американского влияния в мире. По этой причине Ближний Восток и был объявлен зоной национальных интересов Вашингтона. Важную роль играло, по мнению многих авторов, и американско-советское соперничество на Ближнем Востоке, так как противодействие СССР лежало в концептуальной основе ближневосточной политики Соединенных Штатов.

В современной российской историографии общепризнанной является точка зрения, что в свое время «уход» Великобритании из района Персидского залива послужил поводом для появления на Западе так называемой теории «вакуума», т.е. отсутствия гарантии безопасности бесперебойным поставкам нефти западным странам. На базе этой теории и стала строиться вся внешнеполитическая деятельность США и государств НАТО применительно к Персидскому заливу. Как известно, теория «вакуума» в качестве одной из своих главных составных частей предполагала наличие реальной угрозы со стороны Советского Союза стратегическим интересам Запада в этом районе якобы ввиду стремления СССР установить контроль над нефтяными месторождениями и над поставками нефти из района Персидского залива. По мнению российских авторов, именно это утверждение о необходимости воспрепятствовать захвату Советским Союзом ближневосточных источников нефти явилось основным аргументом, призванным оправдать наращивание прямого и косвенного военного присутствия США в районе Персидского залива и на подходах к нему. По этой причине во многих российских работах ближневосточная политика США оценивается весьма критично. В частности, утверждается, что США, начав активно вовлекаться в дела этого региона, искусственно нагнетали напряженность, используя для этого фальшивые тезисы о «советской угрозе» и «вакууме безопасности» для стран Запада. Например, это характерно для работ академика Е.М. Примакова, который в своих исследованиях довольно жестко раскритиковал действия американцев на Ближнем Востоке, полностью оправдывая ближневосточную политику Москвы [16]. Профессор Г.И. Мирский из ИМЭМО РАН был не столь однозначен в оценках двух сверхдержав на

Ближнем Востоке. Более того, с его точки зрения, значение Ближнего Востока, как в США, так и в СССР всегда несколько преувеличивалось. Согласно ему, стратегическая важность региона была бесспорна, но не сверхважна [12, с. 30]. Тем не менее, Ближний Восток на протяжении 40 лет был важной ареной противоборства двух сверхдержав. Правда, как отмечали российские авторы, в первые послевоенные годы в системе внешнеполитических приоритетов американской администрации Г. Трумэна район Ближнего и Среднего Востока занимал далеко не главное место.

Большинство современных исследователей России сходятся в том, что политика США в регионе в годы «холодной войны» была жесткой и бескомпромиссной [14; 17]. Американцы не желали давать СССР легитимное основание для присутствия на Ближнем Востоке. Как подчеркивал востоковед Г.И. Мирский, Соединенные Штаты стремились заменить Англию и Францию в качестве доминирующей западной державы в регионе, а также поставить преграду вероятной советской экспансии, создать плацдарм у южных границ СССР [12, с. 30]. Точки зрения о послевоенном соперничестве США и Великобритании за влияние в регионе, в результате которого победителем вышла Америка, придерживался и профессор Томского госуниверситета М.Я. Пеллипас [14]. По его мнению, именно становление ближневосточного направления американской внешней политики в первое послевоенное десятилетие проходило с наибольшими трудностями. В значительной степени это объяснялось сложностью политической обстановки в самом регионе. Согласно М.Я. Пеллипасу, значение ближневосточного региона в системе внешнеполитических приоритетов США возрастало по мере развития экономической и военно-политической интеграции Европы и завершения оформления раздела этого региона на сферы влияния США и Советского Союза [14].

В свою очередь СССР также стремился расширить плацдармы противоборства с Западом, в том числе и за счет активизации действий в данном регионе. Об этом прямо написал в своей книге мемуаров бывший первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС, советник президента СССР К.Н. Брутенц [2, с. 299]. При этом российские исследователи по-разному расставляли акценты во внешнеполитических стратегиях сверхдержав. Так, согласно Г.И. Мирскому, когда речь шла о стратегическом значении Ближнего Востока для США и об американской стратегии в этом регионе, то под словом «стратегия» подразумевалась в первую очередь нефть [12, с. 32]. В Советском Союзе же, как считал К.Н. Брутенц, не существовало никакой стратегии окружения нефтедобывающих стран и контроля энергетических источников Ближнего Востока [2, с. 334]. В конечном итоге, США сумели выиграть у СССР геополитическую схватку в регионе Ближнего Востока. По мнению К.Н. Брутенца, сделали они это только «благодаря запасу прочности своей системы, но не политике, которая не была ни мудрее, ни проницательнее, ни профессиональнее, чем советская» [2, с. 383].

А.Ю. Шумихин из Института США и Канады РАН достаточно объективно оценил ближневосточную политику США в годы «холодной войны». С точки зрения исследователя, Ближний Восток привлек к себе внимание Америки по целому ряду взаимосвязанных причин: геостратегических, экономических, идейно-политических [18, с. 35]. Ученый назвал три категории интересов США в данном регионе: недопущение советского влияния в регионе, заинтересованность в доступе к нефтяным ресурсам, обеспечение выживания Израиля [18, с. 36]. Однако, по словам А.Ю. Шумихина, между этими интересами существовали определенные противоречия: ориентация на Израиль неизменно тормозила развитие отношений с нефтедобывающими арабскими странами. Поэтому возникла специфическая формула, объединившая эти интересы, определившая баланс между ними и не допускавшая полного игнорирова-

ния одного компонента заинтересованности в пользу любого другого. Для этого Вашингтон устанавливал преференционные отношения с национальными движениями и националистическими силами [18, с. 36]. Основным критерием тех или иных отношений США с национальными или религиозными движениями на Ближнем Востоке были соображения геостратегической выгоды и возможность осуществлять определенный контроль над местными процессами и вовлеченными в них силами [18, с. 39]. При этом А.Ю. Шумихин подчеркнул, что в число «радикалов» попадали все те, кто, как правило, выступал против США. Во многих случаях не имело значения, насколько было демократично или «модернизировано» местное общество. Например, участие в антиизраильской коалиции давало достаточно оснований для включения режима в число «радикалов». В зависимости от изменения ориентации внешнеполитического курса местные режимы во внешнеполитической стратегии США могли переходить из категории «радикальных» в «умеренные» и наоборот. Такая схема позволяла американским политикам в своих интересах более гибко подходить к сотрудничеству с авторитарными и тоталитарными режимами [18, с. 42].

По мнению многих ученых, израильская политика США полностью соответствовала интересам США в регионе. Например, Г.И. Мирский считал, что обеспечение безопасности Израиля уже много лет относится к категории внешнеполитических, двухпартийных приоритетов Соединенных Штатов [12, с. 39]. Другие исследователи (например, профессор Нижегородского госуниверситета О.А. Колобов), наоборот, отмечали, что израильская ориентация, развитие «особых» американо-израильских отношений противоречили национальным интересам США и были навязаны американскому руководству израильским лобби в Америке [7]. Автор указал на наличие «оси Тель-Авив-Вашингтон», которая объединила в единое целое всю совокупность разнообразных интересов США и их союзников на обширной территории к востоку и западу от Суэца [8, с. 31]. В целом, по его словам, динамика интересов США в ближневосточном регионе полностью соответствовала экономическому росту американского империализма и усилению политического влияния США в глобальном масштабе [8, с. 33].

Значительное внимание в российской историографии уделяется роли США в перманентном арабо-израильском конфликте. По мнению известного советского дипломата Г.М. Корниенко, действия США в арабо-израильских войнах были направлены на недопущение поражения Израиля, а при благоприятном исходе военных действий для еврейского государства американцы, наоборот, хотели быть единственным «спасителем» арабов от полного разгрома и обеспечить себе решающую роль в ближневосточном урегулировании, отодвинув СССР в сторону [9, с. 205].

О.А. Колобов выразил мнение о том, что политика США по отношению к арабо-израильскому конфликту к началу 1990-х гг. себя исчерпала. В качестве главных причин данного состояния он называл преимущественную ставку Белого дома на Израиль в ущерб взаимоотношениям с арабским миром, стремление США и Израиля обойти справедливое решение судьбы палестинцев и т.д. [8, с. 159].

С точки зрения востоковеда В.П. Юрченко, события 1980-х гг. в зоне Персидского залива были выгодно использованы Вашингтоном в интересах упрочения своих военно-политических позиций в регионе, превращения США в своего рода покровителя аравийских монархий [19, с. 7].

Важное место в ближневосточной политике США занимала Саудовская Аравия. Согласно В.П. Юрченко, США, несмотря на известные противоречия в двусторонних отношениях, отводили королевству особое место в деле укрепления своих политиче-

ских, военных и экономических позиций на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия считалась полезным партнером в американской политике с точки зрения политического, религиозного и нефтяного влияния в арабском и исламском мире [19, с. 15]. На протяжении 1974–1985 гг. Саудовская Аравия, поддерживая США, наносила удары по Советскому Союзу и советским интересам там и тогда, где и когда это, в силу каких-то обстоятельств, не могли сделать сами Соединенные Штаты. Антисоветский «джихад» в Афганистане – наиболее известный, но не единственный тому пример. Отдельными российскими авторами также обращается внимание на тот факт, что в 1985 г. саудовское королевство подтолкнуло Советский Союз к краху, обрушив мировые цены на нефть [6].

Достаточно большое внимание российские авторы обращают на взаимоотношения США и Египта. По мнению российских авторов, особый характер двусторонние отношения между Каиром и Вашингтоном приобрели в 1950-е гг., когда египетская республика встала перед выбором: на чьей стороне быть в разгар «холодной войны». Около двух десятилетий Египет был одним из самых дружественных государств для СССР на Востоке и врагом союзника США – Израиля, что в свою очередь предопределило конфронтационный характер отношений Каира с Вашингтоном [10, с. 26]. В российской историографии общепринятым является мнение о том, что со второй половины 1970-х гг., особенно после заключения в 1979 г. мирного договора между АРЕ и Израилем, начинается тесное политическое и военное сближение Египта и Соединенных Штатов. Как известно, поворот в отношениях между Каиром и Вашингтоном произошел при президенте АРЕ Анваре Садате (1970–1981 гг.). В 1974 г. были восстановлены дипломатические отношения между двумя странами. В результате, Каир становится одним из главных стратегических партнеров Вашингтона на Ближнем Востоке [10, с. 26; 19, с. 17].

По мнению А. Игнатенко, осознанной заявкой на особую роль в «холодной войне», составившей на тот момент основное содержание мировой политики, стала исламская «революция» 1978–1979 гг. в Иране. С его точки зрения, «исламская «революция» позиционировала себя как противостоящую «Большому Сатане» – Соединенным Штатам и «Малому Сатане» – Советскому Союзу. Ранжирование «Сатан» по размеру имело целью определить приоритеты. «Большой Сатана» был главным противником быстро клерикализирующегося Ирана, а «Малый Сатана» мог и подождать» [6]. Кроме того, во многом именно после падения в Иране шахского режима, который Вашингтон рассматривал как охранника «стратегических интересов» Запада в районе, американская администрация взяла курс на расширение своего прямого военного присутствия в самых разнообразных формах в зоне Персидского залива.

Некоторые исследователи обратились к другой актуальной теме – афганской политике США. Так, М.Р. Арунова проследила особенности и специфику американской политики в этом важном регионе мира в 1945–1980-х гг. Она подчеркнула тот факт, что «афганская» политика Вашингтона в течение всего послевоенного периода строилась с учетом советско-американского соперничества за сферы влияния. По ее мнению, свое главное внимание, начиная с первого послевоенного десятилетия, США уделяли Ирану, Пакистану и Саудовской Аравии. Что касается непосредственно афганской политики, то и до, и после Второй мировой войны она являлась составной частью общей внешнеполитической линии, проводившейся Белым Домом в регионе [1, с. 6]. Согласно М.Р. Аруновой, долгие годы Соединенные Штаты стремились вовлечь Афганистан в свою блоковую политику на Среднем Востоке и в Южной Азии. Вместе с тем пока кабульские власти проводили довольно взвешенный курс, основанный на принципах нейтралитета и неприсоединения, Вашингтон не проявлял здесь особой активности [1, с. 53]. Однако свержение старого режима и активное втягивание Совет-

ского Союза во внутриафганские дела, кульминацией которого стал ввод советских войск в Афганистан в 1979 г., вызвали у США серьезное беспокойство. Американцы не могли допустить потери стратегического афганского плацдарма, что явилось бы крупным геополитическим поражением Вашингтона [1, с. 3]. Поэтому самым важным и имевшим далеко идущие последствия направлением деятельности Вашингтона на афганском направлении после ввода в Афганистан советских войск явилась активная работа по организационно-политическому оформлению исламской оппозиции и оказанию ей массивированной финансовой и военной помощи [1, с. 53]. Таким образом, в годы «холодной войны» политика США в отношении Афганистана определялась прежде всего его военно-стратегическим положением, территориальной близостью к СССР [1, с. 6].

Майкопский историк А.С. Иващенко, проанализировав политику Вашингтона в отношении Афганистана после апрельского военного переворота 1978 г., придерживается традиционной версии о том, что афганская проблема, возникнув вначале как чисто региональная, оказала значительное влияние на весь комплекс международных отношений и, особенно, на отношения Восток – Запад. Ученый разделяет распространенную точку зрения о том, что именно афганский вопрос подвел черту под периодом разрядки и максимально обострил отношения между США и СССР. По его мнению, причинами эволюции политики США в отношении Афганистана явилось изменение регионального баланса сил в Юго-Западной Азии после иранской революции 1979 г. не в пользу США, интенсивное сближение СССР и ДРА, а также стремление Вашингтона показать на примере Афганистана странам «третьего мира», что выбор социалистического пути развития не является закономерным и обязательным [5, с. 82]. Кроме того, исследователь пишет, что в определенной мере активизации вмешательства США во внутренние дела Афганистана послужили аналогичные действия СССР в отношении ДРА [5, с. 81].

Большое внимание российских исследователей привлекла война в Персидском заливе 1990–1991 гг. [3; 11]. В современной литературе истоки и результаты первой войны в Заливе оцениваются неоднозначно. Например, профессор А.И. Чичеров назвал войну в Персидском заливе порождением «холодной войны» [13, с. 46]. В исследованиях начала 1990-х гг., несмотря на отдельную критику Вашингтона, часто встречаются довольно благожелательные оценки действий международной коалиции против Ирака под руководством США [13; 15]. Затем оценки действий США в этой войне у отдельных авторов стали приобретать все более критичный характер. Во многом причиной таких трактовок в российской историографии стали действия США в постбиполярном мире по утверждению своего миропорядка.

По мнению многих исследователей, обратившихся к изучению событий в Заливе, именно нефть лежала в основе возникшего в середине 1990 г. кризиса в Персидском заливе. Неслучайна, с их точки зрения, и роль США, которые стремились укрепить свои военно-политические позиции в регионе и обеспечить себе льготный режим в торговле с нефтедобывающими странами [15, с. 5]. Кроме того, как подчеркивает ряд авторов, Вашингтон стремился в ходе операции «Буря в пустыне» утвердиться в роли «первой страны мира», закрепиться на Ближнем Востоке и изжить последствия так называемого вьетнамского синдрома [13, с. 56-57; 15, с. 38]. Однако, как отмечал И.М. Попов, полный разгром Ирака не отвечал интересам США, потому что это могло привести к резкому изменению военно-политической обстановки в регионе в пользу Ирана [15, с. 13].

С точки зрения профессора Б.Н. Занегина, война в Персидском заливе, начатая в качестве повода для защиты Кувейта от оккупации Ираком, в действительности была

развязана США для того, чтобы взять под достаточно жесткий контроль военно-политическую ситуацию в регионе и, таким образом, обеспечить бесперебойное, свободное от колебаний в международно-политической и экономической конъюнктуре поступление энергетического сырья [4, с. 24].

Таким образом, в современной российской историографии отчетливо просматривается огромный интерес исследователей к внешней политике США на Ближнем и Среднем Востоке в годы «холодной войны». Авторы с разных позиций (кто благосклонно, но большинство критично в отношении действий Америки) попытались представить свои оценки этой политики, показать причины американской заинтересованности в регионе, проанализировать американскую стратегию и т.д.

Список цитированных источников и литературы

1. Арунова, М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. (краткий очерк) / М.Р. Арунова; Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, Ин-т востоковедения РАН. – М., 2000. – 128 с.
2. Брутенц, К.Н. Тридцать лет на старой площади. Мемуары / К.Н. Брутенц. – М.: Международные отношения, 1998. – 568 с.
3. Война в Персидском заливе / Э.П. Байков [и др.] ; редкол.: С.А. Богданов (рук. авт. коллектива). – М.: Воениздат, 1993. – 271 с.
4. Занегин, Б.Н. США в региональных конфликтах: малые войны и большая политика / Б.Н. Занегин // США – Канада: экономика, политика, культура. – 1999. – № 8. – С. 20–29.
5. Иващенко, А.С. Эволюция политики США в Афганистане в 1979 г. / А.С. Иващенко // США – экономика, политика, идеология. – 1994. – № 4. – С. 74–82.
6. Игнатенко, А. Холодная война, вид с Востока / И. Игнатенко // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 25.06.2009. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovostka/Holodnaya-voina-vid-s-Vostoka>. – Дата доступа: 3.10.2009.
7. Колобов, О.А. Политика США по отношению к Израилю и арабским странам на рубеже 80–90-х годов XX века / О.А. Колобов. – Н. Новгород: изд-во НГУ, 1995. – 177 с.
8. Колобов, О.А. Соединенные Штаты Америки и проблема Палестины / О.А. Колобов. – Н. Новгород: Изд-во НГУ, 1993. – 226 с.
9. Корниенко, Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника / Г.М. Корниенко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 415 с.
10. Мамед-заде, П.Н. Египет – США: развитие отношений в начале XXI в. / П.Н. Мамедзаде // Современный исламский Восток и страны Запада / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; отв. ред. М.Р. Арунова, А.О. Филоник. – М., 2004. – С. 26–45.
11. Маначинский, А.Я. Операция «Буря в пустыне»: итоги и последствия / А.Я. Маначинский, В.Н. Чумак, Е.К. Пронкин // Военная мысль. – 1992. – № 1. – С. 88–92.
12. Мирский, Г.И. Ближний Восток и политика США / Г.И. Мирский // США – экономика, политика, идеология. – 1998. – № 3. – С. 30–43.
13. Некоторые уроки войны в Персидском заливе: материалы дискуссии за «круглым столом». Апрель 1991 г. / Центр международных и военно-политических исследований Российско-американского ун-та; под общ. ред. Л.В. Степанова, А.И. Чичерова. – М., 1992. – 64 с.
14. Пелипась, М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. / М.Я. Пелипась. – Томск: изд-во Томского ун-та, 2003. – 364 с.
15. Попов, И.М. Буря в пустыне / И.М. Попов. – М.: Знание, 1992. – 45 с.
16. Примаков, Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е.М. Примаков. – М.: Российская газета, 2006. – 384 с.

17. Шенин, С.Ю. США – третий мир: у истоков новых отношений (история «пункта-4». 1949–1953) / С.Ю. Шенин. – Саратов: изд-во Саратовского ун-та, 1997. – 191 с.
18. Шумихин, А.Ю. США и Ближний Восток: эволюция взглядов и политики / А.Ю. Шумихин // США – экономика, политика, идеология. – 1997. – № 4. – С. 35-46.
19. Юрченко, В.П. Военно-политическая составляющая отношений государств Ближнего Востока и Северной Африки с США и Западной Европой / В.П. Юрченко // Современный исламский Восток и страны Запада / Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока; отв. ред. М.Р. Арунова, А.О. Филоник. – М., 2004. – С. 4–25.

КАМЕНЕЦКИЙ РАЙОН БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Кудрицкая Е.Г.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

На северо-западе Брестской области расположен Каменецкий район. Ни одна война не обошла стороной земли Каменетчины, и Великая Отечественная 1941–1945 гг. не стала исключением. До сих пор сложно подсчитать количество погибших воинов и мирных жителей на территории района, но их мужество, стойкость и героизм приблизили разгром немецко-фашистских агрессоров. Нацистские лидеры формулировали главную цель и характер войны против СССР еще задолго до нападения. Главный идеологический враг – это «советско-большевистский режим».

К середине июня 1941 года к границам СССР было стянуто 190 фашистских дивизий, а также войска сателлитов Германии. Огромная армия в 5,5 миллионов солдат и офицеров, оснащенная 3712 танками, 47260 орудиями и минометами, имевшая громадный воздушный флот из 4950 самолетов, готовилась к удару.

Каменецкий район в его современных границах входил в полосу действий 4-й армии фельдмаршала фон Клюге, входившую в группу армии «Центр», которая в первые дни войны наступала по направлению Брест – Пружаны – Барановичи. Территорию Высоковского и Каменецкого районов прикрывали заставы 17-го пограничного отряда. На границе возводились доты 62-го укрепрайона. Были подготовлены Волченский и Семягичский (ныне территория Польши) участки. Здесь имелось по 4 - 6 дотов, уже готовых к бою. Оружие и личный состав были переведены из Мозырьского укрепрайона. Слабой стороной было отсутствие связи гарнизонов, дотов между собой и полевыми частями. В районе г. Высокое имелся полевой аэродром, на который перед самой войной был переброшен штурмовой авиаполк. Он имел самолеты устаревших конструкций и только две новейшие машины «Ил-2». В районе Высокое – Волчин – Каменец дислоцировалась 49-я Краснознаменная стрелковая дивизия. Она была сформирована в городе Старая Русса осенью 1939 года, участвовала в войне 1939–1940 гг., а затем была переброшена в западную Белоруссию. К началу войны дивизия была полностью укомплектована, вместе с тем значительную часть личного состава составляли молодые воины, еще не имевшие должной военной подготовки. Дислокация частей дивизии на 15 мая 1941 г. была следующей: 1) штаб дивизии – в г. Высокое, здесь же рота регулировщиков и военная прокуратура; 2) 15-й стрелковый полк – д. Вулька и здесь же 121-й противотанковый артдивизион; 3) 212 - й стрелковый полк – ст. Нурец; 4) 222-й стрелковый полк – г. Черемха; 5) 31-й легкий артиллерийский полк и штабная батарея начальника дивизии – фольварк Александрия;

6) 166-й гаубичный полк – д. Малейчицы; 7) 291-й отдельный зенитный артдивизион – д. Клюковичи, там же авторемонтная мастерская; 8) 91-й отдельный разведбатальон – п. Семятичи; 9) 79-й отдельный батальон связи – д. Марьяны; 10) 1-й отдельный саперный батальон – д. Зводы; 11) 85-й медсанбат и 132-й взвод дегазации – д. Королин; 12) 85-й отдельный батальон – д. Токари. Одно из тыловых подразделений дислоцировалось в д. Ратайчицы. Командовал 49-й стрелковой дивизией полковник К.Ф. Васильев. Анализ оперативных документов группы армий «Центр», относящихся к 22 июня 1941 г., показывает, что в полосе обороны 49-й стрелковой дивизии действовали пять пехотных дивизий противника: 78-я, 131-я, 134-я, 187-я и 17-я танковая дивизии [1, с. 110–111].

Советские войска были слабо защищены с воздуха. Их прикрывала смешанная авиационная дивизия, которой противостояли значительные силы 2-го воздушного флота немцев. К тому же дивизия была оснащена старыми машинами. Только с 15 июня 1941 г. на аэродромы Брестской области стали прибывать новые самолеты «Як–1», «МИГ–3», «ПЗ–2». Они прибывали в единичных экземплярах, и летно-техническому составу еще предстояло их освоение. Практически вся зенитная артиллерия находилась на учебных стрельбах под Минском. Соединения 4-й армии, таким образом, остались без наземных средств ПВО.

Советское военное командование располагало некоторыми сведениями о военных приготовлениях. Так, 5 июня 1941 г. штаб 4-й армии получил из округа точную информацию о силах немцев на брестском направлении. Тем не менее, войска не выводились из мест дислокации на рубежи обороны, так как советское командование стремилось не дать немцам повода для развязывания военных действий. В ночь на 22 июня начала действовать военная агентура. Около 2 часов 30 минут связь 49-й стрелковой дивизии и штаба укрепрайона с командованием 4-й армии была потеряна. Примерно в то же время округ приказывает привести войска в боевую готовность. На некоторое время связистам удается восстановить связь штаба армии с Высоким. Приказ уходит в войска, но на выполнение его оставалось мало времени. Около 4 часов начался ураганный артобстрел войск. Фашистская авиация атаковала аэродромы [2, с. 7]. В полосе обороны 49-й стрелковой дивизии немцы еще до начала обстрела захватили железнодорожный мост через р. Буг. Дивизия была атакована превосходящими силами врага и мужественно защищала свой рубеж. Связь со штабом армии была потеряна. На подавление сил пограничной охраны план «Барбаросса» отводил вермахту всего 30 минут. Бывший заместитель командира штабной батареи 166-го гаубичного артиллерийского полка лейтенант Б.И. Клеванский писал: «В первые часы войны посыпался шквальный артиллерийский огонь попеременно с сильнейшей бомбардировкой. В каждой немецкой дивизии насчитывалось 16 900 человек, а у нас – всего 10 000 бойцов. Соотношение в личном составе 1:10» [3, с. 188]. Однако имевшим численный перевес немецким подразделениям, наступавшим под прикрытием мощного артиллерийского и минометного огня, на решение этой задачи потребовалось гораздо больше времени и сил. Так, у д. Новоселки немцы до вечера не могли продвинуться вглубь советской земли. Особенно мужественно сражались с врагом бойцы 2-й и 4-й погранзастав 17-го погранотряда. Большая часть пограничников погибла в первый день войны. С не меньшим мужеством держали оборону доты укрепрайона. Ряд гарнизонов продолжали сопротивляться до 24–25 июня.

49-я стрелковая дивизия вела тяжелые бои, особенно на левом фланге. Здесь 15-й стрелковый полк на рубеже Немиредв – Волчин отражал атаки двух вражеских дивизий. Фашистам удалось прорваться в районе между г. Высокое и г. Брестом и развить наступление в направлении на деревню Видомля, которую они захватили около 11 часов

утра [4, с. 107–108]. Дорогу танкам генерала Г. Гудериана преградили части 30-й танковой дивизии, которой командовал полковник С.И. Богданов. Это соединение за несколько месяцев до начала войны было образовано из танковой бригады. Дивизия была вооружена главным образом старыми танками «Т-26», которые имели бензиновые двигатели, лобовую броню толщиной 15 мм и пушки калибром 45 мм. Некоторые танки имели устаревшие 38-мм пушки или только пулеметы. Запас бронепробойных снарядов был ограничен. Противостоять же пришлось немецким танком «Т-4» с дизельными двигателями, 30-мм лобовой броней и 75-мм орудиями. Рано утром дивизия, имея 120 танков, двинулась из района дислокации у г. Пружаны в направлении Видомля. Вскоре её колонны были подвергнуты массированным атакам немецкой авиации, которая имела полное господство в воздухе. Еще до боевого столкновения с фашистами танкисты потеряли до 45 % боевых машин. Тем не менее, совместно с 22-й танковой дивизией в районе Каменец – Жабинка – Радваичи она развернула встречное танковое сражение. В районе д. Пелище танкисты 30-й танковой дивизии вели неравный бой с 17-й и 18-й танковыми дивизиями вермахта. Около 12 часов 30 минут советские танкисты контратаковали немцев и сумели их потеснить. Немецкое командование немедленно вызвало авиацию. Пикирующие бомбардировщики буквально засыпали бомбами боевые порядки советских войск. Воздушные атаки продолжались весь световой день, возобновились ранним утром 23 июня. Фашистские танкисты обошли правый фланг 30-й танковой дивизии в районе Каменца и устремились к Пружанам.

49-я стрелковая дивизия уже в первой половине дня 22 июня была фактически отрезана от главных сил 1-й армии. Около 16 часов командование Западного фронта передало ее 10-й армии, сражавшейся севернее. Удержать обороняемый район дивизия не могла, хотя и оказывала врагу ожесточенное сопротивление. К исходу 23 июня соединение, сильно поредевшее за два дня боев, начало отход по линии Беловежская пуца: Волковск – Слоним – Мир – Новогрудок – южнее Минска в район Могилева. В середине июля дивизия вела бои на р. Сож, а затем была выведена на переформирование.

В 10 часов утра 22 июня немецкие танки ворвались в город Каменец, а к исходу дня 23 июня вся территория Высоковского и Каменецкого районов была оккупирована гитлеровцами. Началась трехлетняя фашистская оккупация, в ходе которой гитлеровцы начали наводить так называемый «новый порядок», во время которого местные люди числились низшей расой и рабами. Каждый житель, встретивший немецкого солдата, «обязан был снять шапку и приветствовать его поклоном. За неподчинение фашист мог его застрелить, а в лучшем случае избить до полусмерти» [5, с. 2]. На территории района разместились три жандармерии и несколько карательных отрядов. Во всех крупных населенных пунктах были образованы полицейские участки. Местом массовых казней стал Прусковский лес в 2 километрах южнее Каменца. В 1941–1942 гг. здесь было расстреляно около 300 граждан. Имена значительной части жертв установить не удалось. Немцы планировали часть мирного населения уничтожить или выселить за пределы района, а часть использовать в качестве рабочей силы [6, с. 3]. Осенью 1941 г. Каменецкий район был включен в состав Восточной Пруссии. За период оккупации фашисты полностью сожгли 33 деревни, расстреляли 6555 мирных жителей, в том числе 2800 женщин и 1938 детей. 1750 юношей и девушек были вывезены в Германию на принудительные работы [7, с. 3]. Все эти годы осуществлялся геноцид по отношению к еврейскому населению. Перед войной в Каменце проживало около 5000 еврейских семей – около 25000 человек, или 92,1% [8, с. 14]. Многочисленное до войны, оно практически полностью было истреблено. Уничтожение еврейского населения шло методично, по однотипному сценарию, характерному для многих местечек Белоруссии, Польши, Украины. За время существования гетто с 1941 по 1942 гг. в живых осталось не более десяти человек из всей многочисленной общины [9, с. 2].

Особое внимание оккупантов привлекала Беловежская пуца. Прежде всего их интересовало сырьё для производства специальной древесины, применяемой в авиационном строительстве. Уже в июне 1941 года в пуцу прибыл специальный 322-й батальон полиции, подчиняющийся группенфюреру фон Баху (будущему палачу Варшавы). В лесных массивах белорусской и польской сторон выросли склады, появилось 8 аэродромов, было размещено 28 гарнизонов. Началась широкомасштабная вырубка леса, заработали смолокурные заводы. Позднее Гитлер подарил пуцу Герингу. Здесь стали устраиваться пышные охоты. Животный и растительный мир пуцы подвергся неслыханному грабежу. Опасаясь превращения лесного массива в базу партизан, оккупанты установили за каждым районом пуцы строгий контроль, железные и шоссейные дороги были прикрыты бетонными и деревянными укреплениями. Просеки постоянно патрулировались бронетранспортерами.

Гитлеровский «новый порядок» принес для жителей района горе, страдание и рабство в «тысячелетнем рейхе». Борьба против гитлеровских оккупантов началась в крайне трудных условиях. Заранее подготовленного подполья здесь не было. Быстрая оккупация района лишила партийные органы возможности сделать это. Долгое время не было никакой связи с центром, отсутствовала правдивая информация о положении на фронте. Партийный и советский актив, не успевший уйти с Красной Армией, в первые же месяцы понёс большие потери. И все же подполье начало зарождаться с первых дней немецкой оккупации [10, с. 2]. Уже в августе 1941 г. в Брестскую область были направлены уполномоченные ЦК КП(б)Б И. Жишко и И. Урбанович, которым было поручено организовать здесь партийное подполье. В ноябре 1941 г. И. Урбанович встретился с бывшим начальником Каменецкого отделения УНКВД Е.М. Афанасьевым и бывшим сотрудником этого же отделения И. Лалиным. Им было поручено изучить обстановку в районе и провести работу по созданию подпольных групп. В мае 1942 г. они совместно с несколькими активистами в районе д. Баранки в урочище «Жургань» собрали группу патриотов. На этом собрании был образован Каменецкий антифашистский комитет, который просуществовал до июля 1944 г. Первым секретарем стал бывший член КПЗБ Н. А. Нестерук, секретарями – Ф.К. Гурман, П.Л. Мурашко. В состав комитета вошли 6 инициаторов создания подполья: К.А. Замулко, А.Я. Ширнюк, О.М. Хомич, П.Ф. Жук, А.С. Гуринчук, Н.А. Нестерук. С этого момента процесс формирования подполья стал целенаправленным, его акции более скоординированными. Уже к осени 1942 г. в рядах подпольщиков боролись 97 человек. Ячейки по 5–7 подпольщиков действовали в городе Каменце, деревнях Баранки, Воля, Николаево, Кукольчицы, Бабичи, Шаличи, Видомля, Любашки, Радость, Робинка, Кругель, Угляны, Подлесье, Олешковичи, Грудовики, Кашеники, Плянта. Всего действовало 18 ячеек. Для оперативного руководства район был разделен на 6 подрайонов, каждым из которых руководил один из членов районного комитета. Комитет не имел постоянного места пребывания. Его члены переезжали из деревни в деревню, на непродолжительное время, оставаясь у проверенных людей. В дальнейшем члены комитета часто бывали в партизанском отряде имени Чкалова и участвовали в его операциях.

В высококовской зоне также действовали группы подпольщиков. Большую работу по их организации проделали И.Л. Будько, М.Н. Казусик, П.Ф. Хомич, В.К. Манчак и другие коммунисты. К 1944 г. на территории Высоковского района действовало 13 антифашистских ячеек и 6 комсомольских групп. Подпольщики высококовской зоны имели связи с Каменецким антифашистским комитетом, который работал под руководством Брестского областного антифашистского комитета. Имелись контакты с патриотами Ружанского, Шерешевского, Жабинковского районов. Подполье вело агитацию среди

населения, распространяло газеты «За Родину», «Заря», сводки Совинформбюро, листовки, организовывало собрания к годовщинам Октября и празднику 1-го Мая. Осуществлялся сбор оружия, боеприпасов, медикаментов для партизан. Собирались сведения в войсках фашистов, средства в фонд обороны, совместно с партизанами проводились диверсии, осуществлялись акты саботажа. Особенно активизировалось подполье в 1943–1944 гг. Его бойцы систематически уничтожали проводную связь гитлеровцев, выступали в роли проводников партизан. В ряде деревень (Бучемля, Ступичево, Шишово и других) было уничтожено 10 имений, которые немцы превратили в базы сбора продовольствия и фуража. Совместно с партизанами Белостокского соединения была проведена операция по освобождению молодёжи, которую угоняли в Германию. Неоднократно уничтожались мосты на дорогах Каменец – Пружаны, Каменец – Беловежа. В марте 1944 г. создан Каменецкий подпольный райком ЛКСМБ. В состав входили: секретари П.Ф. Мартысюк, А.Т. Грабко, И.Л. Петрович и члены – Н.А. Цозов, Н.П. Стриков. Базой райкома была 99-я, а с мая 1944 года 8-я партизанская бригады. Райком действовал до 12 июля 1944 г.

Партизанское движение на Каменетчине зарождалось уже летом 1941 г. Группы окруженцев, местные активисты, скрывавшиеся от преследований гитлеровцев, положили начало первым отрядам. Большое влияние оказало известие о налете группы майора И. Крылова на лагерь военнопленных в Гайновке, в июле 1941 г. В ходе операции было спасено около 100 человек. В октябре 1941 г. в Беловежской Пуще начала действовать группа капитана В. Концедалова. Появились боевые группы П. Масолова, И. Бабайлова, Н. Болтрика, Костина, А. Журбы, Г.К. Дорофеева, Ф.П. Горланова, М. Ястребова. Бойцы этих групп (затем отрядов) неоднократно проходили по территории района и осуществляли здесь боевые операции. Длительное время на территории района во взаимодействии с подпольщиками действовал выросший из группы отряд имени Чкалова [11, с. 2]. Некоторое время он дислоцировался в лесу в 2-х километрах северо-западнее д. Лески. Операции партизан серьезно встревожили немцев. Весной 1943 г. на ликвидацию отряда были брошены каратели. Когда партизанам удалось уйти от удара, оккупанты 4 мая 1943 г. уничтожили деревню вместе с ее жителями. Погибло 216 человек – в их числе старики, женщины, дети. Были сожжены все 54 дома. Уцелело всего несколько человек, которых не было дома в момент нападения. Отряд имени Чкалова с июня 1943 г. вошел в состав бригады имени П.К. Пономаренко, а с августа того же года – в состав бригады «Советская Белоруссия» [12, с. 7]. В дальнейшем основную часть своих операций проводили на территории Жабинковского района. Диверсионные атаки, партизанские удары по коммуникациям, помощь разведгруппам армейских соединений стали неоспоримым вкладом в освобождение района от немецкой оккупации.

Каменецкий район был освобожден Красной Армией в ходе Люблинско-Берлинской наступательной операции. В боях за освобождение Каменетчины враг оказал мощное сопротивление. Гитлеровское командование пыталось усилить оборону, используя дополнительные резервы [13, с. 2]. Боевые действия вели войска 28-й армии (командующий генерал-лейтенант А.А. Лучинский), конно-механизированной группы генерал – лейтенант И.А. Плиев, входившие в состав 1-го Белорусского фронта (командующий маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский). С воздуха действовали летчики 6-й и 16-й воздушной армии (командующий генерал-лейтенант Ф.П. Польшин и генерал – полковник авиации С.И. Руденко). В боях участвовали также соединения 65-й армии, наступавшей севернее полосы действий 28-й армии. Это 8-й стрелковый корпус, части которого вели бои у деревни Омеленец, и 46-й корпус, который вел бой в районе деревни Пограничная – северные подступы к городу Высокое.

На территории Каменецкого района советским войскам противостояли следующие соединения вермахта: 5-я, 7-я, 102-я, 216-я, 292-я, 541-я пехотные дивизии, остатки кавалерийской дивизии, 5-я танковая дивизия «Викинг». В середине июля 1944 г. для правого крыла I-го Белорусского фронта на рубеже Свислочь – Пружаны были созданы условия для окружения Брестской группировки противника. Эту задачу выполняла 70-я армия во взаимодействии с 28-й [14, с. 320]. Бои севернее Бреста во многом определили успех всей операции, поэтому развернувшееся 17–28 июля на территории района сражение носило ожесточенный характер. Эпицентром боев была полоса вдоль шоссе на участке от Пружан до Высокого. Здесь начала свое стремительное наступление конно-механизированная группа генерала И.А. Плиева. 17 июля соединения группы выбили фашистов из деревни Видомля и захватили важный, в оперативном отношении, перекресток дорог. В этот же день 30-я и 9-я кавалерийские дивизии стремительным броском на запад вышли к р. Западный Буг, перерезав железную дорогу Брест – Белосток. Кавалеристы форсировали реку и захватили плацдарм на польском берегу. Обойдя Брестский укрепрайон с северо-запада, бойцы генерала И.А. Плиева первыми вышли на государственную границу. Фашистское командование, серьезно встревоженное развитием событий, бросило оперативные резервы. 18–21 июля конно-механизированная группа вела тяжелые бои в окружении на плацдарме южнее деревни Ставы. Стрелковые части I-го Белорусского фронта в тот момент не могли помочь далеко вырвавшейся вперед группе. Опираясь на остатки укрепрайона, из частей ракетной и ствольной артиллерии, зенитных подразделений, танков в короткие сроки была создана подвижная огневая группа, которую активно поддерживала авиация. По ночам самолеты «По-2» доставляли боеприпасы и горючее, вывозили раненых.

Тяжелые бои продолжались у деревни Видомля. Гитлеровцы бросили в бой значительные силы пехоты, танки и авиацию. Части конно-механизированной группы мужественно держали оборону. Особо отличились здесь 19 июля артиллеристы 1071-го истребительного противотанкового артиллерийского полка под командованием подполковника С. Иванова. Мужественно действовал командир огневого взвода младший лейтенант Ф. Хохряков. Тяжелые бои шли у деревни Пелище. Сильным контратакам подверглась 50 гвардейская стрелковая дивизия, наступавшая на поселок. Особенно трудно пришлось левофланговому полку 148-й дивизии, которой командовал подполковник П.И. Синенко. 20 июля полк был атакован большим массивом пехоты и 30 танками. Враг атаковал в направлении деревень Чемери–2 и Кривляны. 148-й полк совместно с артиллеристами дивизионов майора Г.С. Волкова и капитана И.С. Рябоконе отражали атаки фашистов. 150-й и 152-й полки оказались скованы боем в районе Шишово – Новицковичи – Чернаки. К тому же 148-й полк был отрезан от них р. Лесной с заболоченными берегами. Особенно тяжелым положение было у деревни Тополи. Утром 22 июля 5-я гвардейская стрелковая дивизия перешла в наступление. К 8 часам утра 148-й стрелковый полк этого соединения освободил Каменец.

25 июля был окружен Брест. А 28 июля 28-я и 7-я армии штурмом овладели городом. В этот же день воины 4-го гвардейского корпуса, пехотинцы 3-го стрелкового гвардейского стрелкового корпуса 28-й армии и 46-го стрелкового корпуса 65-й армии очистили от врага город Высокое и его окрестности. День 28 июля стал днем освобождения района от немецко-фашистских захватчиков. Этот день особенно дорог, так как захватчики освободили последние метры не только Каменецкого района, но и всей Беларуси. Свобода была завоевана дорогой ценой: 2404 воина 29 национальностей отдали свою жизнь за освобождение района. Около двух тысяч жителей Каменеччины не вернулись с полей сражений. За мужество и героизм, проявленный в боях за Родину, 239 жителей района награждены орденами и 2350 – медалями.

Фронт ушел на запад. Страшные следы оставила после себя война. На территории района серьезным разрушениям подверглись 33 деревни, около 1472 жилых дома, 2107 хозяйственных построек, 40 зданий культурно-бытового назначения. Без крова осталось около 6 тысяч человек. Местная промышленность была полностью разрушена. Серьезно пострадало сельское хозяйство, сократились посевные площади и поголовье скота. Населению Каменецкого и Высоковского районов предстояла длительная и тяжелая работа по восстановлению разрушенного хозяйства.

Список использованных источников и литературы

1. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – Смоленск, 1998. – 656 с.
2. Новік, Г. На досвітку 22 чэрвеня... / Г. Новік // Навіны Камянеччыны. – 2010. – 10 чэрвеня. – С.7.
3. Памяць. Камянецкі раён: Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / А.Л. Петрашкевіч [і др.]; пад агульнай рэд. А.Л. Петрашкевіч. – Мінск: Ураджай, 1997. – 526 с.
4. Сандалов, Л.М. Пережитое / Л.М. Сандалов. - Москва, 1961. – 125 с.
5. Іваноўскі, М. Верыў, што не загіну... / М. Іваноўскі // Навіны Камянеччыны. – 2005. – 19 студзеня. – С. 2.
6. Скалковіч, В. Плакала неба слязамі-дажджом / В. Скалковіч // Навіны Камянеччыны. – 2010. – 10 красавіка. – С.3.
7. Азонава, Е. Суд над фашызмам / Е. Азонава // Навіны Камянеччыны. – 1987. – 24 сакавіка. – С.3.
8. Мусевіч, Г. Мой горад / Г. Мусевіч. – Каменец, 1996. – 25 с.
9. Мусевіч, Г. Трагедыя высокаўскай яўрэйскай абшчыны / Г. Мусевіч // Навіны Камянеччыны. – 2010. – 4 жніўня. – С. 2.
10. Яфімовіч, У. Уклад у перамогу / У. Яфімовіч // Навіны Камянеччыны. – 1999. – 08 мая – С. 2.
11. Яфімовіч, У. Дарогі нашай памяці / У. Яфімовіч // Навіны Камянеччыны. – 2005. – 20 ліпеня. – С. 2.
12. Васілеўскі, Н. Жыцце выпрабаванае часам / Н. Васілеўскі // Навіны Камянеччыны. – 2008. – 07 сакавіка. – С. 7.
13. Мамус, М. У напрамку да дзяржаўнай граніцы / М. Мамус // Навіны Камянеччыны. – 2006. – 29 ліпеня. – С. 2.
14. Всенародная борьба в Белоруссии против фашистских войск в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / под общей А.Н Мацеко. – Минск, 1985. – Т. 3. – 523 с.

НАПАДЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР И ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Литвиновский И.А.

Белорусский государственный университет, г. Минск;

Литвиновская Ю.И.

УО «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники», г. Минск

Отношения Советского государства с Великобританией и США после 1917 г. были весьма непростыми. В англо-советских отношениях непродолжительные оттепели чередовались с длительными похолоданиями. Только в марте 1935 г., впервые за 18 лет советской власти, СССР посетил министр английского правительства. Это был лорд-хранитель печати А. Иден. США на протяжении 16 лет, вплоть до ноября 1933 г.,

вообще не признавали Советское государство. К этому времени стрелка барометра, определявшего состояние международной атмосферы, всё чаще стала склоняться к непогоде. Мир вступал в опасный период своего развития. В этих условиях, как писала в то время американская печать, возрастала роль Советского Союза как барьера против агрессии и со стороны милитаристской Японии, и со стороны гитлеровской Германии.

В конце 1930-х—начале 1940-х гг. возникли дополнительные трудности во взаимоотношениях СССР с США и Великобританией. Изменение внешнеполитического курса Советского Союза в сторону сотрудничества с Германией, заключение с ней Договора о ненападении, разделение сфер влияния в Восточной Европе, вооруженный конфликт с Финляндией вызвали негативную реакцию как на Британских островах, так и за океаном. Советский Союз был исключён из Лиги Наций, США объявили «моральное эмбарго» на торговлю с СССР. В американских военных планах Советский Союз рассматривается как противник, который может вступить в войну на стороне Германии [4, с. 14]. Усиливается дипломатическая дуэль. Советские представители в Вашингтоне и американские в Москве характеризуют правительства стран пребывания в самых жестких выражениях. Советник советского посольства в Вашингтоне А. Громыко пишет о «зверинной ненависти к СССР самого Рузвельта», а посол США в Советском Союзе Л. Штейнгардт о том, что психология советских руководителей «признает только твердость, мощь и грубую силу, отражая примитивные инстинкты и реакции, лишённые сдерживающих начал цивилизованности» [4, с. 12, 14].

Однако руководители правительств США и Англии Ф. Рузвельт и У. Черчилль далеко не во всем разделяли точку зрения критиков Советского Союза и не склонны были основательно портить отношения с Москвой.

В начале апреля 1940 г. в Вашингтоне начались двусторонние переговоры об улучшении торгово-экономических отношений. С советской стороны в них участвовали полпред СССР в США К.А. Уманский и советник полпреда А.А. Громыко, с американской — руководителем госдепартамента во главе с заместителем государственного секретаря С. Уэллесом. Переговоры были длительными и трудными и проходили с перерывами. Серьезным осложняющим моментом была позиция правительства США по вопросу о вхождении Прибалтийских республик в состав СССР. Однако и в этом положении стороны пытались найти основы для компромисса, исходя из интересов своих стран. При этом американскому правительству приходилось учитывать непрерывно меняющуюся, в сторону укрепления положения агрессивных государств, обстановку в мире. В этой ситуации позиция Советского Союза, даже в качестве нейтральной страны (СССР 17 сентября 1939 г. уведомил все государства, с которыми он поддерживал дипломатические отношения, что в начавшейся войне будет проводить политику нейтралитета), могла быть весьма важной и полезной для Соединенных Штатов. Не случайно в заявлении государственного департамента от 1 июля 1940 г. говорилось, что американское правительство готово сотрудничать с СССР и поддерживать нормальные торговые отношения, которые возможны при нынешнем международном положении.

А 27 июля заместитель государственного секретаря С. Уэллес, принимая полпреда К.А. Уманского, сделал весьма недвусмысленное заявление, безусловно выражая точку зрения президента Ф. Рузвельта: «Пора обеим странам подумать не только о нынешних отношениях, но и о будущих месяцах и годах, которые, быть может, для обеих держав будут чреваты новыми опасностями. Не пора ли устранить источники трений, которых и без того достаточно во всем мире, и ликвидировать остроту, создающуюся в отношениях между нашими странами» [4, с. 167, 168].

Президент Соединенных Штатов не верил в долговременный характер советско-германских отношений на основе Пакта о ненападении и Договора о дружбе и границе и не склонен был доводить американско-советские отношения до серьезного обострения.

А в скором времени сомнения Ф. Рузвельта окончательно развеялись – в Вашингтон начали поступать сведения о разрабатываемых в военных ведомствах Германии планах войны против Советского Союза. В этой обстановке американо-советским торгово-экономическим переговорам был дан новый положительный импульс. 22 января 1941 г. государственный департамент отменил «моральное эмбарго» на торговлю с СССР [3, с. 169]. И хотя напряженность в советско-американских отношениях полностью не была снята, наметилась положительная динамика в их развитии. Она проявилась, в частности, в том, что при обсуждении в конгрессе закона о ленд-лизе правительство Ф. Рузвельта не допустило включения в него положения о запрещении распространения действия закона на Советский Союз в случае войны между Германией и СССР.

Характеризуя подходы Ф. Рузвельта к решению внешнеполитических проблем, известный российский историк-американист Р.Ф. Иванов отмечал, что с самого начала Второй мировой войны он, как своими заявлениями, а главным действиями четко показал, что является убежденным противником фашистской Германии. Несмотря на то, что США были нейтральной державой, президент неоднократно и убедительно демонстрировал свою готовность оказывать всемерную помощь Великобритании. По мере активизации в Соединенных Штатах поддержки Англии и роста антигерманских настроений усиливается интерес и правительства, и общественности к Советскому Союзу. Поступавшая по линии разведывательных служб информация свидетельствовала о том, что Германия готовится к нападению на Советский Союз. А это неизбежно должно было привести к новой резкой переориентации внешнеполитического курса СССР от дружбы с Германией к сближению со странами, придерживавшимися антигерманской политики [1, с. 85–87].

У. Черчилль возглавил правительство Великобритании 10 мая 1940 г. В этот же день немецкие войска вторглись на территорию Бельгии, Голландии и Люксембурга. 22 мая они уже были на берегах Ла-Манша. В условиях перенесения Гитлером театра военных действий на территорию стран Западной Европы Англия была жизненно заинтересована в нормализации отношений с Советским Союзом. Большие надежды У. Черчилль связывал с назначением нового посла в Москве. «Посол Его Величества» в СССР У. Сиидс в начале января 1940 г., в условиях обострения англо-советских отношений в результате советско-финской войны, демонстративно отбыл в «отпуск» на родину и ситуация с его возвращением обратно была абсолютно неясной. Выбор премьер-министра пал на Ст. Криппса, человека левых взглядов, депутата парламента от лейбористской партии, лидера Социалистической лиги. Криппс был сторонником англо-советского сотрудничества и всячески стремился этому способствовать. У. Черчилль намеревался направить Ст. Криппса в Москву в качестве «посла со специальной миссией», но советское правительство заявило, что готово принять его только как регулярного посла.

28 июня 1940 г. Ст. Криппс вручил верительные грамоты М.И. Калинину, а 1 июля его принял И.В. Сталин. Английский посол передал ему послание У. Черчилля. Британский премьер-министр писал о своем желании «всесторонне обсудить с Советским правительством любую из огромных проблем, возникших в связи с нынешней попыткой Германии проводить в Европе последовательными этапами методическую политику завоевания и поглощения» [8, с. 74].

Выполняя поручения У. Черчилля, Ст. Криппс развернул в Москве энергичную деятельность, пытаясь втянуть Советское правительство в переговорный процесс. Он встречался с высшими советскими руководителями – И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, неоднократно имел беседы с заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским.

При помощи своего посла в Москве Англия, как впоследствии писал У. Черчилль, вела «...терпеливую политику, которая заключалась в том, чтобы попытаться восстановить с Россией отношения, основанные на доверии; мы полагались на ход событий и на коренные противоречия между Россией и Германией» [8, с. 72]. Но Советский Союз проводил весьма осторожную политическую линию. Принимая во внимание начавшее ухудшаться отношения с Германией, было бы большим риском положительно отреагировать на предложения У. Черчилля о проведении ширококомасштабных переговоров с Англией. Это моментально было бы использовано Гитлером для обвинения СССР в нарушении Договора о ненападении, а Советский Союз был очень заинтересован в возможно длительном сохранении мирных отношений с Германией. В условиях уже польхавшей Второй мировой войны каждый мирный день работал на укрепление обороноспособности Советского государства.

И поэтому Сталин не ответил на письмо Черчилля от 25 июня 1940 г. Но в Москве принимали и выслушивали британского посла, делали все, чтобы избежать и обострения отношений с Англией. В итоге Ст. Криппс докладывал в Лондон в конце марта 1941 г., что поведение советских руководителей свидетельствует о желании «подготовить почву для возможного сближения с нами» [3, с. 165].

Как в Лондоне, так и в Вашингтоне прекрасно осознавали, насколько будет зависеть исход Второй мировой войны от позиции СССР. Неслучайно государственный секретарь США К. Хэлл заметил однажды, что «Россия, как в полусонном, так и в активном состоянии, есть и будет огромным фактором в вопросах войны и мира в Европе и в Азии...» [4, с. 16].

Угроза оккупации Британских островов, возможность установления морской блокады побережья США, возникновение прямой опасности для всего Западного полушария – эти и другие тревоги прозвучали в обращении Ф. Рузвельта к американскому народу 27 мая 1941 г. Президент заявил, что нацисты после завоевания Латинской Америки «планируют далее задушить Соединенные Штаты и доминион Канаду» [5, с. 9]. А поэтому поиск союзников для противодействия разрастающейся агрессии со стороны фашистской Германии приобретал все большее значение как для Ф. Рузвельта, так и для У. Черчилля. Изменяющаяся же в пользу агрессоров стратегическая обстановка требовала от руководителей западных стран взвешенного подхода в отношении СССР.

В силу этих обстоятельств вопросы об оказании возможной помощи Советскому Союзу Рузвельт и Черчилль начали обсуждать еще до начала Великой Отечественной войны, когда для западных лидеров стали абсолютно ясными планы Гитлера. 15 июня 1941 г. У. Черчилль обратился к Ф. Рузвельту с целью выяснить его точку зрения по этому вопросу. «Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, – писал он, – в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию. ...Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-русский конфликт не создаст для Вас никаких затруднений» [9, с. 189].

В связи с приближением даты начала войны против Советского Союза в администрации президента Ф. Рузвельта также изучался вопрос о позиции Соединенных Штатов. Американский исследователь Г. Фейс пишет, что стремление У. Черчилля оказать помощь России вызвало негодование в американском внешнеполитическом ведомстве [7, с. 11]. Его позиция была изложена 21 июня 1941 г. в специальном меморандуме

европейского отдела государственного департамента «О позиции США в отношении СССР в случае начала войны между Советским Союзом и Германией». Госдепартамент рекомендовал президенту огласить позицию США только после обращения Советского правительства за помощью, а американская поддержка могла заключаться практически только в смягчении ограничений на экспорт в СССР нужных ему военных материалов. При этом подчеркивалась необходимость осуществлять экономическую поддержку СССР на принципах взаимной выгоды, акцентируя внимание, в то же время, на наличии существенных идеологических противоречий между двумя государствами [3, с. 185; 4, с. 17].

Однако точка зрения Ф. Рузвельта на грядущий конфликт между Германией и СССР значительно отличалась от мнения экспертов из внешнеполитического ведомства. Президент склонялся к мысли заявить о поддержке Советского Союза в войне. Он был полностью солидарен с британским премьер-министром и считал возможным публично поддержать любое заявление, которое У. Черчилль может сделать, «приветствуя Россию как союзника» [9, с. 190].

Ф. Рузвельт срочно направил, находившегося в тот момент в Вашингтоне, американского посла в Англии Д. Уайнанта в Лондон с тем, чтобы тот мог лично довести до сведения У. Черчилля позицию президента США.

Что касается У. Черчилля, то острая необходимость появления у Англии могучего союзника на противоположном конце Европы им была осознана в самом начале руководства военным кабинетом. Уже в своем первом послании Сталину от 25 июня 1940 г., то есть направленном через три дня после капитуляции Франции, он писал, что перед Европой, «включая обе наши страны», стоит проблема: «как будут государства и народы Европы реагировать на перспективу установления германской гегемонии над континентом». Черчилль отмечал, что после подписания советско-германского Пакта о ненападении обстановка изменилась, «появился новый фактор, который, как я осмеливаюсь думать, делает желательным для обеих наших стран восстановление нашего прежнего контакта...» [8, с. 73].

Давая оценку сложившейся в Европе ситуации и практически предлагая сотрудничество в ее разрешении, У. Черчилль, понимая, насколько сложным было положение СССР в данный момент, писал И. Сталину, что только сам Советский Союз может судить о том, угрожает ли его интересам нынешняя претензия Германии на гегемонию в Европе, и если да, то каким образом эти интересы могут быть как можно лучше ограждены [8, с. 74].

Вместе с тем в послании У. Черчилля весьма явно прослеживалась заинтересованность Англии в том, чтобы Советский Союз предпринял решительные действия против Германии. Более того, это первое прямое обращение британского премьера к И. Сталину всецело было проникнуто духом подталкивания СССР к подобным действиям. И это неудивительно. В условиях нависшей над Великобританией опасности, она жизненно нуждалась в поддержке. «Первый период войны, – писал известный специалист по военной истории профессор Фолс, – был гибельным для Англии... И хотя Англия все еще имела слабые, в действительности очень слабые шансы на то, что она выживет, она не имела ни малейшего основания для надежды на победу... В действительности существовала только одна надежда. Две величайшие силы мира все еще не участвовали в войне – это Соединенные Штаты и Советская Россия. Имея их в качестве союзников, Англия могла рассчитывать на победу» [3, с. 185].

21 июня 1941 г. американский посол в Великобритании Д. Уайнант, вернувшись в Лондон, посетил У. Черчилля и проинформировал его о позиции Ф. Рузвельта в связи с

приближающимся нападением Германии на Советский Союз. А в 8 часов утра следующего дня премьер-министру сообщили о начале войны. Очевидцы свидетельствуют о чувствах «чрезвычайного облегчения, неожиданного освобождения от гнета», которые охватили Черчилля и всех присутствующих. Англия уже была не одинока в войне с Германией, у нее появилась надежда [3, с. 185–186].

В тот же день, в 9 часов вечера, У. Черчилль выступил со специальным заявлением по радио. Его главная мысль состояла в том, что Британская империя полна решимости «уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. ...Мы никогда не станем договариваться, – говорил премьер-министр, – мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером... Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем... Его (Гитлера) вторжение в Россию – это лишь прелюдия к попытке вторжения на Британские острова.

Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара» [9, с. 192–193].

Реакция правительства Соединенных Штатов на начало Великой Отечественной войны была более сдержанной, чем Великобритании. Первое официальное заявление правительства прозвучало 23 июня во время пресс-конференции, которую провел исполняющий обязанности государственного секретаря С. Уэллес. «По мнению правительства Соединенных Штатов, – заявил он, – любая борьба против гитлеризма, любое сплочение сил, выступающих против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорят неизбежное падение нынешних германских руководителей, и тем самым будут способствовать нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии сегодня главная опасность для американского континента» [3, с. 188].

Выступление Ф. Рузвельта прозвучало 24 июня. Он заявил, что США готовы оказать Советскому Союзу всю возможную помощь. Правда президент не стал этот вопрос конкретизировать, а добавил, что значительная часть поставок будет по-прежнему направляться в Англию и что американская помощь СССР может быть эффективной только в случае длительной войны [2, с. 27].

Позиция администрации Ф. Рузвельта, направленная на поддержку Советского Союза в войне, была подтверждена и по дипломатическим каналам. 26 июня и.о. госсекретаря С. Уэллес заявил советскому послу в Вашингтоне К. Уманскому: «Американское правительство считает СССР жертвой неспровоцированной, ничем не оправданной агрессии. Американское правительство... считает, что тот отпор этой агрессии, который дается сейчас народом и армией СССР, не только продиктован... борьбой за честь и свободу СССР, но и соответствует историческим интересам Соединенных Штатов Америки. Поэтому, в соответствии с заявлениями, уже сделанными президентом, американское правительство заверяет советское правительство, что оно готово оказать в этой борьбе всю посильную поддержку в пределах, определяемых производственными возможностями США и его наиболее неотложными нуждами» [5, с. 45–46].

Таким образом, в первые же дни Великой Отечественной войны политические лидеры двух крупнейших государств мира США и Великобритания решительно осудили германскую агрессию против СССР и вполне определенно заявили, что их страны поддержат Советский Союз в войне с Германией. Позиция Ф. Рузвельта и У. Черчилля, помимо того, что она была продиктована интересами собственной безопасности их стран, опиралась также на серьезную общественную поддержку. Проведенный, например, институтом Гэллага опрос общественного мнения показал, что 72% американцев высказались за победу СССР и только 4% – за победу Германии [5, с. 10]. Британцы в

свою очередь отчетливо осознавали, что в сложившейся обстановке без эффективной помощи извне – от США и СССР они не могут рассчитывать на победу в войне [6, с. 8].

Однако, отдавая должное политическому реализму руководителей США и Великобритании, не следует забывать, что там проявляли немалую активность и влиятельные силы, занимавшие иную позицию в отношении СССР. Сказывалась неприязнь к советскому социально-экономическому и общественно-политическому устройству, отрицательное отношение к недавнему советско-германскому сближению, политике СССР в отношении Финляндии, включению в состав СССР Прибалтийских государств. Известную роль играли сомнения в возможности Красной Армии оказывать длительное сопротивление вермахту, изоляционистские тенденции в США и др.

Однако политический курс, направленный на поддержку Советского Союза в войне против гитлеровской Германии, избранный правительствами США и Великобритании, отвечал жизненным интересам их стран, а поэтому был необратим. Сотрудничество СССР, США и Великобритании расширялось и привело к созданию антигитлеровской коалиции.

Список цитированных источников и литературы

1. Иванов, Р.Ф. Сталин и союзники. 1941 – 1945 годы / Р.Ф. Иванов. – М.: Вече, 2005. – 480 с.
2. Исраэлян, В.Л. Дипломатия в годы войны: 1941 – 1945 гг. / В.Л. Исраэлян. – М.: Межд. отн., 1985. – 480 с.
3. История дипломатии / Под ред. А.А. Громыко (и др.). – М.: Политгиздат, 1975. – Т. IV: Дипломатия в годы Второй мировой войны. – 572 с.
4. Печатнов, В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. / В.О. Печатнов. – М.: Terra – Книжный клуб, 2000. – 752 с.
5. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 – 1945: Документы и материалы: в 2-х т. – М.: Политгиздат, 1984. – Т. I: 1941 – 1943. – 510 с.
6. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 – 1945: Документы и материалы: в 2-х т. – М.: Политгиздат, 1984. – Т. I: 1941 – 1943. – 542 с.
7. Фейс, Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Г. Фейс. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 590 с.
8. Черчилль, У. Вторая мировая война: в 6 т. / У. Черчилль. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1998. – Т. 2: Их самый славный час. – 320 с.
9. Черчилль, У. Вторая мировая война: в 6 т. / У. Черчилль. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1998. – Т. 3: Великий союз. – 368 с.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БЕЛАРУСИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лукашевич Ю.В.

УО «Белорусский государственный университет», г. Минск

В текущем году исполняется двадцать лет с момента обретения Беларусью суверенитета – 27 июля 1990 г. Верховный Совет БССР принял Декларацию независимости. По историческим меркам это совсем не много, тем не менее, Республика Беларусь состоялась как самостоятельное государство со своим экономическим курсом, внешней и внутренней политикой. Конечно, за эти годы существенные изменения произошли не только в Беларуси, но и в других государствах – и, в первую очередь, у наших непосредственных соседей, которые стали членами Европейского Союза. Как выразился Глава белорусского государства, «за Брестом и за Ошмянами уже не просто Польша и Литва – за ними мировой экономической гигант» [1].

Расширение ЕС стало элементом повседневной реальности и привнесло в развитие белорусско-европейских отношений свежий глоток воздуха. В последние годы диалог по линии Минск-Брюссель развивается интенсивно. Во многом еще и потому, что социально-политические и экономические факторы определяют приоритетный характер белорусско-европейского партнерства. В новых геополитических условиях Беларусь может и должна играть важную роль не только в общеевропейских делах, но и в целом на региональном уровне. Поэтому необходимо существенно активизировать усилия на западноевропейском направлении во внешней политике.

Для выполнения этой первостепенной задачи предстоит проделать огромный пласт работы, в том числе и по разработке нормативно-правовой базы. Только тогда двухсторонние отношения приобретут системный и долгосрочный характер, а политический диалог будет развиваться исключительно в правовом, институциональном русле. В этом есть и общеевропейский интерес, в частности к европейской системе безопасности – сближение ЕС и РБ уменьшает степень влияния Российской Федерации на внутреннюю и внешнюю политику Беларуси и делает более прогнозируемым восточное направление. В этой связи европейский вектор внешнеполитической деятельности играет ключевую роль в системе национально-государственных интересов Беларуси.

История взаимоотношений Беларуси и Евросоюза

С распадом СССР и обретением суверенитета Беларусь осталась один на один с решением сложнейших задач как внутренней, так и внешней политической жизни. Предстояло определиться не только с государственно-политическим устройством, но и внешнеполитическим курсом страны. Первые шаги на международной арене молодого белорусского государства были нацелены на многостороннее конструктивное сотрудничество, как с традиционными партнерами – государствами постсоветского лагеря, так и с западными государствами. К слову, дипломатические отношения между Республикой Беларусь и Европейским Союзом были установлены в августе 1992 г. Этому событию предшествовал визит вице-президента комиссии Европейских сообществ Ф. Андриессена в Минск [2].

В контексте этих событий подписание в 1995 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Республикой Беларусь и Европейскими сообществами выглядит вполне логичным и предсказуемым. Документ успели ратифицировать Верховный Совет Республики Беларусь, а также парламенты ряда европейских государств. Однако практическое воплощение СПС так и не получило. Вызвано это было, в первую очередь, ухудшением политического диалога по линии Минск-Брюссель – ЕС не признал итогов конституционного референдума 1996 г. и, как следствие, новые органы представительной и законодательной власти страны.

Согласно второй редакции Основного Закона страны Глава государства наделен широкими полномочиями – он назначает председателей Конституционного, Высшего Хозяйственного и Верховного судов, Председателя и членов Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов, Генерального прокурора, Председателя и членов Правления Национального банка, Председателя Комитета государственного контроля. Европейское сообщество, в большинстве своем воспринимающее ценности парламентской демократии, с опасением восприняло усиление властных полномочий Президента, в том числе и на Парламент, который стал двухпалатным.

В 1997 г. последовали политические санкции в отношении руководства республики. Это и стало преобладающим фактором в усилении «восточного» направления белорусской внешней политики и ориентации на Россию. Пожалуй, политический кризис не затронул только торгово-экономическую сферу и помощь по линии технических программ ЕС, в частности ТАСИС (программа технической помощи странам СНГ).

В течение 1991–1996 гг. по линии ТАСИС Беларусь получила около 54 млн. евро, а с учетом многосторонних программ содействия – около 76 млн. евро. В 1997 г. финансирование по программе технической помощи составило 5 млн. евро [3]. В целом в рамках этой программы реализовано 320 проектов на общую сумму 204 млн. долларов США. Это почти 40% всей предоставленной технической помощи, начиная с 1990 г. Среди наиболее важных совместных проектов, реализованных в нашей стране, – строительство автодорожной магистрали М1/Е30 (Брест – граница Российской Федерации) и разработка энергетической концепции до 2010 г.

В ближайшее время в рамках программы «Европейский инструмент добрососедства и партнерства» (ЕИДП сменила ТАСИС) в республике планируется реализовать еще 9 проектов на 26 млн. долларов. Из этого объема более 16 млн. евро выделяется на строительство пункта пропуска автомобилей «Козловичи-2», около 5 млн. евро – на усиление границ с приграничными государствами, еще 2 млн. евро – на завершение демаркации границ с Литвой и Латвией. Кроме этого, Беларусь принимает участие в трех программах добрососедства: «Регион Балтийского моря»; «Латвия – Литва – Беларусь»; «Польша – Украина – Беларусь».

В программе добрососедства «Польша – Украина – Беларусь» могут участвовать Брестская и Гродненская области, а также Мядельский, Вилейский, Молодеченский, Воложинский, Столбцовский, Несвижский и Клецкий районы Минской области. Объем финансирования, доступный белорусским заявителям проектов международной технической помощи в рамках указанных программ, составляет около 250 млн. евро [4, с. 28].

Евросоюз является важным торгово-экономическим партнером и занимает второе место в структуре торгового баланса. В страны еврозоны в основном экспортируются минеральное сырье (65,7%), химические продукты (8,2%), продукция сельского хозяйства (3,5%), машины и оборудование (2,6%) и текстильные изделия (2,4%). Традиционно Европейский Союз экспортирует в нашу страну машины (36,6%), транспортное оборудование (17,5%) и химические продукты (14,8%) [5].

Из года в год неуклонно растет объем двусторонней торговли и, что немаловажно, экспортируем мы больше, чем импортируем – внешнеторговое сальдо Беларуси складывается положительным с 2003 г. По итогам рекордного 2008 г. белорусский экспорт в ЕС увеличился на 36% и составил 14,4 млрд. долларов США. Товарооборот увеличился на 36,3% и достиг 23 млрд. долларов. На долю Евросоюза пришлось 44% от общего объема всех экспортных поставок из Беларуси. По этому показателю европейские страны вышли на первое место и обошли Российскую Федерацию, доля которой в совокупном объеме белорусского экспорта равнялась 32% [6].

В 2008 г. наиболее эффективно торгово-экономические связи развивались с Германией (рост товарооборота к 2007 г. – 124,2%), Польшей (144,9%), Литвой (115%), Италией (145%), Францией (153,3%), Бельгией (154,1%) [7]. Примерно так же складываются отношения и в текущем году. По предварительным данным, в январе-апреле 2010 г. экспорт из Беларуси в ЕС составил 2,2 млрд. долларов США, что примерно соответствует аналогичному показателю 2009 г. Товарооборот составил 4,1 млрд. долларов, или 97,4% показателя за такой же период прошлого года. На страны Евросоюза в 2009 г. пришлось наибольший объем белорусского экспорта – 44%. По итогам четырех месяцев 2010 г. на ЕС приходится 31% белорусского экспорта [8]. Есть все основания полагать, что торгово-экономические отношения с Евросоюзом будут расширяться и возрастать, так как ЕС – главный поставщик на наш рынок высокотехнологичного оборудования и наукоемкой продукции. К тому же, новые члены ЕС – Польша, Латвия, Литва – традиционные торгово-экономические партнеры Беларуси.

От политики конфронтации к конструктивному диалогу

С 2006 г. происходит постепенная нормализация отношений по линии Беларусь-ЕС и политический диалог уже несет на себе практический оттенок. Реальные причины возникновения конфликта предстоит еще выяснить. Очевидно, что Евросоюзу не хватило в свое время политической дальновидности и стремления снять возникшее напряжение путем консенсуса и трансформации объективных факторов, породивших конфликт. В конце концов, большинство западных политиков пересмотрели устаревшие, деструктивные подходы к Республике Беларусь. Политика «изоляции», проводимая многие годы в отношении Беларуси, продемонстрировала полную неэффективность, уступив место здравому прагматизму.

Важным этапом белорусско-европейских отношений стало открытие в 2008 г. Представительства Комиссии Европейских сообществ (КЕС) в Минске. Крепкий фундамент политического диалога на высшем уровне заложили и встречи руководящей «тройки» ЕС с Беларусью на уровне министров иностранных дел. Недавняя встреча в Минске Президента Беларуси Александра Лукашенко с Европейским Комиссаром по вопросам расширения ЕС и Европейской политике соседства Штефаном Фюле подтвердила взаимный интерес в двухстороннем сотрудничестве.

Диалог на высшем политическом уровне активизировал двухсторонние отношения по всем направлениям и официальный Минск посетили государственный секретарь по европейским делам МИД Франции Пьер Лелуш [9], директор департамента мер торговой защиты Генерального директората по внешней торговле Европейской Комиссии Штефан Делпипер [10], начальник отдела по международным аспектам миграции и визовой политике Генерального директората по вопросам правосудия, свободы и безопасности Жан де Сестер [11] и др.

Не менее насыщенным в политическом плане был и 2009 г.: прошли визиты верховного представителя по вопросам общей внешней политики и политики безопасности ЕС, генерального секретаря Совета ЕС Хавьера Солана, директора БДИПЧ ОБСЕ Янеза Ленарчича, председателя Парламентской ассамблеи ОБСЕ Жоау Соареша, Комиссара ЕС по внешним связям и Европейской политике соседства Бениты Ферреро-Вальднер [12] и др.

Можно предположить, что белорусско-европейский диалог будет продолжен и в среднесрочной перспективе. К более тесному сотрудничеству партнеров подталкивают многие факторы, в том числе геополитические. Решение таких важных задач, как обеспечение энергетической и военной безопасности, противодействие распространения огнестрельного оружия и многие другие – требуют широкоформатного участия Беларуси, в противном случае, - предпринятые меры в этом направлении окажутся как минимум половинчатыми и малоэффективными.

Энергетика – особо чувствительная сфера, как для Беларуси, так и ЕС – оба субъекта зависимы от внешних поставщиков топливно-энергетического сырья. В силу своего уникального географического положения наше государство играет важную роль в европейском регионе в сфере энергетической безопасности. Через территорию Беларуси в страны Европы транспортируется около 30% российского природного газа и около 50% российской нефти [13]. Поэтому было бы ошибочным считать, что Евросоюз в ходе газового противостояния Минска с Москвой не сделал правильных выводов: «Газпром» стал эффективным рычагом давления внешнеполитической деятельности российского руководства [14]. Европейцы с опаской смотрят на становление России как нового центра силы, поэтому они заинтересованы, чтобы Беларусь сохранила статус-кво и не попала в орбиту влияния своего могучего восточного соседа.

Конечно, нормализация диалога по линии «Беларусь-ЕС» происходит не только по причине белорусско-российских «газовых», «молочных», «мясных» войн, но не замечать взаимосвязь между этими факторами представляется бессмысленным.

Республика Беларусь также заинтересована в сотрудничестве с западными партнерами и по другим направлениям, представляющим взаимный интерес, в том числе и в сфере логистики. Государство занимает выгодное географическое положение, это своеобразный перекресток, где сходятся важнейшие трансъевропейские магистрали и пути сообщения между экономически развитой Западной Европой и богатыми природными ресурсами Востока. За рубежом логистику в соединении с маркетингом и менеджментом называют «третьим рычагом оптимизации экономики» и «последним рубежом экономии затрат» [15, с. 28].

Территорию Беларуси пересекают 2 трансъевропейских транспортных коридора, определенных по международной классификации под номером II (Запад – Восток) и под номером IX (Север – Юг) с ответвлением IX В.

Автомобильная дорога М1/Е30 Брест – Минск – граница Российской Федерации является участком трансъевропейского транспортного коридора II Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород, соединяющего Германию, Польшу, Беларусь и Россию. Этот транспортный коридор определен Европейским Союзом как высший приоритет среди трансъевропейских транспортных коридоров в связи с важным значением проходящих по нему торговых потоков между Востоком и Западом [16]. Автомобильная дорога М8/Е95 граница Российской Федерации – Витебск – Гомель – граница Украины пересекает территорию республики с севера на юг, имеет протяженность 456 км и является участком трансъевропейского транспортного коридора IX, который соединяет Финляндию, Литву, Россию, Беларусь, Украину, Молдову, Румынию, Болгарию и Грецию. Ответвление этого коридора IXБ Гомель – Минск – Вильнюс – Клайпеда – Калининград имеет протяженность по территории Беларуси 468 км и обеспечивает выход грузовладельцев из областей Восточной Украины и Центральной России к специализированным морским портам Клайпеды, Вентспилса и Калининграда.

Беларусь – важный партнер ЕС в сфере региональной безопасности. Республика активно участвует во многих инициативах, в том числе по предотвращению распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), запрете производства новых видов оружия массового уничтожения и разработок новых систем такого оружия. Кроме того, добросовестно выполняет положения Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении и Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия. Беларусь является также стороной Договора по открытому небу, который содействует повышению транспарентности и укреплению доверия в регионе и Европе в целом.

Последовательная политика Беларуси в вопросах международной и региональной безопасности – реальный вклад в укрепление стабильности на европейском континенте. Позиции Беларуси и ЕС сближаются и в рамках инициативы «Восточное партнерство», которая направлена на повышение уровня политического взаимодействия, интеграцию в экономику ЕС, усиление энергетической безопасности и увеличение финансовой помощи. Данная инициатива предполагает существенное углубление сотрудничества Евросоюза с шестью постсоветскими республиками (Беларусью, Украиной, Молдовой, Грузией, Арменией и Азербайджаном) как в двухстороннем (ЕС+1), так и многостороннем (ЕС+6) форматах.

Перспективы и возможности на современном этапе

Между Брюсселем и Минском открывается новая страница во взаимоотношениях, появляются новые точки соприкосновения. Это не означает кардинальный поворот на 180 градусов во внешней политике. Вопрос так не стоит – Россия была, есть и

будет стратегическим союзником Беларуси в силу исторических, культурных и экономических связей. Тем не менее, внешняя политика Республики Беларусь, учитывая геополитические реалии, должна быть многовекторной.

В настоящее время республика выполняет свыше 3 тысяч международных договоров. Из них около 1700 – двусторонние, около 1500 – многосторонние договоры [17, с. 23]. Беларусь является членом 12 специализированных учреждений ООН и более 40 других межправительственных организаций.

В формировании внешней политики страны важную роль играет Национальное собрание Республики Беларусь. Депутатами IV созыва были сформированы национальные делегации для работы в международных парламентских организациях: ПА ОБСЕ, ПА ЦЕИ, ПА ОЧЭС, ПАСЕ, ПА НАТО, Северным Советом.

Для Беларуси участие в ОБСЕ имеет принципиальное значение для продвижения белорусских внешнеполитических инициатив и ведения диалога с ключевыми европейскими структурами, в первую очередь с ЕС. Восстановление статуса «специально приглашенного» для Национального собрания Республики Беларусь в ПАСЕ – является основой развития взаимовыгодных отношений с Советом Европы.

Весомый вклад Беларусь вносит в деятельность ПА Центрально-Европейской инициативы. Однако членство в этой организации необходимо использовать более эффективно для налаживания устойчивых связей со странами этого региона. В настоящее время возможности ПА ЦЕИ Беларуси используются не в полной мере, точно так же как и Организации Черноморского экономического сотрудничества. Еще в октябре 2005 г. республике был предоставлен статус наблюдателя, однако проекты и предложения белорусской стороны в области транспорта и коммуникаций, энергетики, таможенных процедур не находят должного внимания.

Национальное собрание Республики Беларусь активно подключилось к созданию парламентского измерения инициативы «Восточное партнерство» - Евронеста. Это открывает новые возможности сотрудничества с ЕС по линии парламентской дипломатии. В то же время нельзя не заметить, что западные партнеры по отношению к Беларуси нередко используют практику «двойных» стандартов, что, безусловно, тормозит развитие белорусско-европейских отношений. Впрочем, это уже не остановит начатый диалог.

Европейский вектор открывает новые возможности и перспективы для страны. Инициатива ЕС «Восточное партнерство» направлена на структурное сближение с Беларусью, и поэтому Европейский союз намерен предоставить активную политическую и финансовую поддержку. Первые шаги навстречу друг другу сделаны, однако в дальнейшем предстоит подготовить конкретный план по сотрудничеству.

Свой внешнеполитический выбор – многовекторность – наша страна сделала и выстраивает свои отношения с другими государствами не с позиции «друг-враг», а с точки зрения национально-государственных интересов, прежде всего, экономических. В конечном счете, определять политику отношений Беларуси и ЕС будут реальные интересы белорусов и европейцев. В настоящее время такой интерес присутствует.

Список цитированных источников и литературы

1. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press13998.html#doc>. – Дата доступа: 22.03.2010.
2. Европейский Союз // Международные отношения и внешняя политика Беларуси. [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.beleu.org/index.php?link=rbeu>. – Дата доступа: 29.07.2010.
3. Европейский Союз // Международные отношения и внешняя политика Беларуси. [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.beleu.org/index.php?link=rbeu>. – Дата доступа: 29.07.2010.

4. Беларусь. Факты, 2009 / сост. А.А. Дылейко. – Минск: БЕЛТА, 2009. – 128 с.
5. Создание возможностей для двухстороннего сотрудничества // Европейский Союз. [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/belarus/>. – Дата доступа: 29.07.2010.
6. Беларусь. Факты, 2009 / сост. А.А. Дылейко. – Минск: БЕЛТА, 2009. – 128 с.
7. Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.by/ru/foreign-policy/bilateral/europe/>. – Дата доступа: 29. 07.2010.
8. Обоюдывыгодный интерес // Белорусская нива [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://belniva.by/news_full.php?id_news=3243. – Дата доступа: 15.07.2010.
9. БелТА [Электронный ресурс] / Официальное информгентство Беларуси. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://subs.belta.by/Republ2.nsf/LastNews?OpenView&Start=31&Count=30>. – Дата доступа: 10.07.2010.
10. Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/ru/press/news/dc7d36cb399c52ef.html>. – Дата доступа: 11. 07.2010.
11. Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/ru/press/news/d4912c0af893e381.html>. – Дата доступа: 11. 07.2010.
12. Солана, Х. Беларусь и ЕС положили начало тесным отношениям / Х. Солана // Интернет-портал Телеграф [Электронный ресурс]. – Минск, 2010. – Режим доступа: http://telegraf.by/in_belarus/19720.htm – Дата доступа: 11. 07.2010.
13. Беларусь в современном мире: материалы VIII Международной научной конференции, посвященной 88-летию образования БГУ, Минск, 30 октября 2009 г. / редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск: Тесей, 2009. – 362 с.
14. Путинский гол в свои ворота // ИноСМИ.Ru [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/print/232379.html>. – Дата доступа: 23.01.2007.
15. Никитенко, П. Логистика как фактор эффективности / П. Никитенко // Белорусская думка. – 2009. - № 11. – С. 28-33..
16. Беларусь. Факты, 2009 / сост. А.А. Дылейко. – Минск: БЕЛТА, 2009. – 128 с.
17. Республика Беларусь и международные организации // МИД РБ [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by/ru/foreign-policy/international-organizations/>. – Дата доступа: 15.07.2009.

ЦЕНА ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Малыхина Л.Ю.

УО «Брестский государственный технический университет», г.Брест

Ни по одному периоду истории СССР не издано так много литературы – и научных исследований, и мемуаров, как по времени Великой Отечественной войны. И вместе с тем в ней сказано далеко не обо всём, что было на самом деле, не все события воспроизведены в соответствии с реальными фактами. Многое в послевоенные десятилетия толковалось по-разному, о некоторых вещах упоминать не разрешалось. В частности, долгое время в советской, а затем и постсоветской историографии продолжались споры относительно численности людских потерь в войне. Хотя со дня окончания войны прошло уже 65 лет, достоверных данных на этот счёт долго не было, пусть и трудно усмотреть в этом какой-нибудь государственный или политический секрет.

Самая кровопролитная война в истории человечества – Вторая мировая война – длилась 6 лет. В ней участвовало 61 государство Европы, Азии, Африки, Америки и Австралии, том числе 51 состояло в антигитлеровской коалиции. Война нанесла невосполнимый ущерб человечеству, привела к гибели наиболее трудоспособной, активной и с большими творческими возможностями части населения, составляющей цвет каждой нации. В течение 1939–1945 гг. было убито и умерло от ран свыше 60 млн. человек, более 90 млн. человек получили ранения и увечья. Наибольшие потери понесли народы СССР – погибло около 27 млн. и было ранено 50 млн. [1, с. 265]. Беларусь, как принято было считать, потеряла каждого четвёртого своего жителя. В данной статье представлен краткий историографический анализ изучения проблемы людских потерь Советского Союза в годы Великой Отечественной войны.

До сих пор существуют различные оценки людских потерь Советского Союза в 1941–1945 гг., различия связаны как со способами получения исходных количественных данных по разным группам потерь, так и с методами расчётов.

В 1946 г. И.В. Сталин объявил о том, что СССР потерял в годы войны 7 млн. человек [2]. В годы «хрущёвской оттепели» эта цифра возросла до «более 20 миллионов». Цифра в 20 млн. жизней, которые отдали советские люди за Победу, впервые была названа в одном из докладов Н.С. Хрущёва и долгое время фигурировала в нашей литературе. Между тем никогда и нигде не упоминалась методика её исчисления, называлась она без дифференциации: сколько пало на полях сражений, какое количество погибло в фашистских концлагерях, сколько уничтожено мирного населения на оккупированных территориях. Потери, к несчастью, были гораздо большими.

Настоящее исследование количества убитых («безвозвратных потерь»), раненых, пропавших без вести и других категорий потерь Советского Союза в войне фактически началось лишь в конце 1980-х гг. Основным аргументом в сторону увеличения цифры людских потерь первоначально служил простой арифметический расчёт.

В 1939 г. была проведена новая Всесоюзная перепись населения. За её организацию 69 человек были награждены орденами СССР, 80 – медалями «За трудовое отличие», 12 471 человек получили денежные премии [3, с. 470]. Однако итоги переписи были опубликованы в 1940 г. лишь в виде очень кратких газетных и журнальных публикаций. Дальнейшая разработка итогов переписи была прекращена в связи с началом ВОВ, а первичные материалы – уничтожены. Таким образом, историки почти не располагали данными о населении в 1930-е гг. Кропотливый труд российских учёных Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Д. Харьковской сделал доступными статданные об умерших в России в 30-е – 50-е гг. XX столетия.

Стало известно, что население Советского Союза в предвоенном 1940 г. составляло 194,1 млн. человек, а в начале 1946 г. – 167 млн. Простое вычитание даёт разницу в 27 млн. К тому же, рождаемость в годы войны резко упала – ещё какое-то число миллионов жизней так и не появилось на свет. Если учитывать и эти косвенные потери, посчитал академик АН СССР А.М. Самсонов, то страна лишилась примерно 50 млн. человек [4, с. 313].

В случае применения метода простого арифметического вычитания не учитывается, что за время войны территория СССР несколько увеличилась за счёт присоединения таких регионов, как Тува, Закарпатье и других. Перед наукой же стояла задача – точно определить численность воинов, павших в боях, умерших от ран и болезней, численность советских военнослужащих и мирных граждан, погибших в лагерях смерти в оккупированных областях СССР, в других порабождённых фашистами странах и на территории самой Германии; численность жертв массовых казней, проводившихся

захватчиками в советских городах и сёлах, численность лиц, в силу ряда причин оставшихся за пределами Родины, учесть снижение рождаемости и рост смертности среди гражданского населения, его потери в прифронтовой полосе и от бомбёжек. Требовались серьёзные архивные изыскания, основательные расчёты, при которых неизбежны споры, появление различных методов подсчёта, документов с противоречивыми данными. Эта задача достаточно чётко была обозначена в статье В.З. Дробижева и Ю.А. Полякова «Историческая демография – важное направление научных исследований» [3, с. 461–480].

В 1988–1993 гг. коллектив военных историков под руководством генерал-полковника Кривошеева Г.Ф. провёл комплексное статистическое исследование архивных документов и других материалов, содержащих сведения о людских потерях в армии и на флоте, пограничных и внутренних войсках НКВД. При этом были использованы результаты работы комиссии Генерального штаба по определению потерь (возглавлял генерал армии С.М. Штеменко в 1966–1968 гг.) и аналогичной комиссии Министерства обороны под руководством генерала армии М.А. Гареева (1988 г.). Коллектив Г.Ф. Кривошеева был также допущен к рассекреченным в конце 1980-х гг. материалам Генерального штаба и главных штабов видов Вооружённых Сил, МВД, ФСБ, погранвойск и других архивных учреждений бывшего СССР.

Итоговая цифра людских потерь в Великой Отечественной войне впервые была обнародована в округлённом виде («почти 27 млн. чел») на торжественном заседании Верховного Совета СССР 8 мая 1990 г., посвящённом 45-летию победы Советского Союза в ВОВ [5].

Долгое время в рамках Российской Федерации официальными данными о потерях считались материалы, изданные в 1993 г. группой исследователей под руководством консультанта Военно-мемориального центра ВС РФ Г.Ф. Кривошеева «Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование», которые были переведены и на английский язык [6]. В исследовании излагалась история подсчёта и официального государственного признания людских и имущественных потерь, данные о военнопленных.

Согласно уточнённым его группой в 2001 г. данным, людские потери были следующими: 6,8 млн. военнослужащих убитыми и 4,4 млн. попавшими в плен и пропавшими без вести; общие демографические потери (включая мирное население) – 26,6 млн. человек [7, с. 514]. Сюда входят все погибшие в результате военных и иных действий противника, умершие вследствие повышенного уровня смертности в период войны на оккупированной территории и в тылу, а также лица, эмигрировавшие из СССР в годы войны и не вернувшиеся после её окончания. Подавляющее большинство умерших и погибших, естественно, приходилось на мужчин (около 20 млн.). В целом к концу 1945 г. численность женщин в возрасте от 20 до 29 лет вдвое превышала в СССР численность мужчин того же возраста.

Для определения масштабов людских потерь данный коллектив пользовался различными методами, в частности:

- *учётно-статистическим*, то есть путём анализа имеющихся учётных документов (прежде всего, донесений о потерях личного состава Вооружённых Сил СССР);

- *балансовым, или методом демографического баланса*, то есть путём сопоставления численности и возрастной структуры населения СССР на начало и конец войны.

Рассматривая работу группы Г.Ф. Кривошеева, американские демографы С. Максудов (Гарвардский университет, США) и М. Элман пришли к выводу о том, что данная ей оценка людских потерь в 26–27 млн. относительно надёжна. Они, однако,

указывают как на возможность недооценки числа потерь за счёт неполного учёта населения территорий, присоединённых СССР перед войной и в конце войны, так и на возможность завышения потерь за счёт неучёта эмиграции из СССР в 1941–1945 гг. Кроме того, официальные подсчёты не учитывают падение уровня рождаемости, за счёт которого население СССР к концу 1945 г. должно было бы быть ориентировочно на 35–36 млн. человек больше, чем при отсутствии войны. Впрочем, эта цифра признаётся ими гипотетической, поскольку она базируется на недостаточно строгих допущениях [8, с. 671–680].

В критическом обзоре работ по подсчётам людских потерь в СССР в годы ВОВ доктора экономических наук, профессора Л.Л. Рыбаковского (И-т социально-политических исследований РАН) за 2000 год [9], к традиционным методам оценки людских потерь были отнесены:

1) *метод пропорционального распределения потерь*, исходящий из того, что потери во всех частях совокупности распределяются одинаково интенсивно. При использовании которого, однако, стало понятно, что просто распределить потери гражданского населения по удельному весу численности жителей территорий, подвергшихся оккупации, а военнотружущих – по доле союзных республик в населении страны, было бы неверным;

2) *метод прямого счёта*, для применения которого в чистом виде необходимы полные сведения о погибшем гражданском населении и военнотружущих (чего достичь нереально);

3) *метод демографического баланса*, которым исчислены людские потери Советского Союза в Великой Отечественной войне. Его применение предполагает наличие сравнительно достоверных сведений о численности населения на начало и окончание войны (а это упомянутые данные статорганов СССР и оценки Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковской), о родившихся в военные годы, естественной смертности за тот же период, сальдо межреспубликанской миграции. Отличия этих данных в том, что вторые корректируют довоенные цифры в сторону снижения, одновременно увеличивая численность послевоенного населения, включая даже данные переписей. Корректировка довоенных цифр основывается на том, что предвоенная перепись завысила численность населения. Цифры послевоенных лет увеличены по родившимся и по умершим на основании поправок на неполноту регистрации.

Этнодемографический метод, был разработан и использован самим А.А. Рыбаковским для оценки численности оstarбайтеров, приходящихся на долю России. Методики оценки численности оstarбайтеров и людских потерь отличаются друг от друга тем, что в первом случае из совокупности оstarбайтеров определяется число доживших до наших дней, относящееся к гражданам России. Во втором – потери населения СССР в годы Великой Отечественной войны распределяются по бывшим союзным республикам. Применение этнодемографического метода предполагает использование как исходной величины общих для страны людских потерь. Но необходимы раздельные оценки потерь гражданского населения и военнотружущих. Таковыми им принимаются цифры – 18,3 млн. и 8,7 млн. (всего 27 млн.). Потери гражданского населения учёный распределял по союзным республикам, территории которых полностью или частично находились в оккупации, а потери военнотружущих – по постсоветским государствам. Таким образом, новый метод позволил оценить людские потери по каждому из основных этносов и распределить их по отдельным частям бывшего государства.

Так, исходя из официальных цифр группы Г.Ф. Кривошеева, с помощью этнодемографического метода, А.А. Рыбаковский определил безвозвратные потери военно-

служащих по национальностям. Погибших военнослужащих, относящихся к России, оказалось на 0,1 млн. больше, чем в материалах, полученных путём пересчёта данных о потерях РСФСР, приводимых Г.Ф. Кривошеевым.

Что касается этнических белорусов, в таблице А.А. Рыбаковского указано, что белорусы среди погибших армейцев составили 251,4 тыс. человек или 0,045 % от доли лиц данной национальности в России. В общей убыли населения СССР с 1940 по 1951 г. на долю Белоруссии приходится 10,1 %, (что резко отличается от распределения потерь мирного населения П. Поляка: у него доля России – 10,8 %, Украины – 52 %, Белоруссии – 22,4 % и т. д.). Этнодемографический метод позволил также выявить А.А. Рыбаковскому, как прежде и Г.Ф. Кривошееву, тот факт, что по мере освобождения страны доля украинцев, белорусов и представителей некоторых других национальностей в Красной Армии возрастала, а русских – снижалась. В частности, в тех же стрелковых дивизиях с 1 января по 31 декабря 1943 г. доля русских упала на 6,3 пункта (64,6 и 58,3 %), украинцев возросла почти в 2 раза (11,8 и 22,3 %), белорусов – с 1,9 до 2,7 %, что объясняется мобилизацией на освобожденных территориях.

Профессор Рыбаковский в следующей статье «Великая Отечественная: людские потери России» ещё раз сделал акцент на том, что, независимо от того, какой метод оценки людских потерь используется, он должен исходить из единой, общей для СССР величины людских потерь. Приняв официальную, чуть меньшую цифру общих потерь, – 26,6 млн., учёный вышел на оценку потерь гражданского населения в 17,9 млн. человек, что лишь на 0,4 млн. меньше прежних его данных (1,5%) [10, с. 85–95].

По мнению зарубежного исследователя *М. Хайнеса*, цифра 26,6 миллионов, полученная группой Г. Ф. Кривошеева, задаёт лишь нижний предел всех потерь СССР в войне. Общая убыль населения с июня 1941 по июнь 1945 составила 42,7 миллионов человек, и эти цифра соответствует верхнему пределу. Поэтому реальное число военных потерь находится в данном промежутке [11, с. 303–309]. Ему, однако, возражает *М. Харрисон*, который на основе статистических подсчётов приходит к выводу о том, что, даже учитывая некоторую неопределённость при оценке эмиграции и снижения уровня рождаемости, реальные военные потери СССР должны оцениваться в пределах от 23,9 до 25,8 млн. человек [12; с. 939–944].

В 1990–2000-е гг. в печати появлялись как работы, предлагающие поправки к официальным цифрам (в частности, за счёт уточнения статистических методик), так и полностью альтернативные исследования с сильно отличными данными о потерях. Как правило, в работах последнего типа оцениваемые людские потери намного превосходят официально признанные 26,6 млн. человек [13].

Например, современный российский публицист, доктор филологии *Б.В. Соколов* оценил общие людские потери СССР в 1939–1945 гг. в 43 448 тыс. человек [14, с. 340]. однако надо учитывать, что он сюда включает и демографические потери (то есть тех, кто мог бы родиться, но не родился). Подсчёт общих потерь СССР Б.В. Соколова, как утверждает российский исследователь *А.Г. Вишневикий*, основан на откровенной фальсификации: численность населения СССР на середину 1941 г. взята в 209,3 млн. человек (на 12–17 млн. человек выше реальной, на уровне 1959 г.), на начало 1946 – в 167 млн. (на 3,5 млн. выше реальной), – что в сумме как раз даёт разницу между официальной и соколовской цифрами [15, с. 440]. Тем не менее подсчёты Б.В. Соколова некритически были приняты на веру частью российской интеллигенции, повторялись во многих изданиях и СМИ.

23 октября 2009 г. для уточнения существующих отличий приказом министра обороны России была образована Межведомственная комиссия (секретарь А. Кирилин) по 148

подсчёту потерь в годы ВОВ. В её состав входили представители Минобороны, ФСБ, МВД, Росстата, Росархива. В начале мая 2010 г. данная комиссия предоставила итоги работы, согласно которым были подтверждены официальные данные 2001 г.: общие потери страны за военный период составили 26,6 млн. человек, боевые потери – почти 8,7 млн. человек. Данные потерь официально были доведены до населения страны 9 мая 2010 г., к 65-летию Великой Победы и утверждены в соответствующем нормативном документе. В странах СНГ продолжается расшифровка принятых цифр по группам потерь.

Потери гражданского населения в оккупации. В СССР не было такого города или района, где не происходило бы массовых убийств. Жертвами в немецких лагерях смерти, построенных на оккупированной советской земле: под Ригой, Вильнюсом, Каунасом, Львовом, Минском, Барановичами и т. д. в них стали, как округлённо считалось, примерно 10 млн. советских граждан.

Группа исследователей под руководством Г. Ф. Кривошева оценила общие потери гражданского населения СССР в Великой Отечественной войне приблизительно в 13,7 млн. человек. Итоговая цифра – 13 684 692 складывается из следующих составляющих:

- было преднамеренно истреблено на оккупированной территории – 7420379 человек;

- умерло и погибло от жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.) – 4 100 000 человек;

- погибло на принудительных работах в Германии – 2 164 313 человек (ещё 451 100 по разным причинам не возвратились и стали эмигрантами).

Однако большие искажения в оценке людских потерь для отдельных частей единого государства вносят внутренние миграции. Сведения о численности мигрировавшего населения из районов, откуда отступали наши войска, крайне противоречивы. Информация Госкомстата СССР об эвакуированных в военные годы включает 10 млн. тех, кто пользовался железнодорожным, и 2 млн. – водным транспортом. Но многие покидали районы боёв на автомобилях и гужевом транспорте, пешком. По мере освобождения оккупированных территорий от фашистских войск многие возвращались обратно: частью их призвали в армию, некоторые погибли.

Из общего количества потерь в зоне оккупации, как утверждается в вешнем современном белорусском учебнике под грифом Министерства образования РБ по истории войны, на территории Беларуси всего было уничтожено гражданского населения – 1 409 225 человек, вывезено в Германию – 377 776 [16, с. 133]. Однако эти данные были некритически позаимствованы в изданиях прошлых десятилетий и, как выясняется, не могут считаться окончательными. Впервые запутанная ситуация при подсчёте людских потерь была прояснена в первом «постперестроечном» учебнике «на падставе аналізу пераважна новых архіўных матэрыялаў, статыстычных і іншых крыніц» «Нарысы гісторыі Беларусі». Авторы соответствующего раздела *А.М. Литвин и Я.С. Паалов* опубликовали документ Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков за 1945 г.(!), в котором по всем 12 областям довоенной БССР указывалось количество уничтоженного гражданского населения – около 1 409 225, убитых и замученных военнопленных – 810 091, вывезенных в Германию, как они уточнили и пересчитали по таблице, – 384 786 человек [пересчитано и мною. – Л.М.]. Всего, без вывезенных граждан, в зоне оккупации Беларусь потеряла 2 219 316 человек [1, с. 323]. Те самые «свыше 2 млн. 200 тыс.» жертв, которые фигурировали в

литературе и позволяли считать, что, с учётом погибших военнoслужаших, белорусский народ потерял каждого четвёртого гражданина. (Исходя из того, что после объединения с Западной Беларусью у нас в 1939 г. проживало 10 млн. 239 тыс. человек [17, с. 223]). А.М. Литвин и Я.С. Павлов оговаривались, что в общие данные не были включены вывезенные в Германию и погибшие там; погибшие и пропавшие без вести граждане БССР, сражавшиеся в Красной Армии (а их на фронтах ВОВ воевало 1 млн. 300 тыс. [17, с. 274]); а также погибшие в партизанских отрядах. Данные об уничтоженных по ряду районов Беларуси позднее уточнялись, как правило в сторону увеличения. Что и позволило в ряде публикаций 90-х гг. XX в. – начала XXI в. утверждать, что Беларусь потеряла «почти каждого третьего» своего уроженца [18, с. 502]. В курсе лекций «Гісторыя Беларусі» (Мн., 2002) детализируется, что за годы немецкого геноцида белорусские города потеряли свыше 1 063 тыс. жителей, деревни – 445 594, выехали в Германию свыше 400 тыс., из них принудительно около 380 тыс. [18, с. 380, 467].

Людские потери в зоне тыла. Особенно сложно разобраться в том, какое количество людей умерло в результате войны на территории, не подвергавшейся оккупации. Ведь население в прифронтовых зонах, блокадных и осаждённых городах страдало от боевого воздействия

Вспомним, что уже полстолетия не затихают споры по поводу определения численности ленинградцев, погибших во время блокады. По распространённым данным за годы блокады 850 тыс. мирных жителей города погибли от холода, болезней и артобстрелов. Во втором издании книги «Воспоминания и размышления» маршал Г.К. Жуков сообщил о жертвах блокадного Ленинграда. «В страшную блокадную зиму 1941/1942 года, – писал он, – детально подсчитать умерших от голода было некому. Первой объявленной цифрой погибших было 632 тысячи человек. Но впоследствии советские историки уточнили эту цифру, что и нашло отражение в пятом томе «Очерков истории Ленинграда».

Вот что написано в этом авторитетном труде: «От налётов авиации и артиллерийских обстрелов погибло 16 467 ленинградцев и 33 782 человека получили ранения. Не менее 800 тыс. ленинградцев (курсив мой. – Г.Ж.), погибших от голода и лишений, – таков итог вражеской блокады» [4, с. 319]. В последующих изданиях, вышедших в свет уже после смерти автора, это уточнение выпало, и цифры потерь стали называться прежние.

По оценкам С. Максудова, на оккупированных территориях и в блокадном Ленинграде погибло около 7 млн. человек (из них 1 млн. в блокадном Ленинграде, 3 млн. – еврей-жертвы Холокоста), а ещё около 7 млн. человек погибло в результате повышенной смертности на не оккупированных территориях.

Как заметил Л.Л. Рыбаковский, даже в случае обращения к одному источнику, количество погибшего в блокадном Ленинграде мирного населения указывается не одинаково. Для Ленинграда и области А.А. Шевяков приводит цифру погибших в 1,4 млн. человек; по данным П. Поляна, погибло немногим более 700 тыс. человек – хотя оба автора используют материалы Чрезвычайной государственной комиссии в освобождённых районах. По мнению Д. Лихачева, во время блокады в городе погибло не менее 2-х млн. человек: туда бежали от наступающего врага многие жители сельских районов. Их никто не учитывал, хотя и они в числе погибших.

Люди, проживающие в зоне советского тыла, – в центральных районах, в Поволжье, на Урале, в Сибири – умирали от недостатка питания, лекарств, медицинской помощи и других бед, вызванных войной. Статистика вполне может выявить число и таких жертв. Но полные статистические материалы по рассматриваемым видам потерь гражданского населения отсутствуют.

С февраля 1942 г. все мужчины с 16 до 55 лет и женщины с 16 до 45 лет были мобилизованы на работу в промышленности и в строительстве при соблюдении абсолютного приоритета для заводов, выпускающих танки, самолёты, оружие и боеприпасы. Мобилизация затронула около 12 млн. человек, из которых половина использовалась на сезонных работах и примерно 3 млн. было направлено на заводы.

Село лишилось мужчин, их заменили старики, женщины и дети. Они в не оккупированных областях составляли 86 % всей наличной рабочей силы. В сельский труд также были введены элементы милитаризации. В страду на полях использовали труд горожан, прежде всего школьников. Труд во имя победы сочетался с постоянным психологическим напряжением: горем в связи с гибелью близкого человека, ожиданием письма с фронта, 11–12 часовым рабочим днём, редкими выходными, тревогой за детей, оставшихся без присмотра взрослых. Рабочие, выполнявшие по две нормы, стали давать две-три, овладевали смежными специальностями. Особенно большую роль в победе сыграл тот фактор, что очень организованно в начале войны прошёл демонтаж заводов тяжёлой промышленности, находящихся в южных районах Украины и Беларуси и их быстрая сборка, установка на Урале и в других районах, где выпускались танки, самолёты и другая тяжёлая военная техника. Благодаря самоотверженной работе тыла в первой половине 1944 г. удалось достичь постоянного превосходства Красной Армии над противником по оснащённости боевой техникой. Повышенная смертность, труд на износ, низкая рождаемость и другие факторы привели к потерям по приблизительным расчётам 5–7 млн. советского населения в тылу.

Потери Красной Армии на фронтах. Важно было разобраться и в том, какого рода потери понесла армия – сколько человек было убито, сколько ранено, сколько попало в плен.

Во время ВОВ произошло резкое нарушение закономерностей вооружённой борьбы: нападающая сторона обычно несёт гораздо большие потери, чем обороняющаяся. А потери фашистской Германии на советско-германском фронте составили, как известно, 10 млн. человек. Спор по поводу соотношения людских потерь на Восточном фронте в годы ВОВ разделил участников на две группы: на тех, кто считает, что военнослужащих Красной Армии погибло многократно больше (в четыре, пять и более раз), чем солдат и офицеров вермахта; и на тех, кто убеждён в сопоставимости урона советских и немецких войск.

Один из сторонников первой точки зрения Б.В. Соколов в книге «Цена Победы» (1990) насчитал 14,7 млн. павших советских воинов (соотношение убитых 3,8:1). Через три года в статье «Цена потерь – цена системы» («НГ» от 22 июня 1993 г.) и других публикациях он же довёл общее число погибших в рядах Советских Вооружённых Сил в 1941–1945 гг. до **26,4 млн.** человек (из них 4 млн. погибло в плену) [14, с. 340]. Соотношение потерь стало 10:1. Тогда эта цифра казалась настолько абсурдной, что историки её просто проигнорировали (в материалах научной конференции «Людские потери СССР в Великой Отечественной войне», проходившей в Институте российской истории РАН 14–15 марта 1995 г. выводы Соколова даже не упоминались) [19].

Проведение отдельных подсчётов наших потерь на фронте и в тылу показали, что различия в потерях на фронте, не считая пленных, не так велики, как считалось раньше. Наши потери были выше главным образом за счёт первых лет войны. Только за первые три недели войны Красная Армия потеряла 850 тыс. человек, а за первое полугодие 1941 г. потери в людях составили 5 млн. или 9/10 предвоенной численности [20, с. 12]. В то время враг превосходил СССР и в людских ресурсах – население Германии с оккупированными странами составляло 400 млн. чел. (в СССР – 197 млн.). Сегодня,

по утверждённому в РФ на 2010 г. официально, на основании работы межведомственной комиссии Кирилина данным, соотношения боевых потерь нашей армии и фашистской Германии составляют 1,3 к одному.

Огромные размеры потерь в армии были связаны с прояснением ещё одного вопроса: учитывался ли вообще и в какой мере размер возможных жертв при планировании наших операций? Ясно, что до конца 1942 г. этот фактор почти не принимался во внимание, ибо остановить врага было необходимо любыми средствами. Однако и в начале 1943 г., когда наш перевес с каждым месяцем вырисовывался всё яснее, и вскоре инициатива вообще полностью перешла к нам, величина вероятных потерь так и не начала приниматься во внимание при выборе вариантов операции.

Во всяком случае, в мемуарах высших военачальников – представителей Ставки, командующих фронтами и армиями – не встречаются упоминания об этом. Сказались, видимо два момента: привычка, воспитанная трагической обстановкой 1941 и 1942 гг., и общая атмосфера безжалостного отношения к людям вообще, свойственная режиму И. Сталина. Уж если от голода при коллективизации и в ходе незаконных репрессий погибали миллионы, то в войну ценность человеческой жизни и вовсе была для верховного главнокомандующего фактом незначимым, который и принимать во внимание не следует: на то она и война, чтобы гибли люди.

По данным Министерства обороны России в 2007 г., безвозвратные потери в ходе боевых действий на советско-германском фронте с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. составили 8 860 400 советских военнослужащих. Источником послужили данные, раскритикованные в 1993 г., и сведения, полученные в ходе поисковых работ Вахт Памяти и в исторических архивах. Из них (на 1993 г.): убито 5 226 800 человек, умерло от ран и болезней 1 102 800 человек, небоевые потери (погибли от различных причин и несчастных случаев, расстреляны) 555 500 человек, всего – 6 885 100, остальные – неизвестны [21]. Позднее эти цифры были пересмотрены.

Огромное количество красноармейцев, похороненных в братских могилах, до сих пор остаются неизвестными. Созданы многочисленные военно-мемориальные отделы в вооружённых силах, в добровольном поисковом движении участвуют тысячи людей. Но до сих пор неизвестно, сколько на территории европейских стран кладбищ и военных захоронений. В 1991 г. году было решено провести полную паспортизацию всех захоронений военной поры по всей Европе, но с распадом Советского Союза эта работа застопорилась и на сегодняшний день проведена максимум на 70 %, сообщает А. Кирилин, начальник Военно-мемориального центра Вооружённых сил Российской Федерации. Беларусь – единственная страна, где эта работа проведена полностью! Всего, по всем странам паспортизирована 31 тысяча захоронений, в которых покоятся останки более 5 млн. солдат. 75 %, а иногда 90 % погибших лежат до сих пор как неизвестные солдаты [24, с. 2].

Во время войны местами для захоронений становились госпитальные и санитарные кладбища, одиночные и братские могилы встречались на пахотных полях, на обочинах. С 1947 г. по 1952 г. по всей стране были организованы массовые срочные перезахоронения военных могил. Далеко не всегда обращались к архивным данным, чтобы установить, кто захоронен в конкретных могилах. Дисциплина в армии была строгой, несмотря на военную неразбериху каждый командир отчитывался обо всех погибших в донесениях о безвозвратных потерях, к отчёту прилагалась схема расположения могил павших, зарисованная от руки или на карте, с привязкой к местности. Однако фанерные обелиски через несколько лет разрушались, во время перезахоронений с донесениями о безвозвратных потерях никто не сверялся.

В 2003 г. Президент РФ В.В. Путин поручил Министерству обороны создать электронный банк данных погибших в период Великой Отечественной войны. Но установить имена погибших в первые месяцы войны, когда потери были столь массовыми, что бойцов не хоронили (позже это делали местные жители), почти невозможно. Не всегда даже получается установить имена погибших в наступательных, освободительных операциях, но работа продолжается. Беларусь одна из первых создала поисковый батальон и управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в структуре Минобороны Беларуси, у нас также проводится работа по созданию банка данных погибших во Второй мировой войне. Огромное значение в исследовании и увековечивании памяти о жертвах геноцида среди евреев, белорусов и представителей других национальностей имеет многотомное издание книги «Память» в Республике Беларусь, где даётся выборка документальных материалов областных и Национального архивов Республики Беларусь, архивов Российской Федерации, сведения из музеев.

По уточнённым на 2010 г. данным, которые сообщил начальник управления Минобороны РФ по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества генерал-майор А. Кирилин, безвозвратные потери личного состава советских вооружённых сил составили свыше 8,6 млн. – почти 8,7 млн. человек. (По его словам, в армии и на флоте за период войны погибло 8 509 300 человек, в погранвойсках – 61 400, во внутренних войсках МВД – 97 700 человек. «Потери личного состава частей и подразделений народного ополчения, партизанских отрядов, формирований гражданских министерств и ведомств, принимавших участие в обеспечении боевых действий фронтов и сил флота, учтены в общих потерях гражданского населения страны»). Генерал А. Кирилин сообщил, что за период ВОВ 4 млн. 559 военнослужащих пропали без вести – около 500 тыс. из них погибли от прямых попаданий снарядов, были сожжены в танках и самолётах, утонули на кораблях и подводных лодках – уже не удастся узнать ни их имён ни мест захоронения.

Потери в плену. Общая численность советских военнопленных за годы ВОВ составила около 5 млн. человек, из которых 3,3 млн. человек были взяты в плен в первое военное лето. В неволе погибли около 3,5 млн. человек. По специальному приказу среди военнопленных уничтожению подлежали в первую очередь политработники, коммунисты и командиры, советские активисты. Участь остальных была не намного лучше – их планомерно старались умертвить голодом и холодом, травили ядом и другими способами, потому что видели в них обузу. Впоследствии немцы предпочли использовать их в качестве дешёвой рабочей силы. Определённая часть людей, не выдержав испытаний, оказалась на немецкой службе.

Пересчёт потерь в плену только в течение последних двух десятилетий не единожды корректировался. Так, по материалам Г. Ф. Кривошеева на 1998 г.: во время Великой Отечественной войны всего пропали без вести и попали в плен 3 396 400 военнослужащих; вернулись из плена 1 836 000 военнослужащих, не вернулись (погибли, эмигрировали) – 1 783 300 [22]. А по данным Министерства обороны РФ, опубликованным в 2005 г., во время ВОВ всего в плен попали 4 559 000 советских военнослужащих. В статье М.В. Филимошина к этому числу дополнительно прибавлены 500 тыс. военнообязанных, призванных по мобилизации, но не зачисленных в списки войск [23].

Как сообщил в 2007 г. начальник Центра информации и общественных связей КГБ Беларуси Валерий Надточаев, у нас была предпринята попытка объединить в единую базу данных немецкие, российские, белорусские и украинские архивы по военнопленным, погибшим в немецких лагерях. Работа ещё не закончена, но уже дала конкретные результаты [24, с. 2].

Можно согласиться с мнением директора Института Российской истории РАН Андрея Сахарова, что «в свете последних исследований документации военного времени, становится ясно, что совершенно невероятное количество жертв пошло на алтарь победы, хотя этого можно было избежать. В этой связи совершенно по-другому предстаёт и фигура верховного главнокомандующего, который допускал такие вещи». Изучение проблемы людских потерь Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, наиболее тщательно проходившее в Российской Федерации, привело к обнародованию и официальному принятию научно обоснованных данных: СССР потерял 26,6 млн. жизней, из них – около 8,7 млн. военнослужащих. Уточнение и расшифровка цифр по группам потерь продолжается. Методы демографического баланса и этнодемографического дают возможность отечественным учёным, исходя из количества общих потерь, найти научно обоснованные доказательства тому, что Беларусь в годы последней войны потеряла почти каждого третьего человека.

Список цитированных источников и литературы

1. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк, І.М. Ігнаценка, У.І. Вышыньскі [і інш.]; Ін-т гісторыі АНБ. – Мн.: Беларусь, 1995. – Ч. 2.
2. «Правда». 14 марта 1946 г.
3. Дробижев, В.З. Историческая демография – важное направление научных исследований / В.З. Дробижев, Ю.А. Поляков // Историки спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В.С. Лельчука. – М.: Политиздат, 1988. – С. 461-480.
4. Горов, В.Я. 1941-1945 гг. на подступах к истине / В.Я. Горов, А.М. Самсонов // Историки спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В.С. Лельчука. – М.: Политиздат, 1988. – С. 304-334.
5. Горбачёв, М.С. Уроки войны и победы / М.С. Горбачёв // Известия. – 1990. – 9 мая.
6. Soviet Casualties and Combat Losses in the Twentieth Century / Ed. by Colonel-General G.F. Krivosheev. – London: Greenhill Books, 1997. – 304 p.
7. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил: Статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001. – С. 514.
8. Ellman, M. Soviet deaths in the Great Patriotic War: a note / M. Ellman, S. Maksudov // Europe-Asia Studies. – 1994. – Vol. 46. – No. 4. – Pp. 671-680.
9. Рыбаковский, Л.Л. Людские потери ССР в Великой Отечественной войне / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2000. – № 6. – С. 108–118.
10. Рыбаковский, Л. Великая Отечественная: людские потери России / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 85–95.
11. Haynes, Michael. Counting Soviet Deaths in the Great Patriotic War: a Note // Europe-Asia Studies. – 2003. – Vol. 55. – No. 2. – Pp. 303–309.
12. Harrison, Mark. Counting Soviet Deaths in the Great Patriotic War: Comment // Europe-Asia Studies. – 2003. – Vol. 55. – No. 6. – Pp. 939-944.
13. Людские потери СССР в Великой Отечественной войне: Сб.ст. СПб., 1995; Максудов, С. Потери населения СССР в годы второй мировой войны // Население и общество: Информационный бюллетень. 1995. № 5; Михалев, С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Статистическое исследование. Красноярск: РИО КГПУ, 2000; Михалев, С. Н., Шабаяев, А.А. Трагедия противостояния. Потери вооружённых сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Историко-статистическое исследование. М.: МГФ «Отечественная история», 2002; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооружённых сил: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Олма-Пресс, 2001. Соколов, Б.В. Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939-1945 / Б.В. Соколов. Правда о Великой Отечественной войне (Сборник статей). – СПб.: Алетей, 1989; Соколов, Б.В. Вторая мировая: факты и версии. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

14. Соколов, Б.В. Вторая мировая: факты и версии / Б.В. Соколов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – С. 331, 340.
15. Вишневский, А.Г. Демографическая модернизация России 1900–2000 / А.Г. Вишневский [и др.]. – М., 2006. – С. 440
16. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / А.А. Коваленя [и др.]; под ред. А.А. Ковалени, Н.С. Сташкевича; пер. с бел. яз. А.В. Скорохода. – Мн.: Изд. Центр БГУ, 2004.
17. Гісторыя Беларусі: у 2 ч.: Вучэб. дапамож. / Пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мн.: Універсітэцкае, 1998. – Ч. 2: Люты 1917 г. – 1997.
18. Гісторыя Беларусі: у 2 ч.: Курс лекцый / П.І. Брыгадзін, У.Ф. Ладысеў, П.І. Зялінскі і інш. – Мн.: РІВШ БДУ, 2002. – Ч. 2: XIX–XX стагоддзі
19. Литвиненко Владимир, Васильев Владимир. О «подсчётах» боевых потерь в ходе Великой Отечественной войны доктора филологии Бориса Соколова. http://nvo.ng.ru/history/2001-09-28/5_science.html
20. Всеобщая история новейшего времени. – М., 1993. – С. 12.
21. Минобороны назвало потери в Великой Отечественной войне // <http://top.rbc.ru/society/04/05/2007/100470.shtml>
22. Генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев. Анализ сил и потерь на советско-германском фронте: Доклад на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны от 29 декабря 1998 г.
23. Филимошин, М.В. Людские потери вооружённых сил СССР <http://ecsocman.edu.ru/images/pubs/2006/11/21>
24. Лицкевич, С. Вспомнить всех поименно / С. Лицкевич // Советская Белоруссия. – 2007. – 9 августа. Четверг. № 30(322). – С. 2.

ОТПОР ВРАГУ. МУЖЕСТВО И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мандрик И.В.

УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», г. Витебск

С восходом солнца 22 июня 1941 г. германские войска напали на нашу страну. Гитлер рассчитывал на скорую и лёгкую победу. В утверждённых им планах предусматривалось путём «молниеносной военной операции» в течение полутора – двух месяцев разбить Красную Армию, к осени 1941 г. выйти на линию Архангельск–Волга–Астрахань и завершить войну против СССР до зимы мощным ударом авиации по Уралу. Немецкая нация, сбита с толку нацистской пропагандой, верила в успех «восточного похода». Но враг просчитался. Хотя вероломное нападение вооружённых до зубов фашистов создало для нашей Родины огромную опасность, в начальный период войны поставило страну в критическое положение, тем не менее, советский народ не дрогнул, не утратил уверенности в конечной победе над фашизмом, поднялся на борьбу с коварным и сильным врагом, справился с неимоверными трудностями, выстоял и победил.

Тяжёлым испытанием война стала для работников железнодорожного транспорта. В первые же часы войны немецкое командование приступило к выполнению тех

пунктов плана «Барбаросса», где указывалось на необходимость как можно глубже парализовать перевозки по железным дорогам: «русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции должны перерезаться, или выводиться из строя» [1, с. 153]. В соответствии с планом фашисты приступили к разрушению основных коммуникаций на железных дорогах. Ожесточённым бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу были подвергнуты железнодорожные узловые станции главного направления фашистского удара, поезда, движущиеся в западном и восточном направлении Брест-Литовской, Белорусской, Западной железных дорогах. Самая тяжёлая обстановка сложилась на Брест-Литовской дороге. Под артиллерийским обстрелом оказался Брест, с воздуха бомбёжкам подверглись станции: Лида, Жабинка. Налёты постоянно учащались, становились всё более массированными, ожесточёнными. За первые дни войны фашистам удалось вывести из строя сотни важных объектов в Западной и в Центральной части БССР.

Столкнувшись с агрессивными действиями фашистов, железнодорожники республики проявили высокие моральные качества, действовали смело, мужественно, самоотверженно. Всеми силами и средствами помогали Красной Армии уничтожать фашистских захватчиков и вражескую технику. В неравный бой, как патриоты своей страны, вступили с захватчиками под руководством начальника отделения Л.Д. Елина железнодорожники станции Брест-Восточный и Брест-Центральный. В течение 10 суток 27 человек (в основном железнодорожники) и 2 десятка красноармейцев отбивали атаки на здание Брестского вокзала. Только в ночь с 1 на 2 июля оставшиеся в живых защитники покинули подвалы здания [2, с. 74–75].

Не понимая в чём причины столь неудачного и трагичного начала войны, железнодорожники не поддавались панике, приходили к убеждению, что победа над врагом будет зависеть от их личного вклада. С 24 июня 1941 г. железные дороги страны переведены на особый военный режим [3, с. 352]. Слаженность в работу железнодорожников Белоруссии в первые дни войны внесла Центральная эвакуационная комиссия, которая была создана при СНК БССР уже 25 июня 1941 г. Под ее контролем работали эвакуационные пункты в крупных городах: Витебске, Могилёве и Гомеле. [4, с. 202]. Основная роль при эвакуации отводилась рабочим и специалистам железнодорожного транспорта. Чтобы спасти население и материальные ценности, эвакуацию нужно было провести в самые сжатые сроки. В первую очередь эвакуировали женщин и детей, квалифицированных рабочих и специалистов. Вывозили станки и оборудование, хлеб, собственное (железнодорожное) имущество.

В условиях непрерывных налётов вражеской авиации на Гомельский, Могилёвский, Витебский железнодорожные узлы и подъездные пути к промышленным предприятиям железнодорожники Беларуси вместе с трудовыми коллективами предприятий сумели в короткие сроки демонтировать, погрузить и отправить в тыл оборудование, сырьё и аппаратуру на миллиарды рублей. Всего шесть дней было опущено железнодорожникам Витебского отделения на эвакуационные мероприятия. За это время было спасено оборудование 37 предприятий [5, с. 86].

Так же проходила эвакуация предприятий и учреждений Гомеля, Могилёва, Орши, других городов и посёлков. Всего в восточные районы страны вывезено от 1,1 до 1,5 млн. населения Беларуси. Путём эвакуации на Восток спасены огромные материальные ресурсы промышленного и сельскохозяйственного производства. В тыл отправлено оборудование 124 крупнейших предприятий республики, около 904 тыс. тонн зернопродуктов, почти 5 тыс. тракторов, 223 комбайна, 400 паровозов, 14 тыс. 500 вагонов, другие материальные ценности [6, с. 277].

Мероприятия по эвакуации с территории Белоруссии проводились в сложнейших прифронтовых условиях. Перед белорусскими железнодорожниками стояла неминуемо трудная задача: обеспечить невиданный до этого времени грузопоток; вести оперативную переброску войск, боевой техники, боеприпасов, продовольствия и эвакуацию предприятий, учреждений, населения. Как вспоминает о тех событиях начальник тыла Красной Армии А.В. Хрулёв, необходимо было обеспечить работу в условиях, когда «два колоссальных потока поездов с невероятным трудом двигались на встречных направлениях под непрерывными ударами авиации противника» [7, с. 65].

Оказавшись на оккупированной территории, железнодорожники сделали верный выбор: подавляющая часть работников железных дорог включилась в освободительную борьбу, вступила в смертельную схватку с врагом.

Существенный урон немецким захватчикам на жизненно важных для врага коммуникациях наносили подпольные группы и организации. Подпольщики Минского железнодорожного узла (здесь было создано около десятка подпольных групп) в декабре 1941 г. во время защиты Москвы совершили дерзкие диверсии, которые снизили пропускную способность железнодорожных линий на оккупированной территории в десятки раз. В декабре 1941 г. движение поездов по оккупированной территории упало до тревожно низкого уровня: вместо планируемых 90–100 эшелонов немцы смогли доставить к фронту лишь 5–6 [8, с. 129–131].

Наиболее крупной из групп начального периода войны, которая умелыми и смелыми действиями нанесла серьезный ущерб врагу, была группа К.С. Заслонова на железнодорожном узле Орша. Через этот узел шло воинское пополнение, боеприпасы, техника наступавшим на Москву вражеским войскам. Эвакуировавшаяся группа оршанских железнодорожников во главе с К.С. Заслоновым обратилась в ЦК ВКП(б) и наркомат путей сообщения с просьбой разрешить им организовать партизанский отряд, чтобы действовать против врага на железнодорожной линии от Ярцево до Барановичей. Решение было принято Смоленским обкомом ВКП(б) 18.09.1941. В нем был определен личный состав отряда в количестве 41 человека, командиром отряда утвержден К.С. Заслонов [17, л. 336]. Глубоко преданный своей стране, инженер-железнодорожник К.С.Заслонов внедрился к оккупантам в качестве начальника русских паровозных бригад. После чего содействовал трудоустройству на железнодорожный узел целой группы людей, сформированной еще в Смоленске. Группа Заслонова постоянно пополнялась, к подпольной работе привлекались люди ранее работавшие в депо и на других предприятиях железнодорожного узла. В эту группу вошли: А.Е.Андреев, С.И. Чебриков, П.В. Шурмин и др. Ни одного дня не проходило без того, чтобы группа не совершила одну или несколько диверсий. Подпольщики повреждали детали паровозов, выводили из строя средства сигнализации и связи, водоснабжения. В отчете о деятельности группы Заслонов писал: только за декабрь 1941 г. взорвано 14 паровозных топков, выведено из строя 7 паровозов. В ночь с 8 на 9 декабря в районе станции Новосады под откос пущен поезд. На 23 паровозах заглушены маслопроводы, заморожено 32 паровоза, засыпано песка и соли в бунксы 27 паровозов, выведен из строя двигатель внутреннего сгорания электростанция депо. За три месяца группа организовала около 100 крушений, вывела из строя более 170 паровозов, сотни вагонов и цистерн [2, с. 363].

В конце февраля 1942 г. Заслонов и его боевые товарищи ушли в окрестные леса, сформировали партизанский отряд, который вскоре вырос в бригаду, насчитывающую свыше 700 человек. 14 сентября 1942 г. на заседании Богущевского подпольного райкома партии К.С. Заслонов был принят в ряды ВКП(б). В заявлении, с просьбой

принять его кандидатом в члены ВКП(б) он указывал, что: «согласен выполнять честно и полностью любые партийные и государственные задания, не щадя ни собственных сил, ни жизни» [2, с. 365]. К.С. Заслонов оправдал оказанное ему доверие. Партизанское соединение, где он был командиром, наносило фашистам чувствительный урон. 14 ноября 1942 г. в неравном бою с врагом у деревни Куповать Сенненского района К.С.Заслонов погиб.

Разрушительными для фашистской армии были действия боевых групп и на других крупных железнодорожных станциях Беларуси. Подпольные группы железнодорожников Полоцка, возглавляемые Некрошевичем, Еремеевым, Астаповым, Вишневым, вывели из строя десятки паровозов угольными минами. Вначале мины получали из Орши, затем наладили производство таких же собственных устройств.

Диверсионная работа белорусских железнодорожников зимой 1941–1942 гг. вместе с боевыми группами оккупированных областей Российской Федерации и Прибалтики поставила фашистскую армию в тяжёлое положение. Только за первую половину декабря из строя было выведено 2 тыс. паровозов. Восполнить эти потери фашисты не смогли, что резко ухудшило для них условия передислокации войск и доставку вооружения.

Несмотря на жестокие меры, предпринимаемые по отношению к подпольщикам, гитлеровцы не смогли предотвратить удары подпольщиков и партизан по коммуникациям основных направлений. Железнодорожные линии подвергались непрерывным нападениям, увеличивалось число повреждённых паровозов, вагонов, поезда задерживались. В ходе первой операции «рельсовая война», в которой самую активную роль играли партизаны-железнодорожники, было подорвано около 215 тыс. рельсов, пущено под откос сотни поездов, взорваны железнодорожные мосты и станционные сооружения [2, с. 376–377]. Активно вели борьбу с оккупантами железнодорожники Гомельского узла, где выделялась подпольная группа паровозоремонтного завода [8, с. 131]. Мужественно боролись с врагом подпольщики Минского паровозного депо (руководитель Ф.К.Кузнецов). После того, как фашисты раскрыли и бросили в тюремные застенки десятки подпольщиков этой группы, вместо погибших патриотов и ушедших в партизанские отряды пришли другие. Подполье здесь продолжало действовать. Группа в составе 15 человек во главе с коммунистом В.Шатько 2 апреля 1942 г. подорвала состав с горючим, направляющимся на фронт [2, с. 367].

Из многих героических дел железнодорожников достойна обязательного упоминания одна из крупнейших диверсионных операций Великой Отечественной войны, совершенная на Осиповическом железнодорожном узле. В ночь на 30 июля 1943 г. железнодорожник Ф.Крылович взорвал двумя магнитными минами эшелон с горючим, возникший при этом пожар, уничтожил еще 4 эшелона, в том числе – один с танками «Тигр», 63 вагона со снарядами, авиабомбами, минами, 31 цистерну с горючим, повреждены угольный склад, блокпост, депо [6, с. 296–297].

Боевые действия патриотов-подпольщиков на предприятиях железной дороги становились одним из серьезных препятствий в решении задач «Блицкрига». Уже 16.09.1941г. начальник штаба верховного главнокомандования фашистской Германии Кейтель издал приказ о подавлении «коммунистического повстанческого движения» в оккупированных областях.

В силу массовости подпольного движения, недостаточного опыта нелегальной работы фашистам удавалось внедрять в подпольные организации свою агентуру, что, порой, наносило им чувствительные удары. Но ничто не могло запугать патриотов. Всенародная борьба на оккупированной территории ширилась и крепла, становилась

все более действенной. Группа безопасности и СД сообщали своему руководству: «Диверсии на железнодорожной линии Минск–Орша стали такими частыми, что каждую с них в отдельности не опишешь. Не проходит не одного дня, чтобы не было совершено одной или нескольких диверсий» [11, с. 204].

Высокая гражданственность и патриотизм белорусских железнодорожников на протяжении всей войны наблюдались в тылу страны. Они вместе с железнодорожниками других дорог обеспечивали невиданный в мировой практике до этого объем перевозочного процесса. Машинисты белорусских предприятий объединялись в колонны особого резерва НКПС², которые использовались, как известно, на главных, самых важных направлениях фронта. Частью колонны особого резерва был взвод машиниста с Гомельщины Чухнюк Елены Мироновны. Под непрерывным обстрелом водила она поезд на передовые позиции Сталинградского фронта. Зимой 1942–1943гг. в лютые морозы обеспечивала перевозки по железной дороге Воркута – Котлас, затем перевозила грузы, необходимые для освобождения Беларуси. Ратный труд женщины-машиниста отмечен высокой наградой. Ей присвоено по праву высокое звание Героя Социалистического Труда.

Дух высокой организованности и дисциплины вносили в работу железнодорожники других профессий. Они были инициаторами скоростного формирования и продвижения поездов, укрепления материальной базы железнодорожных предприятий, быстрого восстановления разрушенных врагом железнодорожных участков.

Трудности военного времени в обеспечении перевозок грузов на фронт, пассажиров в районах быстрого развития военной экономики, казавшиеся, порой, неразрешимыми, умело, с невероятным упорством преодолевались. Союзники по антигитлеровской коалиции часто не могли понять, как русские осуществляли стратегическое сосредоточение и переброску армий в невероятные короткие сроки. Они отмечали, что «используя железнодорожный транспорт, русским удавалось ошеломлять немецкое командование, так как подобная быстрота таких перевозок по железным дорогам шла в разрез с имеющимся опытом» [9, с. 144].

Огромные объемы воинских перевозок выполнены белорусскими железнодорожниками в составе колонн НКПС при наступательных операциях 1944 г. и в дни завершения боёв в 1945 г.

К проведению Белорусской операции «Багратион» по предварительным расчётам Генштаба надлежало направить до 400 тыс. тонн боеприпасов, 300 тыс. тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тыс. продовольствия и фуража. Нужно было сосредоточить в заданных районах 5 общевойсковых, 2 танковые и одну воздушную армии, а также Первую армию Войска Польского. Основная нагрузка масштабных перевозок выпала на работников Белорусской железной дороги (начальник Н.И. Краснобаев) и Западной железной дороги (начальник дороги В.П.Егоров). Перевозки следовало осуществить в короткие сроки и скрытно. В июне 1944 г. для полного обеспечения операции железнодорожники доставляли к местам назначения до 90–100 поездов в день. Несмотря на это, как отмечал Маршал Советского Союза А.М. Василевский к первоначальному сроку наступления (15–20 июня 1944 г.) доставка запланированных ресурсов не была своевременно выполнена. Пришлось из-за этого начало операции отложить на несколько суток. Утром 14 июня 1944 г. Сталин принял решение о переносе операции на 23 июня [18, с. 402].

² Колонна особого резерва обычно состояла из 30 паровозов. Каждую колонну возглавлял начальник и комиссар. Колонна состояла из рот (по 5 паровозов в каждой). Команда, обслуживающая паровоз, составляла взвод, который возглавлял старший машинист. Бойцам и командирам колонны присваивалось воинское звание, выдавалось оружие и военная форма.

Приближало победу над врагом и то, что железнодорожники смогли в короткие сроки восстановить разрушенное путевое хозяйство в освобожденных районах. В ходе осенне-зимней 1943–1944 гг. наступательной операции Советская Армия освободила почти шестую часть территории Республики. 14 января были освобождены Мозырь и Калинковичи, а 24 февраля 1944 г. – Рогачёв. После этого произошло стабилизация на фронте до июня 1944 г. На освобожденной территории налаживалась мирная жизнь, принимались меры по ликвидации последствий войны. Быстрое восстановление железнодорожного транспорта, как определил Государственный Комитет Обороны, являлось «важнейшей оборонной задачей» [14, с. 714]. В числе первоочередных задач стала задача восстановления, примерно, 750 км. железнодорожных путей. Заново пришлось возводить железнодорожное хозяйство в Гомеле, Мозыре, Лиозно, Зальше, Городке, Езерище, Бычихе и других станциях. Работы по восстановлению начинались в первые же дни.

В ноябре 1943 г. было создано управление строительно-восстановительных работ на Белорусской железной дороге (начальник С.Б. Потлатов). При участии партийных организаций под конец 1943 г. удалось создать, в основном, из местного населения профессиональный коллектив строителей, что способствовало успешной работе по восстановлению железнодорожных объектов не только в текущем, но и в следующем 1944 г. На завершении 1944 г. на Гомельском узле в эксплуатацию были введены почти все объекты паровозного и вагонного хозяйства, пути, связи. Одновременно ремонтировались жилые дома, приводились в порядок помещения культурного и бытового назначения [24, с. 297]. На Кричевском железнодорожном узле под руководством начальника станции М.А. Галиновича была создана оперативная группа. Все основные восстановительные виды работ, необходимые для прибывающих на станцию эшелонов, группа выполнила своими силами в срок [15, с. 15].

Быстрыми темпами шло восстановление разрушенного пути в районах, освобожденных в ходе операции «Багратион». С 23 июня по 18 августа Советская Армия освободила территорию, где находилось 1702 км. железных дорог нормальной колеи и 696 км. узкоколейных. Железнодорожникам в это время предстояло практически вместе с наступающими частями открывать движение в направлении Минск–Брест, Смоленск–Витебск, Полоцк–Двинск (Даугавпилс)–Шауляй и Полоцк–Молодечно [2, с. 292]. В считанные дни военные железнодорожники с помощью населения восстановили сотни километров железнодорожного полотна, мосты, другие коммуникации.

Освобожденная магистраль Беларуси брала на себя фронтовую и гражданскую нагрузку. Уже 4 июля 1944 г. через Минск на запад пошли военные эшелоны, а спустя неделю Минский железнодорожный узел принял мирные поезда [2, с. 295]. В самый западный пункт Беларуси Брест поезд прибыл уже на третий день после его освобождения [6, с. 314]. При содействии рабочих и служащих других отраслей народного хозяйства железнодорожники только за 1943–1944 гг. восстановили и ввели в действие основные линии железнодорожного полотна. Каждый день на освобожденной территории Беларуси восстанавливалось 25–30 км. пути.

Конечно, это были только первые шаги по восстановлению. Объекты железной дороги Республики имели очень высокую степень повреждения и требовали колоссальных материальных средств. От того, что имелось на Белорусской железной дороге в 1940 г. в современных границах (более 5,7 тыс. км путей) во время войны уничтожено 2 тыс. км путей главного хода и 800 км. путей станционного назначения. Разорено 60% насосных станций, 75% мостов и путепроводов, более 2 тыс. жилых и служебных зданий, почти целиком выведены из строя паровозные, вагонные депо, было уничтожено больше чем 3 тыс. паровозов и мотовозов, около 13 тыс. вагонов [12, с. 421]. В Лиозно вместе с другими важными объектами фашисты взорвали и

сожгли железнодорожную станцию, все железнодорожные мосты и полотно [13, л. 44]. Самой высокой степени разрушения подверглись линии Смоленск–Витебск, Орша–Лепель, Россоны–Идрица. Чтобы увеличить скорость, создать условия безопасного движения поездов, обеспечить жизнедеятельность всех отраслей экономики, а также национальную безопасность Республики, потребовались годы напряжённого труда нескольких поколений железнодорожников.

Как видно из вышесказанного, путь советского народа к Победе пролегал через ожесточённые сражения, величайшие тяготы и испытания. Неимоверно тяжёлыми были годы войны для белорусских железнодорожников. Экстремальные условия этого времени стали для них строгим испытанием, которые они выдержали с честью. Тысячи железнодорожников сражались с врагом в действующей армии, участвовали в партизанском и подпольном движении. В самые короткие сроки железнодорожники Беларуси провели эвакуацию населения и материальных средств, включились в транспортное обслуживание фронта и тыла, осуществили быстрое восстановление железнодорожного хозяйства и его инфраструктуры на освобождённой территории. Ратный и трудовой подвиг белорусских железнодорожников во время войны – яркое доказательство духовного превосходства советского человека над противником.

Список цитированных источников и литературы

1. Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. – М.: Наука, 1967.
2. Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. Ко-нарера Н.С. – 2-е изд., доп. – М.: Транспорт, 1987.
3. Шумилов, М.И. История России: конец XIX–начало XXI века / М.И. Шумилов. – 2-е изд. – Ростов на Дону: Феникс, 2005.
4. Эканамічная гісторыя Беларусі: курс лекцый / В.І. Галубовіч, Р.Ш. Ермашкевіч, Г.Ф. Шапавал [і інш.]; пад агульн. рэд. В.І. Галубовіча. – Мінск: Экаперспектыва, 1993.
5. Мандрык, И.В. Вклад белорусских железнодорожников в победу над фашистской Германией // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2005. – № 2.
6. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. /М.П.Касцюк, І.М.Ігнатенка, У.І. Вышыньскі [і інш.] – Мн.: Беларусь, 1995. – Ч.2
7. Хрулёв, А. Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. – 1961. – №6.
8. Новік, Я.К. Вялікая Айчынная вайна савецкага народа (у кантэксце Другой сусветнай вайны) / Я.К. Новік. – Мн.: БДУІР, 2006.
9. Сборник военно-исторических материалов. – 1955. – №16.
10. «Віцебскі рабочы», 4 верасня, 1987.
11. Подвиги их бессмертны. О подпольной борьбе советских людей в захваченных фашистскими оккупантами городах и селах в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). Мн.: 1978.
12. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т.1.
13. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4. – Оп. 33. – Д. 177.
14. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 2: 1929–1945 гг.
15. Лыч, Л. Эшалоны бягуць на захад. 3 гісторыі перавозак на чыгунках Беларусі (верасень 1943–май 1945 гг.) / Пад агул. рэд. І.У. Мандрыка. – Віцебск: УА “ВДГУ”, 2005.
16. Витебщина освобождённая: октябрь 1943–декабрь 1945: документы и материалы. – Витебск: Витебская обл. тип., 2009.
17. Государственный архив Смоленской области. – Фонд 6. – Оп. 5. – Д. 336.
18. Василевский, А.М. Дело всей жизни / А.М. Василевский. – М.: Политиздат, 1983.

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ ФОНДА МУЗЕЯ «ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ВИТЕБСКОМ РЕГИОНЕ» О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Марчик Т.П.

УО «Витебский областной институт развития образования», г. Витебск

Музей «Истории образования в Витебском регионе» на сегодняшний день насчитывает более 28 тысяч единиц хранения, объединённых в 13 коллекций. Большой интерес для научных работников представляет отдельная коллекция научной литературы. Среди экспонатов данной коллекции представлены уникальные издания, посвящённые Второй мировой и Великой Отечественной войнам.

Одним из таких изданий является работа Р. Умястовского «Польша, Россия и Великобритания», вышедшая в 1946 году в лондонском издательстве «HOLLIS and CARTER».

Данная книга состоит из пяти разделов: «Слова и дела», «Время проблем», «Московская версия Европы», «Мальстром» и «Черная хартия». В первом и втором разделах автор даёт характеристику событий 1939 г. в Польше. Он подробно останавливается на оккупации страны гитлеровской Германией, приходе Красной Армии в северо-восточный регион польской республики.

В третьем разделе автор раскрывает страницы актов договоренности в Тегеране по европейским границам и конкретно о польских границах, которые характеризует не иначе как «Тегеранское поражение».

В четвертой и пятой главах книги Р. Умястовский размещает материал по освобождению Польши советскими войсками, рассматривает проблемы послевоенного устройства страны, даёт характеристику советской политике в польском государстве.

В приложение включен раздел «Документы», где представлены соглашение о взаимной помощи между Великобританией и Польшей, военное соглашение между польским высшим командованием и советским высшим командованием и большое количество выдержек из дипломатических нот, а также отрывки бесед Ромера и Молотова.

Ещё одним экспонатом, заслуживающим пристального внимания исследователей, является сборник статей «Bilanz des zweiten weltkrieges» – «Итоги Второй мировой войны», изданный в Гамбурге в 1953 г. и переведенный Л.К. Комоловой под общей редакцией генерал-майора И.Н. Солоболева. В Советском Союзе данный сборник вышел в свет в 1957 г. в издательстве «Иностранная литература».

В книге представлены статьи как бывших генералов вермахта, участников Второй мировой войны, так и научные статьи зарубежных исследователей.

Особый интерес вызывают материалы, подготовленные генералом Куртом фон Типпельскирхом «Оперативные решения командования в критические моменты на основных сухопутных театрах Второй мировой войны», в которых автор прослеживает опыт ведения войны, проводя параллель между Первой и Второй мировыми войнами. Достаточно подробно К. фон Типпельскирх останавливается на характеристике начального этапа военных действий против Советского Союза. Автор указывает на тактические ошибки немецкого командования при внесении изменений в первоначально разработанную операцию «Барбаросса», особое внимание обращая на ошибочность решений политического руководства Германии и, прежде всего, А. Гитлера, который заявил, что на первом месте по важности стоит захват Ленинграда, на втором – Юга России и лишь на третьем месте – Москвы. Командование сухопутных войск пыталось убедить А. Гитлера в ошибочности его мнения. Автором сделан вывод о безыдейности руководства войной.

В сборник вошла целая серия статей генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга «Война в бассейне Средиземного моря» и «Немецкая авиация». В первой работе автор отражает собственный взгляд на проблемы войны в Средиземноморском бассейне. В статье «Немецкая авиация» А. Кессельрингом сделана попытка анализа развития немецкой авиации в межвоенный период. Характеризуя итоги Версальского мирного договора, автор приходит к выводу, что если бы Германии с самого начала было позволено строить свои вооружённые силы без значительных ограничений, то это позволило бы избежать дальнейшей напряжённости в международных отношениях. Рассматривая эволюцию немецкой военной авиации, А. Кессельринг приходит к следующим выводам:

1. В вооружении страны авиация должна занимать первое место. Авиация требует для своего развития больше времени, чем всякое другое оружие. Создание авиационного хозяйства также требует многолетнего перспективного планирования.

2. Особенности авиации и требования, предъявляемые к ней, настолько разносторонни, что решающий успех возможен только при сосредоточении ее сил на направлении главного удара для атаки тех или иных групп целей. А это требует централизации командования ВВС в одних руках.

3. Идея концентрации сил на отдельных театрах военных действий и согласования боевых действий всех видов вооруженных сил, действующих на данном театре, также требует единого командования, т.е. централизации командования всеми находящимися на театре военных действий вооруженными силами в одних руках.

4. Каждая страна должна иметь для ведения воздушной, сухопутной и морской войны специальные воздушные силы, размеры которых зависят от масштабов задач, однако при этом должна быть уточнена возможность введения в бой всех однотипных самолетов всей авиации на направлении главного удара.

5. Несмотря на различные требования и задачи современной тактики, основные элементы боевого порядка, в котором действуют самолеты, изменений не претерпевают. Это говорит о том, что лётная подготовка остается всегда одинаковой (она должна быть такой по соображениям экономического характера). В этом заключается и причина того, что авиационная техника должна в своем развитии идти одним путем и (по экономическим соображениям) иметь одну базу [1, с. 213–214].

Несомненный интерес исследователей должна вызвать статья генерал-полковника Гейнца Гудериана «Опыт войны с Россией». В своей работе автор делает попытку провести исторический анализ опыта иноземных захватнических войн против России. Учитывая то, что Г. Гудериан являлся одним из участников вторжения немецких войск на территорию Советского союза летом 1941 г., крайний интерес вызывает его характеристика начального этапа боевых действий на Восточном фронте. Безусловно, любопытна его оценка действий политического руководства Германии в начальный период Великой Отечественной войны.

Интересна в историческом аспекте статья генерал-полковника Лотара Рендулича «Партизанская война». В первое послевоенное десятилетие он делает обоснованные выводы о характере и размахе партизанского движения в Советском Союзе. В своей статье генерал-полковник излагает причины, которые противоречили нормам международного права о ведении легальной борьбы, на примере Греции, Югославии, Польши, Франции. С его точки зрения, данные страны не имели юридического права продолжать сопротивление после подписания акта о капитуляции. Автор подробно останавливается на характеристике партизанской войны на территории Советского Союза.

Эволюция стратегии и тактики немецких военно-морских сил в войне на море рассмотрена в статье вице-адмирала Курта Ассмана «Война на море». В ней отмечается, что после объявления 3 сентября 1939 г. Великобританией и Францией войны Германии, война между последней и Польшей, превращается в мировую войну, которая для Германии, если она собиралась воевать с Великобританией, становилась войной на море. Поэтому штаб оперативного руководства войной на море выбрал тактику блокады и борьбы против морских коммуникаций Англии. Большие надежды возлагались на поддержку современной авиации. Автор дает и обоснованные выводы ошибок командования в ведении войны на море. Отдельно К. Ассман останавливается на характеристике начала боевых действий на Тихоокеанском фронте боевых действий. Автор статьи дает оценку опыта морской войны, но указывает, что не может быть освещен здесь ввиду ограниченности места.

В статье «Подводная война» контр-адмирала Эберварда Годта представлены новые технические и тактические возможности, первый боевой опыт, кризис торпедного оружия, война с помощью радиолокации, путь к созданию океанской подводной лодки. Автор дает заключение о том, что «...во всех областях развития подводного оружия и средств обороны против него ведутся самые оживленные работы. И если борьба немецких подводников не имела успеха, то это является не их виной, а их бедой» [1, 195].

Определенный интерес представляет статья генерал-майора пожарной охраны Ганса Румпфа «Воздушная война в Германии», в которой рассматривается история борьбы немецких сил ПВО с бомбардировками городов Германии военно-воздушными силами Великобритании и США. Автор приводит статистический материал по разрушениям материальных ценностей и гибели мирного населения немецких городов, отмечая, что среди жертв бомбежек в основном преобладают женщины, старики и дети, указывает на принесенный вред культурно-историческим памятникам, что «план этих городов представляет сейчас нечто вроде яйца с выеденной сердцевиной и остатками скорлупы в виде окраин, не представляющих интереса в культурном отношении» [1, с. 231]. В заключение он делает вывод о мероприятиях, направленных на укрепление обороноспособности, утверждает, что высшим законом для военного руководства должна стать неприкосновенность гражданского населения собственной страны.

В статье профессора Хейдте «Парашютные войска во Второй мировой войне» представлена историческая справка о создании парашютных войск в Германии, их проблемах и специфике ведения боевых действий воздушно-десантными подразделениями.

Пауль Левееркюн в статье «Служба разведки и контрразведки» раскрывает основные направления работы Абвера под управлением адмирала Канариса. Автор утверждает, что «разведывательная служба при правильном ее понимании является органом, который не только подготавливает народ и армию к войне, но и осуществляет контроль в ходе войны, а при известных обстоятельствах напоминает о том, что опасности войны нужно относиться со всей серьезностью. Несомненно, многое в решениях немецкого командования во второй мировой войне выглядело бы иначе, если бы у него имелась правильная оценка военного потенциала не только противника, но и своих союзников» [1, с. 286].

Генерал-майор Альфред Вейдман в статье «Каждый человек на своем посту» уделил большое внимание человеку во всех его жизненных проявлениях: правитель, полководец, ученый, инженер, фермер, рабочий и, наконец, солдат. Все задачи войны разрешимы только человеком и тесно связаны друг с другом. Он утверждает, что в 1939 г. Германия не была подготовлена к войне, т.к. не имела никаких планов использования людских резервов.

В статье генерал-лейтенанта, инженера Эриха Шнейдера «Техника и развитие оружия в войне» говорится о том, что современная техника придала войне совершенно новое лицо по сравнению с Первой мировой войной. «Мотор в танке, мотор в самолете, радио и многие другие технические средства сделали войну «молниеносной» [1, с. 297]. Однако изменить принципиально формы и методы ведения боев и всей войны удалось лишь с большим трудом, потому что старое поколение командиров и начальников все еще придерживались своих прежних принципов и не прислушивались к голосу новой эпохи, эпохи технических переворотов, эпохи неукротимого развития моторов» [1, с. 297]. В своей статье автор на примере развития танковых войск, артиллерии и авиации показывает просчеты верховного командования вермахта в строительстве того или иного рода войск. Безусловно, интересен общий вывод автора, который касается проблем создания системы коллективной безопасности в послевоенной Европе: «Чем раньше Европа объединится, тем лучше для нее» [1, с. 334].

В статье профессора П.Тиссена «Расцвет и упадок германской науки в период Второй мировой войны» утверждается, что «современная война с точки зрения роста технических возможностей является неким подобием маятника, который с каждым взмахом поднимается на еще большую высоту» [1, с. 336]. Он указывает на то, что по самым осторожным подсчетам «победителями было конфисковано 346 тысяч германских патентов» [1, с. 336]. Он также раскрывает судьбы ряда немецких учёных после окончания Второй мировой войны.

В статье «Военная экономика и военная промышленность» Ганс Керль останавливается на характеристике функционирования германской экономики в годы Второй мировой войны. Он дает описание состояния германской экономики в начале войны, после войны на Западе, развитие военной экономики в 1942–1943 гг., а также в последний период Второй мировой войны. В заключение он приходит к выводу, что «создание мощной военной экономики и промышленности возможно только в том случае, если воздушное пространство страны защищено более или менее надежно» [1, с. 384].

Инженер Вальтер Кумпф в статье «Организация Голта в войне» дает краткий отчет о деятельности данной организации (служба трудовой повинности и чрезвычайной технической помощи), которая занималась строительством оборонительных сооружений. Он отмечает, что создание отрядов воензированной трудовой повинности отражало самое существо современной германской стратегии, потому что основой ее были моторизованные подвижные соединения, которые нуждались в хорошей дорожной сети. При большой протяженности современных театров военных действий непрерывное снабжение может осуществляться только в том случае, если дорожная сеть, мосты и железные дороги – то есть все излюбленные объекты авиации противника – находятся в полной исправности или если они могут быть быстро отремонтированы после нанесения какого-либо ущерба.

Бывший министр финансов Германии Лутц граф Шверин фон Крозиг в статье «Как финансировалась Вторая мировая война» делает попытку анализа развития финансовой системы Германии, начиная с Версальского мирного договора. Он даёт детальную характеристику развития оборонной промышленности Германии перед началом Второй мировой войны, создания системы централизованного управления экономикой, введения твердых цен и замораживания заработной платы, финансового обеспечения производства вооружения, затрагивает формы кредитования, налоговые сборы и многие другие финансовые вопросы.

Несколько особняком среди материалов сборника стоит коллективный труд «Немецкие женщины и война», созданный по материалам одной из женских общественных организаций Западной Германии. Статья эмоциональна, авторы демонстрируют свое возмущение военными действиями, в ходе которых происходит потеря стату-

са женщины-матери, жены, сестры, когда на плечи женщины ложатся обязанности мужчины, решение непривычных для них организационных и административных вопросов, в результате чего женщина становится основным источником рабочей силы. Отдельно говорится о службе женщин в армии, что их помощь оказалась незаменимой в штабах и подразделениях связи, т.к. высвобождала для фронта многих мужчин, способных носить оружие. Но в то же время, безусловной ошибкой следует считать то, что в конце войны женщин-помощниц превратили в солдат. Это отнюдь не соответствовало всему воспитанию немецкой женщины. Авторы утверждают, что, отдав такое распоряжение, командование проявило исключительную недалекость. В заключение авторы утверждают, что «в основе характера женщины лежит другое – стремление спасти и сберечь живое» [1, с. 491].

Профессор К.Г. Пфеддер в статье «Немцы и другие народы во Второй мировой войне» сделал вывод, что в проигрыше войны частично повинна и политика Германии по отношению к народам Восточной Европы. Человечность, моральная ответственность и мудрость политического руководства должны быть приняты всем цивилизованным миром как руководство к действию, чтобы в дальнейшем никогда не повторилась трагедия, вызванная на Украине слишком жестокими мероприятиями рейхскомиссара Эриха Коха. Необходимо также бороться и с той теорией, согласно которой другие народы являются «низшей расой», теорией, оправдывающей «коховские» мероприятия.

Рудольф Зульцман в статье «Пропаганда как оружие на войне» бегло останавливается на истории зарождения военной пропаганды, основным инструментом которой, по его мнению, является неприкрытая ложь: «Ложь – это признанное всеми и чрезвычайно полезное оружие войны; каждая страна сознательно использует его только ради того, чтобы ввести в заблуждение собственный народ, завоевать на свою сторону нейтральные страны и обмануть противника» [1, с. 522–523]. Автор прослеживает этапы развития немецкой пропаганды: пропаганда военных успехов, пропаганда путем критического анализа своих ошибок и пропаганда путем внушения страха поражения.

Доктор Ганс Латернзер в статье «Вторая мировая война и право» констатировал, что судебная ответственность за военные преступления была впервые в мировой практике провозглашена в Заявлении девяти европейских эмигрантских правительств, сделанном в Лондоне 13 января 1942 года, и объявлена неперенным условием окончания военных действий. Осенью того же года У. Черчилль и Ф. Рузвельт объявили, что все лица, ответственные за военные преступления, должны будут предстать перед правосудием тех стран, в которых они совершали свои преступления. Советское правительство также присоединилось к этому заявлению. И после поражения Германии эта угроза была осуществлена со всей методичностью и последовательностью. Были введены в международное право два новых понятия состава преступления: преступление против мира и преступление против человечности. И это была самая первая попытка разрешить политическую проблему ликвидации войны юридическим путем.

Профессор Гельмур Арнтц в статье «Людские потери во Второй мировой войне» делает попытку подсчета потерь вооруженных сил и гражданского населения Германии в ходе Первой и Второй мировых войн, а также воюющих стран. Указывает и на цифру погибших в Советском Союзе – около 20 млн. человек. Автор приходит к выводу, что общая сумма потерь немецкого и советского народов составляет около 10% от всего населения Германии и России.

Таким образом, автор поставил своей целью познакомить широкие научные круги с материалами, которые находятся в фондах музея «Истории образования в Витебском регионе», накануне его открытия, которое запланировано на 2011 год.

Список цитированных источников и литературы

1. Итоги второй мировой войны: сб. статей / Под ред. И.Н. Солоболева. М.: Иностранная литература, 1957. – 564 с.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛЬСКИХ ГАРНИЗОНАХ 9-ГО ОКРУГА КОРПУСА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1937–1939 гг.)

Миров Д.В.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

В довоенной Польше наряду с административно-территориальным делением страны на воеводства и поветы существовал административно-военный раздел страны на округа корпусов. В 1921 г. было организовано командование IX-го округа корпуса со штабом в Бресте. К началу 1939 г. на территории 9-го округа корпуса дислоцировались три пехотных дивизии (9-я, 20-я и 30-я), а также Новогрудская кавалерийская бригада. В состав 9-й дивизии входили 22-й пехотный полк (пп) из Седлец, 34-й пп из Бялой Подляски, 35-й пп из Бреста, 9-й полк легкой артиллерии (пла) из Бялой Подляски. К 20-й дивизии принадлежали 78-й пп из Барановичей, 79-й пп и 80-й пп из Слонима, а также 20-й пла, подразделения которого были расквартированы в Барановичах и Пружанах. В состав 30-й дивизии входили 82-й пп из Бреста, 83-й пп из Кобрина, 84-й пп из Пинска, 30-й пла из Бреста. Новогрудская кавалерийская бригада состояла из 25-го уланского полка (уп), расквартированного в Пружанах, 26-го уп и 9-го дивизиона конной артиллерии (дка) из Барановичей, 27-го уп из Несвижа. Кроме того, в Бресте квартировали 6-й саперный и 4-й бронетанковый батальоны, 9-й дивизион противозенитной артиллерии, во Влодаве – 9-й полк тяжелой артиллерии, в Пинске – Пинская речная флотилия. Таким образом, IX-й округ корпуса занимал территории Полесского, части Новогрудского и Любевского воеводств II Речи Посполитой.

Воинские подразделения, расквартированные на территории IX-го округа корпуса, имели ряд функций, в соответствии с которыми осуществляли свою деятельность. Идеологическая работа с личным составом, а также с местным населением была одним из основных приоритетов командования подразделений. Целями данной работы были: формирование у населения положительного образа вооруженных сил, консолидация армии и общества, противодействие коммунистической пропаганде. Армия была также призвана повышать престиж государственной власти, всячески содействовать укреплению польского элемента и распространению католической веры на территории северо-восточных воеводств Польши. В связи с этим неотъемлемым элементом деятельности военнослужащих польских гарнизонов было участие в общественной жизни, организация праздничных мероприятий, благотворительных акций, спортивных соревнований, оказание помощи в строительстве костелов, уход за мемориальными объектами.

Консолидации армии и гражданского населения уделялось во II Речи Посполитой пристальное внимание. Польский журналист писал в 1937 году: «Единение армии и общества – вот важнейший вопрос этого момента. Общество – это войско в гражданском обличье, готовое вместе с регулярной армией создать непреодолимый бастион обороны нашей Родины» [9, с. 71]. Одним из популярных способов достижения этой цели было взятие воинскими частями шефства над населенными пунктами, оказание помощи детям из бедных семей, безработным.

Например, с 1 декабря 1937 г. до 9 апреля 1938 г. военнослужащие из гарнизона Бялой Подляски устроили благотворительную акцию, в рамках которой кормили школьников из бедных семей. В этот период городским школам было выдано 43 839 порций питания, что составляло около 500 порций в день. При этом не взималась плата за

обслуживание, использование посуды, отопление. Выплачивалась только символическая сумма в 10 грошей за порцию в качестве компенсации стоимости продуктов. Во время данной акции воинские части также пожертвовали школам 7 тонн угля. В честь двадцатилетия со дня основания подразделения военнослужащие 34-го пп постановили основать школу в деревне Залесье Пружанского повета. 8 мая 1938 г., в день полкового праздника, состоялась символическая передача собранных на строительство средств (цена данного предпринятия составила 10 тысяч злотых) [1, с. 120]. Шефство на одной из полесских деревень взяла военнослужащая 6-го саперного батальона из Бреста. Бывший офицер полка так вспоминал об этом событии: «Мы добровольно обложили себя налогом на благоустройство одной из деревень на Полесье. Каждый день в деревню приезжала полевая кухня и кормила детей. Была отремонтирована и оснащена школа. Офицеры и подофицеры отдавали жителям свою поношенную форму, которая была выгоревшая, но зато из самой лучшей бельской шерсти. В мастерских пошили одежду, шапки для 40 детей, покупали им ботинки и перчатки, школьные книги. Огородили все дома заборами, посадили деревья и провели мелиорацию полей» [2, с. 242–243]. По воспоминаниям жителей Барановичей военно-полевая кухня из местного гарнизона обеспечивала горячим питанием детей из малоимущих семей и безработных [3]. В тридцатых годах военнослужащие барановичского гарнизона приняли также участие в строительстве костела в деревне Дарево Барановичского повета. Старый даревский костел был разрушен в 1915 г., во время первой мировой войны [10, с. 54].

Представители гражданских властей и общественных организаций, в свою очередь, устраивали акции по сбору средств на нужды вооруженных сил, в населенных пунктах организовывали торжественные встречи подразделений, возвращающихся с маневров, дарили военнослужащим памятные подарки. В отчете Брестского городского управления за 1937–1938 гг. в числе наиболее важных общественных акций, организованных в отчетном периоде на территории города, отмечались: проведение «Праздника солдата» (праздник учрежден в 1923 г. в честь победы польской армии под Варшавой) 15 августа 1937 г., организация приветственных манифестаций, а также приема общественностью города частей Брестского гарнизона, возвращающихся с маневров, начало акции по сбору средств на приобретение знамени для 4-го бронетанкового батальона (городское управление задекларировало и внесло сумму в 1000 злотых) [6, с. 51–52]. Ранее новое знамя было подарено общественностью г. Бреста и Брестского повета 82-му пп. В 1938 г. состоялась торжественная церемония вручения знамени 30-му пла, причем крестной матерью знамени стала известная писательница Мария Родзевич, проживавшая в имении Грушево под Кобрином [2, с. 215–242]. 8 мая 1938 г., в честь 20-летия со дня основания подразделения, представители общественности г. Бяла Подляска вручили 34-му пп, купленное на собранные деньги снаряжение: грузовик «Гром», а также комплект карабинов и амуниции [1, с. 146].

Однако наряду с вышеперечисленными примерами сотрудничества между армией, гражданскими властями и общественными организациями, были также случаи разногласий и споров. В информационном сообщении Брестского городского управления брестскому поветовому старосте о благоустройстве и санитарном состоянии города от 19 мая 1938 г. отмечалось, что воинские власти, несмотря на неоднократные обращения городского управления в фонд военного жилищного отдела, комендантуру города и гарнизона, командование 82-го пп, не провели надлежащую очистку сточных канав, ведущих от военных построек по ул. Летничей (современной ул. Брестских дивизий). Сообщалось, что военные постоянно откладывали вопрос установки сооружения, очищающего стоки объектов по ул. Летничей, в связи с нехваткой средств. Гражданские власти Бреста в течение 1938 г. вынуждены были дважды очищать сточные канавы за счет городского бюджета [5, с. 181].

Политическая обстановка в гарнизонах в данный период характеризовалась также противостоянием воинских властей и оппозиционных польскому правительству политических партий и организаций (в первую очередь Коммунистической партии Польши (КПП) и ее составной части Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ)). Сфера деятельности КПЗБ в основном распространялась на Виленское, Новогрудское и Полесское воеводства, а также на Гродненский, Волковысский, Бельский, Белостокский, Сокольский, Августовский и Сувальский поветы Белостокского воеводства. В составе КПЗБ более или менее постоянно действовали 6 окружных комитетов партии – Виленский, Гродненский, Белостокский, Брестский, Пинский и Слонимско-Барановичский [8, с. 50]. На территории Любельского воеводства КПП была представлена Любельским, Седлецким и Хелмским окружными комитетами [1, с. 151]. Еще в феврале 1919 г. при секретариате Центрального Комитета КПП был создан Отдел агитации в вооруженных силах. Коммунисты стремились проводить активную политическую работу в рядах вооруженных сил: проводилась агитация среди солдат и молодых людей призывного возраста с целью настроить последних против призыва, в частях распространялась коммунистическая литература и листовки. Подобные мероприятия приносили свои плоды. Среди солдат польских гарнизонов на территории IX-го округа корпуса были сторонники коммунистических партий, в подразделениях создавались партийные ячейки. Например, коммунистическая ячейка возникла в 1937 г. в 6-й роте 34-го пп. Однако военная контрразведка быстро раскрыла деятельность ячейки, а ее члены были арестованы. Командир 34-го пп подполковник Вацлав Будевич в донесении командиру 9-й пехотной дивизии отмечал, что ее основателями были «политически подозрительные» солдаты из Влодавского повета [1, с. 160].

По мнению белорусского исследователя Ю. Грибовского, национальность военнослужащих не влияла на их отношение к коммунистическим идеям. Например, в апреле 1938 г. в 9-м пла служили 74 белоруса, причём ни один из них не находился на спецучете у командования. В то же время в 9-м пла сразу 22 военнослужащих-поляков и 6 евреев подозревались в связи с КПП. Похожая ситуация наблюдалась в 35-м пп и 27-м уп [4, с. 115]. В то же время некоторые польские исследователи утверждают, что члены коммунистических ячеек в подразделениях вербовались главным образом из военнослужащих непольской национальности [1, с. 161].

Коммунисты и комсомольцы проводили агитацию и среди членов молодежных военизированных организаций, таких как «Стрелецкий союз». Для того, чтобы спровоцировать выход из этой организации деревенской молодежи белорусской национальности, комсомольцы практиковали насильственные средства воздействия в отношении наиболее активных «стрельцов». Так, 15 апреля 1937 г. командир 84-го пп информировал Министерство военных дел об инциденте в Пинске, во время которого имел место случай террора по отношению к местным активистам «Стрелецкого союза» со стороны комсомольцев. Следует отметить, что деятельность КПП и КПЗБ в рядах вооруженных сил имела открытый антиправительственный характер, подрывала боеспособность армии, коммунисты призывали к вооруженным выступлениям и пропагандировали нарушение территориальной целостности Польши [4, с. 134–135]. Нельзя сказать, что коммунисты успешно осуществляли свою деятельность в рядах вооруженных сил. С одной стороны, этому препятствовало сильное противодействие воинских властей. Солдаты находились под постоянным контролем командования частей и военной контрразведки, поэтому коммунистические ячейки быстро раскрывались и ликвидировались. Важным инструментом в борьбе с советской пропагандой военные власти считали радио. В феврале 1937 г. командование IX-го округа корпуса

предлагало строительство радиостанции в Пинске и Барановичах, а также обеспечение деревенских жителей таким количеством радиоприемников, чтобы успешно противостоять передачам приграничных советских радиостанций [11, с. 167]. С другой стороны, распространению коммунистических идей препятствовала недостаточная заинтересованность военнослужащих этими идеями [4, с. 135]. После прекращения в 1938 г. деятельности КПП была свернута почти 14-летняя работа коммунистов в рядах Войска Польского. Однако коммунистические идеи продолжали пользоваться популярностью среди некоторых военнослужащих.

Таким образом, в 1937–1939 гг. польские воинские части, расквартированные на территории IX-го округа корпуса принимали активное участие в общественной жизни ряда населенных пунктов Полесского, Новогрудского, Любельского воеводств. Эти мероприятия имели цель консолидировать общество и вооруженные силы, улучшить отношение гражданского населения к армии. Благотворительные акции, бесплатная раздача горячего питания школьникам из бедных семей и безработным, опека над учебными заведениями безусловно способствовали достижению этой цели. Гражданские власти, в свою очередь, устраивали акции в поддержку вооруженных сил.

Еще одной характерной особенностью общественно-политической ситуации в польских гарнизонах накануне Второй мировой войны было противостояние воинских властей и оппозиционных официальному правительству организаций (прежде всего КПП и КПЗБ), проводивших политическую работу в рядах подразделений. Противодействие политической агитации со стороны командования частей и военной контрразведки было довольно эффективным. В 1938 г., после роспуска КПП и КПЗБ, деятельность коммунистов в Войске Польском была свернута. Однако определенное количество военнослужащих продолжали разделять коммунистические идеи.

Список цитированных источников и литературы

1. Borek, P. Garnizon Wojska Polskiego w Białej Podlaskiej w latach 1918–1939 / P. Borek. – Biała Podlaska: Agencja Wydawniczo-Reklamowa „ARTE”, 2006. – 260 s.
2. Ващуковна-Каменецка, Д. Брест – город незабываемый / Д. Ващуковна-Каменецка. – Брест: Издательство С. Лаврова, 2000. – 284 с.
3. Воспоминания Ольги Шило (неопубликованные).
4. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945 / Ю. Грыбоўскі. – СПб.: Неўскі Прасцяг, 2006. – 832 с.
5. Из информации Брестского городского управления Брестскому поветовому старосте о благоустройстве и санитарном состоянии города 19 мая 1938 г. // Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест: Альтернатива, 2009. – 308 с.
6. Из отчета общего отдела Брестского городского управления за 1937/1938 г. Не ранее 31 марта 1938 г. // Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е. С. Розенблат. – Брест: Альтернатива, 2009. – 308 с.
7. Полуян, В. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В. Полуян, И. Полуян. – Минск: Госиздат БССР, 1962. – 223 с.
8. Popularny kalendarz baranowski na 1937 г. // Барановичский краеведческий музей (БКМ). – КП 4653. – 96 с.
9. Spis kościołów i duchowieństwa Diecezji Pińskiej w R. P. 1933 i 1934. – Pińsk: Wydawnictwo drukarni decezyjnej, 1933. – 230 s.
10. Waszkiewicz, Z. Duszpasterstwo w sądach Drugiej Rzeczypospolitej (1918 – 1939) / Z. Waszkiewicz. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2000. – 402 s.

БУНДОВСКОЕ ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мошук А.В.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

Одним из наиболее важных направлений работы Бунда на территории Западной Беларуси являлось участие партии в деятельности еврейских профсоюзов. Основную часть своей работы среди еврейского пролетариата партия проводила через профсоюзы. Основная масса членов и сторонников Бунда была сконцентрирована в подконтрольных партии классовых профсоюзах. Название классовые, профсоюзы Польши, в том числе и еврейские, получили за признание классовой борьбы между владельцами предприятий и наёмными рабочими.

Основой профсоюзной системы партии были многочисленные еврейские рабочие и ремесленные профсоюзы, основанные ещё до 1918 г. После создания польского государства, а затем и включения западнобелорусских земель в его состав, партия вела целенаправленную политику по воссозданию партийной профсоюзной системы. Фактически мы можем констатировать, что к концу 1920-х гг. на территории Западной Беларуси сформировалась сеть профсоюзных организаций, находившихся под влиянием Бунда. Данная организационная структура была представлена профсоюзами, входившими в состав так называемых Культур-Амтов, находившихся под эгидой общепольского Союза профессиональных товариществ, а также тех союзов, которые подчинялись непосредственно политическому руководству Бунда.

С приходом к власти Ю. Пилсудского и особенно с началом экономического кризиса на рубеже 1920-х–1930-х гг. Бунд усиливает работу в рамках профсоюзных организаций. Причиной данного явления послужило крайне тяжёлое экономическое положение еврейского населения, что подталкивало его к поиску новых форм борьбы за улучшение условий жизни.

Так, характеризуя сложившееся положение в восточных воеводствах Польши, виленский комитет Бунда констатирует, что «положение большинства еврейского населения Западной Беларуси является катастрофическим. На данный момент (1929 г. – А.М.) в Польше более 1 млн. евреев находятся без работы или не имеют средств к существованию, а около 1/3 от всех евреев страны находится на грани голодной смерти. Данное положение до крайности усугубляется антисемитской политикой польского государства» [6, л. 272]. Кроме того, польское правительство фактически проводило целенаправленную политику поддержки центральных воеводств страны, в то время как северо-восточные воеводства страны были поставлены на грань выживания.

В данных условиях работа Бунда среди профсоюзных организаций становилась одним из приоритетных направлений деятельности партии. В Белостокском и Новогрудском воеводствах партия смогла не только расширить своё влияние среди профессиональных организаций, но и привлечь в их ряды значительное количество новых членов. Увеличение численности партийных профсоюзов проходило как за счёт лиц, оказавшихся без работы, так и за счёт представителей других социальных слоёв еврейского населения, которые видели в сотрудничестве с партией единственную возможность выжить в данных условиях.

В то же время Культур-Амт отмечает ряд негативных тенденций в рамках профдвижения. В годы кризиса наблюдается заметный рост проправительственных профсоюзных организаций. Особенно сильны были данные организации на территории

Полесского и Виленского воеводств [3, л. 17]. Причинами усиления проправительственных и сокращения количества классовых профсоюзов в данных воеводствах являлось острое соперничество в рамках классовых профсоюзов между ППС, Бундом и Поалей Сион, с одной стороны, и КПЗБ и ППС-левицей, с другой. На очередной конференции окружной комиссии классовых профсоюзов в апреле 1932 г. в Вильно был констатирован тот факт, что количество классовых профсоюзов воеводства сократилось по сравнению с 1928 г. в 2 раза [5, л. 129].

В меньшей степени позиции Бунда были ослаблены на территории Белостокского и Новогрудского воеводств. В таких городах, как Белосток и Гродно проправительственным союзам так и не удалось поколебать позиции еврейских классовых профсоюзов. В Слониме все 6 действовавших в городе в конце 1920-х—начале 1930-х гг. профсоюзов были классовыми [7, л. 359]. В Барановичах из 12 профсоюзов 7 также являлись классовыми [1, л. 14]. Причинами данного явления являлась меньшая степень концентрации проправительственных союзов, их разбросанность по небольшим городам и местечкам Белостокского и Беловежского промышленных округов.

Начало экономического кризиса привело к изменению тактики действий руководства бундовских профсоюзов, которое стало занимать более умеренные позиции в разрешении конфликтов между рабочими и работодателями. Руководство еврейских классовых профсоюзов в условиях экономического кризиса пришло к необходимости отказаться от использования стачек и забастовок как форм борьбы рабочих за свои права: «Стачки и забастовки являются необходимыми формами борьбы только в тех случаях, когда исчерпаны все другие возможности разрешения проблем» [2, л. 144].

Следует отметить, что руководители бундовских профсоюзов во время экономического кризиса начали выдвигать более умеренные экономические требования, которые были обусловлены реальной оценкой ситуации. Необходимость изменения тактики в борьбе за интересы еврейского пролетариата лидеры Бунда объясняли стремлением избежать увольнения еврейских рабочих в результате локаутов и защитить профсоюзные организации от репрессий со стороны властей.

Однако основными формами радикальных действий бундовских профсоюзов продолжали оставаться стачки. Так, на протяжении 1929—1931 гг. представители Бунда приняли участие в стачках профсоюзов печатников, перчаточников, гутников, кирпичников и торговых рабочих Вильно; рабочих фанерной фабрики в Гродно; спичечной фабрики «Прогресс-Вулкан» в Пинске; гутников и кожевников Белостока и Крынок; рабочих деревообрабатывающей фабрики «Щара» в Слонимском повете. Следует отметить, что большинство стачек носило оборонительный характер и было направлено на сохранение заработной платы и условий труда. Чаще всего участие Бунда в стачках сводилось к попыткам решения конфликтных ситуаций через создание так называемых соглашательских комиссий, которые выступали своеобразным посредником между рабочими и работодателями. Кроме стачек, одно из центральных мест в деятельности бундовских профсоюзов занимала социальная деятельность. Так, члены еврейских профсоюзов оказывали помощь безработным, предоставляя им право выхода на работу один день в неделю.

В связи с началом экономического кризиса и обострением социально-экономической и общественно-политической ситуации меняется политика польских властей в отношении профсоюзного движения. С приходом к власти весной 1929 г. «правительства полковников» начинается закрытие целого ряда профсоюзов, в том числе и на территории Западной Беларуси. Стремясь ограничить влияние профсоюзов в общественно-политической жизни, правительство в 1929 г. заменяет выборные

правления больничных касс на правительственные комиссариаты. Следующим шагом правящих кругов явилось постановление президента польской республики от 27 октября 1932 г. «Об объединениях граждан». 108-й пункт данного постановления допускал деятельность профсоюзов только под непосредственным административным контролем со стороны властей. Постановление ликвидировало конфиденциальность профсоюзных собраний и принятых на них решений. Представители любого уровня власти имели право затребовать любую интересующую их документацию. Администрация всех уровней, органы политической полиции Польши получали право прекращать деятельность профсоюзов по их усмотрению.

Ответом классового профдвижения на действия правительства стало проведение единогофронтных акций, в которых принимали участия представители всех социал-демократических и коммунистических организаций страны. В рамках данной кампании различными профсоюзами проводились широкие вербовочные мероприятия по привлечению в свои ряды новых членов. В результате в период осень 1935–зима 1936 гг. количество профсоюзов, входивших в Культур-Амты, значительно выросло в Белостоке, Бресте, Барановичах, Вильно, Гродно и Слониме. Так, в Белостоке значительно расширил свои ряды союз текстильщиков, численность которого возросла за период март–октябрь 1935 г. более чем на 2000 человек и стала превышать цифру в 3000 человек. К другим бундовским профсоюзам за этот же период присоединилось около 400 человек [8, л. 404]. В Вильно вербовочную кампанию проводили 10 еврейских классовых профсоюзов. Всем им удалось пополнить свои ряды [10, л. 281].

Некоторые бундовские профсоюзы усилились за счёт создания под их руководством новых секций отдельных профессиональных категорий. Так, при союзе строителей в Бресте были открыты секции маляров, рабочих общественных работ [13, л. 13]. В Гродно при профсоюзе лекарей были созданы отделы мельников и производителей лимонада, [9, л. 70] фотографов при союзе печатников в Вильно [10, л. 327]. Кроме того, Бунд начал активно проводить политику создания параллельных, уже существующим, союзов из числа своих сторонников. Так, в Гродно Культур-Амтом были созданы профсоюзы печатников, кожевников, бундовский отдел союза «Игла» [11, л. 68].

Таким образом, приведённый документальный материал свидетельствует о том, что окончательно бундовская профсоюзная система была сформирована лишь к концу межвоенного периода. В процессе создания и деятельности еврейских классовых профсоюзов Бунд столкнулся с соперничеством со стороны Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ), поалейсионистов и Польской социалистической партии (ППС). Окончательно выяснить стспснь влияния каждой из данных партий на еврейское классовое профдвижение крайне затруднительно по следующим причинам: во-первых, неполнота данных, во-вторых, субъективизм в оценках и сведениях, приведенных в партийных отчётах и документах польских властей. Фактически определяющим фактором принадлежности профсоюзной организации к той или иной партии являлось доминирование членов партии в её правлении, т.о. борьба за влияние в профсоюзе зачастую сводилась к борьбе за места в его правлении.

На основе анализа документов польской администрации и отчётов окружных комитетов КПЗБ можно констатировать, что к середине 1930-х гг. Бунд практически полностью доминировал среди еврейских профсоюзов. Более того, польские исследователи сходятся во мнениях, что 90% всех еврейских профсоюзов на территории северо-восточных воеводств находились под руководством партии [14, s. 257; 15, s. 14]. На отчётно-выборной конференции Центральной Комиссии, которая состоялась 11 апреля 1937 г., утверждалось, что под влиянием Бунда в польском государстве находилось 20 профсоюзных объединений, с общим количеством членов 29155 человек [16, s. 313].

В то же время, характеризуя деятельность еврейских профсоюзных организаций края, польские власти неоднократно подчёркивали, что Бунду приходилось вести напряжённую борьбу за лидерство с КПЗБ. Вопрос о создании единого фронта с коммунистами в рамках профсоюзного движения был главным вопросом для ЦК Бунда на протяжении 1934–1936 гг. Основным сдерживающим фактором для руководства партии было опасение, что коммунисты воспользуются созданием едиnofронт-овских организаций для того, что бы развалить Бунд изнутри. Поэтому, несмотря на то, что на протяжении 1934–1936 гг. Коммунистическая партия Польши (КПП) и КПЗБ неоднократно обращались к Бунду с предложением о создании едиnofронт-овских организаций, последний неизменно отвечал отказом и фактически стремился не допустить создания единого фронта.

Однако рост антисемитизма и настроение рядовых членов партии, заставили ЦК Бунда пойти на сотрудничество с КПП и КПЗБ. В итоге 12 сентября 1934 г. между партиями было заключено соглашение, согласно которому партии образовывали единый фронт и обязывались прекратить «взаимные нападки друг на друга, а так же объединялись для совместной борьбы с общим противником в духе взаимной лояльности и пролетарского братства» [4, л. 45]. Основными целями данного фронта были борьба с фашизмом, национализмом и антисемитизмом.

Однако попытки подписания соглашения о создании единого фронта были сорваны представителями руководящих органов коммунистического движения, после чего ЦК Бунда запретил местным организациям вести переговоры с коммунистами и проводить совместные акции. Несмотря на это, в начале 1935 г. первым в Польше едиnofронт-овское соглашение в рамках профсоюзных организаций о совместной борьбе с местным комитетом КПЗБ подписал Окружной комитет Бунда в Гродно. Осенью 1935 г. подобное соглашение было подписано в Барановичах, и создан городской комитет единого фронта, куда вошли представители Бунда, КПЗБ, ППС и Поалей Сион. Уже 12 и 16 января 1936 г. по его инициативе в Барановичах прошли массовые выступления рабочих против национального гнёта [12, л. 10].

В такой обстановке во второй половине 1935 г., под нажимом и низовых организаций Бунда, а также в связи с усиливающимся антисемитизмом, руководство партии пошло на установление единства действий с коммунистами. Представители Бунда вошли в состав едиnofронт-овских комитетов и комиссий, участвовали в организации совместных экономических и политических выступлений рабочих (забастовок, демонстраций, митингов), которые проходили под лозунгами единого рабочего и антифашистского народного фронта.

Однако следует отметить, что основной причиной данных действий руководства партии была всё возрастающая угроза со стороны фашизма и рост антисемитизма. Ускоренный смертью Ю. Пилсудского в мае 1935 г. в Польше вспыхнул экономический и политический кризис. Если Ю. Пилсудский ещё мог строго следовать определённым направлениям внутренней и внешней политики страны, то его преемники на это уже были не способны. Приход к власти А. Гитлера активизировал деятельность полуфашистских групп на территории польского государства. К 1938 г. почти все политические партии в Польше, за исключением ППС, Демократической партии и КПП, приняли программы, призывающие к устранению евреев и «еврейского влияния» в Польше. Кампания антисемитизма сопровождалась призывами к экономическому бойкоту, на чём особенно настаивали эндэки и большинство католического духовенства, попытками создать для еврейских студентов, чей доступ к высшему образованию уже был строго ограничен Ю. Пилсудским, специальные «гетто» в университетах, растущим числом дискриминационных мер и грубым физическим насилием.

Сотрудничество Бунда и коммунистов в рамках антифашистского народного фронта официально продолжалось до второй половины 1937 г. Одной из основных причин отказа Бунда сотрудничать с КПП и КПЗБ были массовые политические репрессии в СССР. Нельзя, однако, говорить о том, что сотрудничество прекратилось совсем. Периодически партии вступали в контакты друг с другом на уровне низовых организаций вплоть до роспуска КПП и КПЗБ в 1938 г. На основании данных фактов мы можем говорить о том, что только изменение политической ситуации в стране способствовало налаживанию сотрудничества между Бундом и КПЗБ в рамках антифашистского фронта. Причиной этого, на наш взгляд, являлась непродуманная политика Коминтерна. Руководство III Интернационала главной целью ставило жёсткое подчинение всех революционных партий Москве. Однако в условиях Польши и Западной Беларуси это привело бы к ликвидации социал-демократического движения. Понимание данной угрозы во многом и приводило к тому, что Бунд только под давлением внешних обстоятельств и с большой неохотой шёл на контакты с КПЗБ в рамках еврейского профсоюзного движения.

Таким образом, мы можем утверждать, что позиции бундовских организаций в еврейском классовом профсоюзном движении были традиционно сильны. Несмотря на серьёзную конкуренцию в борьбе за контроль над еврейским профсоюзным движением со стороны, прежде всего КПЗБ, польский Бунд доминировал в нём на протяжении всего межвоенного периода. Превалирующим его влияние стало в 1938 г., после роспуска КПЗБ, когда около 90% всех еврейских классовых профсоюзов в Западной Беларуси находилось под руководством партии. Однако отсутствие крупных промышленных центров на территории региона и доминирование производства кустарного типа привело к тому, что польский Бунд в Западной Беларуси, в отличие от центральных воеводств польского государства, не имел крупных профсоюзных организаций.

Деятельность партии в профсоюзной среде носила, прежде всего, политический характер: действуя в рамках профсоюзных организаций и с их помощью, польский Бунд организовывал митинги и забастовки протеста против ущемления политических, экономических и национальных прав евреев, формировал отряды самообороны и создавал специальные комитеты помощи жертвам антисемитских погромов. Профсоюзные организации партии стали базой при проведении единфронтовых акций, направленных против фашизма и антисемитизма. Борьба с антисемитизмом во второй половине 1930-х гг. стала основным содержанием работы профсоюзных организаций польского Бунда на территории Западной Беларуси. Через профсоюзы партия вела активную работу за улучшение экономического положения еврейского пролетариата. Защищая экономические интересы еврейских рабочих, польский Бунд нередко проводил штрейкбрехерскую политику и шёл на соглашения с владельцами предприятий.

Список цитированных источников и литературы

1. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 2440.
2. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 9. – Д. 2447.
3. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 10. – Д. 11.
4. ГАБО. – Фонд 93. – Оп. 1. – Д. 2921.
5. ГАБО. – Фонд 51. – Оп. 7. – Д. 796.
6. ГАБО. – Фонд 51. – Оп. 17. – Д. 222–225.
7. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 261.
8. НАРБ. – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 460.

9. НАРБ. – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 475.
10. НАРБ. – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 500.
11. НАРБ. – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 582а.
12. НАРБ. – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 596.
13. НАРБ. – Фонд 242п. – Оп. 1. – Д. 599 а.
14. Hass, L. Ruch związkowy w Rzeczypospolitej / L. Hass // Z dziejów Drugiej Rzeczypospolitej. – Warszawa: Książka i wiedza, 1986. – S. 248–289.
15. Pilch, A. Głowne kierunki ruchu zawodowego w Polsce / A. Pilch // Kwartalnik Historii Ruchu Zawodowego. – 1982. – № 3–4. – S. 3–15.
16. Sprawy Narodowościowe / Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1937. – № 3.

ДА ВЫТОКАЎ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ: СУПЯРЭЧНАСЦІ ВЕРСАЛЬСКОЙ СІСТЭМЫ Ў ЦЭНТРАЛЬНА-ЎСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1920-х ГАДОЎ

Мязга М.М.

УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны», г. Гомель

Пасля завяршэння Першай сусветнай вайны краіны-пераможцы стварылі новую сістэму міжнародных адносін, якая павінна была забяспечыць непаўтарэнне ваеннай катастрофы, падобнай той, якая адбылася ў 1914–1918 гг. Аднак з моманту свайго стварэння Версальская сістэма міжнародных адносін несла ў сабе цэлы комплекс вострых супярэчнасцяў. Рэгіёнам, у якім з самага пачатку гэтыя супярэчнасці праявіліся з асаблівай вострынёй, была Цэнтральна-Ўсходняя Еўропа. Міжнароднае становішча тут вызначалася перш за ўсё ўзаемаадносiнамі паміж Савецкай Расіяй (СССР), Германіяй і Польшчай. Гэтыя краіны занялі рознае месца ў Версальскай сістэме, што вызначыла іх рознае стаўленне да яе і параджала найбольш значныя супярэчнасці ў рэгіёне. Развіццё гэтых супярэчнасцяў на працягу 20–30-х гг. XX стагоддзя прывяло ўрэшце рэшт да таго, што менавіта ў Цэнтральна-Ўсходняй Еўропе 1 верасня 1939 г. успыхнула польмя Другой сусветнай вайны. Таму для вывучэння перадумоў, якія прывялі да яе ўзнікнення, вялікае значэнне мае вывучэнне ўзаемаадносін паміж Савецкай Расіяй, Польшчай і Германіяй у першыя гады існавання Версальскай сістэмы, калі аформіліся асноўныя супярэчнасці паміж гэтымі краінамі. Мы абмяжуем верхнюю храналагічную мяжу нашага даследавання падпісаннем Лакарнскіх пагадненняў, якія істотна змянілі міжнародную сітуацыю ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе. Такім чынам, мэтай дадзенай работы з’яўляецца выяўленне тых супярэчнасцяў, якія сфарміраваліся ў адносiнах паміж Савецкай Расіяй, Германіяй і Польшчай у першыя гады існавання Версальскай сітэмы, і іх ролі ва ўзнікненні Другой сусветнай вайны.

Далёная праблема знайшла пэўнае адлюстраванне ў савецкай, расійскай, польскай, германскай і беларускай гістарыяграфіі. Пры вывучэнні савецка-германскіх адносін савецкая гістарыяграфія, як і гістарычная навука ГДР і ПНР, зыходзіла з таго, што рэвалюцыйны курс з’яўляўся практычным увасабленнем савецкай палітыкі мірнага суіснавання. Такі пункт гледжання адлюстраваны ў работах А. Ахтамзяна [1], С. Мікуліча [2], В. Руге [3], [4]. Замоўчаліся антыверсальскі і антыпольскі аспекты гэтай палітыкі. Германская немарксісцкая гістарыяграфія адстойвала пункт гледжання, згодна якому рэвалюцыйная палітыка служыла інтарэсам рэвізіі Версалья [5; 6]. Польская немарксісц-

кая гістарыяграфія яшчэ ў міжаеенны час сфарміравала канцэпцыю «геапалітычных ціскоў», якія для Польшчы стварылі Расія і Германія. Аднаводна, палітыка Рапала разглядалася як непасрэдная пагроза для польскай дзяржавы [7].

Пасля падпісання Версальскага, а затым і Рыжскага дагавора, у адносінах паміж Савецкай Расіяй, Германіяй і Польшчай адным з найбольш спрэчных заставалася пытанне аб граніцах, якія ўсталювалі гэтыя дагаворы. У час падрыхтоўкі Рыжскага мірнага дагавора польская дэлегацыя, па словах яе сакратара Ю. Гласка, імкнулася ўсталюваць такую граніцу, якая не падагравала б расійскія нацыяналістычныя настроі [8, с. 40]. Гэтую пазіцыю найбольш актыўна адстойваў у Рызе С. Грабскі, чый уплыў на ход перамоў быў найбольш значным. Разлік С. Грабска на тое, што ўсталюваная савецка-польскім мірным дагаворам граніца задаволіць расійскі ўрад любой палітычнай арыентацыі, быў неапраўданы. Граніца прайшла значна ўсходней польскай этнічнай мяжы, і з ёй не мог змірыцца ўрад Расіі будзь то савецкай, ці постсавецкай. У савецкай палітыцы ўжо ў першай палове 1920-х гг. прасочваецца імкненне падрыхтаваць умовы для рэвізіі граніцы, якая была ўсталювана Рыжскім дагаворам.

Заходнія граніцы Польшчы былі ўсталюваны Версальскім дагаворам. Ні для каго не было сакрэтам, што ў Германіі сярод пастаноў Версальскага дагавора найбольшае незадавальненне выклікала ўключэнне ў склад Польшчы шэрагу былых германскіх тэрыторый. У сілу гэтага Польшча з'яўлялася адной з дзяржаў, найбольш зацікаўленых ва ўмацаванні і захаванні Версальскай сістэмы. Польскі міністр замежных спраў К. Скірмунт падкрэсліваў у жніўні 1921 г. у інструкцыі польскім прадстаўніцтвам за мяжой: «Аснова знешняй палітыкі – два моманты: павага дагавораў, якія завяршылі сусветную вайну, стварэнне сістэмы саюзаў з дзяржавамі, з якімі звязваюць Польшчу агульныя інтарэсы, перш за ўсё з Францыяй» [9, с. 126].

Між тым, два буйнейшыя суседа Польшчы, Германія і Савецкая Расія – імкнуліся да ліквідацыі ўсталюванага Версальскім парадку. Такі стан рэчў аб'ектыўна штурхаў гэтыя дзяржавы да ўзаемнага збліжэння. Як пісаў С. Грабскі, Масква і Берлін рознымі дарогамі, скаардынаванымі, аднак, агульным планам дзейнасці, імкнуліся падарваць і знішчыць мір, усталюваны на развалінах германскага сусветнага панавання [10, с. 163]. У той жа інструкцыі К. Скірмунта адзначалася, што Польшча размешчана паміж двума ворагамі і можа быць атакована імі [9, с. 179]. Такім чынам, тое, што Савецкая Расія і Германія апынуліся ў ролі ігрось у рамках Версальскай сістэмы, непазбежна выклікала барацьбу з іх боку супраць гэтай сістэмы міжнародных адносін і стварала аб'ектыўныя перадумовы для напружанага становішча ў іх адносінах з Польшчай, а таксама нараджала агульную зацікаўленасць у барацьбе супраць Версальскага, штурхала Германію і Расію да збліжэння. Вынікам яго стала падпісанне Рапальскага дагавора 16 красавіка 1922 г. Канцлер Вірт адзначаў, што галоўныя матывы, па якіх Германія ішла на супрацоўніцтва з Расіяй, была тая роля, якую Францыя адводзіла Польшчы ў еўрапейскай палітыцы, правы Расіі згодна артыкулу 116 Версальскага дагавора і лёс Верхняй Сілезіі [11, с. 10].

Польскія правячыя колы адразу ўбачылі ў Рапальскім дагаворы пагрозу для сваёй краіны. К. Скірмунт двойчы выступаў на нарадзе ўдзельнікаў канферэнцыі з нагоды падпісання савецка-германскага дагавора і ўказваў на тое, што Польшча ў выніку Рапальскага дагавора падвяргаецца асабліва вялікай небяспецы. Ён настойваў на тым, каб краіны Антанты і іх саюзнікі занялі рашучую пазіцыю ў адносінах да савецка-германскага дагавора [12, с. 306]. Вялікую заклапочанасць у Польшчы выклікала пытанне аб тайных ваенных артыкулах у савецка-германскім пагадненні. На гэты конт у Варшаву паступалі супярэчлівыя звесткі. Пасольства ў Берліне 6 і 8 мая

інфармавала міністэрства замежных спраў (МЗС) Польшчы, што ніякай ваеннай канвенцыі паміж Расіяй і Германіяй не існуе [13, с. 38–40]. Пасольства ж у Парыжы паведамляла 11 мая, што савецка-германская ваенная канвенцыя канчаткова падрытавана і будзе падпісана ў бліжэйшы час [13, с. 145]. У хуткім часе польская дыпламатыя ўсё ж прыйшла да высновы, што тайнага ваеннага пагаднення паміж Расіяй і Германіяй не існуе. У той жа час пасол ў Берліне ў адной са сваіх тэлеграм даволі трапна заўважыў, што Рапальскі дагавор з’яўляецца толькі пачаткам і адкрывае шлях для новых пагадненняў, у якіх, пры захаванні рапальскага курса, могуць знайсці адлюстраванне абавязальствы бакоў аб узаемнай дапамозе [13, с. 40].

На наш погляд, не выклікае сумнення імкнення правачых колаў Германіі выкарыстаць супрацоўніцтва з Савецкай Расіяй у барацьбе з Версальскай сістэмай. Як адзначыў германскі пасол у Маскве У. Брокдорф-Ранцау, добрыя адносіны з СССР – галоўны сродак антыверсальскай палітыкі Германіі [14, с. 528]. У сілу склаўшайся геапалітычнай сітуацыі адным з першых аб’ектаў рэвізіі пасляваеннага статус-кво павінны былі стаць граніцы Польшчы. Як пісаў у сваіх мемуарах вядомы германскі дыпламат Г. Дзірксен, у аснове руска-германскай дружбы «ляжала сумесная нелюбоў да свайго агульнага суседа – Польшчы» [15, с. 37]. Гэты тэзіс знаходзіць пацверджанне ў выказваннях і іншых ушлюбавых палітычных дзеячаў Германіі. Генерал Сект выказаўся за ліквідацыю незалежнай Польшчы і ўсталяванне непасрэднай граніцы з Расіяй. У мемарандуме канцлеру Вірту ад 11 верасня 1922 г. ён падкрэсліваў, што з падзеннем Польшчы знікне адзін з галоўных абаронцаў Версале. Генерал лічыў, што дабівацца гэтага трэба з дапамогай Расіі [16, с. 39]. Канцлер Вірт падзяляў гэты пункт гледжання. У размове з прызначаным паслом у Маскву У. Брокдорф-Ранцау ён так сфармуляваў задачы германскай палітыкі ў дачыненні да Польшчы: «З Польшчай трэба канчаць. Мая палітыка імкнецца да гэтай мэты» [17, с. 153]. Праўда, ён выказаў сумненні, што ў гэтай справе можна чакаць вялікай падтрымкі з боку Расіі [18, с. 541].

Нам падаецца, што Рапальскі дагавор у першы перыяд яго дзеяння не прадстаўляў непасрэднай пагрозы для Польшчы. Расія і Германія не мелі яшчэ дастаткова сіл, каб пачаць актыўныя дзеянні. Але Рапальскі дагавор дазваляў аб’яднацца дзвюм дзяржавам, якія імкнуліся да ліквідацыі Версальскай сістэмы, што не адпавядала інтарэсам Польшчы і садзейнічала росту супярэчнасцяў у адносінах паміж краінамі Цэнтральна-Усходняй Еўропы.

Новы віток у нарастанні напружаннасці ў рэгіёне адбыўся ў сувязі з рурскім крызісам. Савецкі ўрад у сваёй палітыцы зыходзіў з таго, што ў выпадку падначалення Германіі французскаму ўплыву СССР пазбавіцца свайго адзінага саюзніка ў Еўропе, а Версальская сістэма набудзе дадатковую трываласць. Гэта ні ў якой ступені не адпавядала інтарэсам Масквы. Такія абставіны рабілі непразраднай прагерманскую пазіцыю СССР у час рускага крызісу. Польшча ж была зацікаўлена ў поўнай перамозе Францыі ў рурскім крызісе, бо гэта ўмацоўвала б Версальскую сістэму. Савецкі паўпрэд у Варшаве Л. Абаленскі паведамляў аб моцным ціску Францыі на Польшчу з патрабаваннем «неадкладнай акцыі садзеяння ў рурскім пытанні». Далей ён адзначаў, што Польшча не паддаецца на гэты ціск, бо баіцца савецкага ўмяшання [19, с. 49]. Такім чынам, савецкая падтрымка садзейнічала таму, што Германія выставала ў час рускага крызісу і захавала магчымасць барацьбы з Версалем.

У ходзе рускага крызісу Польшча выкарыстала зацікаўленасць Францыі ў ёй як у сваёй саюзніцы для атрымання міжнароднага прызнання польска-савецкай граніцы. 15 сакавіка 1923 г. Савет паслоў Антанты прыняў дадатковы пратакол да Версальскага дагавора, згодна якому ўсходнія граніцы Польшчы атрымалі міжнароднае прызнанне.

Тым самым, Рыжскі дагавор юрыдычна становіўся часткай Версальскай сістэмы. Аднак для СССР барацьба за перагляд Рыжскага дагавора яшчэ ў большай ступені перапляталася з барацьбай супраць Версале.

Сваёй кульмінацыі міжнародны крызіс ва Ўсходне-Цэнтральнай Еўропе ў сувязі з падзеямі ў Германіі дасягнуў восенню 1923 г. У канцы верасня – пачатку кастрычніка савецкае кіраўніцтва прыйшло да высновы аб непазбежнасці пралетарскай рэвалюцыі ў Германіі. Масква лічыла неабходным забяспечыць спрыяльныя міжнародныя ўмовы для яе перамогі. І тут на першы план выходзіла задача не дапусціць умяшання Польшчы ў германскія справы. Было відавочна, Польшча, заціснутая паміж савецкімі Германіяй і Расіяй, не зможа захавацца як незалежная дзяржава, адбудзецца яе саветызацыя. Таму, як адзначаў у сваёй тэлеграме ад 28 верасня ў Маскву Л. Абаленкі, у польскай палітыцы «чырвонай ніткай праходзіць імкненне ўсе намаганні накіраваць на тое, каб» перашкодзіць «змычцы» паміж рэвалюцыйнымі сіламі Германіі і Савецкай Расіі [19, с. 205–206].

З пачатку 1924 г. становіцца відавочным збліжэнне Германіі з Захадам. Безумоўна, для перагляду пасляваеннага статус-кво Берлін мог разлічваць на падтрымку СССР. Але ўзнікала пытанне, ці дастаткова гэтай падтрымкі для рэвізіі Версале. У сувязі з гэтым германская дыпламатыя спрабуе праз збліжэнне з буйнымі працэўнікамі па вайне знайсці шляхі для перагляду некаторых найбольш неспрымальных для Германіі умоў Версальскага дагавора. Нармалізацыя адносін Германіі з краінамі Захаду справядліва ўспрымалася ў Варшаве як пагроза Версальскаму дагавору і, адпаведна, польскім дзяржаўным інтарэсам. Збліжэнне Германіі з Захадам выклікала заклапочанасць і ў Маскве. Як лічыла савецкае кіраўніцтва, тым самым стваралася пагроза рапальскаму курсу. Здавалася, склаўшаяся сітуацыя стварала перадумовы для паляпішэння адносін паміж СССР і Польшчай. Аднак гэтая магчымасць не была рэалізавана. Для савецкага кіраўніцтва захаванне сяброўскіх адносін з Германіяй было прырытэтам у знешняй палітыцы. Таму і канфлікт з Германіяй з нагоды падзей у савецкім гандлёвым прадстаўніцтве 3 мая 1924 г. быў урэгуляваны даволі хутка. Прычым, як адзначаў польскі пасол у Берліне Альхольскі, пагаршэнне польска-савецкіх адносін у той момант не закранула адзінага пытання – адносін СССР і Германіі да Польшчы [11, с. 12]. Можна адзначыць і больш шырокую базу для савецка-германскага супрацоўніцтва ў той час. У мемарандуме савецкага ўрада ўраду Германіі ад 2 чэрвеня 1925 г. адзначалася, што ў аснове рапальскай палітыкі ляжыць маўклівае неспрызнанне абодвума бакамі рэжыма, «які быў усталяваны ў Еўропе ў выніку серыі пасляваенных дагавораў» [20, с. 351]. Гэта значыць, мэтай савецка-германскага супрацоўніцтва была ліквідацыя Версальскай сістэмы. І першым элементам Версальскай сістэмы, супраць якога сумесна выступалі СССР і Германія, былі польскія граніцы.

Прадстаўнікі савецкага ўрада часам адкрыта гаварылі аб неспрызнанні граніцы, усталяванай Рыжскім дагаворам. У красавіку 1924 г. бурную рэакцыю ў Польшчы выклікала заява старшыні савецкага ўкраінскага ўрада Пятроўскага аб тым, што паміж УССР і Усходняй Галіцыяй няма граніцы, а ёсць толькі часовая лінія [21, с. 22]. У жніўні польскі друк актыўна абмяркоўваў выказванне кіраўніка савецкай дэлегацыі на перамовах з Англіяй Ракоўскага, якое ўтрымлівала тэзіс аб неспрызнанні ўключэння Усходняй Галіцыі ў склад Польшчы [22]. Сімптаматычнай у гэтым плане была заява І.Сталіна на XIV з'ездзе УКП (б) у снежні 1925 г. Ён адзначаў, што Версальскі дагавор узаконіў, акрамя іншага, «страту ўкраінскай Галіцыі і Заходняй Валыні, страту Беларуска заходняй яе часткі, страту Літвой Вільні і іншае» [23, с. 14]. Лагічна напрашваецца вывад аб несправядлівасці гэтых страт і непазбежнасці гэтую несправядлівасць выправіць.

Адзначаючы імкненне СССР і Германіі да перагляду польскіх граніц, неабходна адзначыць, што і ў польскай правячай эліце былі распаўсюджаны настроі, якія прадугледжвалі адарванне пэўных тэрыторый ад двух вялікіх суседзяў Польшчы з мэтай іх аслаблення. У адносінах да СССР гэта знайшло адлюстраванне ў палітыцы праметэізму. Яна ўключала ў сябе сакрэтныя дзеянні па падтрымцы сепаратысцкіх рухаў на нацыянальных ускраінах Расіі. У дачыненні да Германіі польскія палітыкі і ваенныя лічылі неабходным паставіць пад польскі кантроль у той ці іншай форме ўсходнюю Прусію, якая, на іх думку, дамоклавым мячом нависала над Польшчай. У мемарандуме польскага МЗС ад 6 жніўня 1924 г. адзначалася, што немцы не пагадзяцца з Версальскім дагаворам і толькі чакаюць моманту каб аднавіць даваенныя граніцы на ўсходзе. Далей указвалася, што кардынальным спосабам забеспячэння граніц і незалежнасці Польшчы з боку Германіі «ёсць незалежнасць Усходняй Прусіі ад Прусіі і імперыі і падначаленне яе польскаму ўплыву» [9, с. 263–265].

Далейшы рост супярэчнасцяў паміж краінамі Цэнтральна-Усходняй Еўропы звязаны з падрыхтоўкай Гарантыйнага пакта. У канцы лета 1925 г. стала відавочнай няўдача польскай дыпламатыі ў барацьбе за наданне дадатковых міжнародных гарантый германскай усходняй граніцы. Праектуемія пагадненні адкрывалі магчымасць для Германіі паставіць пытанне аб мірным пераглядзе польска-германскай граніцы. У студзені 1925 г. МЗС Германіі быў падрыхтаваны мемарандум «Аб нямецкіх нацыянальных меншасцях», у якім у якасці першачарговых задач германскай знешняй палітыкі называлася «паступовая рэвізія ... пагранічных пастаноў па мірнаму дагавору (польскі карыдор, Верхняя Сілезія)...» [24, с. 35]. Як выцякае з гэтага дакумента, менавіта германа-польская граніца ўжо ў сярэдзіне 1920-х гг. намячалася як бліжэйшы аб'ект рэвізіі тэрытарыяльных пастаноў Версальскага дагавора. 18 мая Г. Штрэзэман выступіў у рэйхстагу з прававай, у якой падкрэсліў, што Германія не адмаўляецца ад планаў рэвізіі германа-польскай граніцы негвалтоўнымі метадамі, бо гэтая граніца супярэчыць прынцыпу самавызначэння народаў [25]. У сваіх мемуарах Г. Штрэзэман прама пісаў, што Германія ў Гарантыйным дагаворы не магла даць афіцыйныя гарантый граніц на ўсходзе, і павінна была пакінуць за сабой права перагляду іх мірных шляхам [26, с. 39].

Каб прымусіць Польшчу аддаць Памеранію і Верхнюю Сілезію, Германія з 15 ліпеня 1925 г. развязала супраць яе эканамічную вайну. Г. Штрэзэман пісаў германскаму паслу ў Лондане 19 красавіка 1926 г.: «Мы павінны адцягваць пытанне канчатковага і трывалага аздараўлення Польшчы, пакуль гэтая краіна не саспее для перагляду граніц у адпаведнасці з нашымі патрабаваннямі...» [27, с. 249]. У пытанні аб рэвізіі польскіх граніц Германія знаходзіла паразуменне з Савецкім Саюзам. Вышэй ужо гаварылася аб заявах савецкіх палітыкаў па непрызнанню польскай граніцы. На пачаўшыся ў снежні 1924 г. германа-савецкіх перамовах немцы прапанавалі прадметам перамоў зрабіць пытанне аб адцясненні Польшчы да яе этнічных граніц. Па даручэнню Г. Штрэзэмана пасол У. Брокдорф-Ранцау сустрэўся з Г. Чычэрын і даў да яго ведама ўказаны план вырашэння польскай праблемы [1, с. 132–133]. У польскай гістарыяграфіі распаўсюджаны пункт гледжання, што Г. Чычэрын з разуменнем успрыняў германскія прапановы адносна перагляду польскіх граніц [11, с. 11].

Ва ўмовах падрыхтоўкі Гарантыйнага пакта Масква была заклапочана тым, што Германія ў той ці іншай форме гарантуе заходнія граніцы Польшчы. Г. Штрэзэман на сустрэчах з савецкім паўпрадам у Берліне М. Крэцінскім 15 красавіка адзначыў намер Германіі дабівацца перагляду граніцы з Польшчай усімі мірнымі сродкамі [26, с. 512–513]. Аднак і пасля гэтага Г. Чычэрын у час знаходжання з візітам у Берліне ў пачатку

кастрычніка 1925 г. выказаў заклапочанасць у сувязі з магчымым, нават ускосным, пацверджаннем Германіяй граніцы з Польшчай. На гэта Штрэзэман адказаў, што Германія ніколі не пойдзе добраахвотна на прадстаўленне гарантый Польшчы [26, с. 515]. 10 кастрычніка Г. Штрэзэман накіраваў савецкаму прадстаўніцтву ў Берліне мемарандум, у якім указвалася, што аб гарантыях усходніх граніц Германіі ў праекце Гарантыйнага пакта няма і гаворкі [26, с. 512].

Савецкае кіраўніцтва дарма было заклапочана магчымымі гарантыямі для польскіх усходніх граніц. Г. Штрэзэман у лісце былому кронпрынцу ад 9 верасня 1925 г. адзначаў у якасці важнейшых задач германскай знешняй палітыкі «вярганне Данцыга, польскага карыдора і карыктыроўку граніц у Верхняй Сілезіі» [26, с. 553]. Такім чынам, германскія планы па рэвізіі германа-польскай граніцы ў сувязі з падпісаннем гарантыйнага дагавора не змяніліся. Лакарнскія пагадненні не ўрэгулявалі тэрытарыяльных спрэчак, якія існавалі ў Цэнтральна-Ўсходняй Еўропе. Тое, што граніцы ў рэгіёне не атрымалі дадатковых міжнародных гарантый, падштурхоўвала і Германію, і СССР да спроб іх рэвізіі.

Такім чынам, у Цэнтральна-Ўсходняй Еўропе ўжо ў першай палове 1920-х гадоў сфарміравалася серыя вострых міжнародных супярэчнасцяў, звязаных у першую чаргу з тэрытарыяльнымі спрэчкамі паміж дзяржавамі рэгіёна і іх розным становішчам у Версальскай сістэме міжнародных адносін. У рамках гэтых супярэчнасцяў ужо тады фарміраваліся прычыны, якія прывядуць да пачатку Другой сусветнай вайны.

Спіс выкарыстаных крыніц і літаратуры

1. Ахтамзян, А.А. Рапальская політыка. Советско-германские отношения. 1922 – 1932 / А.А. Ахтамзян. – М.: Международные отношения, 1974. – 303 с.
2. Mikulicz, S. Od Genui do Rapallo / S. Mikulicz. – Warszawa, 1966. – 248 s.
3. Руге, В. Германия в 1917 – 1933 годах / В. Руге. – М.: Прогресс, 1974. – 320 с.
4. Руге, В. Движущие силы рапальской политики Германии / В. Руге // Рапальский договор и проблема мирного сосуществования. – М.: Изд. ин. лит., 1963. – С. 85 – 105.
5. Milcke, K. Deutschland und Russland. 1914–1941 / K. Milcke. – Hannover: Miller und Fogell, 1960. – 381 s.
6. Roos, H. Polen und Europa / H. Roos. – Tüdingen, 1957. – 487 s.
7. Mackiewicz, S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. / S. Mackiewicz. – Warszawa: Głos, 1990. – 327 s.
8. Kawalec, K. Narodowa Demokracja wobec traktatu ryskiego / K. Kawalec // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach. – Torun, 1998.
9. Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej 1918 – 1938. – Warszawa: Inst. Wyd. Pax., 1989. – Т. 1: 1918 – 1932. – 540 s.
10. Grabski, St. Godziennych walk i rozważań / St. Grabski. – Poznań: Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepenskiego, 1923. – 168 s.
11. Grosfeld, L. Polska a stosunki niemiecko-sowieckie. 1918 – 1939 / L. Grosfeld. – Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza, 1988. – 43 s.
12. Материалы Генуэзской конференции. – М.: Изд. НКВД, 1922. – 372 с.
13. Archiw Aktow Nowych. MSZ. – Sygn. 6629.
14. Рубинштейн, Н. Внешняя политика советского государства в 1921 – 1925 годах / Н. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат, 1953. – 92 с.
15. Дирксен, Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики / Г. Дирксен. – М.: ОЛМА-ИПРЕСС, 2001. – 446 с.
16. Rosenfeld, G. Stosunki polityczne polsko-niemieckie po Rapallo i Lokarno / G. Rosenfeld // Kwartalnik historyczny. – 1963. – № 1. – С. 26 – 48.

17. Kumaniecki, J. Wobec układu w Rapallo / J. Kumaniecki // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studzia i materially. – 1966. – Т. 2. – С. 253 – 265.
18. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалло. Сборник документов. В 2 т. – М.: Политиздат, 1971.- Т. 2. – 596 с.
19. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. П. 212. – Д. 52567.
20. Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1967. – Т. 8. – 862 с.
21. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 04. – Оп. 32. П. 213. – Д. 52596. Т. 2.
22. Известия. 1924. 19 августа. – № 187 (2222).
23. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М.: Госиздат, 1926. – 657 с.
24. Dokumente zur deutschen Geschichte 1919 – 1923. [Текст]. – Berlin: Deutscher Verl. der Wissenschaft, 1975. – 104 s.
25. Известия. 1925. 20 мая. – № 113. (2446).
26. Stresemann, G. Vermachtnis. В. 1 – 3 / G. Stresemann – Berlin, 1932. – В. 2. – 611 s.
27. Паевский, Я. Немецкие попытки натиска на Восток в период империализма / Я. Паевский // Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. – М.: Прогресс, 1965. – С. 237 – 251.

ПЕРЕЖИВШИЕ: ВОСПОМИНАНИЯ МАЛОЛЕТНЕЙ УЗНИЦЫ ФАШИЗМА

Никитенкова Л.П.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Устная история как особое направление исторической науки получила сегодня широкое распространение, потому что созвучна потребности нашего общества изучать недавнее прошлое через призму воспоминаний тех людей, которые были свидетелями и участниками значимых событий нашей жизни.

Одна из страниц Второй мировой войны, касающаяся людей, угнанных в Германию на принудительные работы, получила освещение только в девяностые годы прошлого столетия. Возросший интерес историков, литераторов к жизни простых людей способствовал появлению воспоминаний тех, о которых раньше и не говорили.

Моя мама, Манцивода Клавдия Константиновна, два года провела в фашистской неволе. Небольшая часть её воспоминаний опубликована в районной газете «Прамень» г. Столбцы от 10 апреля 2010 г.

Война на Дятловщину Гродненской области (в начале 40-х годов это была Барановичская область) пришла уже через неделю после её объявления. Уже в понедельник деревня Савичи, где проживала семья моей матери, была взята без выстрелов. Началась жизнь на оккупированной территории. Мама была младшей среди пятерых детей в семье Лебецких.

Она вспоминает: «Летом 1943 г. немцы начали брать молодёжь на работу в Германию. Прислали карты и в нашу деревню многим ребятам и девушкам, в том числе и моей сестре Елене, чтобы явились в Дятлово на комиссию. Никто из нашей деревни не пришёл в назначенное время, начали прятаться. Через несколько дней чуть свет окружили деревню немцы и полицаи и начали хватать кого нашли. Сначала заходили в те дома, кому были присланы карты. Мои старшие сестры успели спрятаться, а я осталась дома, так как была маленькой, худенькой, и родители не

думали, что меня могут забрать. Но немцы, вскочив в дом, схватили меня и под дулом пистолета погнали по деревне. Набрав нужное количество народа, отправили под конвоем в Дятлово на приемный пункт, который находился в школе. Никого к нам не подпускали, так как считали нас арестованными. Немцы нас из дому забрали в чем мы были одеты. Наши родители собрали кое-какую одежду и хлеб и успели принести нам в Дятлово эти передачи. Нас погрузили в машину и отправили на железнодорожную станцию Новоельня, где перегрузили в телятники, закрыли и повезли. В Белостоке нам разрешили выйти из вагона, под конвоем сходить по своим нуждам и попить воды и снова загнали в вагон.

Привезли нас в Германию, на какой-то станции выгрузили и погнали строем по дороге. Было очень тяжело идти. Сами усталые, жаркая погода стояла. Пригнали в распределительный лагерь, который находился в лесу. Там было очень много народу. Прошли санобработку. Нас смазывали какими-то жидкостями, потом мыли в огромной бане под душем. Всю одежду обработали отдельно и возвращали нам. Здесь мы проходили комиссию. Нас фотографировали с номером, который был написан на дощечке. Брали отпечатки пальцев и выдавали на руки карту, кому жёлтую, кому зелёную. А затем по этим картам увозили из лагеря».

Мама попала во Франкфурт-на-Майне в лагерь «Бонамес», где находились пленные разных национальностей: французы, западные и восточные славяне. «В лагере нас зарегистрировали. Выдали латки с надписью «OST», потребовали пришить на все одежды на груди, сказали, что без этой латки мы не должны быть даже в бараке. Выдали карточку на питание на неделю, на которой был написан номер. Мой номер в этом лагере был 3502. Предупредили, что если потеряем карточку, то не получим еду. На ноги выдавали деревяшки-гольцшуй. Подошва – деревянная, толстая с железными гвоздями или шурупам, чтобы не сбивались. Они были очень тяжелые. А одежду привозили, сгружали в кучу (понятно, откуда она бралась), приводили нас, чтобы выбирали, если у кого что порвалось. Распределили по баракам. Комнаты большие, там стояли двухъярусные кровати».

Определили её на работу на фабрику «Люфтфарт». «Каждое утро (видимо, в три часа, потому что песню сочинили «... в три часа я встаю на работу, как не хочется мне вставать») раздавался свисток, поднимались и шли со своими карточками в столовую. Ложки и миски нам выдали, и мы их должны были носить с собой. На завтрак получали кусочек хлеба и немножко кофе. После еды начиналось построение на работу. Вызывали по номерам, строили в колонну и под конвоем с собаками гнали на фабрику, которая находилась на расстоянии трёх километров от лагеря. Работали в две смены по 12 часов.

Я была маленькая, худая двенадцатилетняя девочка. Мне подставляли ящик, чтобы смогла достать до станка. Из железных болванок учили выпачивать детали, пользоваться штангенциркулем. Мастер предложил работу уборщицей служебных помещений и работать только днём под руководством пожилой немки. Когда убирали комнаты и выносили мусорные коши в общую мусорку, то иногда находили среди бумаг кусочки хлеба. Это уже было для нас счастьем. Иногда какая-нибудь немка сунет незаметно бутерброд, чтобы другие не видели. Они не верили, что нас силой забрали из дому, думали, что из России едут добровольно всей семьёй. А когда узнали, что я одна без родителей, то тихо возмущались. Наша немка была очень хорошим человеком. Она каждый день после обеда ходила на немецкую кухню и приносила нам какие-нибудь объедки.

Очень частыми были воздушные налёты. Гудели сирены и нас загоняли в бомбоубежища, которые были около цехов, а в лагере – около барачков. Когда бомбили, то всё гудело и тряслось от разрыва бомб и стрельбы зениток. Это ужасное зрелище. Эти

гудки тревоги наводили такой ужас, что люди молились о спасении. Пленные в полной мере чувствовали и голод, и тяжёлую работу, и лишения. Очень боялись заболеть. В лагере был отдельный барак с газовой камерой, куда отправляли тех, кто провинился или заболел. Оттуда никто не возвращался».

Весной 1944 г., когда был открыт второй фронт, фабрику эвакуировали во Францию, недалеко от г. Мец. Там жили в лагере за колючей проволокой. «В 12 км от города в горах находились старые укрепления-дзоты, куда и разместили фабричное оборудование. Вначале работали грузчиками. Возили на машинах на станцию, где разгружали вагоны, а вечером привозили назад в лагерь. Здесь вначале было очень плохо с едой, долго не гоняли в баню, так что даже появились вши. Когда заработали станки, кухня, санобработка, тогда немножко стало легче. Здесь не было воздушных налетов».

Мама помогала поварам, что давало ей возможность спастись от голода. Осенью того же года пленных вернули в Германию и погнали на границу с Польшей рыть окопы. Спали не раздеваясь в хлевах, было очень холодно. Когда приблизился фронт, пленных отправили в Чехословакию в г. Райхенберг. Там жили в лагерях и работали.

«7 мая 1945 г. нас подогнали ближе к фронту в какую-то безлюдную деревню. Выдали нам дневной паёк, сказали, чтобы разошлись по домам и не выходили на улицу, потому что возможно будет стрельба. Оставили нас одних. Все конвоиры уехали обратно. Мы (около десятка человек из Западной Беларуси) спрятались в подвале отдалённого от улицы дома. Слышали, как гудели мотоциклы, стреляли из пулемётов, но сидели очень тихо, боялись даже заговорить друг с другом. Когда рассвело, мы вылезли из своего убежища и увидели через окно колонны наших солдат, идущих по улице. Они были усталые, угрюмые, запылённые. Нас освободили 8 мая 1945 г. Одна воинская часть остановилась в этой деревне. Нас накормили. Мы тут же стали собираться идти домой. Нашли детские коляски, оставленные жителями деревни, положили в них свои одежки, солдатский хлеб и утrechком следующего дня, 9 мая, отправились домой. По дороге нам сообщили солдаты о Победе. Перешли через р. Одер по мосту и дошли до г. Ополе. Здесь нас задержали, отвели в комендатуру, допросили, всё подробно записали и прикомандировали к воинской части, которая здесь находилась. Мы целое лето пасли коров, которых собирались гнать в СССР. Кормили нас здесь хорошо, молока хватало. В конце августа вместе с этой частью погнали 500 коров к границе. Днём гнали, а ночью останавливались на привал. Дежурили около коров по очереди вместе с солдатским патрулём. Спали на солдатских повозках. Когда дошли до границы, нас по одному вызывали энкаведисты и под дулом пистолета допрашивали, всё записывали. После проверки нам разрешено было гнать коров дальше. Выдали нам документ, который мы должны были предъявить в органы после прибытия к месту жительства. Около Лунища нас из Барановичской области в конце сентября 1945 года отпустили домой».

После войны жизнь моей мамы сложилась следующим образом. Окончила Гродненский пединститут, вышла замуж и переехала на место жительства в г. Столбцы Минской области. 39 лет проработала учителем математики в школах города, имеет многочисленные награды, грамоты. Возглавляла городскую общественную организацию малолетних узников. Их теперь в Столбцах осталось 16 человек. Сегодня – пенсионерка, но продолжает вести активный образ жизни. Выступает на встречах с молодёжью, поёт в церковном хоре.

Действительно, история государства и общества складывается из отдельных историй простых людей.

БАРАНОВИЧИ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ (ИЮЛЬ 1944 г.)

Одинец Л.С.

УО «Барановичский государственный университет», г. Барановичи

Актуальность темы определяется тем, что, во-первых, она относится к судьбоносному событию в истории новейшего времени – Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Во-вторых, недостаточной научной разработанностью краеведческого аспекта одного из периодов этой войны, связанного с освобождением Баранович от немецко-фашистских оккупантов и началом восстановления города в июле 1944 г.

В этой связи представляется необходимым показать:

- место Баранович на театре военных действий;
- особенности проведения Барановичско-Слонимской операции в ходе освобождения города;
- ущерб, нанесенный городу немецко-фашистскими оккупантами; а также
- изучить основные направления и результаты деятельности военного командования и оперативных групп партийных и советских органов в первые дни после освобождения города.

Анализ фактического материала показал: летом 1944 г. Красная Армия, продолжая наступление на всех фронтах, начала освобождение от немецких оккупантов и территории Барановичской области. В ходе Барановичско-Слонимской операции упорные бои развернулись за областной центр Барановичи – крупный узел железнодорожных и шоссейных путей.

Барановичи были мощным укрепленным районом обороны немцев, прикрывавшим направление на Брест и Белосток. На дальних (за 20 км от города) и ближних подступах к городу были оборудованы 3 оборонительных рубежа Барановичского укрепленного района. В нем каждая деревня, перекресток, высота на местности превратились в опорные пункты с дотами, дзотами, мощными блиндажами и другими инженерными сооружениями. В системе обороны были созданы 4 узла сопротивления, которые имели 39 железобетонных огневых точек, оборудованные траншеи и окопы для пехоты [6, с. 353–354]. Для удержания города фашистское командование перебросило 3 свежие дивизии, в том числе танковую и остатки 4-х отступавших дивизий [3, с. 89]. Для разгрома барановичской группировки противника командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К.К. Рокоссовский использовал войска 28-й, 48-й и 65-й армий.

Первая попытка овладеть городом ударом с востока успеха не имела: враг, опираясь на заранее подготовленный рубеж, отчаянно оборонялся. Сломив упорное сопротивление противника, войска 1-го Белорусского фронта в результате обходного маневра конницей и танковых соединений в сочетании с фронтовой атакой пехоты и при поддержке авиации овладели городом. Барановичи были взяты штурмом, который начался 8 июля 1944 г. в 3 часа ночи. К утру город был полностью очищен от немцев. Противник понес тяжелые потери. Как сообщалось 8 июля в оперативной сводке советского Информбюро, только на северной окраине города было захвачено 70 орудий и 5 крупных складов с военным имуществом, а на железнодорожном узле – подвижные составы с различными грузами [6, с. 361].

В день освобождения города в 22 часа столица СССР Москва от имени Родины салатовала доблестным войскам 1-го Белорусского фронта 20-ю артиллерийскими залпами из 220-ти орудий. Согласно приказу Верховного Главнокомандующего от 27 июля

1944 г. 28-ми воинским частям и соединениям, участвовавшим в боях за город, было присвоено наименование «Барановичских» [3, с. 89]. За успешные боевые действия при освобождении Баранович 18 из них были награждены орденами, а 5 бойцов стали Героями Советского Союза [6, с. 375; 4, с. 80].

Людские и материальные потери были огромными. Гитлеровцы уничтожили в городе и окрестностях 127,5 тысяч человек [8, с. 302]. До войны население Баранович составляло около 40 тысяч человек [4, с. 81]. В день освобождения города в нём насчитывалось от 600 до 800 жителей [6, с. 360]. Остальные находились в лесах, деревнях, были расстреляны или угнаны в Германию.

Почти полностью был разрушен город и железная дорога. Более 50 промышленных предприятий (80%) не подлежало восстановлению. Немецко-фашистские захватчики уничтожили 2,5 тысячи жилых домов (85%), драматический театр, кинотеатры, школы и многое другое [6, с. 485; 7, с. 81].

В первые дни после освобождения власть в городе принадлежала командованию и политотделу 15-й стрелковой Сивашской, ордена Ленина, дважды Краснознаменной дивизии. Политотдел дивизии составил план мероприятий, в котором предусматривалось проведение разъяснительной работы среди местного населения, охрана объектов, складов и др., установление порядка в городе, задержание оставшихся в нём немцев, пресечение фактов мародерства. Для этого были выделены стрелковый полк и учебная рота дивизии.

Начальником Барановичского гарнизона был назначен командир дивизии генерал-майор К.Е. Гребенник, который на следующий день после освобождения города, 9 июля, издал приказ № 1 [6, с. 358]. В нём предусматривались меры, направленные на обеспечение порядка в городе, безопасности гражданского населения, борьбу со шпионами и диверсантами. Так, всем гражданским лицам необходимо было в течение 48 часов сдать военному коменданту огнестрельное и холодное оружие, в ночное время соблюдать светомаскировку. Устанавливался комендантский час с 9 часов вечера до 5 часов утра по московскому времени. Запрещалось местным жителям впускать в квартиры для ночлега каких бы то ни было лиц, в том числе и военнослужащих, без разрешения военного коменданта.

В соответствии с приказом распространители ложных и провокационных слухов рассматривались как пособники врага. Гражданам предписывалось повысить бдительность и активно помогать властям вести борьбу со шпионами, диверсантами, немецкими ракетчиками и со всеми нарушителями порядка.

Жители города призывались к восстановлению разрушенного хозяйства, в первую очередь дорог, мостов, предприятий и приведению города в порядок.

Все виновные в нарушении данного приказа привлекались к суду по законам военного времени.

Приказ по гарнизону был вывешен в установленных местах на улицах города. Здесь же с населением начали работать 30 коммунистов из учебной роты дивизии (15 офицеров, остальные – сержанты и рядовые). Они провели разъяснительную работу, осмотрели состояние предприятий, улиц, подобрали из местных жителей и проинструктировали 26 уполномоченных – ответственных за обеспечение порядка на улицах города [6, с. 359].

Население было ознакомлено и с приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 8 июля 1944 г. о взятии войсками 1-го Белорусского фронта города Барановичи. Этот приказ был отпечатан в типографии 15-й стрелковой дивизии и расклеен в городе. В ночь на 9 июля силами «Смерш» и учебной роты были задержаны 18 немецких и итальянских солдат и несколько подозрительных личностей [6, с. 360].

10 июля была проведена перепись жителей города, в ходе которой зарегистрировалось 4 тысячи человек [6, с. 360]. В городе начала работать громкоговорительная установка, через которую транслировались произведения советских композиторов. Был показан кинофильм. Состоялось совещание с интеллигенцией города, на котором присутствовало 35 человек [6, с.360].

Как следовало из докладной записки начальнику политотдела 65-ой армии полковнику Ганиеву «О наведении порядка и положении дел в г.Барановичи» от 13 июля 1944 года, в результате проведенной работы политотдел 15-й дивизии охватил своим влиянием около 90% жителей города [6, с.359]. В записке отмечалось, что население доброжелательно встретило приход в город частей Красной Армии, активно участвовало в тушении пожаров, очистке улиц, включилось в работу по восстановлению железнодорожного узла, предприятий, мостов.

С выбытием из Баранович генерал-майора Гребенника 12 июля начальником гарнизона был назначен обложеном полковник Кириенков. Списки населения и другие документы были переданы оперативным группам партийных и советских органов, которые еще 9 июля прибыли в город вместе с частями Красной Армии и приступили к работе. С положением дел в городе были ознакомлены 1-й секретарь Барановичского обкома партии И.П. Тур и председатель облисполкома П.В. Бондаренко, секретари обкома и горкома партии, председатель горисполкома, которые возглавили оперативные группы. Перед ними стояла задача: без промедления решать вопросы восстановления деятельности партийных и советских органов, возрождения разрушенного оккупантами народного хозяйства, организации обслуживания населения и оказания ему необходимой помощи.

Приступая к решению этой задачи, местная власть прежде всего стремилась обеспечить население продуктами питания, наладить быстрый ремонт жилых и служебных помещений, восстановить работу железной дороги, промышленных предприятий и других важных для города объектов.

Однако не хватало оборудования, механизмов, сырья, транспортных средств, продуктов питания, предметов первой необходимости и др. Угрожающей была эпидемиологическая обстановка в городе. Имели место случаи заболевания сыпным тифом и другими опасными болезнями. Не было жилья. Вернувшиеся в город люди вынуждены были селиться в подвалах разрушенных зданий, строить землянки.

Решение некоторых из этих проблем ускорилось, когда к концу июля возобновили работу городской совет и его исполком. Так, в числе первых были восстановлены небольшие артели горпромкомбината. Они выпускали пиломатериалы, изготавливали кожаные изделия, шили обувь, варили мыло, обеспечивали потребителей бондарными изделиями.

Были приняты постановления о привлечении неработающих граждан к уборке урожая в подсобном хозяйстве и об открытии гостиницы в городе [6, с. 382–383]. Предусматривалось также отремонтировать и передать управлению кинофикации 2 здания, взамен сожженных фашистскими оккупантами 2-х кинотеатров. В соответствии с постановлением СНК БССР № 205 от 7 апреля 1944 г. устанавливалось, что демонстрация кинофильмов должна занимать не более 20–25 дней в месяц, а остальные дни следовало использовать для концертов, спектаклей, собраний и других мероприятий [1]. Принятое решение как нельзя лучше отражало стремление жителей города, которые устали от войны и горя, быстрее вернуться к мирной жизни.

Несмотря на огромные трудности, жизнь в городе постепенно налаживалась. Следует отметить, что в восстановлении города и его жизнедеятельности большую

помощь оказывали республики СССР, воинские части Красной Армии. Из братских республик в Барановичи поступали продукты питания, медикаменты, оборудование и многое другое. Так, вскоре после освобождения из РСФСР прибыл энергопоезд для снабжения города электроэнергией [5, с. 169]. Воинские части разминировали здания, ремонтировали дороги, мосты и др. В свою очередь жители Баранович помогали раненым красноармейцам и медицинскому персоналу в военных госпиталях, которые временно размещались в городе. Был организован сбор средств в фонд обороны Родины.

В конце июля в городе началось освидетельствование граждан 1924–1926 гг. рождения на пригодность их к военной службе. При горвоенкомате стали работать призывная комиссия, агитпункт, стол справок. В сжатые сроки была проведена мобилизация призывников.

Таким образом, в историю Великой Отечественной войны Барановичи вошли в связи с крупной наступательной операцией под названием «Барановичско-Слонимская операция 1944 г.». Ее особенность состояла в том, что нигде, за исключением Бобруйска, наши войска не встречали на своем пути такого ожесточенного сопротивления, как на подступах к Барановичам. В результате Барановичско-Слонимской операции 8 июля 1944 г. город был освобожден от немецко-фашистских оккупантов. Тем самым войскам Красной Армии был открыт путь на Брест и далее на Запад.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для Баранович. Население города уменьшилось в 10 раз. Городскому хозяйству был нанесен огромный ущерб. В течение 3-х недель после освобождения города основными направлениями деятельности военного командования и оперативных групп партийных и советских органов были: проведение разъяснительной работы среди населения; наведение порядка на улицах города; обеспечение безопасности граждан; осуществление ремонтно-восстановительных работ; налаживание социального и культурного обслуживания населения города.

Главные результаты этой деятельности заключались в том, что за короткий срок, преодолевая огромные трудности, жители города приступили к его восстановлению, оказывая при этом помощь Красной Армии.

Список цитированных источников и литературы

1. Зональный государственный архив в городе Барановичи. – Ф.138. – Оп.1. – Д. 1. – Л.1.
2. Краеведческий музей в г. Барановичи: КП–7322.
3. Белорусская ССР. Брестская обл. – 3-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Беларусь, 1987. – 207с.
4. Малішэўскі, У.А. Нашы гарады. / У.А. Малішэўскі, П.М. Пабока – Мн.: Нар. асвета, 1991. – 303 с.
5. Очерки истории Брестской областной партийной организации / Я.Я. Алексейчик, Б.И. Коейша, В.П. Самович; под ред. В.А. Бобкова. – Мн.: Беларусь, 1989. – 448 с.
6. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка г. Баранавічы і Баранавіцкага р-на. – Мінск: БЕЛТА, 2000. – 736 с.
7. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл.; Редкол. С.В. Марцелев (гл.ред.) [и др.] – Мн.: Бел. СЭ, 1990. – 424 с.
8. Энциклапедыя гісторыі Беларусі: ў 6 т. / Беларус. Энцикл.; Рэдкал.: М.В. Біч [і інш.] – Мн.: Бел.Эн, 1993. – Т. 1: А – Беліца. – 494 с.

ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Пашкович Е.И.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Великая Отечественная война осиротила сотни тысяч детей. Часто физически ослабленные и морально искалеченные, они, как никто другой, нуждались в скорейшей помощи. Эта проблема решалась по мере освобождения территории Беларуси от оккупантов. Уже 12 октября 1943 г. СНК БССР и ЦК КП(б)Б приняли постановление «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». На основании этого документа на вокзалах, рынках, магазинах организовывались специальные рейды с целью выявления беспризорных детей. Для этой работы привлекалась не только милиция, но и школьники старших классов, учителя, комсомольские организации. В городах открывались детские комнаты милиции. Исполкомами областных, районных и городских советов создавались комиссии по устройству детей-сирот, в состав которых входили заместитель председателя исполкома, председатели отдела народного образования, охраны здоровья, профсоюзных и комсомольских организаций, промышленных предприятий, колхозники, рабочие МТС, совхозов [23, с. 8–9].

На 1 декабря 1944 г. по республике в органах просвещения на учете состояло более 46 000 детей-сирот, к концу 1945 г. – 64 000 [22, с. 18]. По результатам учета, проведенного к началу декабря 1944 г., в Брестской области насчитывалось 1 452 ребенка-сироты. В марте 1945 г. по области было учтено 1 537 детей, оставшихся без родителей, в сентябре 1945 г. – 2 016 [9, л. 9; 3, л. 44; 11, л. 8].

Беспризорники направлялись в детские приемники-распределители НКВД. К январю 1945 г. в республике действовало 18 таких учреждений с одновременным содержанием 1 200 детей [22, с. 38], в т.ч. в Бресте и Пинске на 50 и 30 мест соответственно [15, л. 4]. В Бресте приемник размещался на ул. Тришинской, 27 в 2-х небольших зданиях [10, л. 30]. В приемники поступали дети в возрасте до 15 лет следующих категорий: 1) дети, родители которых погибли на фронте, в партизанских отрядах, во время оккупации от рук немецко-фашистских захватчиков, 2) дети из других союзных республик (на 1945 г. они составляли 50%), 3) репатрированные дети (начиная с 1945 г.), 4) дети, сбежавшие из детских домов, 5) дети, сбежавшие из дома (на 1948–1950 гг. они составляли более 50%), 6) дети репрессированных граждан с 1948 г. Дети направлялись в приемники-распределители на двухнедельный срок. За это время им оказывали медицинскую помощь, устанавливали личность ребенка (по возможности), после чего детей в возрасте до 14 лет распределяли в детские дома, колонии, устраивали на патронат в семьи, детей старше 14 лет трудоустраивали. Часто дети задерживались дольше 2-х недель, и поэтому в приемниках необходимо было организовать учебно-воспитательную работу [20, с. 79–80]. За период с января по июль 1947 г. в детском приемнике-распределителе в г. Бресте побывало 346 детей, из которых 156 были определены в детдома, 38 – возвращены родителям, 86 – устроены в ремесленные училища и школы ФЗО, 25 – трудоустроены, 25 – направлены в трудовые колонии [14, л. 15]. В целом по республике за период с 1943 г. по 1950 г. через детские приемники-распределители прошли 80 239 детей [22, л. 53].

В мае–июне 1945 г. была выработана правительственная программа, направленная на укрепление и развитие патроната. Она предусматривала организацию точного учета детей-сирот и принятие широкомасштабных мер с целью усиления государственной и общественной помощи семьям, воспитывавшим детей, оставшихся без родителей. 13 июня 1945 г. ЦК КП(б)Б и СНК БССР приняли постановление «О мерах-приятиях по улучшению материально-бытового положения детей сирот». Семьям,

взявшим на патронат ребенка, государство предоставляло продовольственные товары и денежное пособие в размере 50 рублей [2, л. 66–68]. В это же время проводилась активная общественная работа по организации сбора денежных средств, созданию фондов помощи, устройству благотворительных базаров, вечеров, концертов творческих коллективов, открытию бесплатных столовых и магазинов для патронированных и инвалидов. В 1947 г. комитеты Красного Креста направляли на оплату школьных завтраков около 1,5 млн. руб., собранных в качестве пожертвований [22, л. 27]. Если на 1 июня 1945 г. в республике на патронате состояло 19 000 детей, то уже на 1 ноября 1946 г. из 138 000 детей-сирот 53 113 детей находились на патронате [22, с. 18]. В Брестской области в начале декабря 1944 г. из 1 452 детей-сирот, 400 детей находились на патронате в семьях [9, л. 9; 16, л. 3; 8, л. 45]. В марте 1945 г. из 1 537 детей-сирот на патронате в семьях находились 742 ребенка, к концу 1946 г. из 3 000 детей-сирот в семьи граждан было устроено 1 084 человека [3, л. 44]. Но зачастую материально-бытовые условия жизни детей-сирот, находящихся на воспитании в семьях, были неудовлетворительны. Дети работали в хозяйстве, нанимались пастухами, не посещали школы. После одной из проверок в апреле 1947 г. 71 ребенок был изъят из патроната и переведен в детские дома [6, л. 23–24].

Случаи усыновления были редкими: до марта 1945 г. по области было усыновлено 14 детей, к концу 1946 г. – 50 детей [3, л. 44; 13, л. 29]. Иногда родители сами отдавали своих детей в детские дома, будучи не в состоянии обеспечить им нормальные условия жизни. Так, например, в Дом ребенка в г. Пинске должны были направляться круглые сироты, дети одиноких матерей и только в исключительных случаях дети болеющих матерей. Но из-за отсутствия в городе круглосуточных яслей и бедственного материального положения населения в Доме ребенка находились дети из полных семей. Значительная часть детей поступала в течение первой недели жизни [19, л. 9].

Из приемников-распределителей большинство детей попадали в детские дома. Из 186 зданий детских домов, существовавших в республике до войны, оккупантами было полностью уничтожено 136, уцелело лишь 50 сильно поврежденных зданий. На территории Брестской области до оккупации действовало 9 детских домов (с общей численностью воспитанников 1200 человек), 3 из которых размещались в г. Бресте [1, л. 45; 16, л. 3]. Уже к декабрю 1944 г. были восстановлены 9 детских домов и открыты 3 новых [9, л. 10]. В 1946 г. из 13 детских домов области 7 размещались в городах и райцентрах, 6 – в сельской местности, из них 3 – в бывших имениях. Только 3 детских дома размещались в пригодных помещениях, 10 – в приспособленных зданиях [5, л. 44]. Помощь в восстановлении детских домов оказывали воинские подразделения Красной Армии. В феврале–марте 1944 г. силами тыловых частей I-го Белорусского фронта было восстановлено и оборудовано в освобожденных районах Беларуси 15 различных детских воспитательских учреждений. На строительство детских домов и приемников-распределителей направляли немецких военнопленных (например, в г. Барановичи) [22, с. 41–57]. Но как показала жизнь, проблема заключалась не столько в восстановлении старых и открытии новых детских домов, сколько в их дальнейшем обеспечении.

Брестский детский дом начал работу 2 августа 1944 г. и размещался по ул. Московской, 2. Как и остальные в республике, Брестский детский дом, ежедневно сталкивался с рядом проблем, характерных для послевоенного времени. Из-за отсутствия финансовых средств ремонт сводился к тому, что окна забивались фанерой. Помещения оставались не утепленными, а во многих случаях не были проведены электричество и водоснабжение. Не хватало мебели, прежде всего кроватей, в том числе просто сбитых из досок. В Блуденском детском доме (Безрезовский район) дети спали по 3–4 человека [5, л. 6]. Не хватало одеял, простыней, одежды, обуви. Большинство детей Брестского детдома, прежде всего дошкольники, ходили босиком – на всех (144 воспитанников) было 2 пары обуви,

которые одевали по очереди [3, л. 4]. Были случаи, когда дети ели из консервных банок (г. Кобрин). В Высоковском детском доме на 120 воспитанников было только 15 мисок [5, л. 44, 78]. Поставки продуктов и других товаров, возложенные на межрайторг, строительные конторы, райпромкомбинаты, не выполнялись в полном объеме.

Одна из острых проблем послевоенных лет – обеспечение питанием. Дети в детдомах недоедали. Вот пример (не самый худший) меню Брестского детдома в 1944 г.: завтрак – чай с хлебом, обед – суп, ужин – суп. Были случаи, когда на завтрак варили муку на воде [3, л. 1]. Одна из бывших воспитанниц Брестского детского дома вспоминала: «... Запало в памяти, как дети ложились на землю и прикладывали ухо – не гудит ли грузовик, который привозит хлеб? А конфеты, коричневые такие, наподобие подушечек. Спрессуешь их несколько штук в ладошке и потом, как самое дорогое сокровище, бережешь этот сладкий ком» [21, с. 2]. Во многих детдомах, особенно в Каменецком и Домачевском, дети питались исключительно за счет продуктов, которые приносили местные жители.

Из-за плохого питания и антисанитарных условий дети в детских домах болели, особенно часто корью, скарлатиной, туберкулезом, страдали малокровием. Медицинское обслуживание было неудовлетворительным, в большинстве случаев не были прикреплены врачи и медсестры. Больницы с неохотой принимали больных из детских домов, за лечение требовали продукты [3, л. 35].

Многие воспитанники детских домов не посещали школу (в том числе из-за отсутствия обуви и верхней одежды). Успеваемость детдомовцев была низкой. Положение осложняла нехватка учебников, письменных принадлежностей. Основное время дети были предоставлены сами себе или занимались хозяйственными работами.

Со временем в детских домах развертывали деятельность пионерские и комсомольские организации, проводилось идеологическое воспитание. На территории Брестской области из 350 воспитанников детских домов школьного возраста на январь 1945 г. 170 являлись пионерами, а 7 – комсомольцами. Но были случаи, когда дети не воспринимали советскую идеологию, отказывались петь гимн советского Союза, носить пионерские галстуки (Кобринский детский дом) [3, л. 2]. В документах отмечены случаи, что в Брестском детском доме дети носили крестики, прятали в кроватях иконки, молитвенники, говорили: «Мы молились и остались живы», «При немцах жилось лучше, мы ходили сами себе добывать пищу» [3, л. 35–37].

Долгое время в детских домах нерешенным был кадровый вопрос. Из всех воспитателей детских домов в Брестской области только 15 имели 5–7-летнее образование, а директора впервые работали в подсобных учреждениях. В 1944 г. в Брестском детском доме работало лишь 4 воспитателя. В период с 1944 г. по 1946 г. на должности директора детдома сменилось 6 человек [5, л. 44].

В соответствии с постановлением СНК БССР от 27 апреля 1945 г. некоторые из существовавших на то время детских домов были преобразованы в специальные. В спецдетдома принимались дети дошкольного и школьного возраста от 3 до 13 лет, родители которых служили в рядах Красной Армии или были партизанами, подпольщиками и погибли от рук немецко-фашистских захватчиков. В Брестской области в специальные детские дома были преобразованы Кобринский, Брестский, Пружанский с общей численностью воспитанников 400 человек [5, л. 44]. Однако нельзя сказать, что это преобразование коренным образом улучшило ситуацию. Вот как описывается состояние спецдетдома в г. Бресте в документе, составленном по результатам проверки: «Белье и одежда грязные. Постельное белье давно не менялось. Мытье детей производится от случая к случаю... Общий вид ребенка неприятный: ногти не острижены, лицо и уши грязные,

волосы не причесаны...». Дети были завшивлены, болели чесоткой, трахомой, другими заболеваниями. В помещении было холодно. Во время дождя вода протекала прямо в спальные комнаты. Часть детей спала на полу [4, л. 61].

Со второй половины 1945 г. начали поступать репатриированные дети. За годы войны из Беларуси было вывезено в Германию 24 180 детей, вернулись только 6 607 [23, с. 8–9]. Считая, что многие из них в Германии могли воспитываться в шпионско-диверсионных школах, службы НКВД таких детей рекомендовали направлять в детские трудовые колонии. На территории Брестской области детей из репатриации направляли в специальные детские дома в Сигневичи и Малич [3, л. 31]. Свидетельством того, как относились к детям-репатриантам, служит выдержка из записки секретарю Брестского обкома комсомола Даниловой от инспектора школьного отдела Крысовой за 28 ноября 1945 г.: «Дети, прибывшие с репатриантами, подходят к трудовым колониям, а не к воспитанию в детском доме. Необходимо немедленно этих детей направить по назначению» [12, л. 13].

Для улучшения материально-бытовых условий жизни детей-сирот государство привлекало силы общественности. Широкая работа по организации помощи детям-сиротам началась с марта 1944 г. В ней были задействованы товарищества Красного Креста, женские советы, комсомольские организации. Так, в октябре – ноябре 1945 г. Высоковский и Брестский райкомы комсомола организовали сборы продуктов питания среди населения и передали Брестскому детдому ржи – 1 500 кг, гороха и фасоли – 120 кг, крупы – 300 кг, яиц – 500 шт., кур – 8 шт., масла – 10 кг [3, л. 35]. В сентябре 1944 г. ГКО СССР выразил комсомольцам Брестчины благодарность [22, с. 66]. Значительную помощь детским домам в изыскании дополнительных денежных средств оказывали попечительские советы, которые стали создаваться с 1944 г. Помощь детям-сиротам в Беларуси приходила из-за рубежа. Красный Крест США направил около 5 000 пальто, головных уборов, 24 000 предметов верхней одежды, 89 000 метров ткани. Администрация ООН по вопросам помощи и восстановления, после соответствующего обращения советского правительства, предоставила 10 млн. долларов, из которых 8 млн. долларов были потрачены на закупку в США мясных консервов и другого продовольствия для детей-сирот в БССР. Национальный комитет США по оказанию помощи странам, пострадавшим от германской агрессии, предоставил 100 000 долларов в качестве помощи детям республики [22, с. 28, 64].

Судя по документам проверок, к осени 1945 г. положение в детских домах несколько улучшилось. В соответствии с постановлением обкома КП(б)Б от 29 марта 1945 г. большинство детских домов завели подсобные хозяйства, построили бани, организовали работу мастерских. В среднем на каждый детский дом в июле 1945 г. приходилось по 9–10 га пахотной земли и еще земля для сенокоса. При Брестском детском доме № 1 работали 3 мастерских: сапожная, столярная, швейная. Девочек учили шить на швейных машинках, кроить. В детдоме работали кружки: хоровой, танцевальный, физкультурный. Силами воспитанников и работников детского дома велось свое подсобное хозяйство, состоящее из 9 лошадей, 9 коров, 7 поросят, свиньи, 9 га земли [4, л. 30]. В распоряжении приемника-распределителя в г. Бресте было 7 га земли, фруктовый сад, 2 коровы, лошадь, овощехранилище, парники [15, л. 4]. Подсобные хозяйства помогали решать проблему с питанием, но с течением времени поголовье скота уменьшалось, т.к. не хватало кормов, семян, и хозяйства становились убыточными.

Со временем сеть детских домов расширялась. В 1950 г. в БССР функционировал 301 детдом (в том числе 99 специальных), в которых воспитывались 36 000 детей (в том числе 12 556 в специальных) [22, с. 95]. Детский дом был открыт в каждом районе Брестской области, а в Кобринском и Пружанском районах работали по 2 детских дома. В Бресте в 1948 г. действовало 2 детских дома, в том числе дошкольный, а в 1949 г. в городе работали 3 детских дома, в которых воспитывалось 280 детей. Всего же по Брестской

области в 1949 г. насчитывалось 15 детдомов с общей численностью воспитанников 1 826 человек [7, л. 13]. На территории Пинской области в 1947 г. действовало 13 детских домов (1035 воспитанников), Барановичской области в 1946 г. – 21 детский дом (2 325 воспитанников) [17, л. 24; 18, л. 25].

Решение проблемы детской беспризорности сопровождалось множеством трудностей и недостатков. Зачастую распоряжения оставались лишь на бумаге, а дети и после окончания войны долго не могли забыть о голоде и холоде. Но, несмотря на все тяготы послевоенного времени, эту проблему государство не обошло стороной.

Список цитированных источников и литературы

1. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 1. – Оп. 16. – Д. 6.
2. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 18.
3. ГАБО. – Фонд 1. Оп. 2. – Д. 213.
4. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 219.
5. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 291.
6. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 4. – Д. 40.
7. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 5. – Д. 122.
8. ГАБО. – Фонд 1. – Оп. 16. – Д. 6.
9. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 57.
10. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 1. – Д. 73.
11. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 105.
12. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 109.
13. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 2. – Д. 110.
14. ГАБО. – Фонд 25. – Оп. 4. – Д. 122.
15. ГАБО. – Фонд р-783. – Оп. 1. – Д. 7.
16. ГАБО. – Фонд р-1096. – Оп. 1. – Д. 4.
17. ГАБО. – Фонд 7581. – Оп. 2. – Д. 251.
18. ГАБО. – Фонд 7581. – Оп. 4. – Д. 161.
19. ГАБО. – Фонд 7584. – Оп. 6. – Д. 614.
20. Дзіцячы прыёмнікі-размеркавальнікі // Народная асвета. – 1990. – № 8.
21. Дом на Тришинской 30 лет спустя // Вечерний Брест. – 1995. – 1 августа.
22. Смехович, Н.В. Работа государственных, политических и общественных организаций по жизнеустройству и воспитанию детей, оставшихся без родителей (1943–1950 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Н.В. Смехович. – Минск, 1992. – 182 с.
23. Усенародныя клопаты аб дзецях // Народная асвета. – 1964. – № 7.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕПАТРИАЦИИ НА БРЕСТЧИНЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пилипович В.Ю.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Репатриация – масштабное социально-политическое явление, с которым столкнулась Беларусь почти сразу после освобождения от немецких вооруженных сил. В течение 1944–1946 гг. через Беларусь прошли сотни тысяч репатриированных советских граждан, и более чем 200 тыс. временно или постоянно дислоцировались на территории Брестской области. Органам репатриации была запланирована большая работа по возвращению советских граждан, их политическому воспитанию, вместе с тем на местах, в результате разных причин, данная работа не была организована надлежащим образом. Проблема

представляется и в определении реального социально-правового состояния репатриантов в контексте того, что обещало им советское правительство. К тому же, некоторые исследователи отмечают, что ведомственные инструкции советских спецорганов не всегда соответствовали официальному законодательству и противоречили Конституции СССР 1936 г. [11, с. 16].

В течение 1944-1948 гг. руководством Советского Союза было принято 67 постановлений, которыми обеспечивались права репатриантов как граждан СССР [1, с. 273]. 23 октября 1946 г. в ответ на письма репатриантов газета "Известия" напечатала статью юрисконсульта Управления Уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации А. Слесарева "Права репатрированных советских граждан". В ней отмечалось, что советское правительство установило: граждане, которые возвратились на родину, снова получали все права советских граждан и должны были привлекаться к активному участию в трудовой и общественно-политической жизни; на репатриантов, устроившихся на работу, целиком распространялась действующее законодательство о труде, все права и льготы, которыми пользовались рабочие и служащие соответствующих предприятий. То же самое относилось к лицам, занятым в сельском хозяйстве [1, с. 271].

В местных периодических изданиях каждый месяц должно было печататься определенное количество материалов по теме «Забота и внимание репатрированным», что постоянно контролировалось партией [5, л. 76]. Однако несмотря на принятые постановления о внимательном и чутком отношении к тем, кто возвращался из-за границы (остарбайтеров и военнопленных), они нарушались многими советскими гражданами и официальными лицами.

Так, например, 25 июля 1945 года во время санобработки репатриантов на сборно-пересыльном пункте (СПП) НКО №3, у находящихся в бане женщин были похищены документы, белье, одежда и другие вещи, сданные ими в дезинфекционную камеру. В результате, женщины под насмешками находящихся около бани мужчин были вынуждены выходить раздетыми на поиск своих вещей [4, л. 168]. Репатриантка С.М. (*фамилии репатриантов зашифрованы из этических соображений*) 1924 года рождения на допросе в ПФП НКВД показала: «Мы белье сдали в дезинфекцию, но по выходе из нее (бани) белья не оказалось... Совершенно голая, я пошла разыскивать свое белье, со мной было более 15 девушек, совершенно голых, которые также искали свою одежду, около нас было до 20 человек красноармейцев, которые смеялись над нами. Своего белья я не нашла и осталась совершенно голая. Благодаря девушкам, которые мне дали юбку и кофту, я сумела одеться...» [10, с. 256]. В то же время администрация лагеря этой ситуацией была обеспокоена меньше всего. Медсестра СПП №3 объясняла: «В отношении вещей, я видела их на улице, где репатрированные разыскивали свои вещи; кто был ответственным за сохранность белья и документов, я не знаю, и никто за этим не следил» [2, с. 258]. Ст. лейтенант Холдобин заявил репатриантам: «Мы вас освободили и можете идти». Справка по данной ситуации свидетельствует, что обнаженные девушки вынуждены были возвращаться из бани в свое помещение кто в чем – в халатах, трусах, рубашках. Данный случай свидетельствует о правовом и социальном положении, в котором оказались многие репатрианты на Родине. Пренебрежение и цинизм во многих ситуациях преобладали над здравым смыслом и правительственными постановлениями. Так, красноармеец службы ОБС Абрамов в присутствии представителя Белорусско-Литовского Военного округа майора Шебеко заявил, что «у репатриантов вещей много и ограбили не все, и им нетрудно добраться до дому, а там они найдут, во что одеться» [2, с. 259].

Необходимо отметить, что в ряде случаев виновных в бездушном и издевательском отношении к репатриантам карали. Например, на коменданта СПП №3 майора 194

Болтвина и ст. лейтенанта Холдобина были наложены дисциплинарные взыскания, а зам. коменданта по политчасти майор Бравый от занимаемой должности отстранен и привлечен к партийной ответственности за бездеятельность и пьянство. Однако очевидно, что часто в оскорблениях и грабежах репатриантов участвовали те, кому была поручена их охрана. 1 ноября 1945 года в поезде с репатриантами №51538, следовавшем из г. Магдебурга в г. Брест, у Я.Н. был похищен чемодан с личными вещами и фильтрационными документами военнослужащими, старшиной и сержантом, которые при этом угрожали оружием [9, л. 1]. В таких условиях многие репатрианты, не будучи идеологическими противниками советской власти, начинали высказывать недовольства, которые спецслужбами квалифицировались как враждебные по отношению к советскому строю.

На областные и районные комиссии по репатриации возлагалось решение жилищных и хозяйственно-бытовых вопросов возвращающихся граждан. Они обязаны были оказывать помощь в расселении, приобретении либо постройке жилья, хозяйственном устройстве и устройстве на работу. В случае необходимости семье либо отдельным гражданам могла выделяться финансовая помощь. В сентябре 1945 года была проведена проверка состояния работы по репатриации в Березовском, Пружанском и Шерешевском районах. Ее результаты показали, что райкомы КП(б)Б и райисполкомы должного внимания гражданам своего района, возвратившимся из Германии, не уделяли и трудоустройством репатрируемых граждан занимались недостаточно. Однако остро нуждающимся репатриантам оказывалась большая помощь сельсоветами. Так, например, по Березовскому району была оказана помощь: в д. Угляны вернувшейся из немецкого рабства семье П.Ф. предоставлен дом с холодными постройками и 1,4 гектара посевов, Т.О. с двумя детьми получила дом с холодными постройками и землю с посевами и т.д. [7, л. 18]. В Пружанском районе – репатриантка С.Н. из д. Замостье Рудницкого сельсовета получила помощь семенами, 3 центнера картофеля, 90 килограммов овса, 40 килограммов гречихи. Райкомы КП(б)Б и райисполкомы не были информированы о работе, которая проводилась на местах, и сами такую работу не проводили. Представители райисполкомов ограничивались лишь короткой беседой при регистрации прибывшего, заполняя на него анкету. Не налажен был учет и регистрация репатриантов [8, с. 3–4]. В Кобрине и Кобринском районе к ноябрю 1946 года находилось около 900 репатрированных советских граждан, но никаких сведений о трудоустройстве этой группы населения в райкоме КП(б)Б не было, соответственно никакой работы с ними не проводилось [3, с. 499–500].

Проблема трудоустройства была актуальной для многих репатриантов, осевших в Брестской области либо прошедших через нее, однако в разной мере. Некоторые не могли найти работу, другие же не могли избавиться от такой «заботы» государства. Руководство республики и области в первую очередь волновало восстановление разрушенного хозяйства и инфраструктуры, а репатрианты являлись той резервной силой, которую можно было использовать в случае необходимости, чтобы они самоотверженным трудом доказали преданность Родине [9, л. 79].

Уже с 1946 года в отдел репатриации стали поступать письма от репатриантов, с просьбой прояснить ситуацию, могут ли они возвратиться домой к своим семьям [9, а. 33–39]. Так, например, по заявлению репатрированных Т.В. и Ц.И. было установлено, что в воинской части 277 существовал отдельный рабочий батальон, который дислоцировался в районе города Бреста, в Северном городке. В нем насчитывалось 114 человек репатрированных советских граждан СССР возрастом от 1900 до 1928 годов рождения, которые находились в своем обмундировании больше пяти месяцев. Зарплату получали очень низкую, а некоторые вообще не получали. С них высчитывали

за питание, однако вместо положенной нормы хлеба 450 граммов выдавали 300 граммов. Репатрированных содержали в лагере за проволокой, никуда не выпускали, чтобы они не разбежались. Таких свидетельств немало. В подсобном хозяйстве воинской части № 28906, расположенном в селе Мокраны Малоритского района Брестской области, содержались, как рабочая сила, около 200 человек мужского и женского персонала из репатриантов [3, с. 493–494]. В военном городке Слободка Пружанского района в ведении воинской части №34029 находился 64-й авторемонтный завод, где работало 230 человек репатриантов, которых не отпускали домой [9, л. 79]. Такая же ситуация была в г. Ивацевичи на лесозаводе №1. Под прошением репатриантов из этого завода стоит семьдесят подписей [10, л. 93].

Достаточно громким было дело репатриантов, работающих на Брестской перепалочной базе Наркомстроя (НКС) СССР. Там было задействовано около 300 репатрированных, из них 180 женщин, которых представители базы вывезли как репатриантов из Германии и насильно задержали, включив их в свой рабочий батальон. Их положение было более чем тяжелым. Некоторые больше месяца не были в бане, так как не имели белья. Больные без врачебной помощи находились по нескольку недель. Работницы одеждой и обувью не снабжались, и вынуждены были ходить в ноябре месяце на работу в летней одежде. Около 60 человек вообще не выходили на работу в связи с неизменением необходимой одежды. Питанием были обеспечены крайне плохо, что вынуждало их продавать те немногие имеющиеся вещи, чтобы не умереть с голода. Обслуживающий и караульный состав допускал по отношению к работающим женщинам произвол, избиения, оскорбления, насилие. В обращении с репатрированными женщинами был установлен термин «немецкие подстилки». Вот как характеризует отношения одна из работниц базы, О.П.: «Я проработала на базе 4 месяца. Работали мы честно, добросовестно, а отношение к нам очень грубое. Питания почти нет. Начальник базы полковник Медков заставлял нас продавать свои собственные вещи на питание, что мы и делали... В выходные дни нас никуда не пускают, при этом собираются военнотружущие, которые пристают к девушкам. М.П. была изнасилована на глазах всех репатриантов» [6, л. 43-60].

Такое обращение не способствовало формированию положительного образа советского общества среди репатриантов, несмотря на то, что в своем большинстве они не были настроены изначально оппозиционно. Ситуация не способствовала включению вернувшихся из немецкой неволи в активную жизнь общества, поскольку постоянно подчеркивался бесправный статус. Некоторые не выдерживали, предпочитая смерть такой жизни. Так, на одном из документов, свидетельствующих о такой жизни репатриантов, стоит пометка: «Г ражданка В.Е. повесилась» [3, с. 494].

К репатриантам проявлялось недоверие со стороны местных властей. Многие репатрианты не могли устроиться на работу, несмотря на то, что по способностям превосходили конкурентов. Формально репатрианты обладали всеми правами советских граждан, даже более того имели право на льготные ссуды на постройку домов. Однако в реальности большинство данных прав не соблюдалось, и репатрианты становились жертвами административного произвола. Судьбы целого ряда людей, прошедших принудительные работы в рейхе, были искалечены уже на родине.

Население также не было подготовлено к принятию возвращающихся, что усложняло для последних процесс адаптации. Проводимая политическая и воспитательная работа была направлена в большей мере на обработку репатриантов в духе советской идеологии, чем на реабилитацию после нескольких лет подневольного труда.

Таким образом, процесс репатриации в Брестской области принял масштабный характер в силу большого количества репатрированных, однако далеко не все стороны этого процесса были одинаково хорошо организованы, что привело к ряду трудностей, которые коснулись как глобальных вопросов в рамках государства, так и индивидуальных, в пределах семьи и конкретной личности.

Список цитированных источников и литературы

1. Белорусские оstarбайтеры: ист.-аналит. исслед. / Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко, Н.А. Бондаренко, В.Д. Селеменев; под ред. Г.Д. Кнатько. – Минск: НАРБ, 2001. – 336 с.
2. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941-1944): Документы и материалы: в 2 кн. / Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко [и др.] – Минск: НАРБ, 1996. – Кн.1 (1941-1942) – 304 с.
3. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941-1944): Документы и материалы: в 2 кн. / Сост. Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. – Минск: НАРБ, 1996. – Кн.1 (1941-1942). – 304 с.
4. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 18.
5. ГАБО. – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 193.
6. ГАБО. – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 26.
7. ГАБО. – Фонд 1-П. – Оп. 2. – Д. 65.
8. ГАБО. – Фонд 4-П. – Оп. 1. – Д. 38.
9. ГАБО. – Фонд 815. – Оп. 2. – Д. 36.
10. ГАБО. – Фонд 815. – Оп. 2. – Д. 4.
11. Гребенщикова, И.В. Организационно-правовые основы осуществления репатриации в СССР : автореферат дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук : 12.00.01 / И. В. Гребенщикова; Уральский гос. ун-т. – Екатеринбург, 2008. – 32 с.

ЛЕНД-ЛИЗ: ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАНСАФРИКАНСКОГО МАРШРУТА ПОСТАВКИ ВООРУЖЕНИЙ В 1941–1945 гг.

Посохина Г.И.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Коалиция держав, сражавшихся в годы Второй мировой войны против Германии, Италии и Японии, сложилась в 1941–1942 гг. Она объединила США, Великобританию, СССР, Китай и ряд других государств. Каждый участник этого союза, опираясь на разные традиции, политику, интересы, географию, ресурсы, оценивал войну через призму собственных интересов. Вполне закономерно, что военным операциям в континентальной Европе, в бассейне Средиземного моря и на Тихом океане посвящено наибольшее количество специальных работ. Об истории военных действий на Африканском континенте, особенно в Африке южнее Сахары, написано гораздо меньше. Однако следует отметить, что при всем тактическом и стратегическом значении североафриканского театра военных действий в 1940–1943 гг. Африка и после прекращения крупномасштабных наземных операций в ее северной части продолжала вносить значительный вклад своими ресурсами, людскими и материальными, в победу Объединенных наций. Через африканский континент прибывали и возвращались американские участники важнейших встреч «большой тройки» – Тегеранской и Ялтинской – во главе с Рузвельтом. В африканских городах Касабланке и Каире отработывалась стратегия боевого взаимодействия союзных держав, генеральных штабов и войск Объединенных наций на ближайшую и более отдаленную перспективу. Во встречах участвовали Рузвельт, Черчилль, руководители британских доминионов, а также де Голль, Чан Кайши. На такие встречи союзников на африканской земле приглашались Сталин и Молотов [1, с. 12].

В 1941–1942 гг. Африке отводилось важное место на встречах в верхах. Но в 1943–1945 гг., когда на африканском континенте уже не было войск «стран оси», роль Африки в глобальной стратегии оставалась предметом дискуссий на Каирской, Тегеранской и Ялтинской конференциях.

Было еще одно обстоятельство, повышавшее значение Африки в глазах союзников. Над этим континентом проходила трасса переброски самолетов, которые самостоятельно перелетали из США в Бразилию, Африку и далее направлялись на все театры военных действий – в Европу и на Ближний Восток, в страны Юго-Восточной Азии и на Дальний Восток. Именно через Африку перегонялась из-за Атлантического океана в Советский Союз авиационная американская техника. Этим путем были переброшены десятки тысяч самолетов, в том числе и для Советской Армии.

Подвергшись нападению Германии 22 июня 1941 г., Советский Союз установил союзнические отношения с Великобританией и Соединенными Штатами и стал с ноября 1941 г. получать из этих стран помощь. В частности, из Соединенных Штатов по программе ленд-лиза за 1941–1945 гг. было поставлено вооружений, продовольствия и иных товаров общей стоимостью около 11 млрд. долл. [4, с. 72]

За годы войны было налажено несколько маршрутов доставки вооружений по программе ленд-лиза Советскому Союзу: Североатлантический (в Мурманск и Архангельск), Тихоокеанский (во Владивосток), Транссибирский (через Аляску, Чукотку), Трансафриканский (вокруг и через Африку, в Басру, Тегеран и Баку).

Помощь СССР по ленд-лизу оказывалась на основе специальных соглашений. По Московскому протоколу (октябрь 1941 г.) США намеревались поставить в СССР до июня 1942 г. 2 млн. т военного снаряжения. Фактически, обязательство полностью выполнено не было. Согласно второму протоколу, в течение 1942/1943 финансового года Советскому Союзу намечалось направить около 5 млн. т грузов, что также полностью не было реализовано.

За годы войны (1941–1945 гг.) СССР было передано около 14 тыс. американских самолетов. Как ни внушительно выглядит эта цифра, она составляет лишь 5% общих поставок. Перевозка вооружений осуществлялась на морских судах. Что касается самолетов, то практиковался комбинированный способ доставки. С осени 1941 г. американские самолеты прибывали на судах в морские передаточные пункты – Басру, Мурманск, Архангельск, откуда советские летчики перегоняли их своим ходом на прифронтовые аэродромы в Россию. На разных этапах главенствующее значение приобретал тот или иной маршрут. До середины 1942 г. ведущим был Североатлантический маршрут, затем в течение года – Трансафриканский. Об этом свидетельствуют следующие цифры. За сентябрь–декабрь 1942 г. в СССР через Аляску было поставлено 148 самолетов, через Мурманск и Архангельск (за июль–декабрь) 390 самолетов, через Иран – 1009. С весны 1943 г. в течение 8 месяцев доставка вооружений северным маршрутом была полностью приостановлена [4, с. 73]. В 1943–1944 гг. все большее значение приобретал маршрут через Аляску и Чукотку, и снизилось значение остальных.

Хотелось бы особо остановиться на том, как действовал Трансафриканский маршрут. Схематично он выглядел следующим образом: США – Вест-Индия – Африка – Ирак (Басра) – Иран. Уже в 1939–1941 гг. американские корабли шли с вооружением на Ближний Восток и Юго-Восточную Азию вокруг Африки. Со второй половины 1941 г. наиболее срочные грузы стали доставляться транспортными самолетами, пересекавшими Африку с запада на восток, а затем по этому маршруту стали перебрасываться своим ходом боевые самолеты.

Переброски самолетов воздушным путем в Советский Союз через Африку начались в марте 1942 г., когда из США в Иран прилетели 72 бомбардировщика B-25. В Тегеране они были переданы русским пилотам. За март–декабрь 1942 г. в Россию этим путем было переброшено 102 B-25 и 138 самолетов A-20 [4, с. 75.]

И Советский Союз, и Соединенные Штаты придавали Трансафриканскому маршруту важное значение. Определенное представление об этом дают советские источники. Они, в частности, сообщают, что 23 апреля 1942 г. посол США в Москве

198

Стэндли в беседе с И.В.Сталиным внес предложение существующую авиалинию США – Африка – Басра (Ирак) продлить до Москвы или Куйбышева, а 1 июня 1942 г. в Вашингтоне президент Рузвельт и нарком иностранных дел Молотов обсудили вопрос об организации воздушной связи между США и СССР через Африку-Басру-Тегеран [3, с. 167, 188].

К освоению трансафриканского маршрута по воздуху Великобританию и США подталкивал целый ряд обстоятельств. В 1939-1942 гг. путь вокруг Африки был единственным сравнительно безопасным маршрутом для доставки морем грузов из Великобритании для войск в Египте и Индии, на Средний и Дальний Восток. Что касается США, то они осуществляли поставки вооружения вокруг Африки следующим образом. Из США во Фритаун и Батерст (Западная Африка) направлялись трансатлантические конвои с оружием и боеприпасами. В определенной точке океана суда отделялись от конвоя, следовавшего в Великобританию, и плыли самостоятельно. Но немцы топили до 10 % судов. Поэтому транспортные суда в Западную Африку стали сопровождать боевые корабли. Из Западной Африки груз морским путем следовал вокруг мыса Доброй надежды на Ближний Восток. На перевозку грузов морским путем из портов Восточного побережья в Басру по маршруту Касабланка-Суэц уходило 42 дня, вокруг мыса Доброй надежды – 70 дней. Такие сроки доставки никого не устраивали. Встал вопрос о переброске вооружений воздушным путем.

Перегонка самолетов через Африку была организована Великобританией в сентябре 1940 г. Англичане на транспортных судах доставляли истребители в разобранном виде на аэродром Такоради (Гана). Здесь их собирали, и далее они летели самостоятельно в Каир. В начале 1941 г. был проложен воздушный маршрут Великобритания – Гибралтар – Такоради – Хартум. По нему летали бомбардировщики и транспортные самолеты. Истребители же по-прежнему доставлялись морем, собирались в Такоради и далее летели своим ходом. Завод в Такоради собирал 200 самолетов в месяц. Поток самолетов был настолько велик, что на их обслуживание не хватало экипажей.

Успехи англичан привели американцев к мысли о возможности переброски оружия на Ближний Восток через Африку. По расчетам военных аналитиков, на доставку груза самолетом по маршруту Майами – Ресифе – Дакар – Касабланка – Каир – Суэц ушло бы 83 часа, Майами – Ресифе – Такоради – Каир – Басра – 101 час. Но для перелетов по этим маршрутам следовало создать промежуточные аэродромы в Вест-Индии, Бразилии, Африке [4, с. 78].

2 сентября 1940 г. между Соединенными Штатами и Великобританией было достигнуто соглашение, по которому в обмен на 50 эсминцев США получили права на аренду воздушных и морских баз в британских владениях на 99 лет, в т.ч. в Вест-Индии. Они стали промежуточными аэродромами для переброски авиации из Соединенных Штатов Западную Африку. Американские возможности были закреплены в законе о ленд-лизе от 11 марта 1941 г., который наделил США правом на получение баз в странах Британской империи. Помимо Вест-Индии, большое значение для организации перелетов через Атлантику имела Бразилия, расстояние между которой и Западной Африкой составляло 1800 миль. Бразилия разрешила США построить 8 военно-воздушных баз в Натале, на северо-востоке страны с июня 1941 г. она разрешила американским транспортным самолетам совершать перелет со своих аэродромов в Африку и на Ближний Восток. Военно-морской флот США получил право использовать бразильские порты в Ресифе и Натале.

Летом 1941 г. Трансафриканский маршрут переброски вооружений был полностью передан американской стороне. 26 июня 1941 г. представители ВВС США и

Великобритании заключили соглашение с частной компанией «Пан-Ам», в соответствии с которым последней получалась переброска американских самолетов через Атлантику, а также американских и британских вооружений и самолетов по воздуху от Такоради до Хартума. 8 октября 1941 г. «Пан-Ам» разместила свою штаб-квартиру в Африке в Аккре. В течение октября-декабря 1941 г. дочерние компании «Пан-Ам» взяли на себя руководство всеми перевозками военных грузов по воздуху над Африкой. К декабрю 1942 г. все межконтинентальные операции перешли к Командованию воздушным транспортом (КВТ), и контракт с «Пан-Ам» был приостановлен.

Осуществляя эксплуатацию Трансафриканского маршрута, американцы немало потрудились над его усовершенствованием. На континент были доставлены тысячи тонн производственных грузов. Были налажены радио- и метеослужбы. И – самое главное – построены дополнительные промежуточные аэродромы: Такоради, Аккра (Гана); Лагос, Кано, Майдугури (Нигерия); Эль-Фашер, Эль-Генейна, Хартум (Судан); Асмара (Эритрея); Каир (Египет).

Летом 1941 г. правительство США приступило к переговорам с властями Либерии о создании на ее территории военно-воздушной базы, чтобы построить в Западной Африке еще один альтернативный аэродром для переброски вооружений через Африку на Ближний Восток. С 1 марта 1942 г. американские самолеты начали совершать промежуточную посадку в Либерии [4, с. 82].

Трансафриканский маршрут доставки самолетов становится наиболее важным после вступления США в войну с Японией. Это объясняется тем, что после начала войны на Тихом океане единственным безопасным путем доставки американского вооружения по воздуху на Дальний Восток и в Австралию стал маршрут через Бразилию в Африку. Если в предыдущие 6 месяцев (т.е. с середины 1941 г.) он использовался для срочной переброски вооружений на Средний Восток, то с февраля 1942 г. он стал важнейшей коммуникацией с Дальним Востоком.

Трансафриканский маршрут оказался и наиболее безопасным путем доставки вооружений в Россию по сравнению с Североатлантическим, где за март–май 1942 г. четверть всех судов, следовавших в Мурманск, была потоплена. Поэтому зимой 1942/43 г. по маршруту Бразилия-Африка осуществлялось все воздушное сообщение между США и Европой, перебрасывались самолеты в Индию и Китай и часть грузов для Советского Союза. Трансафриканский маршрут в 1943 г. стал воздушным коридором ко всем театрам военных действий в мире.

Следует отметить, что в критические месяцы лета 1942 г. Трансафриканский маршрут неоспоримо доказал свои преимущества перед всеми остальными путями переброски оружия. Как пишет в своих мемуарах руководитель Администрации ленд-лиза Э. Стенниус:

«Ни поражение Роммеля, ни оккупация Северной Африки не были бы возможны без единства командования и снабжения войск и тыла, которые отрабатывались на протяжении месяцев. Во всем этом существенную роль сыграло объединяющее влияние программы и самой идеи «взаимного ленд-лиза» на наши совместные боевые операции. <...> У стран оси было преимущество благодаря короткому пути через Средиземное море: в несколько сотен миль до Франции и Италии. Морские же пути из Англии и Америки составляли 10 000 и 12 000 миль, а воздушный путь из США 9000. В конце концов, эту битву выиграли мы, и потому, что тем летом враг увяз на Русском фронте, и потому, что в предыдущие месяцы мы многое сделали, чтобы преодолеть трудности, связанные с далеким расстоянием, чего враг не сделал, и потому, что нам удалось собрать достаточные силы авиации, чтобы воспрепятствовать противнику прислать

значительную помощь своим через Средиземное море. За первые 9 месяцев 1942 г. тысячи английских и американских самолетов были отправлены по Трансафриканскому маршруту: бомбардировщиков, истребителей и транспортных с персоналом, техникой и другими грузами. Из числа американских самолетов были как поставленные по ленд-лизу, так и купленные за наличные англичанами. 9-я воинская часть, базировавшаяся в Каире, начала бомбардировки в июне 1942 г. За следующие 3 месяца туда поступили подкрепления, новые бомбардировщики и истребители.

Помимо поставок самолетов через Африку и вокруг Африки, через Красное море, был еще маршрут до Таоради на западном побережье Африки, где самолеты собирали и перегоняли в Египет. В критические месяцы после отступления англичан на Эль-Аламейн авианосцы постоянно прибывали южноатлантическим путем с грузом истребителей. С берегов Африки самолеты перегоняли по трансфриканскому маршруту. В тот же период возросли также поставки из США бомбардировщиков, особенно «мародеров» и «хавоков». Ко времени наступления Монтгомери 24 октября мы, в дополнение ко всем самолетам американской 9-й авиационной части, послали по ленд-лизу или с помощью прямой продажи 700 бомбардировщиков и почти 1000 для англичан и союзных сил. Самолеты, которые можно было хотя бы часть пути перегонять по воздуху, обыкновенно прибывали за несколько дней, но все танки, грузовики, пушки приходилось перевозить морем, вокруг мыса Доброй Надежды, за 70 дней из Америки и почти за такое же время из Англии» [2].

В 1942–начале 1943 гг. от основного Трансафриканского маршрута были проложены несколько дополнительных направлений. Прежде всего, был разработан резервный маршрут на случай, если корпус Роммеля станет угрожать основному. Его назвали «Экваториальный», поскольку он проходил близ Экватора. Его аэродромы размещались в Пуэнт-Нуаре (Конго), Леопольдвиле, Элизабетвиле (Бельгийское Конго), Найроби, Момбасе (Кения). Но в связи с успехами союзников на севере Африки этот маршрут утратил свое значение.

В ходе высадки десанта союзников в Северной Африке было проложено новое ответвление от Трансафриканского маршрута на север континента.

Учитывая возросшее значение полетов на север континента, в июне 1943 г. Трансафриканский маршрут был разделен на два сектора – Североафриканский (операции севернее Дакара) и Центральноеафриканский (от Аккры до Каира и далее до Карачи). В 1943 г. Североафриканский маршрут стал использоваться для переброски авиации из США в Великобританию. Через Марракеш за первые 6 месяцев 1943 г. совершили перелет туда 356 самолетов. Зимой 1943–1944 гг. основные поставки самолетов в эту страну вновь направлялись через Африку. Через Северную Атлантику перебрасывалось не более 300 самолетов в месяц.

К концу 1943 г. Североафриканский маршрут стал ведущим в перелетах на Средний Восток и Индию. По нему же перебрасывались самолеты в Великобританию. Оттуда, в частности, через Северную Африку, Ближний Восток, Тегеран в Полтаву были доставлены американские бомбардировщики, участвовавшие в челночных операциях против Германии. За 13 марта–10 мая 1944 г. в Полтаву было переброшено 479 человек и несколько сотен тонн груза. 2 июня 1944 г. Американские самолеты, взлетев с аэродрома в Полтаве, первый раз бомбили цели в Германии. На 21 июня 1944 г. в Полтаве находился 71 бомбардировщик Б-17.

Через Северную Африку президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль совершили полеты на Касабланскую, Тегеранскую и Ялтинскую конференции.

Трансафриканским маршрутом летали и советские пилоты. В 1944 г. под командованием полковника И. Мазура был осуществлен перелет 4 гидросамолетов «Каталина» по маршруту Северная Каролина (США) – Бразилия – Сенегал – Марокко – Египет – Сирия – Иран – Баку – Астрахань – Москва [4, с. 86].

Таким образом, в годы Второй мировой войны по Трансафриканскому маршруту были доставлены многие миллионы тонн военных грузов, а по воздуху переброшены тысячи самолетов, которые сражались с Роммелем в Африке, на русском фронте, в Северной Африке, Сицилии и Италии, Индонезии, Бирме и Китае. Масштабы использования Африки для доставки вооружений на главные фронты Второй мировой войны позволяют переоценить принятые представления о роли этого континента в 1939–1945 гг.

Список цитированных источников и литературы

1. Африка и Вторая мировая война: сб. статей / отв. ред. Ю.Н. Зотова. – М.: Издательская фирма «Восточная Литература» РАН, 1996. – 231 с.
2. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militeka.lib.ru>: Стенниус, Э. Ленд-лиз – оружие победы / Э. Стенниус. – М.: Вече, 2000. – 400 с.
3. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Документы и материалы. – Т. 1. – М, 1984.
4. Френкель, М.Ю. Вторая мировая война: глобальная стратегия и Африка / М.Ю. Френкель. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 186 с.

ЭМПАТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОСВЕЩЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Поталков Ю.В.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

Выражение «эмпатический взгляд» требует определённого пояснения. Слово «эмпатия» в переводе с латинского означает сопереживание. Итак, эмпатия – это постижение мира через сопереживание, «способность представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки» [1, с. 539]. Следовательно, нам при рассмотрении темы, заявленной в названии доклада, предстоит интуитивно представить себя на месте героев художественной литературы, посвящённой Великой Отечественной войне.

Эмпатия может быть двуединой и триединой. Двуединая эмпатия состоит в сопереживании двух духовных ипостасей, а именно человека и бытия. Мы в нашем сообществе опираемся на триединую эмпатию, которая предполагает сопереживание трёх актантов: Бога, человека и бытия. Названное нами триединство не представляет собою некую априорную новацию в познании этических сущностей, а выступает в качестве извечной мегаидеи духовного движения материи. Любое изделие рук человеческих – будь то научная концепция, творение искусства или же предмет утилитарного употребления – начинается с Божьего замысла, продолжается в человеческом креативном действии и завершается в реальном бытовании задуманного Богом и сотворённого человеком.

Применительно к избранной нами теме, эмпатический взгляд означает восприятие Великой Отечественной войны как явления надсоциального, поднятого над политическими, экономическими и т.д. интересами сторон, участвовавших в конфликте. Бог задумывает гармонию; человек решает, как именно воплотить в реальность. В 30–40-е гг. XX в. один лидер решил во имя означенной гармонии привести человечество к безликой коммунистической уравнильности. Другой лидер во имя всё той же гармонии попробовал утвердить на земле власть сверхчеловеков. Как очевидно сейчас, ни одно из означенных решений отношения к Божьему «возлюби» не имело. Наоборот, они оказались проявлениями трагического безбожия.

Война советского народа с нацистскими захватчиками оказалась именно отечественной, то есть в ней столкнулись гармония (извечная верность человека данному ему Богом Отечеству) и дисгармония (стремление человека завладеть тем, что Богом ему не предназначено). Красный флаг над Рейхстагом в мае 1945 года - это победа Божьей гармонии. Христос в очередной раз выгнал торгующих из храма. Но остался ли Всевышний доволен той ценой, которую человечество ушатило за реализацию Божьего замысла? Кто даст ответ?

Но есть и ещё один, гораздо более близкий к нам, людям, вопрос. Он таков: оправдан ли тот подход к осмыслению Великой Отечественной войны, который мы представили выше? Нам представляется, что оправдан. Для утверждения этой мысли обратимся к эпопее Льва Толстого «Война и мир». Величие этого шедевра состоит не только в том, что писатель точно передал реалии исторической эпохи. Роман велик тем, что центральным в нём стал образ неба, то есть ипостаси извечной, надчеловеческой, надисторической.

Вспомним: поле Аустерлица. Раненый князь Болконский со знаменем в руках лежит на земле и страдает от ран физических и духовных. Всю свою жизнь Андрей был обуян гордыней: мечтал о славе, ему грезилась судьба второго Наполеона. То есть душою этого человека правила война, дисгармония, а не мир, гармония. Но истекая кровью на поле Аустерлица, князь увидел над собою вечное небо и осознал мелочность, ничтожность своих «наполеоновских» устремлений. В этот момент к распластанному на земле страдальцу подъезжает на коне император Бонапарт и, обращаясь к свите, произносит пустую фразу: «Вот смерть, достойная героя». Гениальный завоеватель неба не увидел, да и не мог увидеть: он был воплощением дисгармонии, войны.

Следовательно, роман Л. Толстого рассказывает нам о том, что в войне 1812 года столкнулись между собой те, кто небо видел, с теми, кто о существовании неба даже не подозревал. То же случилось в годы Великой Отечественной войны. Сегодня, когда эти исторические события ушли в прошлое, эпопея «Война и мир» продолжает быть остро необходимой нам. Почему? Не потому ли, что, человечество извечно разделено на видящих небо и не видящих его?

Итак, в сцене на поле Аустерлица мы видим реальность триединого соперживания: Бог, выступающий в образе извечного Неба; герой романа Л. Толстого, судьбу которого складывает встреча с Небом; читатель, то есть каждый из нас, которого означенная выше сцена из романа спрашивает: «А согласишься ли ты свою этическую практику с мудростью извечной правды?» Значит, рассуждая об отражении в литературе моральной картины Великой Отечественной войны, мы, по сути дела, говорим и о самих себе, нынешних, и о духовном будущем человечества.

В советской литературе военного времени с первых дней проявила себя феноменология стыда, то есть чувство личной вины мужчины перед миром, небом, гармонией, женщиной за то, что на советскую землю пришла дисгармония. В первый день войны поэт Алексей Сурков написал стихотворение «Песня смельх». Там он залихватски заявил, что победа над врагом не только близка, но и легка. Как тут не вспомнить обуянного гордыней Андрея Болконского? И как не понять, что «небо Аустерлица» к каждому советскому солдату 1941 года в течение военного испытания ещё придёт?

Так и случилось: уже в сентябре 1941 года тот же Сурков написал знаменитую «Землянку», в которой предчувствие встречи с извечным Небом уже ощущается:

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти - четыре шага.

«До тебя» - здесь не только «до любимой женщины», но и до жизни духа, до гармонии, до высшего идеала духовности, до извечного Неба. «Смерть» в стихотворении – не простая констатация физической гибели, но воплощение бездуховности, в которой извечному небу места нет. Бездумный персонаж из «Песни смелых» превратился в трагического философа, в личность, чувствующую необходимость определить своё место между жизнью духа и смертью духа. Всенародное признание этой песни доказало, что в большинстве своём советское общество, израненное войной и предвоенными репрессиями, в труднейшее для себя время обратило свои взоры к вечному небу.

Соотношение «Песни смелых» и «Землянки» показало суть драмы: советская идеология в первые дни военного противостояния духовно не была готова ко встрече с этикой извечного Неба. Эта неподготовленность была настолько очевидной, что в официальной литературе появились произведения, буквально пронизанные чувством стыда и вины. Примером в этом смысле может служить стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины ...», созданное осенью 1941 года. Вспомним это стихотворение хотя бы фрагментарно:

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как крынки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.
Как слёзы они утирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на Великой Руси.

Женщины здесь – безусловно не только зримые образы, но и воплощение того Вечного Неба, о котором мы ведём речь. Слёзы они вытирают украдкой. А как же иначе? Нельзя же громким рыданием убивать душу солдат, идущих в бой. Небо над Андреем Болконским тоже было молчаливым. Женщины вслед не кричат, а шепчут. Но для воинов этот шёпот равен гласу Господнему. На фронт ратников провожает та высшая любовь, которая идёт с нашим народом через всю его историю.

Любовь шепчет, прощает, но отступающим воинам от этого не легче: им стыдно за то, что они уходят и оставляют своих любимых на растерзание фашистам. Стыдно отступающим и за то, что они забыли Бога. Им кажется,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Вот она - боль, вот она - беда! В бой с агрессором вступила безбожная страна. Только потом будет понято, что народ не безбожен, что гитлеровское «Готт мит унс» - всего лишь демагогический ход, что фашисты - явление антихриста. Советские герои погибали как истинные Христовы воины. А тогда, осенью 1941г., всё было позорно и непонятно. Обжигала стыдом каждая встреча на дороге отступления. Она помнилась и не уходила из сердца:

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.
Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём»

Какие страшные, какие убийственные для мужчины-защитника признания: «Ну что им сказать, чем утешить...!» Сказать нечего, и утешить нечем. Стыд и позор. Если воспринимать стихотворение «Ты помнишь, Алёша...» как документ духовного состояния общества, можно утверждать, что советская идеология начала войны была трагически оторвана от Божьего замысла, то есть к участию в триединой эмпатии готова не была. Иное дело - этическая вселенная «посёлков, что дедами пройдены, с простыми крестами их русских могил». Старуха из-под Борисова, в отличие от отступающих военных, знает, что сказать и чем утешить Она - явление неба и поэтому проносит главное, Божье: «Родимые!», то есть - возлюби ближнего своего. И далее: «Покуда идите, мы вас подождём». Подождём - это потерпим, пострадаем во имя любви, во имя гармонии, во имя победы милосердия Господнего.

Вопросы и сомнения лирического героя стихотворения «Ты помнишь, Алёша...» требовали ответа: отыскал ли советский солдат на своём военном пути путь к Небу, к мирозерцанию Старухи из-под Борисова? Ответ мог быть дан только самой духовной действительностью войны, запечатлённой в художественной литературе. В 1945 году поэт Семён Гудзенко написал стихотворение «Моё поколение», которое уже одним своим названием претендовало на осмысление духовных итогов войны. Наверное, Гудзенко был бы искренне удивлён, если бы ему сказали, что «Моему поколению» предназначено свыше дать ответы на те вопросы, которые прозвучали в стихотворении «Ты помнишь, Алёша...». Воинам-победителям было уже, что сказать и чем утешить:

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у мёртвых расцвели голубые цветы.
Расцвели и опали... Проходит четвёртая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не извели счастья ремёсел,
Нам досталась на долю нелёгкая участь солдат.

Мучений совести (в отличие от солдат начала войны) освободители Родины и планеты, честно прошедшие по огненным дорогам, не испытывают: они чисты перед Всевышним. Который дал им нелёгкую участь солдат. Поэтому они и вознаграждены победой над противником. Воины знали любовь, хоть говорят, что они её не знали. Солдаты были лишены любви-события, но в состоянии душевной любви пребывали постоянно. Поэтому с полным правом сопереживают с любовью матерей и ровесниц; поэтому замечают Божью любовь в суровой заботе комбата о них. То есть Небо всегда видно воинам.

Подвиг сражения с врагом дал солдатам силу для благородной любви ко всемушуму, наполнил их жизненный путь апостольским служением. Именно такое служение определяют для себя солдаты в своих грёзах о будущем:

Мы поклонимся в ноги родным истрадавшимися людям,
Матерей расцелуем и подруг, что дождались любя.
Вот когда мы вернёмся и победу штыками добудем –
Всё долгобим, ровесник, и работу найдём для себя.

Следует понимать, что среди родных истрадавшихихся людей будет и старуха из-под Борисова, воспетая К.Симоновым. Ей поклонятся в ноги солдаты, которым нечего было сказать в 1941 году, но которые на военных дорогах превратились в апостолов добра. «Всё долгобим» – это конечно же слова, выражающие миссию усовершенствования и одухотворения человеческого и вселенского бытия. Божье «возлюби ближнего своего» отныне под силу не только симоновской старухе, но и апостолам-освободителям.

Любой знакомящийся с нашим сообщением, в праве спросить: «А вы уверены, что К.Симонов и С.Гудзенко хотели выразить именно то, что вы решились отыскать в их стихотворениях? Правомерно ли вообще свободно трактовать художественные произведения?» На такие возможные вопросы можно ответить однозначно. Ни один настоящий создатель искусства не знает и не может знать до конца, что именно выразилось в его произведении, как и никто из людей не в силах предугадать, к чему приведёт любой, даже внешне незначительный жизненный эпизод. Первоавтором любого поэтического замысла (как и любого жизненного эпизода) является Господь. Поэт, даже самый гениальный – всего лишь переводчик с языка Божьего на язык человеческий. Читатель же переводит язык Бога и поэта на язык собственной души.

Таким образом, подходя к представленному литературному материалу эмпатически, сопереживательно, можно утверждать, что первоавтором стихотворений «Ты помнишь, Алёша...» и «Моё поколение» была одна и та же творческая личность, которая созидает нашу жизнь как единое, непостижимое человеческому разуму, суперстихотворение. Вот почему два поэтические произведения, рассмотренные здесь, оказались общим поводом для осмысления отражённой в художественной литературе духовной атмосферы Великой Отечественной войны.

Между стихотворениями Симонова и Гудзенко заключена вся война, в которую вместились множество литературных, публицистических, музыкальных и т.д. произведений, каждое из которых достойно особого разговора, поскольку являет собою акт троеединного творческого сопереживания Бога, поэта и народа. Но ясно одно: эмпатическое, сопереживательное исследование Великой Отечественной войны как морально – этического феномена необходимо и с годами оказывается всё более необходимым. Эта необходимость всё более очевидна в условиях, когда предпринимаются возмутительные попытки переписать историю прошедшей войны. Представить героев предателями, а предателей – героями. И встаёт вопрос о том, достойны ли мы, нынешние разговаривать с той самой старухой из-под Борисова.

Будут идти годы, и сама память о войне постепенно превратится в памятник той великой Божьей любви, которая сумела победить дьявольскую ненависть. Память эта будет разной, поскольку о прошедших сражениях будут говорить те, кто небо видит, и те, кому видеть небо вредно для здоровья. За какой памятью будущее? Современность не даёт однозначного ответа на этот вопрос. Но опыт истории показывает: всегда и везде побеждает Божье «Возлюби!» Уверены, что так же будет и впредь.

Список цитированных источников и литературы

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1941 г.

Птичкина С.А.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

22 июня 1941 года войска фашистской Германии и её союзников вторглись на территорию СССР. Началась Великая Отечественная война.

21 июня пограничники и разведчики докладывали об изготовившемся к нападению противнике. На фашистских аэродромах сплошной гул самолётов, экипажи в кабинах, танковые двигатели запущены и прогреваются, артиллерия на огневых позициях. В боевых действиях Западного фронта читаем: «Распоряжение о приведении частей округа в боевую готовность поступило около часу ночи 22 июня 1941 г., в войска передано в 2.25»[5, с. 61]. Директивные указания практически оказались невыполненными в связи с их запоздалым поступлением в воинские части.

В 4 часа 22 июня немецкая артиллерия открыла огонь, а авиация начала бомбить наши города и войска.

Маршал Г.К. Жуков впоследствии писал: «Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба... Внезапный переход границы, внезапное нападение само по себе еще ничего не решали. Главная опасность внезапности заключалась в том, что для нас оказалось внезапностью их 6–8-ми кратное превосходство в силах на решающих направлениях. Для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны» [4, с. 96].

Но и в этих тяжелейших условиях там, где войска отступали и терпели поражение, защитниками Родины были проявлены беспредельное мужество и массовый героизм. В чрезвычайной обстановке самого трудного периода войны, несмотря на то что политическое руководство страны во главе со Сталиным своими просчетами поставило государство и армию в критическое положение, народ и армия сражались и в конечном счете победили!

В самом начале войны Й. Геббельс записал в своем дневнике: «Большевики защищаются с ужасным упорством, и пока не может быть и речи о прогулке в Москву» [5, с. 84]. После семи дней войны, 29 июня, начальник генштаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер писал: «Противник в пограничной полосе почти всюду оказывает ожесточенное сопротивление. Русские сражаются до последнего человека, упорное сопротивление заставляет нас вести бой по всем правилам наших боевых уставов. В Польше, на Западе мы могли позволить себе известные вольности, что теперь уже невозможно. Противник сражается фанатически. Экипажи танков запираются и дают себя сжечь с машиной, гарнизоны дотов взрывают себя, не желая отдаваться в плен. Отдельные группы, продолжая оставаться в нашем тылу, являются для нас настоящим бедствием» [5, с. 73].

С первых часов Великой Отечественной войны началось активное проведение мобилизации призывных контингентов в ряды Красной Армии. Это вызвало широкий отклик среди населения. С первых дней войны тысячи добровольцев обращались в военкоматы с просьбой направить их в действующую армию. Только 23 июня в Минске было подано 542 заявления с просьбой добровольцев об отправке на фронт [1, с. 11].

Кроме добровольцев, повсеместно создавались истребительные батальоны для охраны наиболее важных объектов и борьбы с вражескими десантами. Стали формироваться отряды народного ополчения. В Гомеле был создан полк народного ополчения. Народные ополченцы Витебска несли службу по охране своего города – занимали участок обороны на берегу Западной Двины.

Население Беларуси участвовало в создании оборонительных сооружений, в обслуживании военных объектов. Свыше тысячи юношей и девушек работали на аэродроме в Минске, ремонтировали взлётную полосу и выполняли другие обязанности. Сотни тысяч граждан производили работы по созданию траншей, противотанковых рвов и т. д. Всего на строительстве оборонительных сооружений Беларуси было занято около 2 млн. человек [3, с. 134].

Широко развернулась мобилизация финансовых средств и материальных ценностей в помощь Красной Армии. Трудящиеся Гомеля внесли в фонд обороны более 250 тыс. рублей, 2,5 кг золота, 18 тонн цветных металлов [3, с. 133]. Подобные жертвования имели место также в других городских и сельских населенных пунктах.

Первыми встретили удар врага советские пограничники и небольшие гарнизоны укрепленных районов, строившихся вдоль границы. Их сопротивление мощному натиску ударных сил противника было поистине беспримерным. В республике дислоцировалось 8 погранотрядов и 8 укрепрайонов.

В бессмертие вошел подвиг 3-й заставы 86-го Августовского погранотряда, которым командовал лейтенант Виктор Михайлович Усов. 4-я и 5-я заставы Августовского погранотряда отбивали в первый день войны многочисленные атаки врага. Обороной руководили начальники застав старшие лейтенанты А.А. Морозов и Ф.П. Кириченко. Уже 24 июля об их подвиге писала газета «Правда», отмечая, что «...они бились в рукопашную, и только через их мёртвые тела враг мог продвинуться на пядь вперёд» [2, с. 57].

Чудеса мужества проявили танкисты 21-й танковой дивизии в оборонительных боях в районах Волковысска и Зельвы 26 июня. Здесь совершил бессмертный подвиг танковый экипаж братьев-белорусов Константина, Елисея и Мины Криченцевых. От удара немецкого снаряда их танк загорелся, но они не покинули машину и пошли на таран. Пылающая «тридцатьчетвёрка» стремительно врзалась в фашистский танк [2, с. 64].

Особую героическую страницу в летопись войны вписали защитники Брестской крепости. Это полковой комиссар Е.М.Фомин, капитан И.Н. Зубачев, старший лейтенант А.И. Семенов, капитан В.В. Шабловский, майор П.М.Гаврилов, лейтенант А.Ф. Наганов, лейтенант А. Кижеватов и многие другие.

С первых минут начала войны по фортам крепости и её казармам был сосредоточен огонь более 500 вражеских орудий и миномётов. Части дивизий оказались заперты в огневом мешке.

Защитники крепости продержались около месяца, хотя по планам фашистов на захват крепости отводилось несколько часов.

Героически сражались в районе Дрогичина и Семятич подразделения 16-го и 17-го артиллерийско-пулеметных батальонов.

Чувство восхищения вызывают подвиги советских летчиков. В 5 часов 30 минут первого дня войны таранным ударом сбил немецкий самолет в районе Пружан летчик лейтенант С.М. Гудинов. Только в первые дни войны в небе Беларуси более 10 летчиков совершили воздушный таран. Горящий бомбардировщик направил на колонну танков врага капитан И.Ф. Гастелло, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза. Лётчики 127-го истребительного полка 22 июня сбили 30 фашистских самолётов [2, с. 54].

Особое место в борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков занимает Минск: этот город упорно сражался до последнего. Захватить с ходу столицу БССР Минск немецким войскам не удалось. С 25 по 28 июня 1941 г. здесь развернулись тяжёлые бои, где оборону держали 2-й и 44-й стрелковые корпуса 13-й армии.

Под Минском среди других прославила себя 100-я стрелковая дивизия (генерал-майор И.М. Руссиянов). Здесь родился способ уничтожения немецких танков бутылками с бензином. Только 26 июня истребители 85-го и 335-го стрелковых полков подожгли этим способом 57 вражеских танков. Первыми совершили это капитаны: Ф.Ф. Коврижко, В.Л. Тертычный. Отличились артиллеристы-белорусы: командир 84-го артполка И.М. Воропаев, командир батареи старший лейтенант С.Ф. Абушкевич, рядовой Я. Рыбак и другие. За 3 дня боёв частями дивизии было уничтожено более 100 немецких танков, сотни мотоциклов и много другой техники [2, с. 123]. Только к вечеру 28 июня 1941 г. немецкие танки ворвались в Минск. На этом закончился первый, самый трагический период оборонительных боёв на территории Беларуси.

Большую помощь войскам оказывали местные жители, сообщавшие сведения о расположении врага. Гражданское невооружённое население оказывало помощь попавшим в окружение воинам Красной Армии. Житель деревни Хатежино Заславского района И.Д. Гуд и другие патриоты летом 1941 года укрыли и вылечили командира дивизии генерал-майора М.П. Константинова, в дальнейшем возглавившего партизанский отряд, впоследствии генерал-полковника, Героя Советского Союза [2, с. 87].

После захвата Минска ожесточённые бои развернулись в районе Борисова. Трое суток держали оборону на реке Березине в районе Борисова воины 1-й Московской мотострелковой дивизии, курсанты Борисовского танко-технического училища и народные ополченцы. Это дало возможность советскому командованию в начале июля создать новую линию обороны по Западной Двине и Днепру.

6 июля войска 20-й армии генерала П.А. Курочкина нанесли немецко-фашистским войскам контрудар из района севернее и западнее Орши и отбросили врага на 30–40 км. Это сражение вошло в историю как «Лепельский контрудар» – одно из самых крупных танковых сражений начала Великой Отечественной войны [3, с. 141]. 14 июля под Оршей получила боевое крещение первая в Красной Армии и единственная в мире батарея реактивных минометов – легендарных «Катюш» (командир капитан И.А. Флёров). Врагу были нанесены значительные потери, снижена его ударная сила, замедлен темп продвижения на восток. Тем не менее, 11 июля 1941 г. немцы захватили Витебск.

Форсировать Западную Двину и Днепр с ходу немцам не удалось. В центре битвы за Днепр оказался Могилев. Все жители города встали на его защиту. 17 июля 1941 г. командующий 13-й армией генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко получил приказ Верховного Главнокомандующего: «Герасименко. Могилев под руководством Бакунина сделать Мадридом!» [5, с. 121].

23 дня длилась оборона Могилева. Призывные пункты города направили в действующую армию 27 тыс. человек, более 12 тыс. человек вступило в отряды народного ополчения. Особенно кровопролитные бои развернулись на Буйничском поле. Здесь воины 388 полка совместно с народными ополченцами только за 12 июля 1941 г. уничтожили 39 фашистских танков и бронетранспортеров [3, с. 148]. Писатель Константин Симонов в романе «Живые и мертвые» в образе генерала Серпилина воссоздал портрет героя обороны полковника С.Ф. Кутепова.

Не захватив город ни штурмом, ни после продолжительной осады, немецкие войска обошли его с юга и с севера и, замкнув кольцо, пошли дальше. 16 июля 1941 г. пал Смоленск, а Могилёв ещё держался. Кровопролитные бои в Могилеве продолжались до 27 июля.

С 28 июля 1941 по 28 июня 1944 гг. Могилев находился в оккупации, и все это время враг не имел покоя на этой земле. Борьба белорусского народа на берегах Днепра не прекращалась. Героическая защита Могилева в июне–июле 1941 г. – пример доблести и героизма бойцов, народного ополчения, всего населения города.

Последним из областных центров БССР после упорных боёв 19 августа был захвачен Гомель. При защите Гомеля совершил свой первый воздушный таран Б. Ковзан – единственный в мире лётчик, который осуществил четыре воздушных тарана и остался в живых.

Героическое сопротивление бойцов Западного фронта снизило темпы наступления врага с 30 до 6 километров в сутки, а 30 июля 1941 г. фашистская группа армии «Центр» была вынуждена перейти к обороне. Это явилось крупнейшим стратегическим успехом Красной Армии.

В тяжелейших боях на фронте, при героическом сопротивлении в тылу врага были проявлены массовый героизм, мужество и отвага. Яркими страницами в историю войны вошли ожесточенные бои за Борисов и Минск, на подступах к Заславлю и Рогачеву, на Бобруйском и Барановичском направлениях.

Контрнаступление под Москвой, а затем победоносные стратегические действия Красной Армии в Сталинградской битве, под Курском, Ленинградом и в Крыму, блестяще проведённая позже стратегическая наступательная операция «Багратион», по-

следовавшие за ней Висло-Одерская, Восточно-Прусская и, наконец, завершающая войну Берлинская операции – всё это было predetermined в ожесточённых сражениях на начальном периоде войны, в 1941 г. В ходе этих боёв, ценой огромных потерь, Красная Армия научилась воевать с сильным и хорошо оснащённым противником.

Под Брестом, Минском, Могилёвом, Оршей, Полоцком, Витебском, Гомелем – именно на белорусской земле был заложен фундамент победы.

Список цитированных источников и литературы

1. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): учебное пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / А.А.Коваленя [и др.]. – Минск: из-во Центр БГУ, 2004.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. – Минск, 1983. – Т.1.
3. Гісторыя Беларускай ССР. – Мінск, 1975. – Т.4.
4. Долготович, Б.Д. Очерки военной истории Беларуси / Б.Д. Долготович., К.И. Доморад А.И. Залесский. – Минск, 1995. – Ч. 4.
5. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. – М., 1977. – Т.2.
6. Сиполс, В.Я. Великая Победа и дипломатия 1941–1945 гг. – М., 2000.

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ СССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Речиц Е.В.

УО «Брестский государственный технический университет», Брест

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. – это важнейшая и решающая часть Второй мировой войны 1939–1945 гг., справедливая освободительная война советского народа против фашистской Германии и ее союзников за свободу и независимость своей Родины с ее многообразной уникальной и неповторимой природной средой. Особого внимания в этом плане заслуживает рассмотрение политико-правового положения водных ресурсов СССР во время ВОВ как неотъемлемой части его природной среды, которое можно охарактеризовать в самом общем виде, используя нижеизложенные аспекты.

Во-первых, в годы ВОВ водные объекты СССР выступали в роли пространственно-го базиса для размещения сил ВМФ СССР и непосредственно использовались в качестве арены для проведения боевых действий. Так, подводные лодки СССР совершили свыше 1000 боевых выходов, в ходе которых потопили около 160 транспортов противника и 35 кораблей охранения общим водоизмещением около 465 тыс. т.; морская авиация совершила 76,3 тыс. боевых самолето-вылетов, потопив свыше 970 транспортов и 410 кораблей охранения общим водоизмещением 780 тыс. т.; надводные корабли потопили 24 транспорта и более 50 кораблей противника общим водоизмещением 45200 т.; береговая артиллерия уничтожила 14 транспортов и 20 кораблей противника общим водоизмещением порядка 30 тыс. т. На активных минных заграждениях, выставленных авиацией, подводными лодками и надводными кораблями ВМФ подорвалось 110 транспортов и более 100 кораблей противника общим водоизмещением до 250 тыс. т. Всего же за годы ВОВ силами ВМФ СССР было уничтожено 670 транспортов и 615 кораблей водоизмещением около 1,6 млн. т. Наиболее значимые бои протекали в водах, омывающих Либаву, Таллин, Моонзундские острова, полуострова Ханко, Кронштадт, Ленинград, Североморск, Мурманск, Полярный, полуострова Рыбачий и Средний, Одессу, Севастополь, Керчь, Новороссийск, Сталинград и др.

К тому же, за годы ВОВ речными флотилиями было переправлено по водным рубежам более 2,5 млн. человек с вооружением, снаряжением и военной техникой. Перевозки по водным акваториям составили свыше 100 млн. т. войсковых и народно-хозяйственных грузов. Было высажено 113 десантов оперативного и тактического масштаба общей численностью 230 тыс. человек [2].

Во-вторых, главными целями немецко-фашистских захватчиков относительно водных ресурсов в оккупированных советских областях (а таковые составили 1926 тыс. км² или 8,7% всей территории СССР в границах к началу ВОВ [5]) было обеспечение потребностей войск и максимальное изъятие продовольствия и сырья для нужд военной экономики Германии. Соответственно, в Распоряжении уполномоченного по чегырехлетнему плану Германа Геринга от 27 июля 1941 г. об экономическом направлении немецкой оккупационной политики указывалось, что «целью экономического руководства в оккупированных русских областях не является быстрое приведение в порядок всего хозяйства; протяженность русской территории и недостаток соответствующих специалистов заставляют сделать четкий акцент на тех отраслях экономики, которые играют решающую роль для германского военного хозяйства... В принципе при выборе средств, с помощью которых должны управляться важные в военном отношении отрасли хозяйства, решающим является только факт деловой целесообразности, т.е. вопрос, как достичь возможно большей производительности. Иными словами, пользование водными ресурсами осуществлялось варварскими методами и не предусматривало проведение каких-либо водоохраных мероприятий.

Кроме того, огромнейший вред водным ресурсам СССР был нанесен при крупномасштабном отступлении немецких войск в 1943–1944 гг. Германские планы ведения войны предусматривали тотальное опустошение областей при отступлении. Подобные указания немецких властей не только распространялись по служебным каналам, но и открыто пропагандировались, когда дело пошло к поражению: водные богатства, которые не удалось получить самим, не должны достаться никому.

В разное время и в разных местах политика тотального разрушения относительно водных объектов на практике осуществлялась по-разному. Однако, как известно, наиболее основательному и последовательному разрушению подверглась водная территория Украины в 1943 г. А во второй половине 1944 г., в период крушения немецких фронтов, она осуществлялась беспорядочно и произвольно. В частности, Приказом начальника по хозяйственным вопросам группы сухопутных войск Зюд Нагеля и инспектора хозинспекции Зюд от 2 сентября 1943 г. о полном разрушении Донецкой области предписывалось: «При выполнении всех последующих приказов нужно исходить из того, что все экономически пригодное должно быть вывезено из Донецкой области восточнее Кривого Рога, и она должна быть полностью разрушена. Эта область должна стать навсегда непригодной для экономики. В свете данных по этому поводу приказов для проведения хозяйственной очистки, разрушения и спасения необходимо разрушить и уничтожить все, что вывезти невозможно, особенно ГЭС и водонапорные станции... Разрушения следует производить не в последний момент, когда войска уже ведут бои или отступают, а заблаговременно, чтобы группы разрушения были задействованы в достаточной мере...». «...Надо делать все, чтобы при отступлении с Украины там... не было ни одного неотравленного колодца. Противнику должна остаться тотально сожженная и разоренная страна...» (из Письма рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера верховному фюреру СС и полиции Украины Приоцманну от 7 сентября 1943 г. о разрушении оставляемых областей).

В-третьих, проводимая в годы ВОВ политика СССР в отношении водных ресурсов в свою очередь была подчинена целям мобилизации всех водных ресурсов государства для

обеспечения победы над врагом и защиты социалистических имущественных отношений, что также сопровождалось усилением эксплуатации водных ресурсов и изменением гидрологического режима водных объектов. Как прозвучало в Выступлении по радио И.В. Сталина 3 июля 1941 г., «...Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение... Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага...».

К тому же, руководствуясь приказом И.В. Сталина о том, что «При вынужденном отходе частей Красной Армии... все ценное имущество... которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться», советские войска и партизаны принялись также осуществлять тактику «выжженной земли» относительно водных ресурсов. Хотя, как позднее пояснил И.В. Сталин, предусматривалось проведение подобных мероприятий «ввиду отхода войск и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта», на практике нередко реализовывались немедленные действия, направленные на загрязнение, засорение и истощение водных объектов в зоне 100-150 километров от противника независимо от состояния фронта. К примеру, согласно данным оперативного отдела Украинского штаба партизанского движения, в 1941–1944 гг. крылатые партизаны Украины уничтожили 42 водокачки.

Недостаточное внимание уделялось охране водных ресурсов советской властью и в освобождаемых от немецких захватчиков районах, где приоритетное значение придавалось целям восстановления разрушенного народного хозяйства. Только лишь на территории Беларуси сумма материальных затрат за годы ВОВ составила 75 млрд рублей в ценах 1941 г.: было разрушено и сожжено 209 городов и районных центров из 270 имевшихся на начало войны, 9200 деревень, в которых было 4,4 млн. домов; более 10 тысяч колхозов, 92 совхоза, более 300 машинно-тракторных станций, сотни предприятия; тысячи учреждений здравоохранения, образования, науки, культуры, в том числе 8825 тысяч школ из 12294, имевшихся на начало войны 219 библиотек, 5425 музеев, театров и клубов, 2187 больниц и амбулаторий, 2651 детское учреждение.

Между тем действующее в годы ВОВ законодательство СССР об охране и использовании вод находилось в таком состоянии, что было не способно успешно содействовать выполнению задач, стоящих перед водным хозяйством государства. Оно основывалось на положениях Конституции СССР 1936 г., в которой закреплялось право исключительной государственной собственности на воды и определялась лишь в общем виде система органов, осуществляющих государственное управление вопросами охраны и использования водных ресурсов: установление общих начал пользования водами по всей территории государства находилось в ведении СССР в лице его высших органов власти (Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета СССР) и органов государственного управления (Совета Народных Комиссаров СССР). Нормы же, определяющие порядок пользования поверхностными и подземными водными объектами для хозяйственно-питьевого водоснабжения населения, промышленности, сельского хозяйства, энергетики, рыбного хозяйства и других нужд населения и народного хозяйства, особенности государственного управления в области использования и охраны вод (бассейновый принцип управления, водный кадастр,

схемы комплексного использования и охраны вод, водохозяйственные балансы), организации борьбы с вредным воздействием вод (наводнения, потопления, водная эрозия почв и т.п.) и ответственности за нарушение водного законодательства были достаточно немногочисленны, противоречивы и, кроме того, рассредоточивались в ряде нормативных правовых актов неодинакового рода, изданных в разное время различными органами государственной власти и управления.

В-четвертых, не следует забывать о том, что, хотя по своим водным ресурсам СССР занимал первое место в мире (суммарные водные ресурсы СССР оценивались для среднего по водности года в 4340 км³/год), ввиду значительного разнообразия природных условий в отдельных его районах распределение ресурсов поверхностных и подземных вод по территории было весьма неравномерно. Так, северные, западные и центральные районы европейской части СССР обладали значительно большими ресурсами поверхностных вод, чем южные и особенно юго-восточные районы, а наименее обеспечены в этом плане были Туркменская, Казахская, Узбекская, Азербайджанская и Молдавская республики. Крупные бассейны артезианских и грунтовых вод с большими эксплуатационными запасами подземных вод имелись в западной части СССР (Белоруссия, Прибалтика), в центральных районах европейской части РСФСР, на севере Украины, Северном Кавказе и в некоторых районах Сибири, умеренными и малыми эксплуатационными запасами обладали северные и северо-восточные районы европейской части СССР, Предуралье и Зауралье, юг Украины, Молдавия, долины рек Амударьи и Сырдарьи, Кузнецкий бассейн, верховья рек Лены и Ангары и др., пестрое и неравномерное распределение ресурсов подземных вод имелось на Урале, в Крыму, Центральном Казахстане, на Алтае, в Саянах и Приморье и весьма бедны подземными водами были Прикаспийские районы, Туркмения и значительная часть Казахстана. В связи с этим очевидно, что даже в условиях мирного времени в некоторых районах государства фактическая водообеспеченность населения и народного хозяйства являлась напряженной [3].

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб водным богатствам СССР. При этом нарастающее загрязнение, засорение вод и усиливающаяся истощение водных источников за годы ВОВ повлекло за собой не только множество отрицательных экономических последствий, но и с учетом природно-климатических условий отдельных районов страны поставило под угрозу благополучие жизни и деятельности советского народа.

В сложившейся ситуации первоочередное внимание следовало бы уделять охране вод, обеспечиваемой биологическим, физическим, химическим, экономическим, материально-техническим, санитарно-гигиеническим, идеологическим и иными способами. В комплексе подобных мер особое место должно было бы принадлежать правовому способу охраны водной среды. Однако в обособленном и концентрированном виде водные правоотношения в СССР начали регулироваться лишь с принятием Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик 1970 г. Хотя первая попытка кодификации советского законодательства об использовании и охране вод была предпринята в конце 20-х гг.: были введены в действие Водномелиоративный кодекс БССР 1928 г. и земельно-водные кодексы Туркменской ССР и Узбекской ССР 1929 г., а также разработаны проекты водных кодексов других республик [4].

Список цитированных источников и литературы

1. Война Германии против Советского Союза 1941-1945 // <http://www.flot.com/publications/books/shelf/germanyvsussr/index.htm>. - Дата доступа 02.09.2010.
2. Деятельность Военно-морского флота и морских стрелковых бригад во время Великой Отечественной войны // <http://www.screen.ru/school/hystory/astafieva/wmf.htm>. - Дата доступа 02.09/2010.

3. Краткая характеристика природных водных ресурсов СССР // <http://www.priroda.ru/reviews/index.php?ID=35>. - Дата доступа 02.09.2010.
4. Правоведение. Предмет и система водного законодательства // http://www.edu.ru/db/portal/sites/portal_page.htm. - Дата доступа 10.09.2010.
5. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: Статистический сборник Сводный раздел // <http://www.teatrskazka.com/Raznoe/StatSbornikVOV/StatSbornikVOV.html>. - Дата доступа 02.09.2010.

ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ БЕЛОРУССИИ В 1939–1941 гг.: ОККУПАЦИЯ – ВОССОЕДИНЕНИЕ – СОВЕТИЗАЦИЯ

Розенблат Е. С.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

До сих пор в рассмотрении проблемы вхождения западных областей Белоруссии в состав БССР (СССР) осенью 1939 г. преобладают два основных подхода, находящиеся в зависимости от одобрения или неприятия автором современных контуров польско-белорусской границы. Историки, ностальгирующие по великой Речи Посполитой, события 17 сентября 1939 г. и отторжение части польских территорий трактуют как столь же и даже более катастрофические для польской государственности, чем вторжение германских войск в Польшу. Исследователи, которым дорог суверенитет Белоруссии, не склонны к излишней драматизации и оценивают события, предшествующие и последующие за введением частей Красной Армии в Западную Белоруссию, как успешное восстановление целостности белорусской этнической территории, нарушенной условиями Рижского мирного договора 1921 г. Эти полярные мнения для удобства можно сформулировать коротко, в принятых обеими сторонами терминах: «советская оккупация» и «воссоединение». В первом случае подразумевается насильственный характер действий советской империи в отношении Польши и, следовательно, содержатся рваншистские надежды на определенные геополитические изменения. Во втором, – в оценке событий содержится абсолютное убеждение в справедливости случившегося и законности присоединения западных областей Белоруссии к советской республике. Итак, оккупация или воссоединение?

В заключенных между Советским Союзом и Германией пактах 23 августа и 28 сентября 1939 г. нашли отражение военно-стратегические цели сталинской политики: расширить территорию, отодвинуть советскую границу на запад, создать новую оборонительную линию, укрепить престиж советской страны на международной арене, повысить авторитет советского и партийного руководства в советском обществе (что было актуально после сомнительной победы в советско-финской войне). 17 сентября 1939 г. части Красной Армии вступили на территорию «кресов всходних», что и де юре, и де факто являлось военным захватом земель соседнего польского государства, т.е. оккупацией.

Шествие частей Красной Армии по территории Западной Белоруссии практически не сопровождалось ведением военных действий. По воспоминаниям очевидцев, во многих населенных пунктах красноармейцев встречали радостно и торжественно, в их честь возводились так называемые триумфальные арки – сооружения в виде ворот, украшенные лозунгами и цветами. Однако не следует представлять идиллическую картину мирной смены власти. С середины сентября на территории бывших северо-восточных воеводств II Речи Посполитой действовало большое количество вооруженных формирований: части Войска Польского, спецподразделения советских и немецких спецслужб, отряды самообороны, банды уголовников, группы дезертиров, а затем – части РККА и вермахта. В этот период регион был буквально наводнен оружием.

К началу советского вторжения среди населения региона распространилось убеждение, что крах Польши неминуем. Этому во многом способствовал приток беженцев из центральной и западной частей Польши, начавшаяся эвакуация органов управления, ход боевых действий против Германии. Известие о вступлении на территорию Польши советской армии только усилило эти убеждения, что, в свою очередь, способствовало росту активности радикальных элементов общества. Уже 17 сентября 1939 г. в регионе не существовало какой-либо единой системы управления ни гражданской администрацией, ни воинскими частями польской армии. Те, кто здесь представлял польское государство, сами были дезориентированы и не знали, как себя вести в сложившейся ситуации. Польские военные также оказались не готовы к советскому вторжению. Этому во многом способствовали распространенные в регионе слухи о том, что РККА будет помогать Войску Польскому в борьбе с вермахтом, а также приказ главнокомандующего вооруженными силами Польши Рыдз-Смиглы, который запрещал вступать в боевые столкновения с Красной Армией. В такой ситуации все зависело от поведения того или иного польского командира, его видения обстановки, его понимания происходивших событий. С другой стороны, большое значение имел субъективный фактор, присутствовавший в деятельности различных революционных комитетов, повсеместно возникших в регионе накануне советского вторжения.

Жители Западной Белоруссии по-разному представляли свою роль в происходивших событиях. Одни до конца защищали государственный суверенитет Польши и всеми способами подавляли антигосударственные, с их точки зрения, акции. Другие отстаивали свои идеалы, за которые подвергались гонениям во II Речи Посполитой, и помогали Красной армии в сборе развединформации, при охране коммуникаций, занимали населенные пункты до прихода частей РККА, нападали на небольшие отряды польской армии [1; с. 120]. Классическим примером подобного рода явлений могут служить события в Гродно, Скиделе и ряде других населенных пунктов.

Таким образом, смена власти в крае не происходила бескровно. Жертвами стихийно и с участием советской разведки создававшихся еще до вступления частей Красной Армии отрядов становились представители польской администрации, полиции и армии, помещики и члены их семей. Убийства скорее были характерны для сельской местности, небольших населенных пунктов (деревень, осад, хуторов), которые некоторое время находились в состоянии безвластия, оставаясь не занятыми частями Красной Армии. В городах и местечках региона сложилась иная ситуация. С одной стороны, прилегающие к советской границе крупные населенные пункты сразу были заняты частями РККА, и там процесс установления просоветских органов власти шел под контролем армии и оперативно-чекистских групп НКВД. С другой стороны, в более отдаленных от границы городах и местечках, после ухода оттуда польской администрации, создавались отряды гражданской охраны [2; с. 380]. То есть в обоих случаях над ситуацией сохранялся определенный контроль.

Польская сторона действовала не менее ожесточенно. Очевидцы событий, польские военнослужащие, вспоминают следующие эпизоды: «Передвигаемся по оставшему краю. Как репрессии против нападений сжигаем целые деревни и массово расстреливаем вооруженное население». «Войска шли по взбунтовавшейся территории, перед оградями польских осад лежали трупы мужчин, женщин, детей. Целые колонии стояли покинутые, со сломанными дверями, разгромленными хозяйственными постройками. Днем над горизонтом поднимались столбы дыма от уничтожающего польское имущество огня... Дорога армии обгадрялась приговорами чрезвычайных судов, уничтожением захваченных вооруженных деревень» [3; с. 942–943].

Кроме того, активизировались местные уголовники всех национальностей, ожидая возможности грабежа. К общему хаосу добавились беженцы из Западной и Центральной Польши, а также мародеры и дезертиры из Войска Польского, которые, оторвавшись от своих частей, стремились добраться домой. Эти криминально-анархистские элементы осуществляли нападения на евреев и их собственность. До подобных эксцессов дошло в Кольно, Кольбушове, Волковыске, где было убито 7 человек, и в других населенных пунктах [4; Р. 62].

Таким образом, во второй половине сентября 1939 года в западных областях Белоруссии имел место краткосрочный вооруженный конфликт между частью евреев и белорусов (революционные комитеты), с одной стороны, и оставшимися на данной территории польскими государственными институтами (польской армией, полицией) и частью польского населения (вооруженные группы осадников, резервистов, отряды гражданской охраны) – с другой. Вакханалия убийств и грабежей продолжалась в регионе в течение нескольких дней. Возможно, подобная ситуация также способствовала тому, что не только евреи и белорусы с надеждой ожидали прихода Красной Армии. В реляциях многих поляков отмечается, что антипольские акции прекращались с занятием того или иного населенного пункта частями РККА [5]. По всей вероятности, советская власть в первое время после занятия региона действительно дала своим сторонникам своеобразный карт-бланш и не возражала против частичной расправы с врагами. Это, в свою очередь, ускорило «дифференциацию» общества, позволило быстро обрести деятельных сторонников, в максимально сжатые сроки сориентироваться в местных особенностях, ограничить или парализовать деятельность наиболее активных антисоветских элементов.

Следует отметить, что красноармейцы и представители советской власти на оккупированной территории вели себя в соответствии с полученными инструкциями предельно корректно. Сами участники похода 17 сентября 1939 г. позиционировали себя не как захватчики, а как освободители братских белорусского и украинского народов от угнетения польскими помещиками и капиталистами. Поведение представителей Советского Союза практически не вызывало нареканий у местного населения. Красная Армия действовала не как агрессор, а как миротворческая миссия. В этом принципиальное отличие ситуации на оккупированных Германией и Советским Союзом польских землях. Нацистская пропаганда не скрывала, что оккупация Польши является шагом на пути к установлению германского мирового господства. А потому и поведение представителей рейха, и методы управления изначально тут были иными. Советское руководство перед лицом мировой общественности и населением занятых областей, а также перед своих граждан объясняло введение частей Красной Армии на территорию Польши как вынужденную меру, необходимую для защиты братских народов. Подобная пропаганда была особенно эффективна ввиду понимания, что в противном случае «кресы восточные» оказались бы, как и остальная часть Польши, под немецкой оккупацией.

Временные управления, созданные в крупных населенных пунктах Западной Белоруссии, возглавили представители Красной Армии. Но действовавший аппарат управления комплектовался с использованием местных кадров. Подобный подход обеспечивал оперативное решение стоящих перед властями задач. Временные управления осуществляли поддержание общественного порядка, что включало изъятие оружия у населения [6; с. 16], контроль над работой всех производственных и торговых предприятий, борьбу с контрабандой и спекуляцией, рассмотрение жалоб и обращений граждан. Характерно, что так называемая рабочая гвардия (или милиция)

была сформирована практически исключительно из местных добровольцев. Именно на эти вооруженные отряды возлагалась задача арестов, а иногда и истребления польских офицеров, помещиков, осадников, представителей польской администрации. Активное участие местных жителей позволяло создать видимость демократического управления территориями, занятыми частями Красной Армии, что готовило почву для следующего шага – подготовки к выборам в Народное собрание Западной Белоруссии. Проведение этого мероприятия 28–30 октября 1939 г. в Белостоке и его решения о ходатайстве перед Верховным Советом СССР и Верховным Советом БССР о принятии Западной Белоруссии в состав СССР и БССР, по сути, завершило период советской оккупации: население захваченных территорий выразило готовность стать гражданами советского государства. В ноябре 1939 г. соответствующие решения были приняты, и начался новый период в истории Западной Белоруссии – период советизации.

До нападения Германии на Советский Союз оставалось около полутора лет, поэтому нельзя вести речь о реализации всех планов советского руководства в отношении бывших польских территорий. Можно лишь проанализировать основные направления советизации и оценить их результаты.

Первое, что необходимо отметить: Западная Белоруссия, как и Западная Украина, должны были стать, согласно принятым решениям, не просто буферными территориями, если принимать во внимание подготовку СССР к войне, а органичной и надежной частью советского государства. Пограничное положение региона обязывало советское руководство к особой ответственности и аккуратности в работе по превращению этих областей в подлинно советские. Такая задача подразумевала действия в двух основных направлениях:

1. Проведение социально-экономических преобразований по образцу и подобию тех, которые осуществлялись в советском государстве в 1920–1930-е годы;
2. Превращение местных жителей в советских граждан. Тоталитарное советское государство идеальным гражданином считало человека, для которого государственные и партийные интересы были превыше личных.

Первое направление подразумевало проведение ряда реформ, призванных в кратчайшие сроки стереть разницу между присоединенными и советскими территориями. Для этого было необходимо избавиться от капиталистического прошлого и перейти на рельсы социалистического хозяйствования. Одним из наиболее быстрых и масштабных мероприятий советской власти в регионе было проведение национализации, в ходе которой было проигнорировано решение Национального собрания ограничиться национализацией только крупной собственности. Национализация обеспечила для советской власти наличие земельных, производственных, жилых и материальных фондов, благодаря которым облегчались задачи проведения дальнейших социально-экономических реформ.

Большие изменения в наращивании экономического потенциала региона не произошли, в основном использовались уже имеющиеся ресурсы. Западная Белоруссия осталась преимущественно аграрным регионом со слабо развитой промышленностью. Немногие крупные предприятия, имевшие ранее выход на европейские рынки сбыта продукции и закупки сырья, были переориентированы на внутренний советский рынок. О недостаточных темпах индустриального развития западных областей Белоруссии косвенно свидетельствует такой факт: хлынувшим сюда потокам беженцев из Польши, значительную часть которых составляли ремесленники и квалифицированные специалисты, предлагалась низкооплачиваемая работа, не требующая квалификации (торфозаготовка и пр.).

Развертывание промышленного строительства в регионе задерживали следующие факторы: во-первых, в преддверии войны советское руководство, безусловно, считало нецелесообразным размещение новых предприятий на границе; во-вторых, следовало произвести учет имеющихся сырьевых, хозяйственных и людских ресурсов, чтобы принять адекватные решения о дальнейшем промышленном развитии; в-третьих, изменение соотношения аграрного и промышленного секторов экономики западных областей Белоруссии, принимая во внимание промышленную отсталость края и исторически сложившиеся тут традиции, требовало значительных капиталовложений.

Несмотря на то, что социалистические преобразования в экономике края не были проведены в полном объеме, уже к концу 1939–началу 1940 гг. в западных областях Белоруссии наблюдались характерные для социалистической экономики «болезни»: разрушение прежней системы повлекло за собой возникновение дефицита товаров, образование «черного рынка», всплеск контрабанды и спекуляции. Переход на новую денежную систему привел к дестабилизации финансовой системы, разорению многих семей, лишению людей накопленных в 1920–1930 гг. средств. Безусловно, часть населения Западной Белоруссии после присоединения к БССР улучшила свое материальное положение, но вряд ли в этом случае можно вести речь о большинстве.

Негативные явления в экономике отчасти компенсировались активными действиями советской власти в социальной сфере. Наибольшими достижениями в этот период стало создание системы бесплатного образования и бесплатного здравоохранения, что способствовало росту популярности советской власти среди населения. Для жителей западных областей Белоруссии, в первую очередь для крестьян, это означало существенное сокращение расходов.

Ряд мероприятий советской власти был рассчитан на то, что население присоединенных территорий в короткие сроки усвоит ценностные ориентиры советского государства и партии Ленина–Сталина и станет частью советского общества. Полем битвы стало массовое сознание. В 1939–1941 гг. была ликвидирована многопартийная система, существовавшая «при Польше», была начата антирелигиозная кампания, всеми способами внедрялась советская идеология (путем проведения собраний, лекций, встреч с избирателями, использования СМИ).

Еще одним способом «оздоровления» общества стало изъятие так называемого «классово чуждого» и «социально-опасного элемента». Арестам подвергались бывшие польские чиновники, полицейские, офицеры, осадники, помещики, крупные торговцы, предприниматели и домовладельцы, члены различных политических, общественных и культурных партий и организаций, действовавших во II Речи Посполитой. В конце 1939–начале 1940 гг. из режимных областей выселялись неблагонадежные, с точки зрения советской власти, лица, а также их семьи. Сначала они переселялись в менее значимые населенные пункты Западной Белоруссии, затем начались депортации. Всего было проведено 4 депортации: 10–12 февраля 1940 г.; 13–15 апреля 1940 г.; 29 июня 1940 г.; 19–20 июня 1941 г. Не оправдывая репрессии как средство решения стоящих перед государством задач, тем не менее заметим, что в действиях советской власти наблюдалась определенная логика – в преддверии большой войны происходила профилактическая «чистка» пограничной территории, т.е. ликвидация возможной пятой колонны.

Особняком стоит третья депортация, которая коснулась беженцев из западных и центральных областей Польши. Советская власть вынуждена была радикально и достаточно жестко решить вопрос с беженцами, руководствуясь следующими обстоятельствами, вызванными присутствием на границе десятков тысяч «незапланированных» временных жителей:

1. Сложностью трудоустройства большинства беженцев (особенно по специальности) и обострением экономической ситуации (увеличение дефицита товаров, рост цен);

2. Ухудшением криминогенной обстановки (спекуляция, валютные операции, контрабанда, воровство);

3. Усилением межнациональной напряженности (присутствие большого количества еврейских беженцев провоцировало антисемитские и, как следствие этого, антисоветские настроения);

4. Активизацией нелегальных переходов через границу и вместе с тем угрозой государственной безопасности (под видом беженцев в СССР могли проникать иностранные разведчики);

5. Ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки в связи с перенаселенностью городов и местечек (антисанитарные условия проживания, угроза вспышки эпидемий);

6. Отказом части беженцев проходить регистрацию и получать советские паспорта, а также политической неблагонадежностью еврейских беженцев, которые критически оценивали советскую действительность (это был более сложный контингент для идеологической работы, чем местные жители). Имея связи с международными организациями и родственниками за границей, они могли сообщать о недовольстве своим положением в Стране Советов. Кроме того, беженцы несли с собой нежелательную, с точки зрения советской власти, информацию о нацистской политике в оккупированной Польше (это противоречило союзным отношениям между Германией и СССР).

Безусловно, беженцы воспринимались представителями советской власти на местах и в центре как крайне дестабилизирующий фактор, мешающий советизации. Они были признаны материалом, непригодным для интеграции в советское общество на присоединенных землях, их дальнейшее пребывание здесь, с точки зрения советской власти, было нецелесообразным. Результатом такого решения стали массовые депортации. Действия в отношении беженцев являлись частью масштабной политики генеральной чистки новых приграничных территорий от «чуждого элемента», составлявшего явную или потенциальную угрозу в условиях вполне очевидной предвоенной ситуации [7; с. 333–361].

Большую роль в приведении Западной Белоруссии в соответствие с советскими стандартами сыграли так называемые «восточники» – советские и партийные служащие, направленные сюда на работу. Кадровая политика советской власти заключалась в том, чтобы проверенные и политически благонадежные люди возглавили наиболее важные учреждения и предприятия. Нередко бывало, что благонадежность заменяла работнику компетентность. Чтобы кадровая ситуация была более сбалансированной, важное значение придавалось выдвижению местных кадров в аппарат управления, судебные, силовые органы, торговые, промышленные и финансовые структуры. Этим воспользовалась значительная часть жителей Западной Белоруссии: одни мимикрировали в различные органы, другие вынуждены были изменить профессиональную ориентацию и привычный образ жизни. Наибольшей мобильностью в этом смысле обладало еврейское население, которое успешно адаптировалось к изменившимся социально-политическим и хозяйственным условиям.

В целом, на протяжении сентября 1939–июня 1941 гг. население Западной Белоруссии было втянуто в политическую жизнь Советского Союза. Жители присоединенных «кресов восточных» стали гражданами советского государства. Они получили избирательные права и участвовали в выборах в высшие законодательные органы – Верховный Совет БССР, а также местные советы депутатов. Это создавало у населения западных областей Белоруссии, в большинстве своем практически лишенном в 1930-е годы избирательных прав в Польше, иллюзию причастности к «большой поли-

тике» и важности голоса каждого избирателя, несмотря на во многом формальное осуществление избирательных гражданских прав, безальтернативность выборов и невозможность со стороны избирателей влиять на запланированные «сверху» результаты выборов.

Советизация западных белорусских областей на протяжении периода с осени 1939 г. по июнь 1941 г. проходила в достаточно мягкой форме. Советское руководство не пошло на применение тех методов «шоковой терапии» построения социализма в одной отдельно взятой стране, которые были характерны для Советского Союза в 1920–30-е годы. Западные области Белоруссии находились в шадящем режиме, в рассматриваемый период велась только подготовительная работа к следующему полномасштабному этапу советизации, наступлению которого помешало нападение Германии на СССР. Осторожность и неторопливость сталинской политики объяснима: население присоединенных территорий должно было сохранять лояльность, его необходимо было постепенно подготовить к восприятию советских реалий, не дать ему качнуться в сторону ностальгирования по прошлому или зависти к судьбе той части Польши, которая оказалась под немецкой оккупацией. Контроль за настроениями жителей западных областей Белоруссии показывал, что в обществе диапазон реакций на проводимые советской властью мероприятия был достаточно широк – от резкого неприятия до полного одобрения.

Основная масса населения Западной Белоруссии проявила лояльность к советской власти, ожидая от нее социальной справедливости и национального равенства. Можно выделить три категории людей, которые связывали с установлением советской власти надежды на улучшение своего положения: 1) находившиеся под влиянием советской пропаганды, которая обещала перемены к лучшему в их социально-экономическом и правовом статусе; 2) симпатизирующие советской системе и находившиеся в оппозиции польской власти (представители левых партий); 3) дискриминируемые при польской власти группы населения – те, кто не смог раньше реализовать свой личный потенциал и видел перспективы в изменении социально-политических условий [8; с. 111].

Многие жители западных областей Белоруссии приняли и поддержали советскую власть по идейным или карьерным соображениям. Особенно привлекательными с точки зрения рядовых граждан бывших «кресов восточных» были такие мероприятия, как провозглашение всеобщего равноправия, расправа с носителями властных полномочий при старом режиме и крупными собственниками, переход к бесплатному образованию и здравоохранению, придание белорусскому языку статуса государственного. Но часть изначально просоветски настроенных обывателей в скором времени испытала разочарование. Кроме того, определенные слои населения Западной Белоруссии настороженно и даже враждебно отнеслись к вторжению Красной Армии на польские земли и установлению советской власти.

Органы НКВД, созданные на присоединенных территориях, проводили сбор информации об общественных настроениях и отношении к проводимым советской властью преобразованиям. Целенаправленно производились «замеры» среди крестьян, служащих и рабочих различных учреждений и предприятий, беженцев, духовенства, домохозяек и др. групп. Врагами советской власти были признаны наиболее активные сторонники польского государства: репрессии, прежде всего, обрушились на осадников, офицеров, полицейских, жандармов, польских чиновников, лесничих, лидеров общественно-политических организаций и партий, крупных частных собственников. Определенные группы аристократов были причислены к потенциальным противникам советской

власти (бывшие члены различных «контрреволюционных» польских, еврейских и украинских партий, ксендзы, раввины, православные священники, сектанты, зажиточные крестьяне – кулаки и пр.). За ними устанавливалось наблюдение, им грозили аресты и депортации.

Но и среди той части общества, которая, по мнению большевиков, просто обязана была безотказно поддерживать советизацию края (рабочие и крестьяне), восприятие многих преобразований было неоднозначным. Благодаря проводимой НКВД работе, обнаруживались раздражающие население факторы, выяснялись наиболее болезненные точки – причины недовольства жителей присоединенных территорий. Анализ сообщений НКВД позволяет нарисовать общие контуры ситуации в западных областях Белоруссии и определить те особые для каждой категории населения раздражители, которые провоцировали появление антисоветских настроений.

Среди крестьянства отмечались случаи коллективных ходатайств за освобождение из-под ареста односельчан путем составления писем и сбора подписей в защиту арестованных [9; л. 13–14]. В связи с выселением осадников и лесников возникали слухи о подготовке советской властью массовых депортаций населения, и органы НКВД отмечали, что жители сельской местности начали заготавливать продукты питания и одежду [10; л. 127]. Такое явление, как массовый убой скота, было своеобразным ответом крестьян на угрозу создания колхозов. В спецсообщении начальника УНКВД по Пинской области капитана госбезопасности Мурашкина, направленном секретарю Пинского обкома КП(б)Б Минченко, отмечалось, что в Телеханском районе убой скота принял массовый характер и ведет к уменьшению поголовья и уничтожению племенных и стельных коров. В документе приводятся слова жителя деревни Бобровичи Телеханского района Ефима Крота: «Надо резать скот, а то все равно большевики заберут или в колхоз отдашь» [11; л. 91].

Материалы НКВД по западным областям свидетельствуют о нарастании тревожности среди крестьян. Национализация земли и организация колхозов порождали огромное недоверие к советской власти. Даже предварительные мероприятия советской власти – сбор информации о состоянии крестьянских хозяйств – вызывали негативную реакцию, что проявлялось в суждениях: «Большевики хотят узнать, есть ли зерно, а потом его изъять» [12; л. 242].

Особенно явно население выражало недовольство в ходе проведения выборов в Верховный Совет и местные советы депутатов. Повсеместно фиксировались многочисленные случаи отказа участвовать в голосовании, агитации против выдвинутых кандидатур, распространения записок антисоветского содержания, порчи избирательных бюллетеней, повреждения телефонных линий и т.д. В условиях тотального дефицита товаров первой необходимости, процветания спекуляции и контрабанды ожидать от населения полной поддержки и энтузиазма было трудно. В спецсообщении начальника Высоковского районного отдела НКВД сержанта госбезопасности Макарова на имя секретаря Высоковского РК КП(б)Б Рябцева отмечалось, что крестьянство недопонимает избирательную кампанию [13; л. 17].

Вообще многие вопросы, связанные со снабжением, вызывали нарекания со стороны крестьян, обостряя внутренние противоречия в деревне. Например, колхозники колхоза им. Ворошилова (дер. Рудавин Пинского района) возмущались тем, что, подчиняясь уставу и соблюдая трудовую дисциплину, не могут в рабочее время приобретать товары в кооперативе соседней деревни, а единоличники, имея больше свободного времени, и, соответственно, больше возможностей для совершения покупок, насмеяются над ними: «Вот, колхозники, вы будете только работать, как волы, у вас

все отберут, а вам ничего не дадут». Значительная часть колхозников делала выводы: «Как есть такой колхоз, то лучше быть единоличником, буду тогда иметь и время свободное и из кооператива все товары» [14; л. 36].

Проблемы экономического характера волновали и городское население. Представители советской власти признавали, что в западных областях в этой сфере сложилась кризисная ситуация. Согласно решению политбюро ЦК ВКП(б) от 8 декабря 1939 г. «О переходе на советскую валюту на территории Западной Украины и Западной Белоруссии», с 21 декабря 1939 г. злотые по счетам икладам обменивались на рубли по курсу 1:1, но не более 300 злотых [15; с. 49]. В результате население было ограблено государством.

Сложившаяся в польское время структура снабжения населения промышленными товарами и продуктами питания была разрушена. Появлению товарного голода способствовала скупка советскими офицерами и служащими одежды, обуви, тканей и продовольствия. Частная торговля была практически ликвидирована, а государственная и кооперативная не могли обеспечить потребностей населения. Магазины и лавки не имели в ассортименте самого необходимого. Неудивительно, что органы НКВД фиксировали высказывания, свидетельствующие о разочаровании и обманутых ожиданиях жителей западных областей: «Что за власть, кушать нечего, деньги польские изъяла, видимо от нее хорошей жизни не дожدهмся» [16; л. 242].

Люди понимали разницу между массивированной советской пропагандой и реальным положением вещей, критически отзывались о «ликвидации эксплуатации трудящихся» и защите их прав. Вот высказывания рядовых рабочих, зафиксированные органами НКВД: «...пришла совлства и жизнь резко ухудшилась, рабочего всюду притесняют, большевики только хвалются, что у них всего много, все хорошо, а на деле ничего хорошего нет, рабочего так же эксплуатируют, как и паны», «социалистические соревнования большевики вводят для того, чтобы рабочие и служащие за одну и ту же плату вырабатывали две нормы, этим самым они постеленно одевают на нас ярмо...» [16; л. 3].

Волна недовольства была отмечена органами НКВД в связи с указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». В первую очередь протесты работать в субботу поступали со стороны религиозных евреев [17; л. 218–220]. В меньшей степени были распространены негативные высказывания о займах, отсутствии спецодежды, неумелом руководстве предприятиями, низкой заработной плате.

Явное ухудшение условий жизни порождало ностальгические чувства. Прошлое, связанное с польским государством, вспоминалось добрым словом, поскольку сравнение было не в пользу Советского Союза («...Жизнь в Советском Союзе гораздо хуже, нежели была в Польше, у нас было всего много, всего хватало и было все дешево, а сейчас ничего не стало...», «...При советской власти жить плохо и ничего нет, даже хлеба и того нет, при польской власти жить было лучше, всего было в изобилии и все было дешево») [16; л. 4, 23].

Сожаление об утраченной жизни порождало желание вернуть прежние дни. Так появлялась вера и даже убежденность в возвращении старых порядков: «...скоро будет восстановлена Польша», «...Поживем, помучаемся только до весны, весной все установится по-старому» [16; л. 24]. Органы НКВД отмечали и различные домыслы о развитии международных событий, которые должны способствовать возрождению польского государства. В прогнозах о дальнейших перспективах западных областей прорабатываются традиционные политические стереотипы польского общества, ориентация на англо-французских союзников.

Доходило и до призывов организовывать борьбу, прямых угроз в адрес советской власти: «В Карпатах и Беловежской пуше сейчас концентрируются польские войска, надо идти им на помощь и освободиться от этого хамства...», «Совласть долго не просуществует, ей существовать только до весны, весной выступят польские солдаты и ее свергнут...», «...Вот пришли босяки, обирают Польшу, у себя ничего не имеют, пока потерпим, а потом организуемся и прогоним большевиков. Мы не должны допустить того, чтобы в Польше остались большевики», «...придет время, когда каждый поляк убьет 10 большевиков...» [17; л. 20].

Установление советской власти в западных областях Белоруссии спровоцировало возникновение межэтнической напряженности. Закрепление советской модели социализма в области политики, экономики, идеологии объективно приводило к обострению межнациональных отношений, которые в определенной степени отразили раскол в обществе, вызванный переменами. В принципе, деление местного населения на сторонников и противников советской власти было неизбежно, раскол усугубился в ходе советизации, видоизменился и принял форму открытого или чаще всего скрытого межнационального конфликта. Традиционный антисемитизм населения Западной Белоруссии, существовавший в основном на бытовом уровне, на протяжении 1939–1941 гг. приобрел политический оттенок, став одной из форм антисемитизма [18; с. 102].

В короткий отрезок времени с сентября 1939 по июнь 1941 гг. в Западной Белоруссии активизировались те процессы, которые привели к образованию новых межэтнических объединений. Баланс межэтнических отношений, существовавших до 1939 г. в Западной Белоруссии, был нарушен, установилась новая система взаимоотношений этнических групп, отвечающая новым условиям жизни.

Как правило, потенциально конфликтными являются взаимоотношения этнических групп по таким признакам, как «коренное – некоренное» население, «большинство – меньшинство», «титупьное – нетитупьное» население. Для Западной Белоруссии в период советизации основной фронт межэтнического противостояния проходил в другой плоскости. Титупьное население – белорусы – являлось достаточно пассивной массой с относительно низким уровнем этнополитического сознания. Белорусское население – буферная этническая группа – являлось промежуточной, ослабляющей столкновения между враждующими этническими группами евреев и поляков прослойкой. В период советизации позиции несамостоятельной и инертной в политическом отношении белорусской группы эволюционировали в направлении от евреев к полякам.

Отношения между этническими группами, в первую очередь между поляками и евреями, начали приобретать конфликтный характер. Обострение отношений объясняется тем, что на территории Западной Белоруссии с установлением советской власти формально сложились условия для формирования «равностатусного контакта» между этническими группами, то есть был ликвидирован этнический приоритет польской группы. Для того чтобы «равностатусный контакт» стал привычным для всех групп населения, требовалось длительное время, особенно для польской группы. Тем более, что действовала политика двойных стандартов, и поляки чувствовали угрозу своей этнической безопасности как со стороны советского государства, так и со стороны местного населения. Адаптация поляков к этой ситуации была болезненной, реакцией на нее стала гиперболизация этнического сознания, а гиперидентичность всегда повышает уровень интолерантности в межэтнических установках. Снижение этнотолерантности привело к закреплению негативных этностереотипов в отношении еврейской и отчасти белорусского населения.

Разнообразие межэтнических контактов, неоднозначность, неровность, изменчивость характера межэтнических отношений в различных регионах, в городской и сельской местности, в разных сферах жизни позволяет говорить о мозаичности межэтнической ситуации в Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Наблюдались две противоположные стороны

межэтнических отношений: взаимное притяжение и взаимное отталкивание. При том, что происходило усиление межэтнической напряженности между евреями и поляками на идеологической почве, а также рост антисемитских настроений, нельзя преувеличивать значение этой тенденции. Межэтнические отношения в этот период не следует полностью сводить только к нарастанию противоречий – значительная часть белорусского, польского, еврейского населения продолжала сохранять добрососедские отношения, основанные на взаимном уважении и поддержке. Определенная межэтническая дисгармония в общественно-политической сфере уравновешивалась общей вынужденной заинтересованностью этнических групп в мирном сосуществовании. Полной изоляции этнических групп в Западной Белоруссии не произошло, сохранялись традиции этнического симбиоза, т.е. взаимовыгодного альянса, что наиболее типичным было для сферы жизнеобеспечения. Прагматизм межэтнических отношений являлся своеобразной стратегией выживания в условиях тоталитарного режима.

Несмотря на кажущуюся окончательность решений Рижского мирного договора 1921 г., советское государство, уступившее Польше часть белорусских и украинских земель под давлением неблагоприятных обстоятельств, не теряло надежды вернуть утраченные территории и ждало подходящих для этого условий. В 1939 г. такой момент настал, и снова, как во времена разделов Речи Посполитой, актуальным стал девиз Екатерины II «отторженное возвратих».

После ввода частей РККА в Западную Белоруссию, что, бесспорно, может быть расценено как нарушение ранее принятых польско-советских соглашений и оккупация польской территории, Советский Союз предоставил населению занятых земель определить их дальнейшую судьбу (заметим, что в 1921 г. польское государство не рискнуло пойти на столь демократичный шаг). Не будем отрицать того, что отчасти проведение Народного собрания в Белостоке было умело срежиссированным спектаклем, депутаты ангажированы, а его решения подготовлены и утверждены Кремлем. Но можно ли представить себе иной вариант развития событий, принимая во внимание, что польского государства уже не существовало, а ближайшие перспективы для западных областей Белоруссии сводились к альтернативе: попасть под немецкую оккупацию или войти в состав СССР? Народное собрание озвучило единственно возможный выбор жителей Западной Белоруссии.

Социалистические преобразования, развернутые в западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг., на первый взгляд впечатляют многовекторностью, охватом различных, как магистральных, так и периферийных областей жизнедеятельности. Но, несмотря на масштабы работ по советизации западных областей Белоруссии, они коренным образом не изменили образа жизни большей части населения. Главное, на что были направлены усилия советского руководства – на подготовку арены будущих военных действий (передислокация войск, укрепление оборонительных рубежей, обеспечение безопасности новой границы и прилегающих к ней территорий). Именно военно-стратегические цели обусловили репрессии в отношении политически неблагонадежных групп населения. Остальные мероприятия советской власти на территории Западной Белоруссии были достаточно поверхностны и декоративны (в первую очередь это касается коллективизации).

Тем не менее, советизация западных областей Белоруссии происходила достаточно болезненно, сопровождалась ломкой прежнего и утверждением нового жизненного уклада, внедрением новых норм поведения, быта и морали. Жители западных областей Белоруссии по-разному относились к тем изменениям, которые начались с установлением советской власти. При внешне идиллической картине массовой поддержки советской власти, здесь хватало критически и враждебно настроенных по отношению к ней людей.

Одним из незапланированных советской властью последствий советизации Западной Белоруссии стало реструктурирование системы межэтнических отношений, изменение характера межэтнического взаимодействия. Вчерашняя элита – польская группа – не выдержала своего рода культурный шок, испытываемый даже не столько от падения своего статуса, сколько от роста престижности еврейской группы. Посттравматический синдром польской диаспоры от потери государственности и влияния в обществе привел к нарастанию этномобилизационных процессов в среде поляков и неизбежно способствовал снижению адекватности восприятия остальных этнических групп, распространению ксенофобных реакций. Польско-еврейский межэтнический конфликт того периода был, на наш взгляд, в действительности не настолько глобальным и острым, как это запечатлелось в исторической памяти поляков. События 1939–1941 гг. способствовали увеличению психокультурной этнической дистанции между поляками, с одной стороны, и евреями и белорусами – с другой стороны, что имеет определённые отзвуки и на современном этапе развития межэтнических и межгосударственных отношений.

Список цитированных источников и литературы

1. Gnatowski, M. W radzieckich okowach. (1939–1941). Studium agresji 17 wrzesnia 1939 i radzieckiej polityce w regionie lomzynskim w latach 1939–1941. Lomza, 1997. Czesz II. Dokumenty i materialy. – D-t nr. 50. – S. 101; d-t nr 55. – S. 108; d-t 61.
2. Zachodnia Bialorus. 17.IX.1939–22.VI.1941. Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. D-t nr. 24. S. 126, 127. 59; III. D-t nr. 3. S. 84; V. D-t nr. 1.
3. Wrzesien w relacjach i wspomnieniach. – Warszawa, 1989. – D-t nr. 507, 508.
4. Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego w Warszawie (AZIH), zespol 301, wojewodstwo Bialostockie, 2269, 1266, 1276; Levin D. The Lesser of Two Evils. Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939-1941. – Philadelphia-Jerusalem, 5755/1995.
5. AW-HI, wojewodstwo Poleskie, powiat Pinsk, 130.162. – Relacja nr. 9305; powiat Pruzana, 135.168. Relacja nr. 674; wojewodstwo Wilenskie, powiat Dzisna, 31.184. – Relacja nr. 9027.
6. Zachodnia Bialorus. 17.IX.1939–22.VI.1941. Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939 / Red. nauk.: V. Gronek, G. Knatko, M. Kupiecka. – Warszawa, 1998. D-t nr. 35.
7. Подробнее о проблеме беженцев см.: Розенблат, Е.С. Чуждый элемент: еврейские беженцы в Западной Белоруссии глазами советской власти. 1939–1941 гг. // История и культура российского и восточно-европейского еврейства: новые источники, новые подходы: Сб. научных статей / Под ред. О.В. Будницкого. – М.: Дом еврейской книги, 2004. – С. 333–361.
8. Lukas R. The forgotten Holocaust. The Poles under German occupation. 1939-1944. The university press of Kentucky.1986, P.127, 128; Siemaszko Z. W sowieckim osaczeniu. 1939–1943. – Londyn, 1991.
9. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Ф. 222. – Оп. 1. – Д. 1а.
10. ГАБО. – Ф. 2223 «П». – Оп. 1а. – Д. 10.
11. ГАБО. – Ф. 7581 «П». – Оп. 1. – Д. 76.
12. ГАБО. – Ф. 7050. – Оп. 26. – Д. 86.
13. ГАБО. – Ф. 6 «П». – Оп. 1а. – Д. 7.
14. ГАБО. – Ф. 2227 «П». – Оп. 1а. – Д. 22.
15. Филиппов, С.Г. Деятельность органов ВКП(б) в западных областях Украины и Белоруссии в 1939-1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. –М., 1997.
16. ГАБО. – Ф. 7580 «П». – Оп. 1. – Д. 30.
17. ГАБО. – Д. 26.
18. Розенблат Е. Евреи в системе межнациональных отношений в западных областях Беларуси. 1939–1941 гг. // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – Białystok. 2000. – № 13. S. 102.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС КОНЦЕПЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ / ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Савчук Т.П.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

По данным ряда социологических исследований большинство граждан Беларуси главным событием прошлого столетия назвали Победу в Великой Отечественной войне [13]. Война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, во-первых, потому, что эта память связана с историей каждой семьи, поскольку это событие затронуло самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило будущее всего мира, и поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли этой войны в истории всего человечества [15]. В-третьих, историческая память про победу в Великой Отечественной войне, как справедливо утверждает директор Института социологии НАН Беларуси И.В. Котляров, «выступает структурообразующим элементом духовного состояния белорусского народа, фактором его сплочения и мобилизации на преодоление существующих проблем, на решение насущных экономических, социальных и политических задач» [8, с. 133]. В связи с этим актуальность темы памяти о войне не вызывает сомнений. Целью представленного исследования является анализ концептуальных подходов к проблеме военной памяти, а также рассмотрение основных сущностных характеристик процесса мемориализации.

Научная постановка обозначенной тематики связана с разработками зарубежных исследователей второй половины XX–начала XXI в. [18, 19]. Последние годы дискуссии вокруг памяти о Великой Отечественной / Второй мировой войне широко аккумулируются в российской интеллектуальной среде, результатом которых явилось внедрение самостоятельных междисциплинарных проектов, производящих значительные в своём роде результаты [1, 2, 12, 14]. Что касается отечественной гуманитарной науки, то приходится, к сожалению, констатировать отсутствие серьёзных достижений в данном направлении. Тема памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси представлена в ограниченном количестве отдельных публикаций [6, 9, 10, 11], которые, в основном, отражают те или иные формы увековечения памяти в некоем материальном или духовном, субстрате, что является конечным этапом процесса мемориализации. Вместе с тем, немаловажным является то, что научные исследования в области исторической памяти были объявлены одним из приоритетных направлений в деятельности Института исторических исследований Беларуси (ИИИБ) [7], который был создан в Европейском гуманитарном университете (ЕГУ) в 2007 г. Несомненна значимость проекта «Женщины. Память. Война», реализуемого Центром гендерных исследований ЕГУ [5]. Определённый интерес при рассмотрении данной проблемы представляют публикации белорусского социолога А.Л. Ластовского, отражающие те или иные аспекты темы исторической памяти в Беларуси [13]. В связи с этим можно полагать, что определённые предпосылки для развития исследований в области военной памяти в нашей стране всё же заложены.

В литературе, посвященной анализу мемориальной культуры, выделяют два подхода: культуральные исследования (cultural studies) и исследования военной памяти (war memory studies). В первом случае мемориализация рассматривается как совокупность символов и практик, формирующих значение мемориализируемого события. Во втором – содержание, структура и элементы мемориальной культуры зависят от того, как определяется память о войне. Теоретические основы исследования исторической памяти были заложены в работах французского социолога М. Хальбвакса [17]. Он трактовал историческую память через понятие коллективных представлений. Необходимо подчеркнуть, что М. Хальбваксом была оформлена ещё одна важная категория – понятие «коммеморации» (commemoration). Им определяются все многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом [4].

Таким образом, речь идёт о памяти в отношении реального исторического события, разделяемой многими членами социальной группы и запечатлённой в меняющемся объёме культурных символов, которые понятны и значимы для членов этой группы. В настоящее время в исследованиях военной памяти выделяют: государственно ориентированный, личностно ориентированный и объединительный подходы к памяти о войне. В государственно ориентированном подходе память о войне понимается как политический феномен, инструмент строительства нации. Сторонники личностно ориентированного направления рассматривают военную память как явление индивидуальное, результат личной утраты, травматической реакции личности на смерть близких. В этом подходе психологическая травма личности (или коллективная травма представителей причастных к событию групп) определяет формы мемориализации войны. Однако современные исследователи памяти более склонны к развитию третьего – объединительного – направления. В этом подходе строится многомерная модель анализа памяти о войне, репрезентацию которой одновременно определяют структурные условия функционирования общества (политика государства) и «чувства» отдельных людей и социальных групп, пострадавших от войны [3].

Одно из направлений объединительной парадигмы разрабатывают французские исследователи памяти, к примеру, П. Нора, который развил идеи М. Хальбвакса [16]. В работах представителей данного направления память о войне определяется как конструируемый, контекстуальный феномен – «место памяти» (понятие П. Нора), значение которого выкристаллизовывается в ритуале коммеморации. «Коммеморация определяется как процесс, который мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события, содержит в себе социальное и культурное видение памяти о коммеморативном событии, [...] служит выражением солидарности группы» [3]. Такой подход, на наш взгляд, должен применяться в ходе исследования мемориальной культуры Великой Отечественной войны в Беларуси, которая является как конструируемым, так и структурно обусловленным феноменом, зависящим от политики государства в отношении войны, а также от позиции участников коммеморации.

Не менее важной проблемой в контексте рассматриваемой темы является вопрос о границах репрезентации войны. В частности, относительно проблемы Холокоста среди ряда зарубежных исследователей популярным является тезис о том, что Холокост выходит за пределы репрезентации. Никакие возможности выражения, доступные современному человеку – научные, художественные, религиозные или какие-либо иные, – не способны передать опыт жертв. Эта идея как нельзя лучше отражена в знаменитом афоризме Теодора Адорно – «Варварство писать поэзию после Аушвица» [12, с. 128–129]. В связи с этим имеют место сомнения о возможности, а вместе с тем и необходимости репрезентации войны во всём комплексе её трагедии и героизма, многогранности проявления «человеческого» и «нечеловеческого», сложности и разнообразия военной повседневности. Разница двух подходов, усилившаяся со сменой поколений, воспроизводит динамику чувств самих жертв войны. В связи с этим исследователь культурной памяти А. Эткнд приводит следующий пример. Писатель П. Леви, выживший в Аушвице, заметил, что если бы его спросили сразу после освобождения, что он хотел бы сделать с лагерем, он ответил бы: «Сотрите его с лица земли вместе с нацизмом и немцами», – но теперь, сорок лет спустя, он предпочёл бы, чтобы на том месте стоял бы «предупреждающий монумент» [12, с. 131]. Относительно проблемы выражения памяти о войне немаловажным нам представляется то, что для всех жанров памяти, профессиональных и популярных, важно соблюдать некие этические и политические нормы. В частности такие, как стремление к объективности, уважение к чужому горю, чувство такта в отношении к современникам и потомкам.

Составной частью процесса мемориализации как совокупности механизмов сохранения и передачи памяти являются формы репрезентации памяти. Культуролог А. Эткинд, рассматривая структуру исторической памяти, проводит компьютерную аналогию, различая твёрдую и мягкую память (hardware and software). Твёрдая память хранится в делящемся во времени материальном субстрате – прежде всего в памятниках и других долгосрочных материалах. Государственные акты, юридические решения, географические названия тоже несут в себе долговременную память. Мягкая память имеет текстуальный характер и хранится в текущем публичном дискурсе. Принципиальное значение имеют не отдельные формы памяти, а взаимодействие между ними. Собственно функцию памяти играют не сами памятники, а написанные на них тексты. Тексты же без памятников эфемерны и требуют закрепления в некоем материале. Кроме того, разные формы памяти связаны с разными политическими институтами. Мягкая память не зависит от государства и полностью принадлежит гражданскому обществу. С другой стороны, носители твёрдой памяти находятся под контролем государства. Подобно тому, как координация различных ветвей власти является условием их функционирования, так и взаимодействие разных форм памяти является залогом их нормального развития [12, с. 145–165].

Таким образом, память о Великой Отечественной / Второй мировой войне представляет собой уникальное социальное и культурное явление. Эта память может передаваться от поколения к поколению посредством различных символов и практик, составляющих сложный процесс мемориализации. Она воплощена в различных формах в литературе, кинематографе, музыкальных произведениях, монументальных мемориалах и архивах, устных и письменных свидетельствах и неправительственных и неправительственных организациях и, наконец, в средствах массовой информации. Сохранение (забвение) памяти о Великой Отечественной войне напрямую зависит от участников коммеморации: политики государства и отдельно взятого человека, социальной группы, общества.

Список цитированных источников и литературы

1. Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сб. ст. / Центр совр. культ.-ист. исслед-й; редкол.: И. В. Нарский [и др.]. – Челябинск, 2004. – 544 с.
2. Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления / гл. ред. Е. С. Сенинская. – М.: Рос. полит. энцикл., 2005. – 464 с.
3. Данилова, Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) / Н. Данилова // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2–3 (40–41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/dan17-pr.html>. – Дата доступа: 02.12.2008.
4. Дахин, А.В. Исследования социально-исторической памяти: философия, история, социология / А.В. Дахин // Вестник ВВАГС [Электронное издание]. – 2009. – № 1. Режим доступа: http://nauka.vva.gs.ru/index.php?name=art&art_id=135. – Дата доступа: 02.08.2010.
5. Женщины. Память. Война [Электронный ресурс] / Центр гендерных исследований. Европейский гуманитарный университет. – Минск, 2006–2007. – Режим доступа: <http://www.gender-ehu.org/project.htm>. – Дата доступа: 05.03.2010.
6. Журавков, М.А. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв фашизма в учебно-воспитательном процессе в учреждениях образования / М.А. Журавков // Великая Победа: героизм и подвиг народов: материалы Междунар. научн. конф (Минск, 28–29 апреля 2005 г.): в 2 т. / Ин-т истории НАН Беларуси; редкол.: А.А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2006. – Т. 2. – С. 175–178.
7. Институт исторических исследований Беларуси [Электронный ресурс] / Европейский гуманитарный университет. – Минск, 2006–2007. – Режим доступа: http://www.chu.lt/science/research_centers/historical_research_belarus/. – Дата доступа: 02.08.2010.

8. Катляроў, І.В. Памяць аб Вялікай Айчыннай вайне – свяшчэнная / І.В. Катляроў // Польшча. – 2009. – № 7. – С. 132–135.
9. Коваленя, А. Памятнікі,obelіскі, меморіалы / А. Коваленя // Беларуская думка. – 2007. – № 6. – С. 4–11.
10. Коваленя, А.А. Памяць о героической борьбе советских людей в годы Великой Отечественной войны – бессмертна / А.А. Коваленя // 1941 г.: трагедия, героизм, память: материалы Междунар. науч. конф., посв. 65-й годовщине нач. Великой Отечеств. войны, Брест, 22–23 июня 2006 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории НАН Беларуси; редкол.: М. Э. Чесновский [и др.]. – Брест, 2007. – С. 15–28.
11. Козак, К.І. Мемарыялізацыя вайны: сацыяльныя аспекты / К.І. Козак // Другая сусветная вайна: новыя аспекты даследаванняў: матэрыялы міжнароднага навуковага семінара 1 верасня 2003 г., Мінск; адк. рэд. В. Ф. Балакіраў. – Мінск: НАРБ, 2004. – 208 с.
12. Культуральныя ісследаванні: сб. науч. работ / Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; под ред. А. Эткінда [и др.]. – СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2006. – 528 с.
13. Ластовский, А. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Ластовский // Полит.ру [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: [29http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html](http://www.polit.ru/research/2010/07/19/belorus.html). – Дата доступа: 02.08.2010.
14. Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – 2005. – № 2–3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/>. – Дата доступа: 02.12.2008.
15. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история [Электронный ресурс]. – 2000. – № 4. – Режим доступа: – <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>. – Дата доступа: 17.02.2010.
16. Франция-Память / П. Нора [и др.]; пер. с фр. Д. Хагаевой. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – 328 с.
17. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с франц. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 346 с.
18. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – № 41. – P. 179–197.
19. Mitscherlich, M. and A. The Inability to Mourn / M. and A. Mitscherlich. – New York: Grove, 1975. – 322 p.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЛАСТЕЙ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ УНИИ В ФОРМЕ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСТВА ИЗ ГАЛИЦИИ В 1921–1931 гг.

Свирид А.Н.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Западная Беларусь по условиям Рижского мирного договора вошла в состав возрождённого польского государства – Второй Речи Посполитой. На территории Западной Беларуси в период 1921–1939 гг. было сделано несколько попыток распространения униатства. Одна из попыток была связана с деятельностью греко-католической церкви Галиции, которая вела своё начало с Брестской унии 1596 г. Однако Рим и польский римско-католический епископат готовили на белорусских землях распространение униатства

в другой форме: не в форме имеющего в своей основе римско-католическую догматику греко-католичества, а в форме католической церкви византийско-славянского обряда, которой (за исключением догмата о непогрешимости папы в делах веры) была оставлена восточная православная догматика, и именно эту форму историки позже назовут «неоуния». Попытка реализации проекта распространения неоунии в Западной Беларуси приходится на 1924–1939 гг. Всё это время иерархия греко-католической церкви в Галиции активно пыталась развернуть на белорусских землях миссионерскую работу.

Иерархия греко-католической церкви Галиции во главе с митрополитом Андреем Шептицким предпринимала попытки распространения унии среди белорусов ещё до того, как Западная Беларусь оказалась в составе Второй Речи Посполитой. Львовского митрополита не останавливало то обстоятельство, что Львов в то время находился за пределами Российской империи, в составе Австро-Венгерской монархии. Но российские власти и польские национальные круги также приложили усилия, чтобы этот проект не был реализован [1, с. 86].

В феврале 1908 г. папа дал митрополиту большие полномочия, которые также распространялись на территорию Беларуси, он получил права и достоинство бывших киевских митрополитов в отношении к существовавшим ранее в границах Речи Посполитой униатским епархиям. Он мог назначать генеральных vikариев, епископов и экзархов [2, с. 24]. В марте 1909 г. галицкий митрополит написал послание к белорусам, в котором именовал себя администратором архиепархий Полоцкой и Смоленской и епархий Витебской, Мстиславской, Мипской, Туровской, Пинской и Брестской, Владимирской, Оршанской. В этом послании он призвал поддерживать унию «до смерти, а в случае необходимости и жизнь отдать за Веру...» [3, с. 11].

Новые шаги были предприняты с началом Первой мировой войны. А. Шептицкий не без оснований считал, что после её окончания условия будут иными, и посвятил в 1914 г. И. Боцяна в сан епископа [4, с. 2]. В подготовленной на пергаменте хиротонизационной грамоте митрополит дал ему полномочия над всеми униатскими епархиями, которые были упразднены в 1839 и 1875 гг.: Полоцкой, Смоленской, Владимиро-Волынской, Холмской, Туровской, Пинской, Брестской и Луцкой [5, с. 132].

В мае 1920 г. А. Шептицкий получил письмо от уполномоченного представителя правительства БНР Леона Дубейковского с просьбой о помощи в возрождении унии, которую считал национальным белорусским вероисповеданием [6, с. 136, 165].

Однако с установлением власти польского государства ситуация стала меняться коренным образом. Епископ И. Боцян встретил содействие со стороны австрийских военных властей, Люблинского генерал-губернатора Ст. Шептицкого и сопротивление со стороны поветовых старост польской национальности. Польские власти дали И. Боцяну прямое указание вернуться во Львов.

24 февраля 1921 г. А. Шептицкий получил из Рима от Конгрегации по делам восточных церквей уведомление о подтверждении полномочий И. Боцяна. Польское правительство предприняло соответствующие шаги через посольство при Ватикане. Весной 1921 г. посол Ян Ковальский был принят по вопросу, связанному с Луцкой епархией, кардиналом Пьером Гаспарри. Ватиканский секретарь сообщил послу, что назначение И. Боцяна было канонически правомочным, но, сославшись на слова папы, отметил, что, учитывая исключительность ситуации и просьбы польского правительства, издано распоряжение, чтобы И. Боцян не совершил, ни одного юридического акта. Этот ответ не удовлетворил в полной мере польские власти, и Ватикан под давлением польского правительства назначил И. Боцяна в 1925 г. суффраганом митрополита А. Шептицкого [7, с. 179–180]. Основание луцкой епархии было воспринято польскими властями отрицательно, и польское правительство не дало на неё согласия [8, с. 231–232].

Но Галицкий митрополит не ограничился единичной акцией, связанной с И. Бояном. Есть все основания считать, что А. Шептицкий вёл широкую и систематическую работу по распространению унии на территории к северу от Львовской, Станиславской и Пшемысльской епархий.

Какие же причины вынудили польское правительство по вопросу распространения греко-католицизма за пределами Галиции занять позицию, отличную от той, которую занимали немецкие власти?

Во-первых, польские власти опасались, что распространение данного вероисповедания вызовет рост украинских национальных настроений, что воспринималось как серьёзная угроза польской национальной политике. Польское правительство отчётливо сознавало значение восточных территорий, отошедших по Рижскому миру, для будущего государства, поставив задачу их культурной ассимиляции. Эта политика находила воплощение в конкретных решениях и действиях, в том числе и в религиозном вопросе. Автономизация греко-католической провинции могла быть шагом в сторону политической автономии Галиции [9, с. 96]. Более того, польское правительство предполагало, что деятельность сторонников возрождения унии будет развиваться в сотрудничестве с украинскими организациями, выступающими за независимость, особенно, если принять во внимание, что часть греко-католического духовенства была враждебно настроена по отношению к польскому государству и боролась за освобождение Украины от польского господства.

Во-вторых, польские власти опасались, что православное население воспримет миссионерскую деятельность греко-католической церкви как покушение на своё вероисповедание и провокацию со стороны правительства. Внутренняя борьба, развернувшаяся в православной церкви на Волыни между сторонниками украинской и русской ориентации, могла в новой ситуации объединить оба этих течения под антипольскими лозунгами защиты православия, увлекая за собой массы верующих.

В-третьих, внешнеполитическая ориентация Галицкого митрополита не соответствовала чаяниям правящих кругов Второй Речи Посполитой. А. Шептицкий до начала Первой мировой войны был известен проавстрийскими симпатиями, а после её окончания считал, что Силезия должна принадлежать к немецкому государству. Польско-украинский конфликт в Галиции и антипольская позиция в нём А. Шептицкого так же не могли положительно сказаться на отношении правительства. В ноябре 1920 г. греко-католическим духовенством был направлен в Рим «Мемориал украинского посольства к папе Бенедикту XV», который содержал информацию об аресте властями 612 греко-католических священников, 46 монахов-базилиан, разграблении монастырей в Крехове и Жовкве. Попытки униатской церкви апеллировать к Апостольской столице в вопросе разрешения недоразумений с властями вызвали недовольство последних. Поэтому с 1921 г. польские власти заботились о том, чтобы в Ватикан поступала информация обо всех случаях, которые могли дискредитировать греко-католическую церковь и А. Шептицкого в глазах Апостольского Престола [10, с. 119].

Но открыто преследовать греко-католиков польское государство не могло, так как не желало портить отношения с Ватиканом и поэтому особое внимание обращало на то, чтобы не допустить распространения влияния греко-католической церкви за пределами Восточной Галиции [11, с. 21–22].

Очень многое в данной ситуации зависело от того, какую позицию займёт Ватикан и римо-католический епископат Польши.

Первоначально люблинский римо-католический епископ, а затем и остальные епископы Второй Речи Посполитой стали трактовать греко-католическую церковь как

институт, вредный для польской государственности [12, с. 152]. Так, люблинский епископ М. Фульман в конце 1918 г. отказал греко-католическим священникам из Галиции в праве ведения пасторской деятельности. В феврале 1919 г. он ответил А. Шептицкому, что не признаёт его юрисдикции в границах подначаленной ему епархии, отметив, что разрешить спор может единственно Апостольская Столица, которая должна назначить А. Шептицкого апостольским администратором для бывших униатских епархий в Польше и России. Польские епископы на съезде в Варшаве в марте 1919 г. обратились к папскому нунцию с просьбой об авторитетном совете. Ответ был дан на съезде епископата в Гнёзно в августе 1919 г. Папский документ утверждал, что епископы латинского обряда в епархиях, в которых нет епископов восточного обряда, имеют юрисдикцию над верующими восточного обряда, но с оговоркой, что они должны заботиться об удовлетворении потребностей униатов *habita racione cultus et linguae eorum*. Данное решение римского папы разрешало вопрос компромиссным путём: с одной стороны, Ватикан подтвердил юрисдикцию над униатами за пределами Восточной Галиции латинских епископов, с другой стороны, обязал их оставить униатам восточный обряд, а так же традиционный литургический язык.

Польские власти приняли с удовлетворением такой оборот дела и стали на позицию, что папское решение распространяется на всю территорию Речи Посполитой, в том числе и на территорию Волыни и Западной Беларуси.

Верующие греко-католики на территории Западной Беларуси должны были подчиняться римо-католическим епископам. Даже если в прошении, какое, например, подали жители гмины Сидорки Бельского повета в 1921 г., прямо говорилось, что верующие хотят подчиниться «униатскому епископу во Львове» [13, с. 57], костёльные и государственные власти не допускали этого. Подляшский епископ Г. Пшездзецкий отнёсся к желанию жителей перейти в унию положительно, но не спешил передавать их в юрисдикцию А. Шептицкого.

Польскому правительству удалось достичь поставленной цели: не допустить деятельности греко-католического духовенства за пределами Галиции, благодаря тому, что римо-католические епископы не менее решительно, чем государственные власти, сопротивлялись допуску в их епархии униатских священников из Львовской, Станиславской и Пшемьшльской епархий. Основными причинами такого отношения со стороны римо-католической иерархии были:

1. Нежелание делить юрисдикцию на территории подначаленных им епархий с подчиняющейся непосредственно Риму иерархией греко-католической церкви. А. Шептицкий не скрывал, что его целью было выведение греко-католических епархий из организационной структуры польского костёла и создание на этой территории отдельной провинции, подчинённой Ватикану с признанием митрополита как примаса.

2. Часть латинского духовенства на восточных территориях Второй Речи Посполитой считала не только православную церковь, но и восточные обряды католической церкви чем-то худшим, второсортным.

В качестве повода для отказа было выдвинуто положение, что греко-католические священники, будучи женатыми, непригодны к тяжёлой миссионерской работе, потому что не способны к большим жертвам, а также, что консервативное православное население не примет католицизма в греко-католической версии вследствие наличия в нём латинских элементов [14, с. 408].

Список цитированных источников и литературы

1. Latysonek, O. Unia a białoruski ruch narodowy od połowy XVIII do połowy XX wieku // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / pod redakcją Andrzeja A. Zięby / – Kraków: Nakładem polskiej Akademii Umiejętności, 1994.

2. Rzemieniuk, F. Kościół katolicki obrządku Bizantyjsko-Słowiańskiego (Neounia). – Lublin: Towarzystwo Naukowe katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1999.
3. Новік, М. Ліст мірапаліта Андрэя Шаптыцкага да беларускага народу // Царква. – 2001. – № 3 (30).
4. Німчук, І. В. Памяти епископа-громадянина. З приводу смерти еп. Д-ра Боцяна // Діло. – 1926. – 2 грудня.
5. Korolevski, C. Metropolite Andre Szeptycky, 1865–1944. – Roma: Esse-Gi-Esse, 1964.
6. Митрополит Андрей Шептицкий: Життя і Діяльність. Церква і Церковна єдність. Документи і Матеріали 1899–1944. – Львів: Монастир Монахів Студийського Уставу Видавничий Відділ «СВІЧАДО», 1995.
7. Mróz, M. Działalność unijna metropolity Andrzeja Szeptyckiego w Rosji i w Polsce w latach 1917-1922. // Metropolita Andrzej Szeptycki. Studia i materiały / pod redakcją Andrzeja A. Zięby – Kraków: Nakładem polskiej Akademii Umiejętności, 1994.
8. Цыгин, В. История русской церкви 1917–1997. Книга девятая. – М: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997.
9. Prus, E. Władysław Świątowski. Rzecz o arcybiskupie Andrzeju Szeptyckim. – Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1985.
10. Василь, А. Політика польської адміністрації у ставленні до української греко-католицької церкви (20–30 рр. ХХ ст.) // Берестейська унія (1956-1966). Статті і матеріали. / ред. колегія М. Гайковскі, В. Гаюк, О. Гринів, Д. Дашкевіч, Л. Моравська. – Львів: Логос, 1996.
11. Генік, М. Канцєпцыя неауніі ў рэлігійнай палітыцы Польшчы // Брэсцкая унія 1596: гісторыя і культура. – Брэст: Бацькаўшчына, 1996.
12. Stepien, S. Nowa unia kościelna w – obrządek bizantyjsko-słowiański. // Polska – Ukraina. 100 lat sąsiedztwa / pod. red. S. Stepienia. – T. 2. – Przemyśl: Południowo-Wschodni Instytut Naukowy w Przemyślu, 1994.
13. Архив актов новых в Варшаве, МWRiOP, syg. 392.
14. Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1989.

ПЛАНЫ И СИСТЕМА РЕАЛИЗАЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Соколова Е.А.

УО «Белорусский государственный университет», г. Минск

В планах фашистской Германии по установлению мирового господства важнейшее место занимало экономическое ограбление завоеванных стран и народов. Характерно, что по мере приближения сроков фашистского вторжения в пределы СССР возрастал поток приказов и инструкций о проведении политики тотального разграбления экономического потенциала захваченных территорий.

Тщательно разрабатывалась и система деятельности структур оккупационной власти. Во главе с Розенбергом было учреждено центральное политическое бюро для изучения «восточных проблем». Позднее на его основе образовалось «Министерство по делам оккупированных областей на Востоке».

На важнейшие посты и в органы оккупационной администрации заранее подбирался и готовились специальные кадры. 16 января 1941 г. Гитлер издал специальный указ о создании корпуса руководителей управлений в будущих оккупированных восточных областях [2, с. 99].

В состав плана «Барбаросса» входил экономический раздел под кодовым названием план «Ольденбург». Основные его идеи были заложены в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях», в так называемой «Зеленой папке Геринга». «Директивы» первоначально регламентировали порядок руководства хозяйством занятых фашистскими захватчиками районов Советского Союза, находящихся под военным управлением. Указом Геринга от 3 июля 1941 года предписания «Зеленой папки» объявлялись обязательными и для оккупированных восточных областей, переданных гражданскому управлению. В ходе войны «Зеленая папка» дополнялась различного рода приказами, инструкциями и распоряжениями высших фашистских чиновников и военного руководства. Для экономического ограбления и эксплуатации природных богатств оккупированных территорий, помимо экономического штаба «Ост» или «Ольденбург», с огромным штатом специальных команд, инспекций, отрядов для сбора средств производства и сырья было создано центральное торговое товарищество «Восток» и «Герман Геринг», частные немецкие фирмы, монополии, акционерные общества: «Борман», «Шорав-верк», «Требец», «Троль», «Цыгаль и Фоль», «Шляхтгоф» и др. [3, с. 186].

Уже в первые месяцы войны против СССР, 16 июля 1941 года в ставке Гитлера состоялось совещание с руководителями германского рейха о дальнейших целях войны против СССР, где еще раз обговаривалась судьба захваченных советских территорий. «Должно быть совершенно ясно, говорил Гитлер, - что мы из этих областей никогда уже не уйдем». Как будет устроена жизнь на огромных оккупированных территориях, можно было бы еще обсудить и обдумать, но в любом случае они представляли собой «огромный пирог», который следовало «освоить». Для оккупированной страны следует установить три критерия: во-первых, овладеть; во-вторых, управлять; в-третьих, эксплуатировать. Ради этого «мы будем применять все необходимые меры – расстрелы, выселения и т.п.» [14, с. 104].

На следующий день Гитлер подписал два указа. Первый декларировал передачу всей полноты власти над захваченными территориями «Министерству по делам оккупированных восточных областей» во главе с рейхсляйтером Розенбергом. Вторым указом «О полицейской охране оккупированных восточных областей» органам террора и репрессий предоставлялись неограниченные права над населением [14, с. 104].

Окупационная политика предполагала изуверскую систему управления: 1) проведение тотального террора против местного населения; 2) повсеместное разрушение существующих производственных отношений и ограбление населения; 3) пещадная рабско-крепостническая эксплуатация жителей; 4) искоренение существовавшего уклада жизни, фашизация сознания населения.

В своих экономических планах гитлеровцы исходили из того, что оккупированные области необходимо приводить в порядок, как и необязательно их восстановление после бомбовых и артиллерийских разрушений. Исключение отводилось тем отраслям, «в которых можно добыть значительные резервы сельскохозяйственных продуктов и нефти». [11, с.155] Гитлеровский наместник в Белоруссии гауляйтер В. Кубе так определил интересы рейха на Востоке: «Мы прибыли в эту страну с общей директивой управлять ею и поставить ее на службу войне, а также извлечь из этой страны все, что можно извлечь из ее экономической мощи» [3, с. 186].

Для осуществления тотального грабежа оккупированных территорий СССР фашистским руководством была создана разветвленная система хозяйственных органов. Порой они дублировали друг друга, но осуществляли одну и ту же задачу. Общее руководство лежало на экономическом штабе «Ольденбург», именуемом в документах

как экономический штаб «Восток». Функции штаба определялись специальным распоряжением Геринга от 6 сентября 1941 г., в котором подчеркивалось, что хозяйственный штаб «Восток» несет всю ответственность за конфискацию и вывоз сырья из областей, находящихся под управлением военных и хозяйственных органов власти, и насчитывает в своем составе около 10 тыс. чиновников [14, с. 104].

С присущей немецкой педантичностью была разработана структура штаба и система его функционирования. В нем имелось несколько главных групп по важнейшим отраслям экономики.

Так, например, имелась главная группа, ведавшая вопросами изъятия продовольствия для рейха, а в компетенцию промышленной группы входили вопросы обеспечения Германии сырьем, ведение лесного хозяйства, финансовое и банковское дело, торговля.

Немаловажная роль в осуществлении политики ограбления населения отводилась вермахту и военным властям. При полевых штабах постоянно действовали «экономические» отделы. Наряду со снабжением армии они занимались учетом материальных ресурсов, которые предстояло вывезти в Германию. Для реализации этих целей указанным отделам придавались технические батальоны и так называемые рекогносцировочные подразделения по всем видам сырья, машинам, оборудованию. Имелись и специальные подразделения, в обязанности которых входила эвакуация всего награбленного имущества. Для более четкого контроля существовали многочисленные экономические инспекции, входившие в состав экономических отделов. В тыловых районах действующих войск инспекции занимались учетом сырьевых ресурсов, пуском для нужд армии промышленных предприятий и мастерских, принудительными привлечением населения для военных работ (строительства дорог, мостов, фортификационных сооружений).

В полевых военных комендатурах вводились специальные экономические группы. Охранным дивизиям были приданы специальные экономические команды. Эти звенья располагали своими эвакуационными подразделениями и подобно полевым комендатурам специальными «сельскохозяйственными «руководителями», а также техническими специалистами по введению в строй бывших МТС. Всего предусматривалось создать 5 экономических инспекций, 23 экономических комендатуры и 12 внешних служб [10, с. 121].

При рейхскомиссариатах также были созданы соответствующие органы, назначавшиеся вначале военными инспекциями, а впоследствии военно-экономическими инспекциями. Они подчинялись отделу военной экономики и техники и представляли интересы вермахта в этой области, сотрудничая с экономическими отделами рейхскомиссариатов.

Оккупировав территорию Белоруссии, гитлеровские войска реквизируют у населения продовольствие, сельскохозяйственное сырье, скот, птицу, одежду. При этом оккупанты широко применяли насильственные методы. Мародерство и грабеж с первых дней агрессии были возведены в ранг официальной государственной политики.

Грабительские действия фронтовых частей были лишь началом неслыханных разрушений и ограблений. С появлением военно-хозяйственных учреждений штаба «Восток», наряду с открытым грабежом, начали доводиться на каждое село задания по обязательной сдаче зерна, мяса, молока, картофеля и других сельскохозяйственных продуктов в строго установленные сроки. Население, проживавшее на территории генерального округа Белоруссии, обязано было поставить из урожая 1941 года для германского рейха, главным образом для нужд армии, в порядке первого взноса 140 тыс. тонн зерна, 158 тыс. тонн картофеля, 195 тыс. тонн сена, 202 тыс. тонн соломы и т.д. В дальнейшем при доведении планов сдачи сельскохозяйственной продукции оккупанты исходили из того, что каждый район в среднем должен сдать примерно 45000 центнеров хлеба [10, с. 121].

Планомерное ограбление сельского хозяйства велось также путем организации сельскохозяйственного производства на основе применения рабско-крепостнического труда.

На захваченной территории Белоруссии, как и на других оккупированных советских землях, оккупанты планировали реставрировать помещичье-капиталистические порядки в деревне, притом в их наиболее зверских формах эксплуатации. На реализацию данных задач были направлены «аграрные реформы», «законы» немецко-фашистских захватчиков, которые, по их мнению, должны являться надежной гарантией для захвата сельскохозяйственной продукции.

Так, например, 16 февраля 1942 г. оккупационные власти широковещательно объявили о введении «нового порядка» и землепользования, опубликовав за подписью Розенберга специальную декларацию. В ней провозглашалось об отмене всех декретов, законов постановлений Советской власти, касающихся создания, управления колхозами. В самом начале, однако, немцы попытались использовать колхозы, чтобы обеспечить себе более быстрое и систематическое поступление сельскохозяйственной продукции.

В декларации, наряду с сохранением колхозов, созданием общинных хозяйств, предусматривалось также и единоличное землепользование, организация земледельческих товариществ, создание хуторов, отрубов и т.п. Дальнейшее развитие системы землепользования оккупанты видели в постепенном переходе от общины к товариществу по совместной обработке земли, а от него к единоличному хозяйству [2, с. 108]. Безусловно, этих обещаний никто не воспринимал, потому что даже те, кто, может быть, и соблазнились на подобные посулы, в конечном счете, поняли, что немцы хотят лишь выиграть время и вывезти в Германию побольше добра.

В целом деятельность экономического руководства штаба «Восток» и его оперативных органов в значительной степени определялась требованиями вермахта. По этому поводу в «Зеленой папке Геринга» подчеркивалось, что «экономические служебные инспекции находятся в распоряжении командных инстанций вермахта, в интересах которых они действуют по удовлетворению срочных потребностей войск. Во время проведения операций являются преимущественными перед прочими экономическими задачами» [16, с. 65]. Из этих требований видно, какое значение придавалось влиянию военных органов управления на деятельность штаба «Восток». Было установлено, что все его распоряжения направлялись непосредственно по военной командной линии через начальника тыла сухопутных войск, который, в свою очередь, оформлял их соответствующим приказом.

Снабжение вермахта за счет захваченных районов на весь период оккупации становилось важной составной частью грабительской деятельности хозяйственного штаба «Ольденбург», основная роль которого определялась личными контактами и связями, а также частично слиянием с государственно-монополистическими формами капитала, и охватывали не только вопросы военной экономики, но и всей экономики оккупированной территории в целом.

Второй после хозяйственного штаба «Ольденбург» составной частью экономического механизма ограбления оккупированных советских областей являлись так называемые восточные кампании. Деятельность восточных кампаний распространялась до тыловых районов армии, а, следовательно, включала в себя большую часть оккупированной советской территории. Следует сказать, что вся временно оккупированная территория СССР была наштапована различными хозяйственными организациями фашистской Германии, которые, как спрут, высасывали все, что можно было увезти в рейх, не считаясь с нуждами местного населения, обрекаемого на голодную

смерть, что тоже отвечало планам фашистов по уничтожению советских людей. В проведении оккупационной политики оккупантам оказывали помощь созданные ими местные органы управления в лице бургомистров в городах, сельских старост в селах.

Как только стало ясно, что война будет затяжной, экономическое ограбление оккупированных территорий сделалось главной задачей для немцев. Возглавляющий всю эту кампанию Геринг без обиняков заявил: «Я хочу набить мешок и намерен сделать это со всей основательностью». Немецкие планы были обширными: в основе их лежала надежда, что еще до конца 1941 г. все вооруженные силы Германии смогут перейти на продовольственное снабжение за счет России. «Единственная верная политика, - заявил нацистский главарь Борман, - эта та, которая обеспечивает нам максимум снабжения» [2, с. 102].

Вслед за первым эшелонном фронтовых армейских частей на оккупированную территорию Белоруссии широким потоком хлынула целая армия грабителей всех рангов и специальностей. Фашисты стали широко применять метод вызова оборудования сохранившихся предприятий в Германию. Под контролем оккупантов была налажена работа предприятий, которые были крайне необходимы германской армии и оккупационным властям, а также те, с помощью которых можно было организовывать наиболее интенсивную эксплуатацию природных богатств белорусской земли. В подавляющем большинстве пущенные в ход предприятия занимались переработкой некоторых видов сельскохозяйственного сырья и древесины. Наряду с этим создавались различные предприятия местной промышленности, кустарные мастерские, уцелевшие или частично восстановленные важнейшие цехи заводов. В основном они использовались для ремонта поврежденной военной техники, вооружения, подвижного железнодорожного состава. Например, в восстановленных цехах Минского станкостроительного завода, на могилевских авторемонтном, механическом и троллейбусном заводах, на могилевских авторемонтном, механическом и троллейбусном заводах, на витебской фабрике «Знамя индустриализации», на «Гомсельмаше» и ряде других предприятий гитлеровцы ремонтировали поврежденные ткани и автомашины. В мастерских гаража Совнаркома был организован ремонт орудий зенитной и дальнобойной артиллерии. На витебском заводе им. С. М. Кирова производился ремонт стрелкового оружия. Бобруйский механический завод оккупанты использовали для выпуска чугунных печей, осей к телегам. Деревообделочный комбинат выпускал стандартные дома барачного типа, упаковочную тару для боеприпасов, телеги. Пиломатериалы гитлеровцы отправляли в Германию или использовали для строительства военных сооружений. В уцелевших цехах фабрики им. КИМ, завода им. Коминтерна, на игольном заводе производили ремонт автомашин и другой техники. На Минской швейной фабрике оккупанты старались наладить выпуск парашютов, белья, а на обувном и кожевенном заводе делали деревянную обувь. Гитлеровцы стремились использовать для снабжения армии также другие уцелевшие предприятия легкой промышленности [8, с. 158].

Насколько оккупантам удалось в целом использовать производительные силы Белоруссии, можно проследить на примере налаживания деятельности предприятий Минска. В октябре 1941 г. здесь функционировало лишь 39 промышленных предприятий, на которых были заняты 3378 рабочих, в то время как в 1940 году в городе работало 332 предприятия с 40 тыс. рабочих. Однако в результате экономического саботажа и диверсий подпольщиков к осени 1942 года в Минске осталось лишь 10 действующих предприятий. Остальные стояли или были выведены из строя. Примерно такая же картина наблюдалась и в других городах Белоруссии. В Витебске, например,

кроме вышеуказанных, в декабре 1941 г. работала только лесопилка, паровая мельница и при ней небольшая электростанция, в то время как до войны в городе действовали 44 промышленных предприятия с 20,3 тыс. рабочих. В Гомеле, Бресте, Гродно, Орше и других городах основные предприятия бездействовали. Всего в 1942 г. в Белоруссии действовало не более 60 предприятий [8, с. 159].

Политику гитлеровцев по организации эксплуатации народнохозяйственных ресурсов Белоруссии можно, в основном, разделить на три ее этапа. Первый длился с начала оккупации до разгрома немцев под Москвой. Этот этап характерен тем, что основное внимание уделялось безудержному грабежу уцелевших материальных ценностей и налаживанию вывоза их в Германию. Это полностью отвечало целевым установкам гитлеровского руководства. Временами они подтверждались дополнительно, корректировались. Так, на совещании рейхскомиссаров, проходившем в Берлине 6 августа 1941 г., Геринг подчеркнул: «Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние подвластных вам народов, а для того, чтобы выкачать все возможное, чтобы мог лучше жить немецкий народ... При этом совершенно безразлично, скажете вы или нет, что ваши люди умирают с голоду, или они продолжают жить. Я сделаю одно – я заставлю вас выполнять поставки, которые на вас возлагают. И если вы этого не сможете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытравят эти поставки... Я намериваюсь грабить, и, именно, эффективно» [5, с. 252].

Ко второму этапу оккупационной политики германского фашизма следует отнести период с начала 1942 г. до начала наступательных операций Красной Армии на территории Белоруссии. Политическая и военная обстановка в мире в целом и на советско-германском фронте в этот период серьезно изменилась. Гитлеровская армия потерпела колоссальные поражения под Сталинградом и на Курской дуге, противник утратил инициативу в ведении наступательных действий, стал отступать на широком фронте, что заставило оккупантов более осмотрительно и рационально использовать материальные ресурсы, как самой Германии, так и оккупированных ею территорий.

В это время потребности войск, с одной стороны, и уровень производства военной продукции в Германии, с другой, пришли в острое противоречие. Фронт требовал все больше и больше боевой техники и продовольствия, а народное хозяйство Германии не сумело превзойти в этом Советский Союз, особенно в технике – танках, самолетах, артиллерии и авиации. Поэтому вражеское руководство принимало решительные меры, чтобы поправить дела на фронте. От этого зависела судьба не только войны, но и существование самого рейха, в интересах которого при верховном главкомандовании вермахта был срочно создан «Штаб по руководству экономикой «Ост». Экономический штаб «Восток», подчиненный непосредственно Герингу, стал исполнительным органом с ярко выраженным военным характером.

С осени 1943 г. командование группы армий «Центр» в хозяйственном отношении подчинило себе генеральный округ Белоруссия. Вместо распухшей хозяйственной инспекции группы армий «Центр» в ноябре 1943 года был создан хозяйственный штаб группы армий «Центр». Его возглавил генеральный комиссар фон Готтберг. Его заместителем стал бывший руководитель хозяйственной инспекции группы армий «Центр» генерал-майор Нагель [16, с. 98]. Фактом стало теснейшее сотрудничество гражданской и военной администрации по выкачиванию материальных ресурсов для рейха и армии. Командованием вермахта Белоруссия рассматривалась как основной источник обеспечения продовольствием и другими материалами для нужд группы армий «Центр».

В указанный период еще более усилилось ограбление оккупационными властями временно захваченных земель Белоруссии. В крупных городах, рабочих поселках и во

многих сельских районах начался настоящий голод. На проходившем в Орше весной 1943 г. совещании штаба войск группы армий «Центр» генерал-квартирмейстер Вагнер констатировал: «Вопрос снабжения гражданского населения продуктами питания является катастрофическим... Население может получать лишь жалкий минимум для поддержания существования. При этом более или менее сносным является положение в сельских местностях. В противоположность этому совершенно неразрешим вопрос о снабжении продовольствием городов» [10, с. 132].

Документы свидетельствуют о том, что население лишали во многих городах и селах того минимума, из-за которого зимой 1942-1943 гг. от голода и эпидемий погибли сотни тысяч советских людей. Даже Геббельс был вынужден признать, что «положение с продовольствием в оккупированных восточных областях чрезвычайно затруднительно. Там умирают от голода тысячи и десятки тысяч людей... и это совершенно никого не интересует» [14, с. 105].

С осени 1943 г. и до полного освобождения Белоруссии от гитлеровских оккупантов длился третий этап хозяйничания фашистов на Востоке. Отступая под натиском Советских Вооруженных Сил, фашисты проводили эвакуацию персонала своей администрации, а также транспортальных материальных ценностей (сырья, зерна, машин, скота). Оккупанты вели полное «тотальное» уничтожение всех материальных ценностей при отступлении, осуществляли политику, так называемой «выжженной земли». Именно в этот период гитлеровцы, чувствуя свою гибель, совершали тягчайшие преступления.

В период отступления немецко-фашистских войск в действие вступил приказ верховного главнокомандования вермахта от 7 сентября 1943 г., предписывавший уничтожать все на оставляемой территории – сооружения, производственные и жилые помещения, машины, линии электропередач, мосты, разрушать железнодорожные пути, колодцы. Делалось это для того, чтобы оставленная территория в течение длительного времени стала пустыней и не могла быть использована ни в военном, ни в хозяйственном отношении [13, с. 280]. В роли главного руководителя по осуществлению подобных акций выступало командование группы армий «Центр», которое направляло действия штабов военных частей, давало им указания на проведение «эвакуации», как именовали гитлеровцы свое богатство из пределов Советской страны.

Оккупационные хозяйственные органы при прямом участии армейских частей, а также с помощью специально созданных команд СД и полиции по захвату ценностей и уничтожению населения (зондеркоманды, айнзатцгруппы) уже осенью 1943 г. стали принимать экстренные меры по свертыванию работы, ликвидации промышленных предприятий, вывозу наиболее ценных машин и оборудования, запасов сырья и материалов. Только одно так называемое «Восток-волокно», подведомственное министерству по делам оккупированных восточных областей, планировало в конце 1943–начале 1944 гг. уничтожить около 100 предприятий текстильной и бумажной промышленности, расположенных на территории Белоруссии. Его руководители заранее разработали и стремились в короткий срок осуществлять детальный план демонтажа и вывоза машин, наиболее ценного оборудования, запасов готовой продукции и сырья, уничтожить все, что невозможно было переправить в Германию.

Специальная команда гитлеровцев прибыла на бумажную фабрику в город Шклов в конце сентября. Рабочих немедленно удалили с предприятия и тут же принялись за свое черное дело: 2 октября 1943 г. оборудование и ценное сырье были отправлены в Германию. Котлы, силовые установки, производственные здания фабрики взорвали. Вслед за бумажной фабрикой ограблению подвергся расположенный рядом льнозавод. Трепальные турбины для льна и конопля, выколачивающую машину, трубопроводы, части сушилки, готовую продукцию и запасы сырья направляли в адрес немецких фирм, а здания заводов разрушали.

С бумажной фабрики в г.п. Чашники оккупанты вывезли паровую турбину, генераторы, локомобиль, а все остальное оборудование, в том числе три бумагоделательные и две паровые машины, уничтожили.

Со сборных пунктов сырьевых материалов в Могилеве в Германию было отправлено 50 тонн крестьянского полотна, 200 тонн сушеного льна, 20 тонн шерсти, а с ткацкой фабрики в г. Дубровно – 25 тонн льняных и хлопчатобумажных ниток, 5 тонн ткани, электрооборудование. Прядильные и ткацкие машины были уничтожены.

И так по каждому предприятию самое ценное захватывалось и отправлялось в Германию, все остальное разрушалось либо уничтожалось. Продолжали работать лишь те заводы, без которых оккупанты не могли обойтись (ремонтные, по выпечке хлеба, некоторые другие). Они подлежали уничтожению в последнюю очередь.

Своей кульминационной точки фашистская политика геноцида и «выжженной земли» достигла в 1944 г.

Таким образом, из вышесказанного следует, что механизм и система экономического грабежа фашистским руководством были тщательно продуманы сверху до самых низших ступеней – как в самом рейхе, так и на оккупированных советских территориях. За годы оккупации Беларусь потеряла свыше половины своего национального богатства, ее экономика оказалась отброшенной на сто лет назад. Однако главной потерей были, конечно, люди. Какими бы большими не оказались материальные потери, они все же восполнимы, человеческие же – невозвратимы.

Список цитированных источников и литературы

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945. – Мн: БелСЭ, 1990.
2. Боффа. Дж. История Советского Союза: в 2-х т. – М.: АПН. – Т.2.
3. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских в годы Великой Отечественной войны: вВ 3-х т. – Мн: Беларусь, 1983. – Т.1.
4. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских в годы Великой Отечественной войны: в 3-х т. – Мн: Беларусь, 1985. – Т.3
5. Гісторыя Беларускай ССР: у 5-ці т. – Мн: Навука і тэхніка, 1975. – Т.4.
6. Железнодорожная магистраль Белоруссии (1871–1971). – Мн: Беларусь, 1971
7. Звезда. – 1991. – 15 студзеня.
8. История рабочего класса Белорусской ССР: в 3-х т. – Мн: Беларусь, 1985. – Т. 3.
9. Кузьмин, С. Сроку давности не подлежит / С. Кузьмин. – М.: Политиздат, 1985.
10. Мюллер, Н. Вермахт и оккупация / Н. Мюллер. – М: АПН, 1974.
11. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: в 3-х т. – М: Воениздат, 1966. – Т.1.
12. Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. 1941-1944 гг.: Док. и материалы. – Мн: Беларусь, 1965.
13. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М: Экономика, 1985.
14. Совершенно секретно! Только для командования: документы и материалы. – М., Воениздат, 1967.
15. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 г.): сб. материалов. – Мн: Беларусь, 1947.
16. Факторович, А.А. Крах аграрной политики немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии / А.А. Факторович. – Мн.: Наука и техника, 1979.

ПРАЗДНИК СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ

Стариков В.И.

УО «Белорусский национальный технический университет», г. Минск

*Всё меньше вас, участники войны –
Осколки бродят, покидают силы.
Не торопитесь, вы и не должны
К однополчанам в братские могилы.
В.С.Высоцкий*

9 мая 2010 года всё прогрессивное человечество отметило большой праздник – 65-летие Великой Победы над фашистской Германией, победы, которая далась очень высокой ценой, особенно для советского народа. 2010 год объявлен в странах СНГ – бывших республиках СССР – годом ветеранов Великой Отечественной войны и проходит под девизом «Мы победили вместе!». И это справедливо. Великая Отечественная война – одна из героических страниц в истории СССР. В этой войне победил советский народ, и его героический подвиг никогда не изгладится из памяти человечества.

Большой вклад в общую победу над фашизмом внесли сотни тысяч белорусов и уроженцев БССР. Они сражались против врага в рядах Красной Армии, в партизанских формированиях и подполье, участвовали в Европейском Сопротивлении на временно оккупированных территориях, трудились на предприятиях в тылу, приближая своей борьбой и трудом светлый день Великой Победы. В знак признания мировым сообществом вклада нашей страны в разгром гитлеровской Германии она наряду с СССР и УССР была принята в состав членов – основателей Организации Объединенных Наций.

Советская Родина высоко оценила мужество и отвагу белорусов, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков: более 300 тысяч воинов были награждены боевыми орденами и медалями, 67 наших соотечественников стали полными кавалерами Ордена Славы, 461 белорус – Героями Советского Союза, 4 человека были удостоены этого звания дважды: Маршал Советского Союза И.И. Якубовский, генерал армии И.И. Гусаковский, генерал-майор авиации П.Я. Головачёв, полковник С.Ф. Шутов.

Но, конечно, самый большой вклад в победу над фашистской Германией белорусский народ внёс своей партизанской борьбой и отвагу противника. Героизм партизан и подпольщиков так же высоко оценила Родина: звания Героя Советского Союза были удостоены 87 уроженцев Белоруссии, среди них трое белорусов – командиров партизанских формирований (Ф.Ф. Дубровский, В.З. Корж, Н.Ф. Королёв), 4 секретаря подпольных областных комитетов партии (В.И. Козлов, А.Е. Клещёв, И.П. Кожар, В.Е. Чернышёв), свыше 140 тысяч человек были награждены орденами и медалями Советского Союза.

780 тысяч наших соотечественников были эвакуированы с территории Белоруссии. Находясь в советском тылу, они своим тяжёлым трудом ковали оружие победы, работали на заводах, фабриках, в колхозах. Вместе с народами других республик СССР белорусский народ с честью и достоинством вынес тяжелейшие испытания, выпавшие на его долю в годы Великой Отечественной войны. Основную массу защитников Отечества составляли молодые люди, беззаветно любившие свою Родину, вставшие на защиту её чести и достоинства, свободы и независимости.

Настоящий материал посвящён молодым патриотам белорусского государства – представителям одной из самых гуманных профессий на Земле – медицинским работ-

никам. В годы Великой Отечественной войны большинство врачей и медицинских сестёр больниц и клиник нашей страны сражались в действующей армии и в партизанских отрядах. Многие из них награждены боевыми орденами и медалями СССР и наряду с бойцами Советской Армии и партизанами являются героями. О многих героях-медиках мы знаем из учебников истории, книг, мемуаров, художественных и документальных фильмов, опубликованных в газетах и журналах воспоминаний участников боевых сражений, о некоторых – только из бесед и воспоминаний оставшихся в живых ветеранов войны. Ветераны войны – живая легенда, воплотившая реалии героической победы над врагом и создания экономического потенциала страны, за счёт которого и по сей день живут новые поколения людей.

Вне всякого сомнения, всем гражданам не только Беларуси, но и всех республик бывшего Советского Союза известно имя замечательного врача-патриота Евгения Клумова. Осенью 1941 года профессором Е. Клумовым (подпольная кличка Самарин) вместе с медсёстрами Викторией Рубец и Юлией Семашко была организована в Минске подпольная группа. В полуразрушенном здании 1-й Советской больницы города под видом гражданских лиц они лечили партизан, подпольщиков, красноармейцев, которых потом по подложным документам отправляли в партизанские отряды. Е. Клумов использовал любую возможность помочь: посещал раненых на дому; будучи членом врачебно-экспертных комиссий, устанавливал фиктивную инвалидность, спасая людей от угона в Германию. За 3 года оккупации из Минска в партизанские отряды было переправлено более 10 тысяч человек. Осенью 1943 года Е. Клумова схватили фашисты. Немцы пытались склонить опытного врача к сотрудничеству с ними. Отказавшегося сотрудничать с врагами Е. Клумова вместе с его большой женой в 1944 году отправили в газовую камеру в лагере смерти «Малый Тростенец». Необходимо отметить, что название деревни, расположенной в пригороде Минска, стало таким же символом зверств фашистов, как Освенцим, Майданек, Трешлинка. Гитлеровцы создали в Тростенце «фабрику смерти», где уничтожали как военнопленных, так и мирных жителей, граждан не только СССР, но и Польши, Австрии, Германии, Чехословакии. За особые заслуги, мужество и героизм Е. Клумов был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, а его имя было присвоено 3-й городской клинической больнице Минска.

В 1-й Советской больнице Минска застала Великая Отечественная война и хирурга – офтальмолога, доцента Татьяну Бирич, которая возглавила эвакуацию раненых и персонала. После отправки эшелона с ранеными и документацией в тыл она пешком дошла до родной Лошницы (село Борисовского уезда Минской губернии), забрала родителей и дочь, добралась до линии фронта и эшелонам доехала до Саратова. В этом городе она проработала всю войну в звании военного врача II ранга, вначале ассистентом, а затем заведующим кафедрой глазных болезней Саратовского медицинского института. На базе его клиник были организованы эвакуогоспитали, где Татьяна Бирич – консультант, а затем начальник военного отделения клиники глазных болезней. В Саратове она сделала одно из важнейших своих открытий – впервые в мировой офтальмологической практике применила кислород, ввела его под слизистую глазного яблока. Этот метод кислородной терапии (оксигенотерапии) позволил вернуть зрение многим бойцам Красной Армии, а в будущем получил широкое распространение в СССР и за рубежом. Имя «дарующей свет» Татьяны запомнят спасённые воины и, спустя годы, будут находить её и приезжать на консультации и операции. Но уже к не просто блестящему специалисту, а к Заслуженному врачу БССР, Заслуженному деятелю науки БССР, Герою Социалистического Труда, профессору, награждённой тремя ор-

денами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями, Почетными грамотами, знаком «Отличник здравоохранения», заведующей кафедрой глазных болезней Минского мединститута.

На тяжёлое военное лихолетье выпала работа народным комиссаром (министром) здравоохранения нашей страны для Михаила Коваленка. Во времена, когда Беларусь была оккупирована, Наркомздрав временно находился в Москве, М.И. Коваленок был назначен начальником санитарного отдела Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего. С его помощью и при его непосредственном участии в Ярославле была восстановлена прерванная войной работа Белорусского медицинского института.

В начале войны в Полоцком гарнизонном госпитале раненых бойцов оперировал Владимир Мирончик, будущий Герой Социалистического Труда, Заслуженный врач БССР. Но это – в будущем. А пока – жестокая, кровопролитная война. Раненых поступало много, поэтому врачи работали до тех пор, пока от усталости не валились с ног. Трудным для молодого хирурга был и путь отступления: через Великие Луки, Ржев, Подмоскowie. Потом – Степной фронт. После победоносной Сталинградской битвы дороги войны повели В. Мирончика на Запад. В составе одной из армий 1-го Украинского фронта он пережил радостные и волнующие минуты выхода советских войск к государственной границе. Очень хорошо запомнилась Львовско-Сандомирская битва. За 18 напряжённых дней наступления Советской Армии В.Мирончик сделал 360 операций. Ратный труд хирурга был отмечен советским правительством орденом Красной Звезды.

В военные годы начальником медико-санитарного отдела Белорусского штаба партизанского движения был Иван Инсаров (министр здравоохранения БССР в 1948-1966 годах). Главным токсикологом Красной Армии работал Михаил Машковский. Начальником медицинской службы Минского партизанского соединения был хирург Ибрагим Друян. Военным хирургом медико-санитарного батальона Западного фронта служила Елизавета Светочева.

Участницей Великой Отечественной войны была Валентина Каминская, ныне известный ученый в области акушерства и гинекологии, талантливый педагог и клиницист, доктор медицинских наук, профессор, отличник здравоохранения (за боевые заслуги награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).

Солдатом в белом халате был будущий профессор, гвардии полковник медицинской службы Борис Гудимов. Призванный в действующую армию, он принимал участие в боях, вначале в качестве старшего врача лазарета минометного полка, затем – хирурга медсанбата и госпиталей Степного, Воронежского, Первого Белорусского, Первого и Второго Украинских фронтов. Был ранен, контужен, а по выздоровлении продолжал свой ратный путь на Запад, шагая по фронтовым дорогам через Беларусь, Украину до Вены.

В партизанском отряде воевала Евангелина Селицкая, будущий главный санитарный врач города Гродно, Заслуженный врач БССР (награждена орденами Трудового Красного Знамени и Отечественной войны II степени, 9 медалями).

Врачу из Гомеля Максиму Ермакову было 27 лет, когда началась Великая Отечественная война. С первых дней – на фронте: командир санитарной роты, начальник медицинской полка, медсанбата дивизии. В ноябре 1942 года получил контузию и попал в плен. Чудом выжил в фашистском лагере смерти «Гросслагерет». После побега из концлагеря воевал в Шитовском партизанском соединении, был назначен начальником

медслужбы одного из отрядов, затем – всего формирования. Вместе с ним в рядах партизан воевали и оказывали медицинскую помощь раненым бойцам земляки – белорусы: старшая медсестра госпиталя Елена Стук (до войны работавшая в хирургическом отделении Туровской больницы), фельдшеры Максим Митичкин и Степан Лещенко (до фашистской оккупации работавшие: первый в ФТО Лепельского военного госпиталя, второй – аптекарем в посёлке Василевичи Гомельской области).

И этот, далеко не полный, список боевых белорусских медиков: врачей – руководителей, врачей – узких специалистов можно продолжать бесконечно.

Но были и другие герои, рядовые медицинские работники – патриоты, замечательные специалисты, настоящие люди, навсегда оставшиеся в памяти однополчан, раненых и получивших необходимую медицинскую помощь, а то и жизнь, партизан и бойцов Советской Армии, своим ратным, самоотверженным трудом ежедневно приближавшие Великую Победу. Их имена и мы должны знать, они должны навечно остаться в памяти нынешнего и последующего поколений граждан нашей страны, чтобы претворялся в жизнь лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто». О некоторых из них и пойдёт речь дальше.

Неподалеку от деревни Чернавчицы, что в 18 километрах от Бреста, уже в первые дни Великой Отечественной войны местный фельдшер Иосиф Сорочинский создал подпольный госпиталь, в котором были спасены жизни пятнадцать бойцов. Среди пациентов госпиталя был старшина 5-й пограничной заставы легендарной Брестской крепости Василий Сорокин, раненый осколками фашистской гранаты. После поправки В.Сорокин вернулся на фронт, встретил Победу советского народа над фашистами в самой Германии.

Почти два первых, пожалуй, самых ожесточённых и кровопролитных года войны фашисты не могли ликвидировать коридор (известный как «Суражские ворота»), по которому больные и раненые партизаны направлялись в госпиталь 10-й партизанской бригады Миная Шмырёва (батьки Миная), в медицинский санитарный батальон 360-й пехотной дивизии. Раненых и больных обслуживали 102 врача и фельдшера, 530 медсестёр. Из Витебской зоны в тыл медики помогли вывезти 4602 раненых партизана и более 2 тысяч больных и пострадавших мирных граждан.

На оккупированной территории Могилёвской области оказался военный госпиталь с несколькими тысячами раненых. Молодая лаборантка Татьяна Комарова сумела не только переправить врачам госпиталя все запасы донорской крови, имевшиеся в её лаборатории, и этим спасла жизни десяткам бойцов, но и впоследствии с помощью подпольщиков помогла уйти подлечившимся воинам в партизанские отряды.

В Бресте в годы войны по заданию партийного подполья работала в аптеке Галина Аржанова – связная партизанского отряда имени Чернака. Здесь она получила возможность снабжать бойцов лекарствами, медицинскими инструментами, перевязочным материалом. В октябре 1943 года по доносу предателя её арестовало гестапо и в декабре после зверских пыток гитлеровцы повесили отважную патриотку.

Добровольцем ушла на фронт восемнадцатилетняя медицинская сестра Евгения Коновалова. Воевала она в составе 504-го батальона аэродромного обслуживания 2-й воздушной армии 2-го Украинского фронта. На долю молодой медсестры из «небесного батальона» выпало многое: ужас, потери, боль, переживания – жестокие воздушные бои ни для кого не могли пройти бесследно, оставить равнодушным, тем более молодую девчонку. Выдержала, выстояла, внесла свой, пусть небольшой, но очень важный вклад в общее дело – в борьбу с ненавистным захватчиком.

Тяжёлые испытания выпали на долю совсем молодых девчонок – выпускниц Брестской фельдшерско-акушерской школы (ныне Брестский медицинский колледж):

так, Нина Ревицкая, окончив в 1941 году курсы Красного Креста, в 16 лет попала на работу в тыловую госпиталь, а спустя полгода – на фронт. Ольга Вакульчик в годы войны трудилась санитаркой в инфекционной больнице, заразилась сыпным тифом...

И таких примеров самоотверженной службы рядовых белорусских медицинских работников Отечеству и советскому народу - тысячи.

Победа стала великим праздником миллионов белорусских людей, но праздником со слезами на глазах, ибо душа победителей была опалена, омрачена горестными итогами войны. Безмерным было народное горе: миллионы погибших, калек и больных. Величайшие жертвы, огромные материальные и людские потери понесла страна. Самая жестокая в истории человечества война унесла жизни 2,5 миллионов белорусов, погиб каждый четвёртый житель страны, около 378 тысяч человек были вывезены в рабство (по гитлеровскому «Плану Ост» 75% белорусского населения подлежали физическому уничтожению, 25% белорусов – онемечиванию, в первую очередь подростки 14 – 18 лет).

Исследование специальной комиссии Министерства здравоохранения Беларуси по изучению санитарных последствий войны показало: уничтожено 74% коечного фонда, 83% амбулаторно-поликлинических организаций. От рук фашистов погибли 633 врача и более 1200 средних медработников.

Кроме того, известно, что в 1944 году в освобождённой Беларуси было зарегистрировано в 50 раз больше заболеваний сыпным тифом, в 9 раз – малярией, в 3 раза – сифилисом, чем в 1940 году. В стране вновь появились болезни, которые в довоенный период практически не регистрировались: возвратный тиф, лептоспирозы, туляремия. Тяжёлое течение на фоне истощения организма обусловило в послевоенные годы высокую смертность и инвалидность населения страны.

Великая Отечественная война закончилась Великой Победой советского народа. Но до победы над болезнями, ранениями, травмами, полученными в ходе боевых сражений, было еще очень далеко. Медицинские работники Беларуси, представители одной из самых мирных профессий, стоящие на страже жизни, здоровья, долголетия людей, вновь были на переднем крае – всеми своими знаниями, умениями, навыками помогали великой стране возрождаться и строить новую – мирную жизнь.

Нынешнее молодое поколение должно достойно хранить память о героических событиях военного времени, о людях, освободивших мир от коричневой чумы ценою собственной жизни. Будут приходиться на смену друг другу поколения за поколениями, но ни одно из них не должно забывать: военное поколение – особое. Оно сделало всё возможное и, казалось, невозможное ради уничтожения злейшего врага человечества – гитлеровского фашизма, во имя свободы своего народа и спасения народов Европы от рабства и уничтожения. Военное поколение спасло тех, кто родился после войны, отдало свою молодость ради победы жизни. Сохранение и постоянная трансляция исторического прошлого, память о ратных делах и победах белорусского народа, правда о незабываемом трагическом времени оккупации, невозможных потерях и утратах, непревзойдённом подвиге народа – важнейшее условие формирования гражданского качества у сегодняшних юношей и девушек, сохранения национального достоинства и гордости белорусского народа, воспитания его достойной сменой.

*Не важен возраст – всё имеет цену,
Смотря, чем дышишь ты и чем живёшь.
Мы всё же говорим: «Вот – наша смена!»,
Когда глядим на нашу молодёжь.*

В.С.Высоцкий

ЕВРЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

Стрелец М.В.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

Еврейская эмиграция из нацистской Германии представляет собой проблемный комплекс, состоящий из множества аспектов. Автор доклада излагает свою позицию по тем значимым аспектам соответствующей проблематики, которые являются предметом наиболее острых дискуссий в научной литературе.

1. Основные этапы политики нацистского режима по отношению к эмиграции германских евреев.

На момент установления нацистского режима в Германии проживало свыше 500 000 евреев. Приблизительно одна треть из них приходилась на Берлин (172 672). 29 385 евреев было представлено в структуре населения Франкфурга-на-Майне, 19 794 – Гамбурга, 23 240 – Бреслау. Меньшие, чем в указанных городах, но всё же значительные еврейские общины имели следующую географию: Кёльн, Нюрнберг, Мюнхен, Лейпциг. Веймарская конституция, базирующиеся на ней нормативно-правовые акты создавали юридическую основу для цивилизованного сосуществования евреев и титульного этноса. Несмотря на то, что в политическом ландшафте Веймарской республики permanently присутствовали антисемитски настроенные силы, в еврейско-немецких взаимоотношениях не возникали достаточно острые проблемы. Евреи были существенно представлены в различных сферах общественной жизни.

Национал-социалисты, придя к власти, строили отношение к евреям, исходя из своей насковзь антисемитской идеологии. В русле этой идеологии осуществлялся демонтаж веймарской правовой системы, планировалась и организовывалась эмиграция из Третьего рейха. Заинтересованности в полном исчезновении еврейского этноса из структуры населения Германии была стержневым элементом эмиграционной политики нацистских властей. Конечно, надо иметь в виду, что эта политика детерминировалась сложной комбинацией внутренних и внешних факторов и, разумеется, не могла оставаться абсолютно неизменной. На неё влияли не только идеологический профиль НСДАП, но и известные предрассудки титульного этноса, темпы милитаризации германского народнохозяйственного комплекса, приоритеты европейской стратегии Гитлера, реакция международного сообщества. Учёт всей совокупности данных факторов позволяет выделить определённые этапы эмиграционной политики руководства Третьего рейха.

Первый этап начался 30 января 1933 г. и завершился летом 1933 г. На настоящем этапе «Гитлер заявлял о своём поощрении выезда евреев из страны (он даже договорился до того, что готов дать тысячемарковый билет каждому еврею, который уберётся из Германии)» [1, с. 39]. Хотя не один эмигрант так и не получил от нацистского режима тысячемарковый билет, этот этап был наиболее благоприятным для эмиграции евреев, протекал для них с минимальными издержками.

Второй этап стартовал 27 августа 1933 г. и продолжался до принятия Нюрнбергских законов. Событие, которое взято в качестве стартовой точки данного этапа, свидетельствовало о новых акцентах в эмиграционной политике официального Берлина. Отныне евреи должны были платить Германии значительный по размерам выкуп за свою эмиграцию. «27 августа 1933 г. Германский сионистский союз совместно с Англо-Палестинским банком заключили с правительством Германии «Соглашение о перемещении»,

согласно которому евреи имели возможность эмигрировать в Палестину при условии выплаты Рейху половины своей собственности. Немцы заявляли, что «еврейские» деньги якобы пойдут на финансирование германского экспорта в Палестину, поэтому обе стороны были заинтересованы, в первую очередь, в эмиграции евреев, обладающих более или менее серьёзным капиталом» [1, с. 39].

Специфика второго этапа заключалась в подключении к процессу еврейской эмиграции из Германии Лиги Наций в лице её главного органа – Ассамблеи. «В октябре 1933 г. Ассамблея Лиги Наций создала для еврейских беженцев из Германии специальное ведомство Верховного комиссара по делам беженцев. Его руководителем стал американский профессор и журналист Джеймс Г. Макдональд. Он начал борьбу за объединение усилий по финансированию помощи, поскольку Лига Наций непосредственно не финансировала эту работу и против ограничений на иммиграцию беженцев. За 2 года работы он смог расселить в Палестине 80 тысяч еврейских беженцев» [3].

Третий этап начался с принятием Нюрнбергских законов и закончился «Хрустальной ночью». Нюрнбергские законы довели до логического конца процесс законодательного закрепления неравноправного положения евреев в Германии, начатый ещё в апреле 1933 г. Третий рейх станет жить по этим законам с 15 сентября 1935 г. Наполнение их реальным содержанием предопределило резкий рост эмиграции соответствующего сегмента германского населения. В рамках настоящего этапа как минимум 100 000 германских евреев переселилось в другие страны.

По логике вещей, на сложившуюся ситуацию должна была адекватно среагировать Лига Наций, в уставе которой была чётко и ясно прописана защита этой организацией прав национальных меньшинств. «Макдональд пытался убедить Лигу Наций осуществить прямое вмешательство, но эти попытки остались безуспешными. 27 декабря 1935 г. Макдональд подал в отставку. В открытом письме по этому поводу он отмечал:

«Когда внутренняя политика государства угрожает людям полным поправлением их человеческого достоинства, соображения дипломатической корректности должны отступать перед соображениями элементарной человечности. Я проявил бы малодушие, если бы не привлек внимание к сложившейся сегодня ситуации и не обратился с призывом о том, чтобы мировая общественность, действуя через Лигу Наций... предприняла шаги с целью не допустить этой реальной трагедии, а также других, уже угрожающих человечеству» [4].

Пройдёт менее двух лет после отставки Макдональда и у германских евреев станет значительно больше проблем, связанных с эмиграцией. «Начиная с осени 1937 г. был принят ряд репрессивных мер, серьёзно затруднивших еврейскую эмиграцию. Вначале у большинства евреев отняли заграничные паспорта (декретом от 8 октября 1938 г. они вообще были аннулированы), а в феврале 1938 г. был введён так называемый «налог на бегство», составлявший 25% от капитала, которые еврей должен был держать в своём распоряжении независимо от того, собирается он эмигрировать или нет. При ликвидации бизнеса еврей должен был оставлять себе этот «неприкасаемый запас», а остальные 75% вырученных денег шли на специальный счёт, по которому в случае эмиграции их владелец получал долларовой эквивалент, не превышающий 10% действительной суммы. Малоимущие слои еврейского населения практически вообще теряли возможность для выезда, поэтому позднее нацистские власти организовали дело таким образом, что состоятельные евреи оплачивали не только свой выезд, но и выезд своих менее обеспеченных сородичей. А всего за период 1933–1937 гг. нацистские власти получили от еврейских эмигрантов 186 миллионов рейхсмарок.

За пять лет после прихода к власти ужесточение условий грабежа еврейского населения привело к тому, что эмигранты с 25% капитала в 1933 г. стали терять 90% в 1938 г.» [1]. Как видим, «вытеснение евреев сопровождалось их почти тотальным ограблением при эмиграции» [4].

Четвёртый этап имел следующие хронологические рамки: «Хрустальная ночь» (погром евреев на территории всего Третьего рейха в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г.) – весна 1941 г. Именно на этот этап приходится апогей жёсткости в нацистской эмиграционной политике по отношению к евреям.

Во внутригерманском плане данный этап был наиболее активным на предмет принуждения евреев к эмиграции. К моменту «Хрустальной ночи» Германия имела целый пакет нормативно-правовых актов и необходимые организационные структуры для лишения евреев статуса субъектов экономических отношений. Нацисты объявили свободными как от реального, так и от формального еврейского присутствия дома, субъектами проживания в которых выступили представители высшей, в нацистской трактовке, расы, а также театры, бассейны. Арийская территория полностью исключалась для еврейских субъектов пешеходного движения. К началу четвёртого этапа на общеимперском уровне не прослеживалось реальное функционирование структуры, защищающей интересы евреев.

Именно после «Хрустальной ночи» резко интенсифицировалась деятельность ведомства Адольфа Эйхмана. Отсчёт существования этого ведомства, первым и единственным руководителем которого был Эйхман, начался во втором квартале 1938 г. Оно официально именовалось как «специальное еврейское эмиграционное бюро», клиентами которого должны были выступать два сегмента соответствующего этноса: 1) собственно германские евреи; 2) евреи стран, подвластных Третьему рейху. При этом нацистская пропаганда сделала акцент на том, что эмиграция данных евреев будет носить «добровольный» характер.

Усиление принудительной эмиграции евреев происходило в условиях явно неблагоприятной для её субъектов реакции международного сообщества. Реалии четвёртого этапа убедительно свидетельствовали о ничтожной продуктивности решений Эвианской конференции, проходившей 5–16 июля 1938 г. Государства-участники этой конференции, за исключением Доминиканской Республики, не проявили готовности быть конечными пунктами еврейской эмиграции. Именно на данном этапе сдавало тест на дееспособность главное детище этой конференции – Межправительственный комитет по делам беженцев со штаб-квартирой в Лондоне.

Несомненно, главный критерий деятельности комитета мог быть только таким: спасение евреев в результате успешного переговорного процесса, механизм которого был запущен в ноябре 1938 г. Именно тогда впервые встретились руководитель комитета американский юрист Рабли и президент Рейхсбанка Шахт. Немцы предложили следующий вариант: они получают три миллиарда дойчмарок и после этого разрешают эмиграцию евреев. Не соглашаясь с этим предложением, комитет всё же не прервал переговорный процесс.

В рамках этого процесса был совсем короткий промежуток времени, когда, казалось бы, Рабли сможет договориться с германским представителем. С января 1939 г. в качестве такового выступал советник Министерства экономики Хельмут Волтхат. Именно он в следующем месяце познакомил Рабли с планом, который устраивал последнего. Ключевые моменты плана были таковы.

Во-первых, немцы требовали гораздо меньше денег. Вполне реальными выглядели соображения на предмет фондов, функциональное назначение которых состояло

в финансировании эмиграции. Таких фондов должно было возникнуть два: специальный и дополнительный. Естественно, специальный фонд имел статус базисного. Для источника его формирования были характерны следующие особенности: 1) капитал фонда по своему происхождению однозначно квалифицировался как конфискованный капитал; 2) объект конфискации – евреи. Формирование и распоряжение вторым фондом должно было входить в компетенцию международной корпорации. Эмигранты должны были получить от этого фонда 300 миллионов долларов. При этом принципиально важно отметить, что данные деньги следовало затем вернуть.

Во-вторых, исключалось форсирование эмиграции, предполагалось разделение её на определённые этапы.

В-третьих, чётко выдерживались возрастная градация, градация по степени трудоспособности. Первый этап касался лиц не моложе 15 лет и не старше 45 лет, которые могли выступать субъектами трудового процесса. Таковых набиралось 150 000. Они могли реально стать эмигрантами через три и даже через пять лет.

Предполагалось, что на втором этапе эмигрируют родственники тех, кто переселялся на первом этапе.

В-четвёртых, Германия брала на себя обязательство обучать евреев конкретным профессиям с тем, чтобы они имели побольше шансов на трудоустройство после переселения.

Намерение Германии осуществить этот план было подтверждено и во время встречи Джорджа Раблы с Германом Герингом. Есть свидетельство того, что его одобрял Гитлер.

Такой зигзаг в поведении германской стороны в анализируемом переговорном процессе до сих пор вызывает немало споров среди исследователей. Заслуживают, например, быть отмеченными две версии, выдвинутые в 1939 г. «Существовало предположение в американской печати, что Геринга всё более беспокоила чрезмерная самостоятельность и совершенно неконтролируемая жестокость штурмовиков. Мишенью их вандализма и грабежей нередко становились и сами немцы. Некоторые политические обозреватели считали, что нацистское правительство, напуганное размахом анархии со стороны своих фанатичных последователей, решило способствовать эмиграции евреев, чтобы таким образом уничтожить оправдательный мотив для внутренних беспорядков. Другие предполагали, что позиции немцев изменились, ввиду резкого снижения экспорта немецких товаров, последовавшего за расправой над евреями в «Хрустальную ночь» [4].

Однако уже 23 февраля 1939 г. можно было отметить действия официального Берлина, которые явно не согласовывались с указанным планом. Именно в этот день «Геринг издал декрет, требовавший от «всех немецких евреев, не имеющих гражданства, в течение двух недель передать официальным представителям властей все ювелирные изделия и вещи, сделанные из золота, серебра и платины». Подобные действия нарушали предварительную договоренность между Раблы и Волтхатом о том, что евреи не будут подвергаться штрафам, конфискациям и преследованиям. Через два дня очередной приказ, направленный против евреев, подорвал саму основу намеченного плана» [4].

Действия германской полиции были однозначно направлены на форсирование эмиграции, на то, чтобы принудительная эмиграция приобрела перманентный характер. Она ежедневно должна была быть осведомлена об очередных 100 евреях – потенциальных эмигрантах. При этом речь шла об эмиграции не через 3 – 5 лет, а через две недели. В качестве субъектов подобного осведомления были определены еврейские

организации. Евреям – потенциальным эмигрантам приходилось пополнять казну Третьего рейха ещё в большей степени, чем раньше. В широком спектре поборов появилось ещё одно налоговое отчисление. Оно было эквивалентно десятой части стоимости имущества указанного круга лиц. Евреев, которые не укладывались в двухнедельный срок, нередко ждали тяжелейшие испытания.

Между тем отношение руководства стран, в которые могли бы направиться еврейские эмигранты, к анализируемой проблематике не претерпело изменений. Не было ясного ответа на вопрос: «Кто их примет, разместит?» Не появились фонды, о которых говорилось в вышеупомянутом плане Рабли – Волтхата.

После того, как план Рабли – Волтхата потерпел крах, межправительственная комиссия по делам беженцев никаких новых планов не предлагала, о чём красноречивее всего свидетельствовал совершенно беспредметный диалог германской еврейской делегации с лордом Винтертоном. Этот диалог имел место в Лондоне, в мае 1939 г., то есть в самый разгар форсированной эмиграции евреев из Германии. Лорд Винтертон был на то время высшим должностным лицом в указанной комиссии.

Межправительственная комиссия демонстрировала свою беспомощность в условиях, когда ведомство Эйхмана посылало специальные письма в разные страны с целью выяснить, согласны ли они принять и разместить еврейских эмигрантов. Позитивной реакции со стороны этих стран не прослеживалось. В данном вопросе одинаково вели себя как традиционные западные демократии, так и тоталитарные режимы. И те, и другие не выдерживали тест на цивилизованное отношение к евреям.

Известно, например, что этот тест не выдержал и сталинский режим. Дело в том, что «в числе стран, куда нацисты предполагали направить эмиграцию евреев из Германии, был... и Советский Союз. В 2005 г. в Российском государственном архиве была обнаружена докладная записка Молотову, которую он получил от начальника Переселенческого управления при СНК СССР Е.Чекменева. Записка датирована 9 февраля 1940 года. Чекменев сообщил Молотову, что им получены «2 письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – конкретно в Биробиджан и Западную Украину...» «Считаем, - заканчивал рекомендацией свою записку Чекменев, - что предложения указанных переселенческих бюро приняты быть не могут. Прошу указаний. Приложение: 6 страниц...Категорическое советское «нет», которым ...завершилась переписка немецких и советских ведомств, положило конец попыткам нацистов организовать массовую эмиграцию евреев в Советский Союз» [4].

Важно иметь в виду, что после того, как был исключён советский вектор эмиграции, официальный Берлин сначала взял в расчёт мадагаскарский вектор, а затем польский. В первом случае еврейские эмигранты стали бы жителями острова Мадагаскар, а во втором – той, исконно польской территории, которая охватывалась планом «Люблин». Согласно этому плану, они становились бы сегментом населения «Генерал-губернаторства», заключённым в резервацию. История распорядится так, что перечисленные векторы так и останутся чисто умозрительными векторами.

Курс национал-социалистов на принудительную эмиграцию евреев не принёс ожидаемых ими результатов. «К концу 1940 г. Гитлер приходил к выводу, что эмиграция сама по себе не решит «еврейскую проблему». Всё ещё много евреев проживало на территории Рейха. Германское министерство иностранных дел распространило среди своих сотрудников меморандум, в котором отмечалось, что «почти все государства мира, чуть ли не герметически закрыли свои границы для пытающихся вторгнуться на их территории еврейских паразитов». Во время одного из совещаний Гитлер заявил Герингу, что «еврейский вопрос должен быть решён раз и навсегда, так или иначе» [4].

В этой связи принципиально важно отметить, что «весной 1941 г. изменилась политика нацистского руководства – еврейская эмиграция была запрещена. В мае 1941 г. начал применяться термин «окончательное решение» еврейского вопроса, подразумевавший тотальное уничтожение евреев Европы. После начала советско-германской войны (22 июня 1941 г.) нацисты приступили к реализации «окончательного решения» [5].

В предмет рассмотрения настоящего доклада входит и вопрос о реально переселившихся германских евреях, число которых равнялось 270 тысячам. Динамика соответствующего процесса применительно к 1933–1940 гг. чётко отражена в нижеследующей таблице

Таблица 1 – Динамика еврейской эмиграции из Германии в 1933–1940 гг.:

Год	Количество эмигрантов	Процент от всего еврейского населения Германии 1940 г.
1933	37 000	7,40
1934	23 000	4,60
1935	21 000	4,20
1936	25 000	5,00
1937	23 000	4,60
1938	47 000	9,40
1939	68 000	13,60
1940	16 000	3,20
Итого	260000	52,00

Обращаясь к анализируемому вопросу, целесообразно остановиться на ключевых векторах переселения указанного сегмента граждан Германии.

2. Ключевые векторы переселения германских евреев.

2.1. Эмиграция в США в свете наиболее значимых статистических показателей.

Прежде всего следует назвать то число беженцев, которые эмигрировали из Германии и Австрии в США в 1933–1944 гг. По подсчётам американского исследователя М. Дави, оно равнялось 124000. В эти подсчёты вошли только те эмигранты, для которых Германия и Австрия были странами происхождения. Немецкоязычная эмиграция беженцев в США была ещё большей, так как большое количество чешских и польских евреев было немецкоязычным. К тому же, как минимум 15000 беженцев направлялись на основании гостевых виз в США, чтобы после 1945 года окончательно сохранить статус иммигранта. Среди них было немало немцев [7, с. 27].

В анализируемый период прослеживались как эмиграция из Германии в США, так реэмиграция из США в Германию. В этой связи представляет интерес следующая таблица.

Таблица 2.

Год	Количество эмигрантов из Германии в США	Количество реэмигрантов из США в Германию
1933	1.919	
1934	4.392	3.502
1935	5.201	3.530
1936	6.346	3.672
1937	10.895	2.340
1938	16.282	2.270
1939	33.515	4.211
1940	21.520	1.978
1941	4.028	

Эта таблица свидетельствует как об реэмиграции из США в Германию, так и о том, что число эмигрантов оставляло далеко позади количество реэмигрантов, что

соответствующая разбежка стала резко усиливаться с 1937 г. Резмигранты были из числа тех, кто непродолжительное время находился в эмиграции и ещё не успел получить американское гражданство.

В чрезвычайно большом массиве публикаций германские беженцы этого времени называются немецко-еврейскими. В них прослеживается разбежка в данных о доле евреев в общей массе беженцев. Известно, что до 1943 г. иммиграционная служба США вела статистику, в которой евреи проходили под рубрикой «races of peoples». Согласно этой классификации, евреи составляли 67,6% всех эмигрантов. Среди германо-австрийских эмигрантов их доля, по данным этой службы, составляла 75% (97374). Правда, верховный комиссар Лиги Наций по вопросам беженцев оценивал долю евреев среди германских беженцев несколько выше (приблизительно 80%). На последнюю цифру ориентируется и американский исследователь Маурике Дави [7, с. 36]. Следует также отметить, что ряд германо-еврейских беженцев вследствие национал-социалистического преследования обозначались только как немцы, а не как евреи. Настоящая классификация была в 1943 году упразднена. Итак, для более позднего времени у нас нет данных.

Географическое происхождение эмигрантов из Германии в США, к сожалению, можно оценивать только косвенно. Из 502.799 евреев, которые в 1933 г. проживали на территории германского рейха, 160.000 имели местом своего жительства Берлин (31,8%), 39% жили в других крупных городах с населением свыше 100000 человек. Только 16% жили в сельских общинах численностью менее 10000 жителей. Из почти 200000 евреев Австрии (1933 г.) 90% жили в Вене [9, с. 20]. Тот факт, что абсолютное большинство эмигрантов было из крупных городов, играл большую роль при выборе профессии и выборе места жительства в США. В издаваемой эмигрантами газете «Ауфбау» («Восстановление») среди прочих публиковали свои новости так называемые «земляческие вспомогательные группы» и чаще всего упоминались группы беженцев из южной и юго-западной Германии. Итак, вполне возможно, что эмигранты из Баден-Вюртемберга и Пфальца были особенно многочисленными среди евреев-беженцев из Германии. Конечно, имеет право на существование предположение о том, что они были лишь лучше организованной группой.

В противоположность прежним поколениям эмигрантов, у которых число мужчин явно преобладало, для анализируемой генерации было характерно сбалансированное соотношение полов. По подсчётам М.Дави, для временного отрезка, охватывающего 1931 – 1941 гг., доля мужчин в общей массе эмигрантов была равна 43,4 %, а доля женщин – 56,6 %. Для 1941 – 1944 гг. учёный называет следующее соотношение: доля мужчин – 42,7 %, доля женщин – 57,3 % [7, с. 39]. Немецкий исследователь Курт Гроссман пришёл к тем же результатам [10, с. 358]. 55% субъектов анализируемой группы состояло в браке. Настоящая генерация эмигрантов отличалась от предыдущих и по возрастному критерию, о чём свидетельствует нижеследующая таблица.

Таблица 3.

Временной отрезок	До 16 лет	От 16 до 24 лет	От 45 лет и старше
1901–1910 гг.+	12,0%	83,0%	5,0%
1933–1939 гг.++	16,4%	54,3%	19,25%
1939–1941 гг.++	14,3%	58,2%	27,5%+++

+эмигранты в США

++германо-австрийские беженцы

+++46 лет и старше

2.2. Палестинское направление эмиграции.

Вышеупомянутое «Соглашение о перемещении» от 27 августа 1933 г. рассматривалось германской стороной прежде всего как юридическая основа для выгодного коммерческого предприятия. «За пять последующих лет в Палестину выехало около 60000 евреев. По мере обнищания немецких евреев и усиления арабского сопротивления росту еврейского населения Палестины, акция заглохла сама по себе. Динамику еврейской эмиграции из Германии в Палестину хорошо демонстрируют следующие данные: 1933 г. – 19% всех эмигрантов, 1934 г. – 38%, 1935 г. – 36%, 1936 г. – 34%, 1937 г. – 16%. То есть в период 1934–1936 гг. в Палестину отправлялся практически каждый третий немецкий еврей» [1].

Касательно числа эмигрировавших в эту подмандатную территорию евреев из Германии имеются разные данные в исторической литературе. Есть, например, авторы, которые утверждают, что их было 74 500. Однако они при этом автоматически включают в данное количество полтора десятка тысяч австрийских и чехословацких евреев, бежавших на Святую Землю от национал-социалистических преследований. Поэтому представляется вполне обоснованным утверждать, что немецких евреев-эмигрантов здесь было без малого 60 000.

«Всего в 1933–1939 гг. в Палестину прибыло 235170 человек. Собственно эмигранты из Германии составили немногим более 21% (М.С.) приехавших, из Восточной Европы – 56,2%.

Особо следует сказать о (М.С.) 5 тысячах еврейских детей из Германии, вывезенных без родителей организацией «Алият-ха-ноар» (руководители – Генриетта Сольд и Реха Фрайер), сотрудничавшей в вопросе еврейской эмиграции с властями нацистской Германии. В этой связи интересно привести следующую (М.С.) цитату из Бен-Гуриона: «Требование привезти в Эрец детей из Германии не происходит у нас только из чувства жалости к этим детям. Если я буду знать, что можно спасти всех детей Германии путем их перевоза в Англию, и только половину из них - путем перевоза в Эрец Исраэль, я выберу второе, потому что перед нами счёт не только этих детей, но и исторический счёт народа Израиля», из речи на заседании ЦК МАПАЙ 7/12/1938. Такие цитаты желательно приводить в контексте, чтобы не было излишне вольных интерпретаций» [6].

Таким образом, эмиграция евреев из Третьего рейха происходила в условиях преступного безразличия влиятельных актёров международных отношений к судьбам этого этноса, который в случае победы Германии и её сателлитов во Второй мировой войне полностью исчез бы в планетарном интересе.

Список цитированных источников и литературы

1. Басин, Я. Еврейский вопрос и эмиграционная политика Германии и США в преддверии Холокоста / Я.Басин // Уроки Холокоста: история и современность: Сборник научных работ. Сост. и ред. Я.З. Басин. – Минск: Ковчег, 2010. – Вып.3. – 242 с.
2. Рыбаков, А. Катастрофа европейского еврейства (1933–1945) Часть I / А. Рыбаков. – [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: [http:// www.jewniverse.ru/modules.php?name...](http://www.jewniverse.ru/modules.php?name...) – Дата доступа: 05.06.2010.
3. *Еврейская эмиграция из Центральной Европы в 1933–1939 годах* // Еврейские беженцы – Википедия [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/.../>. – Дата доступа: 05.06.2010.
4. Рабинер, Я. Антисемитизм / Я. Рабинер // Центральный Еврейский Ресурс [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: [http:// www.sem40.ru/anti/20985/](http://www.sem40.ru/anti/20985/). – Дата доступа: 05.06.2010.

5. Эйхмана процесс // Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/15036>. – Дата доступа: 05.06.2010.
6. Легальная еврейская эмиграция из Германии в 1933-1940 // ru_history [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://community.livejournal.com/ru.../1356972.html>. – Дата доступа: 29.05.2010.
7. Davie, Maurice. The Refuges in the United States / Maurice Davie. – New York, 1947. – P.27.
8. Die Lage deutsch-jüdischer Flüchtlinge in den USA 1933-1944. Zulassungsarbeit für die erste Lehramtsprüfung vorgelegt von Dorothee Schneider aus Heidelberg. – August 1977 / Institut für Zeitgeschichte Archiv. – Akz. 5884/78. – Best. Ms.277. – Kat. Stö.
9. Kent, Donald P. The Refugee Intellectual / Donald P Kent. – New York, 1953.
10. Grossman, Kurt. Emigration-Geschichte der Hitlerflüchtlingen / Kurt Grossman. – Frankfurt a.M., 1969.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ШАГОВ СССР В ЕВРОПЕ В СЕНТЯБРЕ 1939–ИЮНЕ 1941 гг. НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ (на примере восточных областей БССР)

Талочко Д.М.

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», г. Гомель

Вступление войск Красной Армии в Западную Украину, Западную Беларусь, Прибалтику и особенно советско-финская война значительно обострили социально-экономическую ситуацию в СССР. В этой связи весьма любопытным, на наш взгляд, является иллюстрация указанного явления на примере восточных областей БССР.

В начале сентября в СССР начинается активная подготовка к операции в Польше. 3 сентября нарком обороны К.Ворошилов приказал Военным Советам семи округов – Киевского особого, Белорусского особого, Харьковского, Орловского, Калининского, Ленинградского и Московского – провести ряд мер по улучшению боевой готовности войск, а также задержать на один месяц увольнение в запас красноармейцев старшего года службы, вызвать из отпусков командиров, политработников, начальников войсковых частей и учреждений, привести войсковые части в положение боевой готовности, для чего проверить вооружение, обмундирование, технику и т.д.

6 сентября около 23–24 часов в семи военных округах (в том числе БОВО) была получена директива № 14650 наркома обороны СССР К.Ворошилова, в которой предписывалось со следующего дня всем войсковым частям и учреждениям начать частичную мобилизацию резервистов [1, с. 283–284].

Проведение мобилизации в стране не могло оставить равнодушными жителей БССР. Непосредственно после начала данной акции значительная часть населения БССР, опасаясь втягивания страны в войну, и, как следствие, наступления голода, бросилась скупать хлеб, соль, сахар и другие продукты и промтовары, которые практически сразу исчезли с прилавков магазинов. Например, если обычная продажа муки и соли в г. Минске колебалась в пределах 8–9 тонн в день, то только 8 сентября было продано 26 тонн муки и 27 тонн соли, 12 сентября муки уже было продано 38 тонн. Не удивительно, что в течение нескольких дней, с 8 по 12 сентября 1939 г., запасы продовольствия в г. Минске и других городах БССР практически были исчерпаны [3, л. 78–79]. Аналогичная ситуация наблюдалась и на Гомельщине. Например, в магазин №3 г. Мозыря 9 сентября 1939 г. было завезено 300 кг соли, которая была продана за 1 час, впоследствии в этом магазине в продаже соль отсутствовала [2, л. 49].

В сводке первому секретарю ЦК КП(б)Б П.Пономаренко «О состоянии торговли и некоторых фактах создания запасов продуктов питания населением БССР» от начальника управления рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР Гордеева указывалось следующее: «В связи со сложившейся международной обстановкой, начиная с 8 сентября, по БССР наблюдались большие очереди у продовольственных магазинов за покупкой сахара, муки, крупы, соли, керосина и других продуктов. Спрос на продукты был увеличен настолько, что все продукты, выбрасываемые товары моментально, в течение нескольких часов раскупались... Отмечено снижение снабжения магазинов мукой... снабжение хлебом резко снизилось... Сахар, папиросы в магазины поступали с большими перебоями, а махорка вовсе не поступает...» [3, л. 79–88]. «За последнее время, особенно с первых чисел сентября, повысился спрос на все виды продуктов питания по всем районам Полесской области... В Наровлянском и Хойникском районе крупа совершенно отсутствует... Сахар, папиросы, махорка отсутствуют на базах и в продаже по всей области. Отсутствует также хозяйственное мыло. Увеличился спрос на кондитерские изделия. Кондитерских изделий по городу Мозырю осталось незначительное количество, и то в узком ассортименте. За керосином за последнее время появились большие очереди», - указывалось в спецсообщении первому секретарю Полесского обкома Маркину от областного управления НКВД [4, л. 34]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в сельской местности [4, л. 60].

Для устранения массовой закупки населением товаров Экономический совет при Совнаркомом СССР постановлением от 9 сентября 1939 г. установил ограничения отпуска в одни руки следующих товаров: махорки – не более двух пачек, спичек – не более 5 коробок, керосина – 2 литра, мыло туалетное – 1 кусок, кондитерские товары – 1 кг, соль – 1 кг, чулки-носки – 2 пары, белье мужское и женское – 1 пара, верхний и нижний трикотаж – 1 пара [5, л. 189].

Одновременно органы НКВД БССР усилили борьбу с теми, кто закупал продукты и промтовары «про запас». Так, начиная с 15 сентября 1939 г., в документах партийных и советских органов начинают появляться материалы такого рода. Например, в донесении прокурору Гомельской области от прокурора Речицкого района читаем следующее: «Сегодня в Прокуратуру поступило сообщение, что гражданка Твардовская А.А. систематически закупает продукты и создает запасы. Проведенным обыском на квартире у Твардовской было найдено: 230 метров разной мануфактуры, 87 катушек ниток, 28 фунтов сахару и другие вещи... Твардовская арестована» [6, л. 43].

Перебои в снабжении городов и деревень БССР продуктами питания и промтоварами вызвали панические настроения. Приведем в этой связи характерные высказывания жителей региона, которые отмечали органы НКВД. Продащица одного из магазинов г. Мозыря: «Всех берут на войну, все пропадем и мы умрем с голода, ведь в магазинах нет никаких продуктов и все люди будут пропадать с голода». Жена прораба из г.Пхова распространила слухи, что в Мозыре со всех магазинов и баз забрали все сорта муки и больше ее не будет. Единоличник Мозырского района среди односельчан заявлял: «Должна быть всемирная война, так что уж к этому подходит, вот хлеб в кооперации уменьшился и другие продукты» [4, л. 31].

После окончания операции Красной Армии в Польше социально-экономическая ситуация еще больше обострилась. Зима 1939–1940 гг. была апогеем кризиса. Если перебои в снабжении продуктами питания и промышленными товарами в начале сентября 1939 г. можно объяснить субъективным фактором: население, боясь приближающейся войны, лихорадочно скупало продовольствие, то ситуация в течение последующего времени, вплоть до июня 1941 г., являлась следствием резкого уменьшения

количества товаров (как промышленных, так и продовольственных), отпущенных для реализации населению. Это было связано с необходимостью кормить возросшую армию. Несмотря на то, что осенью 1939 г. карточная система официально не вводилась, фактически страна перешла на нормированное снабжение.

В этой связи в спецсводках НКВД, датированных 22 декабря 1939 г., читаем следующее: «Фонды хлеба, предназначенные для реализации в декабре месяце уменьшены, против фондов, отпущенных в ноябре 1939 г. ... Наличие больших очередей приводит к тому, что в магазинах выбивают стёкла, ломают прилавки и двери». На протяжении декабря 1939–января 1940 гг. руководство обкомов и райкомов БССР направляет в высшие партийные инстанции десятки докладных, содержание которых практически идентично: просьба увеличить отпуск регионам товары первой необходимости [7, л. 141].

Особенно тяжело приходилось населению сельских регионов. Из-за нехватки ресурсов 1 декабря 1939 г. правительство запрещает свободную продажу муки и печёного хлеба в сельской местности. Многие крестьянские семьи, спасаясь от голода, стремятся переселиться в город, правдами и неправдами преодолевая всевозможные препятствия, чинимые властями [8, л. 2].

Реакция населения региона на исчезновение из торговли промышленных и продовольственных товаров была неоднозначна. Первоначально сквозит недоумение: «Большой войны не ведём, куда же подевалось продовольствие?». В качестве примера хотелось бы привести выдержки из письма, посланного гомельским школьником Морозовым на имя заместителя председателя СНК А. И. Микояна.

Б.И.Морозов – А.И.Микояну.

Дорогой Анастас Иванович!

Вот уже несколько раз перечитывал я Вашу речь на XVIII съезде ВКП(б)... Иногда я прямо таки восхищался. Уж так, ну как Вам сказать, бьёте Вы в самую точку. Ну разве не воскликнул я «правильно», когда читал об «универмагах, крупнейших, чем в Америке», которые в данный момент действительно не подходят. Разве не вырвалось из моих уст – «Ах, вот как!», когда я узнал, что недочёт товаров текстильной промышленности является результатом отставания некоторых её областей. Кто посмеет отрицать факт о «холостых выстрелах», который Вы так правильно подметили, который я сам наблюдал в своей школьной жизни, но он не доходил до моего сознания. (В своей речи на съезде Микоян сказал о необходимости «иметь больше мелких и средних магазинов», а не увлекаться созданием крупных универмагов. Говоря о подборе кадров и проверке исполнения, он сравнил хорошее решение, необеспеченное выполнением, с холостым выстрелом – Д.Т.)

Ваша речь послужила кладом для моих знаний. Если бы было время, я рассказал бы Вам о моей жизни, о том, как бросил меня отец, о том, как я учился, как начал читать книги и как родили они меня с миром... Написал бы Вам о том, как много и часто приходилось мне рассказывать неграмотным соседям о международном положении нашей страны, о войне в Абиссинии, Испании, Китае и Хасане, о конфликте в районе озера Буир-Нур в МНР, об англо-франко-советских переговорах, договоре о ненападении с Германией, о пактах взаимопомощи с Прибалтийскими странами, о II мировой войне и вообще об империалистических войнах, о надеях (так в тексте – Д.Т) в Финляндии и о пр.

Что заставило меня написать письмо? На этот вопрос я отвечаю так – безобразие, которое творится в нашей стране. Ответ не очень-то приятный, но я считаю его правильным. Дело в том. Когда не было крупы, я говорил маме, «крупна будет», когда не

стало сахара, я сказал маме - «сахар будет. Не должно быть, чтобы в нашей стране не было сахара!» Дальше. Придя один раз из очереди за мануфактурой, мама начала обижаться, что нет мануфактуры, рассказывая как много было ее раньше. Я сказал, что мануфактуры нет, потому что наша страна переживает разруху, нанесенную ей империалистической и гражданской войнами. К тому же, и царская Россия была не очень-то развитой. В ответ на это она сказала: «Не развитая, да зато мануфактуры было сколько хочешь, а очереди даже не знали!». Я сослался на возросшую потребность, на широкого потребителя. Но сам подумал: «А и впрямь в царской России индустрии совсем не было, сейчас мы ее построили. Текстильная ж промышленность была, а все-таки она не удовлетворяет нашего потребителя. Виной этому я считал малое внимание ЦК ВКП(б) и СНК. Почему бы, например, не поставить текстильную промышленность наряду с чёрной металлургией и не заботиться о ее росте. Но это я уже здорово отвлёкся.

Да, в конце разговора я сказал матери, что не дождёмся мы в конце 2-й пятилетки, как будет у нас мануфактура, сколько хочешь. Но вот прошла 2-ая пятилетка, началась третья, а мои предсказания не оправдались – мануфактуры не было и нет. Привезут ее иногда – народ давится. Почему ж нет рыбы, дык (так) я сам не придумая. Моря у нас есть и остались те же, какие были прежде, но тогда ее было сколько хочешь и какой хочешь, а сейчас я даже представление потерял, какая она на вид. Наконец, где же девался хлеб? Кажется и собрали мы 6 млрд. пудов зерна. Посчитаешь по 35 с лишним на каждого человека. Войны затяжной не было, а хлеба уже 2 месяца нет. Или это безобразие творится только по Гомельской области, или по всей стране. А мы еще хотим построить коммунистическое общество, главным принципом которого будет «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Дальше, в газетах пишут, что во Франции, Англии, Германии буржуазия вводит карточную систему, которой недоволен пролетариат. А у нас в стране, где победил пролетариат, в стране, на полях которой проливали кровь наши отцы и матери, сейчас вводится настоящая карточная система – железнодорожники и станционные рабочие (грузчики и другие) выписывают (хлеб) из Гомеля, получают его по карточкам, посылая ко всем членам посторонних, педагогов и получают хлеб из своего буфета и пр. (Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 декабря 1939 г. «О торговле и общественном питании в системе «Союзтранторгпит» была введена закрытая торговля для рабочих и служащих железнодорожного транспорта – Д.Т.). И кто им только давал право позорить страну! Мы еще хотим победить в грядущих боях, когда столкнутся две системы – социалистическая и коммунистическая. Нет, при таких порядках и при таких достатках никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!

Прошу Вас, дорогой Анастас Иванович, ответьте мне на все вопросы: почему нет мануфактуры, крупы, рыбы, обуви, сахара, конфет, спичек, почему не стало хлеба? С нетерпением жду ответа. Морозов. Мой адрес – БССР, Гомельская область, ст. Буда-Кошелевская, Сталинская школа №1, уч. 9-го класса «А» Морозову Борису Ивановичу [9, л. 5–6, 21–22].

Начальник отдела торговли продтоварами СССР Мосин отослал копию этого письма назад в Гомель с сопроводительной запиской следующего содержания: «В письме Морозова явно сквозит не советское отношение по отдельным моментам («японцам сдаем моря, чтобы...»), его фраза о карточной системе, о построении коммунизма «при таких порядках» и т.д.). По этому письму можно предполагать, что ученик Морозов находится под влиянием враждебных настроений к Советской власти среде. Прошу Вас поручить специальному работнику личной беседой с учеником

Морозовым разрешить интересующие его вопросы и выяснить обстановку, вызвавшую враждебно настроенное письмо на имя т.Микояна. О результатах сообщите в Наркромторг СССР». Последствия не трудно предвидеть. Этим письмом школьник «подставил под удар» своих родственников и видимо учителей [9, с. 22].

В Российском государственном архиве экономики подобных писем, датированных ноябрём 1939–мартом 1940 г., десятки, со всех регионов СССР. В них указывается на бедственное положение населения в связи с невозможностью купить самые необходимые продукты питания, одежду и т.д.

В начале января 1940 г. и вплоть до 1941 г. ситуация коренным образом изменилась. Органы НКВД фиксируют теперь уже рост антисоветских настроений среди отдельных категорий населения региона, прежде всего, жителей сельской местности. Можно привести некоторые примеры. Так, в докладной секретарю Полесского обкома Маркину, датированной 9 января 1940 г., «Об итогах выборов в местные Советы депутатов трудящихся по районам Полесской области» органы НКВД сообщали, что по области отказались от голосования 246 человек «которые являются антисоветски настроенными против партии и Советской власти». Рабочая завода «Звезда» Петриковского района, в частности, заявила агитатору: «За что же голосовать, если в Советском Союзе люди голодные и голые, ничего нигде нет» [10, л. 5]. Колхозница колхоза дер. Дубровица сказала: «Эту бездну никогда не заполнишь, несмотря на то, что люди возят зерно десятками и сотнями тонн. Все равно в нашей стране остаются без куска хлеба. Советская власть хотя и пишет в газетах, что в Германии продают хлеб по карточкам, но там люди гораздо лучше живут, чем при советской власти и не сидят голодными как в России» [11, л. 190].

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Вступление СССР во Вторую мировую войну осенью 1939 г. вызвало в стране значительные социально-экономические трудности, которые по праву можно квалифицировать как кризис. Это явление было порождено целым рядом причин. Среди них: частичный перевод экономики страны на военное производство, увеличение численности Красной Армии и др.

Список цитированных источников и литературы

1. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939гг. / М.И. Мельтюхов. – М.: Вече, 2001. – 464 с.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее: ГАОО Гом.обл.). – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 79.
3. Национальный архив Республики Беларусь (далее: НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1713.
4. ГАОО Гом.обл. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 64.
5. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1486.
6. ГАОО Гом. обл. – Фонд 451. – Оп. 3а. – Д. 72.
7. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 21. – Д. 1937.
8. Выцлан, М. Разрешите нам покончить свою жизнь / М. Выцлан // Наука и жизнь. – 1996. – №6. – С. 2–7.
9. Кризис снабжения 1939–1941 гг. в письмах советских людей (вступительная статья Е.А.Осокиной) // Вопросы истории. – 1996. – №1. – С. 3 – 23.
10. ГАОО Гом. обл. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 126.
11. ГАОО Гом. обл. – Фонд 702. – Оп. 1. – Д. 128.

БРАЗИЛИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Харичкова Л.В.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

Вторая мировая война затронула все континенты, коснулась многих десятков народов, оставив страшный след в жизни нескольких поколений.

Многие страны – члены антигитлеровской коалиции, находясь далеко от театра военных действий и не принимая активного участия в самих боях, тем не менее, оказывали влияние на ход борьбы, внося свой, хотя и не столь значительный, вклад в общую победу над фашистской Германией и ее союзниками. Крупным регионом, вставшим на сторону антигитлеровской коалиции, была и Латинская Америка. Правда, единственной латиноамериканской страной, реально сражавшейся как самостоятельная военная сила в Европе, была Бразилия.³

Однако сегодня мало кто из наших соотечественников знает о роли этой латиноамериканской страны на европейском театре военных действий. Неудивительно поэтому, что Бразилию порой называют «забытым союзником».

С начала Второй мировой войны Бразилия придерживалась нейтралитета: уже 2 сентября 1939 г. президент Бразилии Ж. Варгас опубликовал Декларацию о нейтралитете. В январе 1940 г. под его председательством в Рио-де-Жанейро начал работу Межамериканский комитет по нейтралитету. Вместе с тем на протяжении 1939–1941 гг. правительство Варгаса проводило политику выжидания и лавирования между воюющими сторонами с целью получения максимальных выгод для экономического развития страны. Многие бразильские промышленники и торговцы имели тесные связи с фирмами в Германия и не хотели отказываться от выгодных контрактов. Крупнейшими покупателями бразильского хлопка в 1939 г. являлись Германия и Япония. Кроме того, военный министр Бразилии Э.Г. Дутра и начальник генштаба Монтейро были настроены прогермански. Немало поклонников Гитлера было и среди крупных помещиков-латифундистов [3, с. 82–83].

Однако с 1941 г. начинается сближение позиций США и Бразилии, что было подкреплено визитом Д. Фарлея – личного советника президента Ф.Рузвельта, состоявшимся в октябре 1941 г. На Бразилию – первую из всех латиноамериканских стран – правительство США распространило действие Закона о ленд-лизе. В ноябре 1941 г. под предлогом предотвращения «покушений» Германии на колонии европейских держав бразильские войска совместно с североамериканскими были направлены в оккупированные Нидерландскую и Французскую Гвиану. Правда, их участие в этой операции было чисто символическим [1, с. 37; 3; с. 83].

Уже 8 декабря того же года (после нападения Японии 7 декабря 1941 г. на американскую военную базу в Перл-Харбор) Бразилия заявила о своей солидарности с США, вступившими в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Однако дипломатические отношения со странами «оси» все еще сохранялись.

На третьем Совещании министров иностранных дел американских государств в Рио-де-Жанейро (15–28 января 1942 г.) Варгас заявил, что разорвет дипломатические отношения с Германией, Италией и Японией в том случае, если США будут поставлять вооружения и военное оборудование бразильской армии с целью ее модернизации, а также обязуются в случае необходимости предоставить помощь в обороне Бразилии [2, с. 24].

³ Мексика воевала в составе армии США на Тихом океане и в этом смысле не может быть «уравнена» с Бразилией

США, заинтересованные в создании условий безопасного транзита по Атлантике, положительно отреагировали на заявление Варгаса, и уже 28 января 1942 г. Бразилия объявила о разрыве дипломатических отношений с государствами «оси». Тогда же, в начале 1942 г., Бразилия дала свое согласие на предоставление Соединенным Штатам острова Фернандо-де-Норонья в Атлантике (320 км от северо-восточного побережья Бразилии) и территорий на самом северо-восточном побережье (города Натал и Белем, позже – Масейо, Форталеза и множество других) для размещения военных и военно-морских баз [1, с. 35; 2, с. 25].

Буквально сразу после разрыва Бразилией дипломатических отношений со странами фашистской коалиции германские и итальянские подводные лодки приступили к торпедированию торговых судов Бразилии в районе атлантического побережья. Эти действия стран «оси» были направлены как на изоляцию Бразилии, так и на сохранение ею нейтралитета в войне. Агентами Германии, а также симпатизировавшими германскому нацизму и итальянскому фашизму представителями военных и политических кругов Бразилии активно распространялись слухи о том, что уничтожение бразильских судов является якобы делом рук англо-американцев, заинтересованных во вступлении Бразилии в войну на стороне союзников и стремившихся подтолкнуть Варгаса к скорейшему принятию такого решения. Всего же за период с 7 марта по 22 августа 1942 г. (день объявления Бразилией войны странам «оси») подлодками «Третьего рейха» были потоплены 17 торговых судов, шедших под бразильским флагом [1, с. 34; 2, с. 35].

Наибольшая активность пришлась на август 1942 г., когда в течение пяти дней у бразильского побережья германской субмариной «У-507» были ликвидированы 6 бразильских торговых судов, в результате чего погибли 607 пассажиров и членов команды. Это вызвало огромное возмущение в обществе, повлекшее за собой нападение на проживавших в Бразилии немцев и на их собственность.

Наконец, 22 августа 1942 г. Бразилия объявила войну Германии и Италии.⁴ 31 августа в стране было введено военное положение, а 16 сентября был опубликован декрет о всеобщей воинской повинности. Одной из первых мер правительства Варгаса стала конфискация имущества итальянских и немецких компаний, рассматривавшаяся прежде всего как репарация в счет ущерба, нанесенного германскими подлодками торговому флоту Бразилии [2, с. 26].

С осени 1942 г. в условиях, когда Германия путем подводной войны решила сорвать поставки продовольствия, вооружений, медикаментов и оборудования в воюющие страны (прежде всего в Англию и Советский Союз), корабли ВМФ Бразилии совместно с военно-морскими силами США патрулировал морские пути в Южной Атлантике и конвоировал торговые корабли, шедшие из Европы и США в Южную Америку и Африку и обратно.

Сначала оперативное руководство действиями на море возлагалось на Южноатлантическую оперативную группу США, в подчинении которой находились три оперативно-тактические группы ВМФ Бразилии. В марте 1943 г. Южноатлантическая оперативная группа США была преобразована в Четвертый флот под командованием вице-адмирала Дж. Ингрэма, в оперативное подчинение которого перешла объединенная Северо-восточная тактическая группа (FT-46) ВМФ Бразилии. Объединенный флот (до 200 кораблей) базировался в Ресифе, который постепенно стал превращаться в крупную военно-морскую и военно-воздушную базу (ее кодовое название «Кэмп Ингрэм»). Здесь были развернуты штабы и станции радиоперехвата, оборудованы учебные центры, построены доки, казармы и мастерские по ремонту техники. Через Ресифе в Бразилию поступала современная военная техника – танки и самолеты [1, с. 36–37].

⁴ Война Японии была объявлена лишь 6 июня 1945 г.

Постепенно в проводке южноатлантических конвоев стала намечаться тенденция к замене американских эскортных кораблей бразильскими. Уже к концу 1943 г. бразильцы взяли на себя всю ответственность за юг Атлантики, включая и западное побережье Африки. Они доводили эскортируемые суда до островов Карибского бассейна, где их «подхватывали» американские и канадские корветы, а эсминцы и вели дальше. В конвоях TR (о-в Тринидад – Рио-де-Жанейро) и RT (в обратном направлении) порой насчитывалось до 20 торговых судов, шедших под английским, американским, советским, бразильским, голландским, шведским и другими флагами [1, с. 38].

Не обходилось, конечно, без жертв. Однако эффективность сопровождения была очень высока: за все время войны, по данным американской военно-морской статистики, не был потоплен ни один торговый корабль, находившийся в зоне ответственности бразильских эскортров. По этим же данным на долю бразильцев пришлось подорвать 14 потопленных нацистских подлодок [1, с. 39].

Вместе с тем прошло почти 2 года с момента объявления Бразилией войны до ее конкретного участия в военных действиях в Европе. Объяснялось это тем, что в то время правительство Бразилии в большей степени было заинтересовано в получении американской помощи для мобилизации бразильской экономики, а также в подписании различного рода экономических соглашений с США. В Бразилии говорили: «Скорее змея закурит, чем Бразилия вступит в войну» [2, с. 26].

Вместе с тем в самой Бразилии общественное мнение активно выступало за направление в Европу экспедиционных сил.

Принятие исторического решения о посылке Бразильского экспедиционного корпуса (БЭК) в Европу для подкрепления здесь действий союзников стало результатом встречи Ф. Рузвельта и Ж. Варгаса в Натале в январе 1943 г. [1, с. 37].

Указом от 9 августа 1943 г. командующим БЭК был назначен генерал Жоао Батиста Маскареньяс де Мораес. Год потребовался бразильским военным для обучения войск, получения военного снаряжения из США и других приготовлений для участия в военной кампании. Девизом БЭК стали слова «И кобра закурила» («E a cobra fuma»), а эмблемой – змея, курящая трубку. Таков был остроумный ответ на популярную поговорку [2, с. 26].

Бразильский экспедиционный корпус участвовал в боях на итальянском фронте с сентября 1944 по апрель 1945 г. Его численность в целом составляла 25334 человека. Помимо пехотной дивизии, состоявшей из трех пехотных полков, четырех артиллерийских дивизионов, инженерного полка, кавалерийского разведывательного батальона и медицинского батальона, в БЭК входила и авиационная группировка [2, с. 26; 4, с. 42].

Первый эшелон Экспедиционного корпуса был доставлен на американских транспортных кораблях «general W. A. Mann» и «General Meiggs» в Северную Италию 2 июля 1944 г. Последний, третий по счету – прибыл в Италию 8 февраля 1945 г. БЭК был включен в качестве самостоятельной силы в состав Четвертого корпуса Армии США под командованием генерала Уиллиса Криттгенбергера (а сам Четвертый корпус был частью 5-й армии США под командованием генерала Марка Кларка) и представлял собой лишь одну из 20 дивизий союзников на итальянском фронте [2, с. 27–28].

В течение 239 дней БЭК сражался против 9 немецких и 3 итальянских дивизий, потеряв в ходе боевых действий 454 солдата и 13 офицеров; 2722 человека были ранены, из них около 2000 умерли от ран, 12000 получили увечья; 10 человек были захоронены как неопознанные, 13 пропали без вести, 35 бразильцев попали в плен. Из 25334 участников БЭК более 22000 непосредственно прошли через военные действия. Бразильские военнослужащие взяли в плен 20 573 немцев, из них 2-х генералов, а также захватили 800 артиллерийских орудий, полторы тысячи боевых машин и 4 тыс. лошадей. Главные места сражений – Монтезе, Монте-Кастелло, Монте-Прано, Кастелнуово, Цокка, Форново-ди-Таро, Коллекио, Камайоре, Сопрасассо. Главная территория сражений – четырехугольник, образованный городами Пьяченца, Ливорно, Флоренция и Болонья [2, с. 29].

Участвовавший в итальянской кампании 1-й Авиационный отряд истребителей бразильских ВВС в составе около 400 летчиков под командованием генерала авиации Неро Моуры был включен в группировку «Военно-воздушные силы Средиземноморского региона» под общим командованием американского генерала И. Икера. За весь период военных действий в Италии отряд совершил 2546 боевых вылетов на вражеские позиции. Отряд истребителей понес потери (8 летчиков и 16 самолетов), но иронично, нанесенный врагу, был немалым; с ноября 1944 г. по апрель 1945 г. было уничтожено с воздуха 85% складов боеприпасов и снаряжения, 36% складов горючего, 15% грузовиков, танков и локомотивов. Успехи бразильских летчиков были особо отмечены Конгрессом США [2, с. 29].

Окончательно миссия бразильских сил в Италии завершилась 20 июня 1945 г., когда последний бразильский солдат покинул Европу.

Останки 452 бразильских солдат были захоронены в итальянском городе Пистойя. После открытия в Рио-де-Жанейро в 1960 г. величественного монумента-пантеона в Парке Фламенго их прах был перенесен туда. Вместе с тем и по сей день в г. Пистойя остается прах неопознанных бразильских солдат, захороненный в могиле «Неизвестного солдата» [2, с. 30; 54, с. 15].

Бразилия явилась одним из государств – основателей ООН, ее представители наряду с первыми 50 членами ООН участвовали в работе Учредительной конференции ООН в Сан-Франциско и подписали хартию Сан-Франциско. Глава делегации Бразилии в ООН Освалдо Аранья в апреле 1947 г. был избран председателем первой Специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН. С тех пор ежегодные сессии ГА ООН традиционно открываются выступлением представителя Бразилии, что является несомненным признанием вклада этой страны в победу над фашизмом [2, с. 31].

Список цитированных источников и литературы

1. Мартынов, Б.В. Судьба крейсера «Баия». Некоторые мысли о союзничестве в годы Второй мировой / Б.В. Мартынов // Латинская Америка. – 2010. – № 5. – С. 34–45.
2. Окунева, Л.С. «И кобра закурила», или «Забывтый союзник». Военные действия Бразильского экспедиционного корпуса в Италии / Л.С. Окунева // Латинская Америка. – 2010. – № 5. – С. 23–31.
3. Стародубцев, В.Ф. Змея, раскуривающая трубку... / В.Ф. Стародубцев // Латинская Америка. – 2000. – № 5. – С. 82–87.
4. Строганов, А.И. Латинская Америка. Страницы истории XX века / А.И. Строганов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 168 с.
5. Фесуненко, И. Бразилия и бразильцы / И. Фесуненко. М.: Мысль, 1976. – 176 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЛЬШЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Швайко В.Г.

УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», г. Брест

В работе русских организаций в Польше во второй половине 1930-х гг. большую часть занимали культурная и просветительская сферы. Данная направленность была обусловлена рядом факторов, среди которых можно выделить, во-первых, антирусскую политику польских властей, которая заставляла организации русского национального меньшинства практически отказаться от политической деятельности и направить главные усилия в культурно-просветительскую область; во-вторых, польское законодательство, в рамках которого русские эмигранты могли заниматься только общественной и культурной работой.

В программных документах практически всех русских организаций были заложены положения, которые предусматривали шаги по сохранению национальной культуры и поддержанию просветительских учреждений. И Русское благотворительное общество, и Русское национальное объединение, и созданный в начале 1930-х гг. Союз русских меньшинственных организаций, а также целый ряд молодежных и эмигрантских организаций в 1930-е гг. свою деятельность главным образом направляли на поддержание просветительских и учебных заведений, проведение массовых культурных мероприятий, развитие прессы и литературы.

В уставных документах русских организаций декларировалось, что приоритетными направлениями в их деятельности является «...защита прав русского меньшинства в Польше, отстаивание русской культуры и просвещения перед правительством» [9, л. 50–51]. Надо отметить и тот факт, что, затрагивая вопрос о самоопределении русского населения Польши, в частности, Русское национальное объединение считало одним из самых главных признаков принадлежности к «русской нации» преданность русской культуре (воспитание на её традициях детей, употребление русского языка, исповедание Православия) [11, л. 2].

Одним из приоритетных направлений в деле сохранения национальных культурных традиций русская общественность видела в поддержании русских учебных заведений в Польше, при этом главные усилия направлялись на решение вопросов об их государственном финансировании и уравнивании в правах с польскими государственными школами. В середине 1930-х гг. был сформулирован ряд требований к польским властям в школьной политике, среди которых главными являлись предоставление возможности подготовки педагогических кадров для русских школ за счёт государства; введение преподавания русского языка в польских школах по требованию родителей [13, с. 476].

К сожалению, несмотря на все старания, русские школы в 1930-е гг. в Польше находились в очень сложном материальном положении. Во второй половине 1930-х гг. депутат Сейма от русского национального меньшинства Б. Пимонов из-за данного обстоятельства вынужден был сконцентрировать своё внимание в парламентской деятельности на школьном вопросе [14, с. 246–247]. Наиболее значимым в этом смысле является его выступление на одном из заседаний Сейма в 1937 г., во время которого он потребовал, чтобы правительство заложило в бюджет расходы на финансирование русских школ. Это предложение было отвергнуто большинством депутатов.

Ещё одной попыткой решения проблемы была встреча представителей русских организаций в 1938 г. с премьер-министром Польши, во время которой польскому правительству был вручён Меморандум от русских организаций. Этот документ содержал следующие требования: оказывать государственную поддержку русскоязычным школам, разрешить преподавание Закона Божьего в школах на русском языке, открыть в Вильно государственную русскую начальную школу, присвоить государственные права всем русским гимназиям. Среди русской и польской общественности эти шаги были оценены очень высоко. Но вопрос о государственной поддержке русских гимназий так и не был решен. Наоборот, в рамках политики полонизации, которая в равной степени касалась школ всех национальных меньшинств, русские учебные заведения подвергались все большим нападкам со стороны властей: ограничивалась их общественная деятельность, запрещалось проведение культурных и публичных мероприятий, которые являлись одним из главных источников их финансирования. Но, несмотря на все трудности, и в первую очередь благодаря активной деятельности русских организаций, все же удалось сохранить все частные русские школы и гимназии, действовавшие в Польше.

Активной культурной и просветительской деятельностью в Польше занимались и русские молодежные организации. В начале 1930-х гг. в русской общественной жизни начался так называемый «конфликт поколений», итогом которого стало создание в 1933 г. «Русской организации молодежи в Польше» (РОМ) [15, с. 92]. Этот конфликт был вызван тем, что в общественную жизнь вступило «новое поколение» русских жителей, поколение, которое выросло в новом государстве, здесь же получило образование, которое требовало более активной и продуктивной работы [12, с. 6]. Молодых русских общественных лидеров не устраивали те методы деятельности, которые были приняты у «старого поколения», они требовали динамичности и активности. Но при достаточно остром течении «конфликта поколений» в общественной и политической сферах, в культурной области всё же наблюдалась определённая преемственность, поскольку молодежь понимала важность сохранения традиций русской культуры для консолидации русского населения Польши.

Деятельность РОМ пользовалась особенно большой популярностью в провинциальных городах Западной Беларуси, где в начале 1930-х гг. русская общественная жизнь стала замирать: в восточных городах Польши в данное время именно РОМ стал центром русской общественной и культурной жизни.

Первое отделение РОМ было создано в Варшаве, затем были открыты его отделы в Барановичах, Вильно, Слониме, Пинске, Гродно, Бресте, Кременце, Кракове и Ковеле [15, с. 92]. При создании отделов в провинции польские власти ставили условием отказ от политической деятельности, что, в свою очередь, способствовало сосредоточению этой организации на культурно-просветительской работе [6, л. 30]. Основное внимание РОМ уделял следующим направлениям работы: культурно-пропагандистской деятельности (собрания, чтения докладов, организация курсов, концертов, балов, театральных представлений, создание кружков, хоров, оркестров) [3, л. 1]; оказанию поддержки учащейся молодежи (материальная и моральная помощь русским студентам, борьба за улучшение условий их учёбы) [2, л. 37]; благотворительной работе (назначение стипендий, выдача безвозмездных и возвратных пособий, покупка и раздача канцелярских принадлежностей для русских студентов) [6, л. 3.]. Кроме того, РОМ принимал активное участие в Днях русской культуры в Польше, организовывал и проводил ежегодные Недели русского студента, поддерживал деятельность Фонда русской школы [3, л. 35 об; 96, л. 34].

Наиболее активны отделы этой организации в восточных воеводствах Польши работали в гг. Пинск, Брест и Гродно [6, л. 11]. Пинский отдел РОМ был создан лидерами местной творческой русской молодежи Д. Майковым и В. Коротышевским. Со свойственным молодежи максимализмом руководители пинского отдела старались всячески подчеркнуть национальную принадлежность своей организации: над штаб-квартирой некоторое время развевался российский флаг-триколор, её фойе украшали портреты А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, М.Ю. Лермонтова. Особенно ярко подобные акции демонстрировались во время Дней русской культуры. 20 января 1935 г. пинскому старосте пришлось указание от Полесского воеводы о необходимости пресечения подобных действий, прекращения доступа РОМ в полесскую деревню, а также по возможности ограничения участия местного православного населения в мероприятиях этой организации [6, л. 53]. С этого момента отдел РОМ в Пинске вынужден был отказаться от публичных мероприятий и сосредоточить своё внимание на благотворительности. Отдел в Пинске просуществовал до 10 мая 1938 г.

Брестский отдел РОМ был создан в 1935 г. по инициативе воспитанников Брестской русской гимназии и членов культурно-просветительского отдела Русское благотворительное общество (РБО) [3, л. 5; 85, л. 9]. К наиболее значимым мероприятиям этой

организации можно отнести торжественный вечер 21 ноября 1935 г., посвященный 25-летию со дня смерти Л.Н. Толстого, торжества, посвященные 10-летию Союза Русских студентов (февраль, 1936 г.), участие в Неделе русского студента в Польше (январь 1936 г.), паломничество членов организации в Почаевский монастырь [4, л. 2, 35, 82]. Ежедневно по воскресеньям РОМ в Бресте устраивал доклады, выставки, вечера творчества местных поэтов. При нём был создан струнный оркестр [9, л. 80].

Как уже говорилось, разделение русского населения на две группы было юридической категорией и реально наблюдалось только в политической деятельности. Культурная жизнь являлась той сферой, где происходило наиболее тесное сотрудничество русских эмигрантов и русского национального меньшинства. Большое значение в этом смысле имели публичные культурные мероприятия. Русская общественность в Польше много усилий направляла на сохранение традиционных ценностей русской классической культуры. Весьма характерным в этом смысле был своеобразный «культ» личности А.С. Пушкина и его произведений. Ежегодно в дни его рождения и смерти во многих местах Польши устраивались торжества. Одними из самых главных праздников в этом смысле были Дни русской культуры, приуроченные ко дню рождения великого поэта. По существу, День русской культуры был единственным праздником, в проведении которого принимали участие практически все эмигранты и представители русского национального меньшинства, независимо от их политической ориентаций или места в социальной иерархии.

Наиболее торжественно Дни русской культуры прошли в 1937 г., когда они были приурочены к 100-летию со дня смерти А.С. Пушкина. В 1936 г. по инициативе созданного в Париже Пушкинского комитета началась активная подготовка к торжествам. Пушкинские комитеты были созданы во многих странах мира [7, л. 1–5]. Варшавский Пушкинский комитет начал свою работу в мае 1936 г. [7, л. 5]. Одним из главных организаторов этого мероприятия в Польше стало Русское благотворительное общество [1, л. 212]. За достаточно короткий срок в тех городах, где имелись его отделения, были созданы 16 провинциальных Пушкинских комитетов, которые начали проводить активную работу [8, л. 27].

Общая схема проведения торжеств была разработана в Варшаве и включала в себя следующие мероприятия: проведение в Православных храмах Польши заупокойной Литургии и панихиды; проведение торжественных собраний русской общественности; организация детского праздника; проведение вечернего концерта, спектаклей и вокальных выступлений по произведениям А.С. Пушкина. Торжества прошли 11–12 февраля 1937 г. и стали одним из самых грандиозных событий в культурной жизни русской диаспоры в Польше [1, л. 12; 9, л. 56]. В следующем 1938 г. Дни русской культуры были посвящены 950-летию крещения Руси [16, с. 112; 6, л. 24].

Кроме Пушкинских торжеств, русские организации устраивали в Польше всевозможные юбилейные праздники. На эти торжества собиралась вся русская общественность. Как указывает польский исследователь В. Станиславский, даже обычно скептически относившийся к «патриотической мишуре» Д. Философов «...делясь с читателями своими впечатлениями, растроганно вспоминал, как на одной из таких встреч внесли национальный трёхцветный флаг России, и студенты отнеслись к нему как к святыне, а не как к украшению ежедневных эмигрантских свиданий» [17, с. 58]. В эмигрантской среде Варшавы проводились и другие подобные празднества. Например, в 1938 г. в городе прошло торжественное заседание, посвящённое двадцатилетию «белого движения». Подобные мероприятия давали возможность русской общественности Польши в определённой мере демонстрировать своё отношение к советской власти: это было явное неприятие и непримиримость [10, л. 4].

Сосредоточение русских организаций во второй половине 1930-х гг. на культурно-просветительской сфере во многом позволило сохранить единство русских жителей Польши: оно препятствовало размыванию и денационализации малочисленного русского населения, способствовало его консолидации, позволяло поддерживать преемственность поколений и сохранять национальные традиции.

Список цитированных источников и литературы

1. Воскресное чтение. – Варшава. – 1925. – № 8. – 22 февраля.
2. Воскресное чтение. – Варшава. – 1927. – № 13. – 28 августа.
3. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд. 114. – Оп. 1. – Д. 14.
4. ГАБО. – Фонд. 114. – Оп. 1. – Д. 18.
5. ГАБО. – Фонд. 114. – Оп. 1. – Д. 34.
6. ГАБО. – Фонд. 114. – Оп. 1. – Д. 39.
7. ГАБО. – Фонд. 59. – Оп. 2. – Д. 1314.
8. ГАБО. – Фонд. 59. – Оп. 5. – Д. 6679.
9. ГАБО. – Фонд. 67. – Оп. 1. – Д. 12.
10. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Фонд Р-7003. – Оп. 1. – Д. 3.
11. ГАРФ. – Фонд. Р-8262. – Оп. 1. – Д. 10.
12. Молва. – Варшава. – 1932. – № 25. – 5 мая.
13. Sprawy narodowościowe. – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1931. – № 1.
14. Sprawy narodowościowe. – 1932. – № 1.
15. Sprawy narodowościowe. – 1936. – № 6.
16. Sprawy narodowościowe. – 1938. – № 3.
17. Stanisławski, W. Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej: próba charakterystyki społeczności // Sprawy narodowościowe. Sena nowa. – V (1996). – z. 2 (9). – S. 23–60.

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ <i>Азаров В.С.</i>	3
BRZESKA TWIERDZA NA POCZĄTKU DRUGIEJ WOJNY ŚWIATOWEJ <i>Aktinczic I.</i>	7
ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ ИЗ СОВЕТСКОГО ТЫЛА В 1941–1943 гг. <i>Батура В.Г.</i>	14
ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ <i>Баюра А.И.</i>	18
ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИВАНОВСКОМ РАЙОНЕ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ <i>Билевич О.И.</i>	24
ПРОБЛЕМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ АНТИСОВЕТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ <i>Бодак А.Ю.</i>	28
РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКИХ РЕПАРАЦИЙ СОЮЗНИКАМИ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (1945–1953 гг.) <i>Василенко Л.В.</i>	31
ПОЗИЦИЯ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСУ МИРНОГО ДОГОВОРА С ГЕРМАНИЕЙ В 1959–1960 гг. <i>Гавриловец Л.В.</i>	36
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССА ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЛУЖБЫ ЭНЕРГОАДЗОРА И СБЫТА ЭНЕРГИИ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД <i>Галимова Н.П.</i>	42
АБАРОНА БРЭСЦКАЙ КРЭПАСЦІ ў ВЕРАСНІ 1939 г. <i>Гарматны В.П.</i>	44
БЕЛАРУСКІЯ ТАТАРЫ ў ПАРТЫЗАНСКИХ ФАРМИРАВАННЯХ МІНСКАЙ ВОБЛАСЦІ ПАДЧАС ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ <i>Грыбава С.У.</i>	50
РАЗВИТИЕ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «МИРОВАЯ ВОЙНА» В ПОСЛЕВОЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ <i>Данилов Ю.Д.</i>	55
ПАЛІТЫЧНАЕ РЭХА КАТЫНСКАЙ ТРАГЕДЫ <i>Ермаковіч Л.І., Рамановіч П.С.</i>	61

«ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ» ЕЛЕНЫ МАЗАНИК <i>Занько Е.Ю.</i>	65
АДНАЎЛЕННЕ НАРОДНАЙ ГАСПАДАРКІ БЕЛАРУСІ Ў 1943–1945 гг.: ПРАБЛЕМЫ ГІСТАРЫЯГРАФІІ <i>Здановіч У.В.</i>	71
ФРАНЦУЗСКАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ «НОРМАНДИЯ-НЕМАН» – УЧАСТНИК БОЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ХОДЕ ОПЕРАЦИИ «БАГРАТИОН» <i>Иванова Т.П., Калашникова Л.Н.</i>	76
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО БРЕСТЧИНЫ ВО ВРЕМЯ ОККУПАЦИИ <i>Ипатова О.В.</i>	82
ЕВРЕИ В РЯДАХ АНТИФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛУРУСИИ В 1941–1944 гг. <i>Иоффе Э.Г.</i>	86
ПОЛЬСКИЕ ВОЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ФРОНТАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ <i>Кабот Т.Ф.</i>	92
РЭАЛІЗАЦЫЯ КАТЭГОРЫЙ ЧАСУ І ПРАСТОРЫ Ў АНТЫВАЕННАЙ АПОВЕСЦІ ВАСІЛЯ БЫКАВА «ЖУРАЎЛНЫ КРЫК» <i>Кавальчук В.М.</i>	96
ТАВАРНА-ГРАШОВЫЯ ЗНАКІ І ДАКУМЕНТЫ «ЦЭНТРАЛЬНАГА ГАНДЛЕВАГА ТАВАРЫСТВА ДЛЯ ЎСХОДУ» НА АКУПАВАНАЙ БЕЛАРУСІ Ў 1941–1944 гг. <i>Калясінскі В.Ф.</i>	104
ТУРЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ <i>Кобрин М.В.</i>	105
УПЛЫЎ КРЭДЫТНАГА ФАКТАРУ НА ПАЛІТКУ СССР ПА ГЕРМАНСКАМУ ПЫТАННЮ НА ПРАЦЯГУ 1990 г. <i>Кавяка І.І.</i>	109
ОСНОВНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ ПРЕДВОЕННОГО ВРЕМЕНИ <i>Ковалёва Н.Н.</i>	115
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» <i>Косов А.П.</i>	120
КАМЕНЕЦКИЙ РАЙОН БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.) <i>Кудрицкая Е.Г.</i>	126
НАПАДЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СССР И ПОЗИЦИЯ	

ПРАВИТЕЛЬСТВ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ <i>Литвиновский И.А., Литвиновская Ю.И.</i>	132
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БЕЛАРУСИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ <i>Лукашевич Ю.В.</i>	138
ЦЕНА ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ <i>Малыхина Л.Ю.</i>	144
ОТПОР ВРАГУ. МУЖЕСТВО И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ <i>Мандрик И.В.</i>	155
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ ФОНДА МУЗЕЯ «ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ВИТЕБСКОМ РЕГИОНЕ» О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ <i>Марчик Т.П.</i>	162
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛЬСКИХ ГАРНИЗОНАХ 9-ГО ОКРУГА КОРПУСА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1937–1939 гг.) <i>Миров Д.В.</i>	167
БУНДОВСКОЕ ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ <i>Мошук А.В.</i>	171
ДА ВЫТОКАЎ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ: СУПЯРЭЧНАСЦІ ВЕРСАЛЬСКОЙ СІСТЭМЫ Ў ЦЭНТРАЛЬНА-ЎСХОДНЯЙ ЕЎРОПЕ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1920-х ГАДОЎ <i>Мязга М.М.</i>	176
ПЕРЕЖИВШИЕ: ВОСПОМИНАНИЯ МАЛОЛЕТНЕЙ УЗНИЦЫ ФАШИЗМА <i>Никитенкова Л.П.</i>	182
БАРАНОВИЧИ В ПЕРВЫЕ ДНИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ (ИЮЛЬ 1944 г.) <i>Одинец Л.С.</i>	185
ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ <i>Пашкович Е.И.</i>	189
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕПАТРИАЦИИ НА БРЕСТЧИНЕ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ <i>Пилипович В.Ю.</i>	193
ЛЕНД-ЛИЗ: ОРГАНИЗАЦИЯ ТРАНСАФРИКАНСКОГО	

МАРШРУТА ПОСТАВКИ ВООРУЖЕНИЙ В 1941–1945 гг. <i>Посохина Г.И.</i>	197
ЭМПАТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОСВЕЩЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ <i>Потолков Ю.В.</i>	202
ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1941 г. <i>Птичкина С.А.</i>	206
ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ СССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ <i>Речиц Е.В.</i>	210
ЗАПАДНЫЕ ОБЛАСТИ БЕЛОРУССИИ В 1939–1941 гг.: ОККУПАЦИЯ – ВОССОЕДИНЕНИЕ – СОВЕТИЗАЦИЯ <i>Розенблат Е.С.</i>	214
НАУЧНЫЙ ДИСКУРС КОНЦЕПЦИИ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ / ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ <i>Савчук Т.П.</i>	226
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЛАСТЕЙ К РАСТПРОСТРАНЕНИЮ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ УНИИ В ФОРМЕ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСТВА ИЗ ГАЛИЦИИ В 1921–1931 гг. <i>Свирид А.Н.</i>	229
ПЛАНЫ И СИСТЕМА РЕАЛИЗАЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ <i>Соколова Е.А.</i>	233
ПРАЗДНИК СО СЛЕЗАМИ НА ГЛАЗАХ <i>Стариков В.И.</i>	241
ЕВРЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ <i>Стрелец М.В.</i>	246
ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ШАГОВ СССР В ЕВРОПЕ В СЕНТЯБРЕ 1939–ИЮНЕ 1941 гг. НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В СТРАНЕ (на примере восточных областей БССР) <i>Толочко Д.М.</i>	254
БРАЗИЛИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ <i>Харичкова Л.В.</i>	259
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЛЬШЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ <i>Швайко В.Г.</i>	262

Научное издание

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПОСЛЕВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО МИРА

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СТРАН
АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

27–28 сентября 2010 года

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск: **Мошук А. В.**
Редактор: **Строкач Т. В.**
Компьютерная вёрстка: **Боровикова Е. А.**
Корректор: **Никитчик Е. В.**

Лицензия № 02330/0549435 от 8.04.2009.
Подписано к печати 3.12.2010 г.
Бумага «Снегурочка». Формат 60х84^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 15,8.
Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 60 экз. Заказ № 1182.
Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Брестский государственный технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-176-0

9 789854 931760